

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

**«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)**

На правах рукописи

Гоц Дмитрий Игоревич

**Конструирование исторической памяти в Венецианской
республике (конец XV – начало XVI в.)**

Специальность

5.6.2 – Всеобщая история (Новое время)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор
Н.В. Ростиславлева

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Конструирование венецианского прошлого в трудах гуманистов XV в.	40
§ 1. Представления гуманистов о влиянии Божественных сил на историю	44
§ 2. Интерпретации античного наследия в исторических трудах гуманистов	62
§ 3. Общественная гармония в представлениях гуманистов	79
§ 4. Проблемы экспансии и внешней политики Венеции в XV в.	103
Глава 2. Человек и общество в восприятии венецианских историков эпохи Итальянских войн	131
§ 1. Судьбы авторов в контексте их творчества	134
§ 2. Венецианские историки первой трети XVI в. о природе человека	154
§ 3. Общественные идеалы Ренессанса в историческом знании Венеции первой трети XVI в.	174
§ 4. Осмысление венецианскими авторами уроков прошлого для преодоления последствий Итальянских войн	217
Заключение	236
Источники	241
Литература	244
Приложения	261

Введение

Проблемы исторической памяти и ее конструирования в настоящее время активно рассматриваются и анализируются в гуманитарных дисциплинах, в том числе и в исследовательском поле исторической науки. Вопросы передачи из поколения в поколение социально значимых образов, их реинтерпретация и переосмысление всегда являлись важными аспектами изучения идеологических построений Венецианской республики.

Венецианская элита, интеллектуальная и политическая, была вынуждена организовывать жизнь социума в непростых природно-климатических условиях. Обитатели лагуны должны были подчинять водную стихию и заботиться о поддержании запасов продовольствия. Кроме того, в течение многих веков Венеция испытывала политическое давление различных великих держав, таких как: государства Франков и Византии; Священной Римской империи и папского престола; Французской и Испанской корон, набравших силу уже в конце XV в. Данные условия формировали необходимость развивать особые идеи и образы, подчеркивавшие независимый и самостоятельный статус островного города. Трудности совместного выживания и противостояния внешним угрозам заставляли венецианских авторов создавать концепции, способствовавшие сплочению социума.

В этом идейном направлении развивалось конструирование общих представлений о прошлом Венеции, в рамках которых шло выстраивание общественной самоидентификации. Члены социума, создавая свою уникальную культуру и традиции, формировали основания и принципы локальной идентичности, на основе которых вырабатывались идейные траектории будущего. Взгляды представителей интеллектуальной элиты определяли, какие идеи должны были актуализироваться в коллективной памяти, а какие – оставаться в забвении. Изучение конструирования прошлого

в Венеции дает возможность понять, как память становилась политическим инструментом и использовалась правящими группами.

В венецианской традиции историописания сложился ряд образных представлений и доктрин, которые делали акцент на исключительном характере прошлого и настоящего республики, ее особой миссии и предназначении. Именно в конце XV в. и начале XVI в. имел место пик творческой активности венецианских историков, стремившихся раскрыть данные идеи во всей полноте.

Во второй половине XV в. внешне- и внутривенетские факторы в первую очередь влияли на активизацию конструирования исторической памяти венецианских интеллектуалов. Поражения, наносимые республике османами, и потеря торговых колоний в Леванте, противостояние с Миланом и Римом за власть над территориями в Северной Италии заставляли историков искать оправдания неудач на море и объяснения необходимости экспансии на материк. Также авторы стремились показать благотворное влияние реформ, передававших всю полноту власти в республике страте нобилитета. Для камуфлирования проблем и подчеркивания любых побед, пусть и незначительных, венецианские историки обращались к риторике и аргументам, выработанным в контексте практик гуманизма.

В начале XVI в. Венеция вступила в куда более опасный политический конфликт. Республика была вынуждена обороняться от объединенных военных сил Франции, Испании и Священной Римской Империи германской нации, борясь за сохранение своей независимости во время Итальянских войн. Острейшей фазой противостояния стал 1509 г., когда Венеция чуть не лишилась своего суверенитета после тяжелейшего поражения при Аньяделло. Страх полной потери политической независимости и утрата статуса великой державы заставляли историков по-новому подходить к вопросам конструирования прошлого. С одной стороны, авторы разочаровались в панегирической стилистике гуманизма, однако, с другой, обращение к победам и успехам минувшего оставалось единственной надеждой, апеллируя

к которой, авторы развивали идеи возрождения прежнего величия Венеции. Известные венецианские историки Маркантонио Сабеллико, Бернардо Джустиниани, Джанджакомо Карольдо, Марино Санудо, предлагая свои версии минувших событий и их интерпретации, стремились в трудах о прошлом либо сгладить острые социальные и политические противоречия, либо разрешить их. Историки конструировали прошлое Венеции, обращаясь как к легендарным событиям, так и фактам героических побед, прославлявших республику, в том числе: основанию города потомками жителей древней Трои 421 г., разгрому войска франков в 810 г., содействию мирных переговоров папы Александра III и Фридриха Барбароссы в 1177 г., Четвертому крестовому походу в 1204 г., обороне островов от генуэзских атак во время войны 1379–1381 гг. Эти и другие сюжеты создавали образ непобедимой Венеции и формировали у населения веру в величие республики.

Актуальность темы диссертации определяется изучением дискуссионной в современном гуманитарном знании проблемы формирования и сохранения идентичности социума. В диссертации анализируются малоизученные в отечественной исторической науке практики обращения с прошлым в Венецианской республике XV–XVI вв. и раскрываются особенности адаптации концепций венецианских авторов в общеитальянском культурном контексте. Изучение конструирования представлений о прошлом в столь драматичный для Венеции период позволяет наиболее глубоко проанализировать такой важный вопрос, как формирование механизмов локальной культуры памяти в конце XV – начале XVI вв. Исследование творчества Сабеллико и Джустиниани дает возможность понять уникальные черты венецианского гуманистического историописания. Подходы Карольдо и Санудо раскрывают особенности формирования исторической памяти в условиях острой политической борьбы и внешнеполитических конфликтов, а также демонстрируют развитие новых представлений о природе социальных отношений. Изучение творчества Карольдо и Санудо позволяет понять, как с помощью практик историописания венецианские интеллектуалы стремились

преодолеть «травму» Итальянских войн, то есть потерю великодержавного статуса в сообществе европейских государств. Анализ трудов представленных авторов позволяет раскрыть причины завершения оформления особого культа и идеологии республиканской формы правления, поддерживаемого лучшими гражданами, патрициями (венецианский миф).

Степень изученности темы. Тема исторической памяти и механизмов ее конструирования в Венеции XV–XVI вв. связана с рассмотрением различных направлений, которые исследовались в современной науке. С одной стороны, данная проблематика частично раскрывается в контексте изучения общественных и государственных идеалов, формировавшихся и распространявшихся в республике. С другой стороны, важным является понимание тех культурных традиций, в рамках которых развивались практики конструирования истории. Кроме того, анализ формирования представлений о прошлом не может быть полным без исследования социальных реалий, существовавших в республике в обозначенном периоде. В трудах ученых многие аспекты, имеющие отношение к конструированию исторической памяти в Венеции, уже были рассмотрены. Для более детального анализа тех выводов, к которым пришли современные исследователи, обращавшиеся к прошлому республики, необходимо выделить следующие группы исторических работ, имеющих проблемно-тематическую связь.

Первая группа работ освещает проблематику возникновения и развития венецианского мифа.

Э. Мюир так характеризует эту систему взглядов и представлений: «В венецианском мифе эпохи Возрождения, подлинном творении общественного гения, местный патриотизм, провинциальная гордость и идеал гражданской жизни (*vita civile*) слились воедино в своеобразном культе республиканского народовластия»¹. Миф являлся конструктом интеллектуалов, прославлявшим

---

¹ Мюир Э. Венецианский миф // Контарини Г. О магистратах и устройстве Венецианской республики. СПб. 2013. С. 161.

социально-политическое устройство аристократической республики, особенно ее исключительного статуса среди прочих государств. Можно предположить, что венецианские историки XV–XVI вв., обращаясь к минувшим событиям, стремились сформировать представления о прошлом, помогавшие показать идеализированный контекст настоящего. Преувеличенный и приукрашенный образ современной им Венеции, подкрепленный примерами из истории, укреплял в согражданах веру в собственную уникальность и неповторимость. Важнейшими для венецианского мифа являлись темы: богоизбранности, античного наследия, социально-политической гармонии внутреннего устройства, мудрой и справедливой внешней политики.

Отечественные историки осмысливали различные аспекты венецианского мифа. В своих исследованиях Л. Г. Климанов анализировал те актуальные в республиканском обществе идеи, с помощью которых венецианцы обосновывали моральные и юридические претензии на господство в Адриатике². Исследования Л. М. Брагиной позволили подтвердить гипотезу о влиянии творчества Л. Бруни на гуманистические интерпретации мифа, предложенные Бернардо Джустиниани и Маркантонио Сабеллико³.

Введение в научный оборот понятия венецианский миф было связано с именем Дж. Фазоли. Итальянская исследовательница сделала первые шаги в исследовании мифа. Историк в своей статье 1958 г. определила влияние внешних и внутренних факторов, которые становились основанием для формирования концепций независимости Венеции⁴. Фазоли обращала внимание на то, как венецианские интеллектуалы использовали идею преданного служения папскому престолу для обоснования своей милитаристской политики⁵.

² Климанов Л. Г. Обретение Венецией моря: право, политика, символы // Причерноморье в Средние века. 1997. Вып. 3. С. 145–163.

³ Брагина Л. М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Идеалы и практика культуры. М., 2002. С. 180.

⁴ Fasoli G. Nascita di un mito // Studi storici in onore di Gioacchino Volpe. Firenze, 1958. Vol. I. P. 447–479.

⁵ Fasoli G. I fondamenti della storiografia veneziana // La storiografia veneziana fino al secolo XVI / Ed. A. Pertusi. Firenze, 1970. P. 29–30.

Ф. Гаэта в 1960 гг. обратил внимание на идеи совершенного устройства Венеции, включающие лучшие черты республики и монархии. Он отмечал, что для доказательства данных постулатов венецианские авторы ссылались на тысячелетнюю историю государства и распространение гражданских свобод⁶.

Данные наблюдения выявили основное идейное содержание мифа, задавая направление дальнейших исследований. Э. Крузе-Паван, опираясь на выводы своих предшественников, выделяла широкий спектр аргументов, которые приводили мыслители для обоснования исторической миссии Венеции⁷. Крузе-Паван показывает, как религиозные, социальные и политические идеи и образы становились целостной идеологической доктриной.

Ко второй группе историографии относятся работы, в которых изучались религиозные представления венецианцев и отношения республики с церковью.

Актуальными для аргументации тезисов данной диссертации явились выводы отечественного историка М. А. Бойцова о том, что в интеллектуальной традиции Венеции были распространены идеи об особом сакральном статусе государства и его заслугах перед католиками, якобы подтверждаемые и легитимируемые авторитетом римских пап⁸.

Э. Мюир, изучая религиозные общегородские ритуалы, выявил их первостепенное значение для формирования в широких социальных слоях представлений об особой духовной миссии Венеции для всего христианского мира⁹. Данные наблюдения позволили понять приемы властной элиты по укреплению единства коммуны.

Работы Р. Антига и М. Перри раскрывали моральный смысл традиции накопления и приобретения святых мощей в контексте поддержания идеи об

---

⁶ Gaeta F. Alcune considerazioni sul mito di Venezia // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1961. Т. 23. № 1. P. 66.

⁷ Crouzet-Pavan E. Immagini di un mito // Storia di Venezia. 1996. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/immagini-di-un-mito_%28Storia-di-Venezia%29/ (дата обращения: 14. 09. 2023).

⁸ Бойцов М. А. Папский зонтик, Бог Гелиос и судьбы России // Казус. Вып. 6. М., 2005. С. 121.

⁹ Muir E. Civic ritual in Renaissance Venice. Princeton, 1981. P. 112–117.

исключительной сакральности Венеции¹⁰. Искренняя вера и религиозность венецианцев, подчеркивавшая их исключительность, переплеталась с умелым использованием данных представлений для решения практических политических проблем.

Можно отметить, что эти исследования помогли изучить функции религиозно-этических представлений и практики их регулирования в венецианском социуме.

В третьей группе представлена литература, связанная с исследованиями античного наследия, на основе которого конструировались образы, прославлявшие и возвеличивавшие политическое устройство Венеции.

В. Бранка и А. Пертузи ставили вопросы о влиянии греческой философии на идеи венецианских интеллектуалов. Ученые демонстрировали, как гуманисты использовали концепции античных мыслителей для создания положительного реноме республики¹¹. М. Кинг, развивая данное исследовательское направление, раскрывала роль наследия Платона и Аристотеля в формировании историко-политических концепций, распространенных в 1400 гг. в Венеции¹².

Ряд историков: Л. Браччези¹³, Ш. Дас¹⁴, Ж. Пусе¹⁵, Б. Даскас¹⁶, – анализировали восприятие троянской версии происхождения Венеции и ее интерпретации в зависимости от актуальных для автора общественных реалий.

¹⁰ Антига Р. Венеция. Гавань Святых. СПб., 2021. С. 16–17; Perry M. Sacred plunder. Venice and the aftermath of the Fourth Crusade. Pennsylvania, 2015. P. 160–161.

¹¹ Branca V. Ermolao Barbaro and late Quattrocento Venetian humanism // Renaissance Venice / ed. J. Hale. London, 1973. P. 223; Pertusi A. Gli inizi della storiografia umanistica nel Quattrocento // La storiografia veneziana fino al secolo XVI. Firenze, 1970. P. 300; Branca V. L'umanesimo // Storia di Venezia. 1996. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/1_umanesimo_%28Storia-di-Venezia%29/ (дата обращения: 14. 09. 2023).

¹² King M. L. Umanesimo e patriziato a Venezia nel quattrocento. Roma, 1989. Vol. 1. P. 227–241.

¹³ Braccesi L. La leggenda di Antenore: dalla Troade al Veneto. Padova, 1997. P. 15–32; Braccesi L. Il mito troiano realtà e leggenda // Lezioni Marciiane 2013-2014: Venezia prima di Venezia: archeologia e mito, alle origini di un'identità. 2015. № 1. P. 36–39; Braccesi L. Venezia e il mito troiano, realtà e leggenda // Hesperia. 2021. № 38. P. 45.

¹⁴ Das S. The Disappearance of the Trojan Legend in the Historiography of Venice // Fantasies of Troy: Classical Tales and the Social Imaginary in Medieval and Early Modern Europe / eds. A. Shepard, S. Powell. Toronto, 2004. P. 99.

¹⁵ Poucet J. Le mythe de l'origine troyenne au Moyen âge et à la Renaissance: un exemple d'idéologie politique. Folia Electronica Classica. 2003. № 5. URL: <http://bcs.fltr.ucl.ac.be/fe/05/anthenor2.html> (дата обращения: 30. 01. 2023).

¹⁶ Даскас Б. «Venetia hebbe principio per la destrution della grande Trogia». Миф о Венеции как Alterum Byzantium // Византий и Византия: провинциализм столицы и столичность провинции / под ред. А. Виноградова, С. Иванова. СПб., 2020. С. 234–242.

Данные наблюдения являются важными в контексте изучения формирования представлений об исключительном статусе республики, подтверждающем ее особую историческую роль.

П. Браун исследовала более широкий спектр идей о связи истории Венеции с древним прошлым. Она обращалась не только к илионским корням, но и славному римскому прошлому, правопреемственность с которым обосновывали венецианские интеллектуалы¹⁷. Кроме того, Браун заостряла внимание на том, что в трудах XV–XVI вв. использовались как античные, так и христианские идеи, служившие для поддержания существующего общественного порядка в городе¹⁸.

Также Д. Пинкус и С. Боуд сравнивали идеи гуманистов, стремившихся аргументировать сопоставимость Венеции в сакральном и институциональном отношении с Древним и христианским Римом¹⁹.

Можно сделать вывод, что ученые, рассматривавшие влияние античного наследия на венецианскую мысль XV–XVI вв., приходили к пониманию тесной связи культурных традиций разных эпох. Именно синтез концепций античности и христианства, отдаленных друг от друга по времени, формировал особый интеллектуальный колорит Венеции.

К четвертой группе относятся исследования, изучающие социальную структуру Венеции и те институциональные практики, с помощью которых аристократия закрепляла свое привилегированное положение в обществе.

С. Чойнацки и Г. Рёш доказали, что в Венеции XV в. завершилось окончательное формирование патрициата в качестве закрытой социальной группы. По наблюдениям историков, именно эта страта закрепила за собой исключительные права на власть в республике, отстранив остальные слои

---

¹⁷ Brown P. F. Venice and Antiquity. New Haven & London, 1996. P. 6.

¹⁸ Brown P. F. Born free and christian: the origins of Venice according to the chronicle tradition. 2007. URL: https://www.academia.edu/3278550/Born_Free_and_Christian_the_Origins_of_Venice_According_to_the_Chronicle_Tradition (дата обращения: 30. 01. 2023).

¹⁹ Pincus D. Venice and the Two Romes: Byzantium and Rome as a Double Heritage in Venetian Cultural Politics // Artibus et Historiae. 1992. Vol. 13. № 26. P. 104-105; Bowd S. The Republics of Ideas: Venice, Florence and the Defence of Liberty, 1525–1530 // History. 2000. Vol. 85. № 279. P. 426–427.

общества от политической деятельности²⁰. С. Чойнацки подчеркивал, что подобные социальные перемены сопровождались и созданием новых идеологических установок, легитимировавших особую идентичность новой элиты²¹.

Д. Рейнс выделяла приемы и практики, которые избирала венецианская аристократия для сохранения своего ведущего социального положения и его институционального закрепления. Исследовательница обращала внимание, как патриции подчеркивали свою беспристрастность и верность законам, обеспечивавшим общественную гармонию²².

Р. Зальцберг и К. Джадд де Ларивьер анализировали тенденции социальной политики, проводившейся нобилитетом Венецианской республики. Их исследования позволили изучить многоаспектные принципы взаимодействия элиты и остальных общественных групп, проводившиеся как на основе частичного признания интересов нижестоящих страт, так и умелого камуфлирования своих реальных целей и мотивов²³.

Приведенные работы дали возможность понять причины устойчивости социальной системы, созданной венецианскими патрициями.

В пятой группе представлена научная литература, в которой исследуется идентичность венецианской элиты²⁴ и отражение этого исключительного статуса в политическом контексте республики.

²⁰ Chojnacki S. Social Identity in Renaissance Venice: the Second Serrata // *Renaissance Studies*. 1994. Vol. 8. № 4. P. 344 – 347; Rösch G. The Serrata of the Great Council and Venetian Society, 1286 – 1323 // *Venice Reconsidered. The History and Civilization of an Italian City-State, 1297 – 1797* / eds. J. Martin, D. Romano. Baltimore and London, 2003. P. 67–89.

²¹ Chojnacki S. Social Identity in Renaissance Venice: the Second Serrata. P. 344–347.

²² Raines D. L'invention du mythe aristocratique. Venezia, 2006. P. 4–15, 199–208, 401–427.

²³ Judde de Larivière C., Salzberg R. The People are the City. The idea of the Popolo and the Condition of the Popolani in Renaissance Venice // *Annales HSS*. 2013. Vol. 68. № 4. P. 780–781.

²⁴ Р. Зальцберг и К. Джадд де Ларивьер выдвигали следующие факторы, определявшие исключительный статус: «Уверенный в своем исключительном статусе и политической и экономической монополии, патрициат продолжал укреплять свою исключительность и суверенитет посредством социальных и культурных практик, своего образа жизни и продвижения дискурса, оправдывающего его собственное социальное и политическое превосходство. Как и в других частях Западной Европы, принадлежность к знатной группе означала принадлежность к родословной: признание и наследственная передача родового имени и владений, семейной памяти, генеалогической линии, вписывающей род в историю города (Judde de Larivière C., Salzberg R. The People are the City. The idea of the Popolo and the Condition of the Popolani in Renaissance Venice // *Annales HSS*. 2013. Vol. 68. № 4. P. 780).

Р. Финли и Дж. Грубб демонстрировали стратегии моральной саморепрезентации аристократов и их стремление представить свое правление в качестве образца нравственных и справедливых общественных отношений²⁵. Финли подчеркивал, что республиканские стабильность и миролюбие, умиротворение и внутривластная гармония не были только идеологическими конструктами, а во многом данные идеи отражали реалии сложившихся общественных отношений. Подтверждением этих тезисов являлась долговечность аристократического правления, существовавшего в течение многих веков в Венеции²⁶.

Д. Квеллер, не соглашаясь с выводами Финли, доказывал, что представление о венецианской гармонии было «схоластическим» изобретением интеллектуалов, не имеющим никакой связи с существующим культурно-политическим контекстом Венеции XV–XVI вв. Ученый отмечал, что формирование апологетических образов и идей являлось характерной чертой любой власти²⁷.

С данными выводами трудно согласиться, так как реалии жизни островного города, обладая некоторыми деталями сходства с материковыми государствами, имели ряд уникальных черт, а именно: неповторимый природный ландшафт и среду, необходимость более тесного и доверительного взаимодействия для борьбы с водной стихией и внешними врагами. Данные особенности заставляли нобилитет выбирать особые стратегии поведения для сохранения власти. Также элита была вынуждена больше прислушиваться к общественному мнению для сохранения государственности.

К шестой группе относятся исследования, в которых проводился анализ политических практик, распространенных в Венеции.

В работах Г. Коцци, Ф. Гаэты, Ф. Гильберта и Щ. Марина, описывавших становление венецианской традиции историописания XV–XVI вв.,

²⁵ Finlay R. La vita politica nella Venezia del Rinascimento. Milano, 1982. P. 48–60; Grubb J. Memory and identity: why Venetians didn't keep ricordanze // Renaissance Studies. 1994. Vol. 8. № 4. P. 375–387.

²⁶ Finlay R. La vita politica nella Venezia del Rinascimento. P. 364.

²⁷ Queller D. Il patriato veneziano, la realtà contro il mito. Roma, 1987. P. 9–10.

исследовались формы государственной поддержки авторов-историков, прославляющих в своих произведениях аристократию и гармоничное общественное устройство республики²⁸. Особенно ценны замечания Щ. Марина о создании патрицианскими властями должности официального историографа республики в конце XV в.²⁹

Заслуживает внимания труд Л. Либби, в котором ученый представил результаты исследования о формировании официальной историографии в Венеции после поражения при Аньяделло в 1509 г. Историк показал как аргументы авторов XVI в., так и их систему рассуждений и доказательств, которые они использовали для удовлетворения запросов политической пропаганды, исходящих от правящей элиты³⁰. Особое внимание Либби уделял творчеству А. Наваджеро и Г. Контарини, подчеркивая их внимание к прославлению как отдельных патрициев, так и всей системы городских магистратов.

О. Логан и В. Кокс в своих исследованиях пришли к выводу, что в Венеции XV в. Синьория³¹ целенаправленно развивала систему образования в республике, которая должна была готовить управленческие кадры, служащие благу государства³². Помимо непосредственного контроля за деятельностью интеллектуалов, патрицианское правительство хотело воспитывать тех, кто в соответствии со своими внутренними убеждениями стоял бы на страже венецианских порядков.

В более широком контексте темы цензуры и общественной идеологии изучали Ф. Де Виво и И. Иордану. В сфере их внимания была информационная

---

²⁸ Cozzi G. *Cultura politica e religion nella «pubblica storiografia» veneziana del'500*. Venezia, 1963. P. 3–10; Gaeta F. *Storiografia, coscienza nazionale e politica culturale nella Venezia del Rinascimento*. Vicenza, 1980. P. 1–91; Gilbert F. Biondo, Sabellico, and the Beginnings of Venetian Official Historiography // *Florilegium Historiale. Essays presented to Wallace K. Ferguson* / ed. by J. G. Rowe, W. H. Stockdale. Toronto, 1971. P. 282–285; Marin Ş. Marcantonio Sabellico's *Rerum Venetarum* and "the Definitive History of Venice". *The Beginnings of the Official Historiography in Venice?* // *Revista archivelor*. Bucarest, 2013. Vol. 1–2. P. 176.

²⁹ Marin Ş. Marcantonio Sabellico's *Rerum Venetarum* and "the Definitive History of Venice". *The Beginnings of the Official Historiography in Venice*. P. 176.

³⁰ Libby L. *Venetian history and political thought after 1509* // *Studies in the Renaissance*. 1973. Vol. 20. P. 14–16.

³¹ Синьория – совет дожа, официально представлявший республику (Finlay R. *La vita politica nella Venezia del Rinascimento*. Milano, 1982. P. 368).

³² Logan O. *Venezia cultura e società 1470–1790*. Roma, 1980. P. 103; Cox V. *Rhetoric and Humanism in Quattrocento Venice* // *Renaissance Quarterly*. 2003. Vol. 56. № 3. P. 676–679.

политика властей Венеции, которые целенаправленно регулировали забвение и освещение тех или иных фактов для создания как привлекательного образа политической элиты, так и положительного реноме всей республики³³.

Седьмая группа историографии объединяет работы по проблематике внешней политики Венеции XV–XVI вв.

Для понимания контекста отношений со странами Востока были важны труды С. П. Карпова и Д. В. Возчикова³⁴. Отечественные историки отмечали не только ослабление венецианского влияния, сопровождавшегося военными поражениями и конфликтами, но и фазы мирного сосуществования.

Дж. Грубб, рассуждая об особенностях венецианской политики в отношении других государств Италии в XV в., отмечал, что в 1960–70 гг. создавались фундаментальные труды, в которых предлагались различные трактовки завоевательной активности Венеции. Если А. Вентура считал, что это была военная экспансия островной республики, то Г. Коцци рассматривал присоединение материковых владений в качестве постепенного культурно-политического воссоединения³⁵.

В настоящей работе в основном рассматриваются труды венецианских авторов эпохи Возрождения, но для раскрытия темы в компаративном ключе привлечены и работы флорентийских историков. В связи с этим в восьмой группе представлены исследования о развитии историко-философских концепций во Флоренции в XV–XVI вв.

Вопросы формирования гуманистической культуры и идеологии во Флоренции находились в центре внимания многих исследователей. К примеру, П. Кристеллер считал одним из важнейших факторов становления нового идейного направления интерес к греческому литературному и

³³ De Vivo F. Information and Communication in Venice: Rethinking Early Modern Politics. Oxford, 2007. P. 19, 41; Iordanou I. Venice's secret service. Oxford, 2019. P. 215–216.

³⁴ Карпов С. П. Латинская Романия. СПб., 2000. С. 96 – 102; Возчиков Д. В. Образы Византии и Востока в Венецианском нарративе XIV – XV веков.: дис. ...канд. ист. наук: 07. 00. 03. Екатеринбург, 2016. С. 109–130, 170–226.

³⁵ Grubb J. When Myths Lose Power: Four Decades of Venetian Historiography // The Journal of Modern History. 1986. Vol. 58. № 1. P. 79.

философскому наследию³⁶. Ряд авторов: Д. Вайнштейн, В. Марвин, С. Бальдассарри, – пришли к заключению, что расцвет новых концепций был связан с политическим усилением Флоренции, стремившейся подчеркнуть свой независимый статус³⁷.

Ученик Кристеллера Д. Хэнкинс, отмечая значимость приведенных факторов³⁸, следовал за мнением учителя. Он подчеркивал, что в среде интеллектуально-политической элиты Флоренции стали популярными концепции общественного блага³⁹. Хэнкинс делал акцент на том, что именно в начале XV в. философское наследие античности было основанием для ренессансной мысли и логики⁴⁰. Главным представителем этого направления был Л. Бруни. Его идеи независимости Флоренции и особого статуса республики являлись образцом для венецианского историописания. К. Челенца демонстрировал, что гуманист и историк Леонардо Бруни проявлял интерес к творчеству Демосфена и Платона, изучая труды афинских мудрецов для создания своих собственных политических трактатов⁴¹. Отечественные историки И. Я. Эльфонд, Т. В. Куц и П. А. Рязанов также обращали внимание на влияние греко-византийской традиции на флорентийскую общественную мысль⁴².

Заслуживает внимания взгляд Г. Янзити, который считал, что Бруни в первую очередь стремился создать идеологическую опору для флорентийской

³⁶ Kriseller P. Humanism // *Minerva*. 1978. Vol. 16. № 4. P. 586–595.

³⁷ Weinstein D. The Myth of Florence // *Florentine Studies. Politics and Society in Renaissance Florence* / ed. N. Rubinstein. London, 1968. P. 26; Marvin B. The Florentine Territorial State and Civic Humanism in the Early Renaissance // *Florentine Studies. Politics and Society in Renaissance Florence* / ed. N. Rubinstein. London, 1968. P. 113–126; Baldassarri S. Mythography and Rhetoric in Quattrocento Florence. PhD thesis. Yale, USA, 1999. P. 24–25.

³⁸ Hankins J. A Mirror for Statesmen: Leonardo Bruni's History of the Florentine People. 2007. URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:2958221> (дата обращения: 06. 10. 2023).

³⁹ Hankins J. Coluccio Salutati e Leonardo Bruni // *Il contributo italiano alla storia del pensiero* / ed. Michele Ciliberto. Rome, 2012. P. 85–94.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Celenza C. *The Intellectual World of the Italian Renaissance*. Cambridge, 2018. P. 72–73.

⁴² Эльфонд И. Я. Леонардо Бруни, этика гражданского гуманизма и греческое наследие // *Изв. Саратов. Ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2016. Т. 16. № 4. С. 425; Куц Т. В. Византийский ученый Мануил Хрисолора в письмах своих современников // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 1999. С. 308–318; Рязанов П. А. Изучение греческой словесности во Флоренции от Боккаччо до Мануила Хрисолора // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2007. № 2. С. 207–212.

олигархии, находившейся у власти в республике⁴³. Приведенные суждения заставляли предполагать, что именно анализ множественности факторов, влияющих на автора при создании исторического труда, позволяет понять в полной мере его замыслы. Эти рассуждения дают концептуальные идеи и для изучения творчества венецианских историков.

Целеполагание Никколо Макиавелли при создании «Истории Флоренции» также являлось предметом для дискуссий. Если К. Линч отмечал, что Макиавелли хотел выработать идеальную модель политической организации для всей Италии⁴⁴, то К. Закерт и Дж. Наджеми видели главной задачей произведения подрыв авторитета Медичи и восстановления народного правления во Флоренции⁴⁵. Отечественный историк М. А. Юсим полагал, что Макиавелли стремился помочь именно Медичи заложить основы совершенного правления в Тоскане⁴⁶. Данные исследования позволяют предположить, какие мотивы могли быть у историков начала XVI в., когда они создавали свои труды.

Важными для исследования являются работы, в которых проводилось сопоставление интеллектуальных традиций Венеции и Флоренции. Х. Барон в 1950 гг. издал труд, где сравнивал риторику гуманистических трактатов Флоренции и Венеции о политике во время миланской военной экспансии в начале XV в.⁴⁷ В центре внимания ученого находились пертурбации именно текущего момента. Сравнение традиций историописания Венеции и Флоренции, в частности, по вопросам использования религиозных образов имело место в 1970 гг. в работе Н. Рубинштейна⁴⁸. Также в 1960–70 гг.

⁴³ Ianziti G. *Writing History in Renaissance Italy*. Cambridge, 2012. P. 303.

⁴⁴ Lynch C. *War and Foreign Affairs in Machiavelli's Florentine Histories* // *The Review of Politics*. 2012. Vol. 74. № 1. P. 25–26.

⁴⁵ Najemy J. *The 2013 Josephine Waters Bennett Lecture: Machiavelli and History* // *Renaissance Quarterly*. 2014. Vol. 67. № 4. P. 1188; Zuckert C. *Machiavelli's Florentine Histories: The Rise of a New Deceptive Form of Modern Tyranny*. URL: https://www.academia.edu/27792844/Machiavelli_s_Florentine_Histories_The_Rise_of_a_New_Deceptive_Form_of_Modern_Tyranny (дата обращения: 18. 02. 2024).

⁴⁶ Юсим М.А. Великие флорентинцы и эволюция исторического знания в Европе // Гвиччардини и Макиавелли у истоков исторической науки Нового времени / отв. ред. М.А. Юсим. М., 2020. С. 47–48.

⁴⁷ Baron H. *Humanistic and political literature in Florence and Venice. At the Beginning of the Quattrocento*. Cambridge, 1955. P. 9–10.

⁴⁸ Rubinstein N. *Il Medio Evo nella storiografia Italiana del Rinascimento* (Firenze, Milano, Venezia) // *Lettere Italiane*. 1972. Vol. 24. № 4. P. 440.

Ф. Гильберт и Д. Покок обращались к венецианской политической мысли и концепциям мифа XV–XVI вв., чтобы в первую очередь показать их влияние на становление флорентийских социальных идей и доктрин⁴⁹. Можно увидеть, что компаративные исследования велись для демонстрации особенностей именно флорентийской интеллектуальной традиции.

Обобщая выводы исследований о политико-исторических концепциях, распространенных среди флорентийских авторов, необходимо отметить ряд лакун, которые не рассматривались в трудах современных историков. Во-первых, основное внимание ученых было сосредоточено на проблемах актуальной политики и идеологии республики, нежели изучении приемов и практик конструирования образов прошлого. Во-вторых, не проводилось комплексного сравнения традиций историописания Венеции и Флоренции.

Анализ историографии, посвященной широкому спектру культурных, социальных и политических тем венецианского общества, демонстрирует, что существующие исследования лишь частично раскрывали проблематику, касающуюся восприятия и репрезентации минувшего. Недостаточно изученными остаются как сами практики конструирования идей о прошлом, так и факторы, влиявшие на эволюцию механизмов формирования исторических образов. Можно сделать вывод, что анализ приведенных работ выявляет необходимость дальнейших исследований.

Объектом диссертационного исследования являются идеи и образы, составлявшие основу конструирования исторической памяти Венецианской республики.

Предметом исследования выступают механизмы использования прошлого в формировании исторической памяти и идентичности Венецианской республики.

---

⁴⁹ Gilbert F. The Venetian constitution in Florentine political thought // *Florentine Studies: Politics and Society in Renaissance Florence* / ed. N. Rubinstein. London, 1968. P. 489; Покок Д. Момент Макиавелли. М., 2020. С. 174.

Цель диссертационной работы – выявить и проанализировать особенности и эволюцию механизмов конструирования исторической памяти Венеции в исторических текстах XV–XVI вв.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **исследовательские задачи**:

1) раскрыть роль и востребованность фундаментальных исторических образов венецианской и гуманистической традиций в процессе конструирования исторической памяти;

2) выявить новые смыслы и трансформацию исторического инструментария под влиянием Итальянских войн.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1487 по 1530 гг., когда были созданы и опубликованы исторические труды венецианских авторов, являющиеся базовыми для данной диссертации: Маркантонио Сабеллико, Бернардо Джустиниани, Джанджакомо Карольдо и Марино Санудо Младшего. Выбор первой даты, 1487 г., объясняется изданием труда Маркантонио Сабеллико по истории Венеции⁵⁰. История Сабеллико появилась раньше остальных указанных трудов. Вторая временная граница, 1530 г., выделяется в связи с тем, что Карольдо и Санудо, творившие в XVI в., заканчивают создавать свои исторические произведения в начале 1530 гг.

Источниковая база исследования. Основными источниками для данной диссертации являются тексты, освещающие историческое прошлое Венеции и Флоренции. В работе используются либо печатные тексты XVI в., создававшиеся для популяризации взглядов официальных историографов, либо академические издания сочинений венецианских авторов XV–XVI вв.

1) Первая группа источников – это сочинения, созданные историками в XV–XVI вв.

К XV в. литературное творчество и критика, развиваемые во второй половине XIV в. Петраркой и Бокаччо, повлияли на становление нового стиля

---

⁵⁰ Marin Ş. Marcantonio Sabellico's Rerum Venetarum and "the Definitive History of Venice". The Beginnings of the Official Historiography in Venice. P. 136–140.

исторических трудов. Отличительными чертами гуманистического историописания были: «<...> подражание античным авторам, отказ от религиозного объяснения исторических событий, конфессиональная индифферентность, секуляризация и рационализация истолкования развития общества»⁵¹. В отношении повествования о прошлом своей родины античным образцом для гуманистов в манере и стиле изложения стал труд Тита Ливия «Римская история от основания Города» («Ab Urbe condita»). Основоположником возрождения древнеримской традиции историописания стал Леонардо Бруни (1370–1444).

Бруни был известным гуманистом и политическим деятелем. Он создавал «Историю флорентийского народа в XII книгах» (*Historiarum florentini populi libri XII*) в период с 1416 по 1442 гг.⁵² Автор рассматривал прошлое от основания города в 80 г. до н. э. до начала XV в.⁵³ В своем тексте флорентийский историк выражал поддержку власти пополанских кругов и усиливающему свое влияние в городе роду Медичи⁵⁴. Для создания своего труда Бруни обращался к источникам как личного, так и официального происхождения⁵⁵. В первую очередь он использовал материалы хроник XIV в., в частности Дж. Виллани, реинтерпретируя неблагоприятные для репутации Флоренции события и излагая их на возвышенном латинском языке⁵⁶.

Впервые «История флорентийского народа» была опубликована Флорентийской синьорией в 1444 г. В диссертации было использовано

---

⁵¹ Репина Л. П. История исторического знания / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. М., 2004. С. 97.

⁵² Ianziti G. Leonardo Bruni, the Medici, and the Florentine Histories // *Journal of the History of Ideas*. 2008. P. 2–10.

⁵³ Bruni L. *History of the Florentine People*. In 3 t. T. 1 / ed. J. Hankins. Cambridge, 2001. P. 9; Bruni L. *History of the Florentine People*. In 3 t. T. 3 / ed. J. Hankins. Cambridge, 2007. P. 297.

⁵⁴ Hankins J. Leonardo Bruni and Machiavelli on the Lessons of Florentine History // *Le cronache volgari in Italia* / ed. G. Francesconi, M. Miglio. Perugia, 2017. P. 374; Ianziti G. Leonardo Bruni, the Medici, and the Florentine Histories. P. 2–10.

⁵⁵ Hankins J. *A Mirror for Statesmen: Leonardo Bruni's History of the Florentine People*. 2007. URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:2958221> (дата обращения: 08.05.2024).

⁵⁶ Phillips M. Machiavelli, Guicciardini and the Tradition of Vernacular Historiography in Florence // *The American Historical Review*. 1979. Vol. 84. № 1. P. 86, 92–93.

издание Д. Хэнкинса, подготовленное с 2001 по 2007 гг., в котором приводится оригинальный латинский текст и его английский перевод⁵⁷.

«История флорентийского народа» Бруни является образцом гуманистического историописания, с помощью которого проводилось компаративное сравнение с трудами венецианских авторов.

Важность «История флорентийского народа» Бруни для данной диссертации состоит в том, что этот труд является примером идей и практик формирования положительного образа государства, распространенный во Флоренции. Исследование текста Бруни позволяет глубже понять механизмы конструирования исторической памяти, распространенные в Италии XV в.

Среди венецианских хроник, «Хроника Лоренцо де Моначи, канцлера Крита, о делах венецианских от основания города до 1354 г.: или до заговора дожа Фальеро» (*Laurentii de Monacis Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis ab U. C. ad annum MCCCLIV: sive ad conjurationem ducis Faledro*) была одной из первых работ, где находили отражение идеи гуманизма. Текст де Моначи был издан Ф. Корнелиусом в 1758 г.⁵⁸ Де Моначи, будучи канцлером Крита, создал в 1410–1420 гг. хронику на латинском языке о прошлом республики⁵⁹. Известно, что де Моначи переписывался и с самим Л. Бруни⁶⁰. Де Моначи (1351–1428) рассматривал исторический период с момента основания Венеции в 410–420 гг. и до 1354 г.⁶¹ Свои рассуждения автор выстраивал в основном на рациональных посылках, хотя еще и часто продолжал апеллировать к Божественной воле, как фактору общественных изменений.

⁵⁷ Bruni L. *History of the Florentine People*. In 3 t. T. 1 / ed. J. Hankins. Cambridge, 2001. P. 2–520; Bruni L. *History of the Florentine People*. In 3 t. T. 3 / ed. J. Hankins. Cambridge, 2004. P. 2–529; Bruni L. *History of the Florentine People*. In 3 t. T. 3 / ed. J. Hankins. Cambridge, 2007. P. 2–401.

⁵⁸ Monacis L. *Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis* / ed. F. Cornelius. Venetiis, 1758. P. 1–320.

⁵⁹ Возчиков Д. В. Византийские образы в венецианском политическом мифе первой половины XV в.: Хроника Лоренцо де Моначи // *CURSOR MUNDI: человек Античности, Средневековья и Возрождения: научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии*. Иваново, 2016. Вып. 8. С. 206–207.

⁶⁰ Ravegnani G. *De monacis, Lorenzo* // *Dizionario Biografico degli Italiani*. 1990. Vol. 38. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/lorenzo-de-monacis_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/lorenzo-de-monacis_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 01. 07. 2024).

⁶¹ Monacis L. *Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis* / ed. F. Cornelius. Venetiis, 1758. P. 5–6, 315.

Среди современных специалистов ведутся споры о знании де Моначи греческого языка и его возможности использовать наследие византийских хронистов при создании своей истории. По мнению Щ. Марина, де Моначи был одним из первых европейских историков, кто обращался к трудам греческих историков⁶². Необходимо отметить, что после создания «Пространной хроники» (*chronica per extensum*) дожем Андреа Дандоло во второй половине XIV в., текст дожа-хрониста стал каноном, как в манере повествования, так и оценках, за которыми следовали историки уже XV–XVI вв.⁶³

Данный исторический труд позволил понять особые черты постепенно складывающейся в Венеции практики гуманистического историописания, в частности, поддержки усиления власти венецианской аристократии⁶⁴.

Еще одной заметной гуманистической работой по истории Венеции стал труд Ф. Бьондо (1392–1463) «О происхождении и деяниях венецианцев» (*De origine et de gestis Venetorum*) на латинском языке⁶⁵. Первое печатное издание труда было подготовлено в Вероне в 1481–1482 гг.⁶⁶ В исследовании задействовано издание 1531 г.⁶⁷ Текст охватывал события от заложения островного города, по версии Бьондо в 450 гг., до 1330 гг.⁶⁸ Создавая свой труд при дворе папы римского в 1453–1454 гг., Бьондо хотел побудить аристократов морской республики участвовать в антитурецкой коалиции и начать подготовку к новому крестовому походу. Щ. Марин отмечает, что

⁶² Marin Ş. A Venetian Chronicler in Crete: the Case of Lorenzo de' Monaci and His Possible Byzantine Sources // *Italy and Europe's Eastern Border. 1204–1669* / ed. C. Gastgeber, A. Simon. Frankfurt, 2012. P. 256–257.

⁶³ Kuha M. *Transmission of Knowledge in Venetian Fourteenth-Century Chronicles*. Jyväskylä, 2017. P. 19.

⁶⁴ O'Connell M. *Legitimizing Venetian Expansion: Patricians and Secretaries in the Fifteenth Century* // *Venice and the Veneto during the Renaissance* / ed. M. Knapton. Firenze, 2014. P. 76.

⁶⁵ Marin Ş. Flavio Biondo's Venetian History and the Debatable Beginnings of "Public Historiography" in Venice // *Revista istorică*. 2014. T. XXV. № 1–2. P. 103.

⁶⁶ Pertusi A. *Gli inizi della storiografia umanistica nel Quattrocento* // *La storiografia veneziana fino al secolo XVI* / ed. A. Pertusi. Firenze, 1970. P. 292.

⁶⁷ Blondus F. *De origine et de gestis Venetorum* // *Blondi Flavii Forliviensis de Roma triumphante libridecem, priscorum scriptorium lectoribus utilissimi, ad totiusque Romanae antiquitatis cognitionem pernecessarii*. Basiliae, 1531. P. 273–292.

⁶⁸ Blondus F. *De origine et de gestis Venetorum*. P. 273–274, 291.

Бьондо, возможно, мог обращаться к работам своих предшественников Андреа Дандоло и Лоренцо де Моначи⁶⁹.

Данный источник дал возможность проанализировать уже исключительно гуманистическую практику конструирования исторической памяти о венецианском прошлом, не связанную с традициями средневековой хронистики.

Маркантонио Сабеллико (1436–1506) издал первую печатную версию своей «Истории Венеции от основания города» (*Historiae rerum venetarum ab urbe condita*), в которой описывались события от основания города в 421 г. до 1486 г.⁷⁰ В диссертации делаются ссылки на оригинальный латинский текст по изданию 1669 г.⁷¹ и итальянский перевод, выполненный в 1544 г.⁷²

Власти, поддерживая инициативу автора, выделили средства на издание тиража его истории в 1487 г. Сабеллико делил труд на декады и книги, следуя за манерой повествования Тита Ливия. Сабеллико создал свою историю в короткий промежуток времени между 1485 и 1486 гг. Используя в первую очередь известные хроники, в частности Андреа Дандоло и Лоренцо де Моначи, венецианский историк хотел продемонстрировать панегирический образ Венеции⁷³. На Сабеллико оказали влияние труды Бьондо, в том числе и «О происхождении и деяниях венецианцев», на которые он ориентировался, особенно при описании ранней истории республики⁷⁴.

Труд Сабеллико стал первой официальной историей республики. Исследование этого источника демонстрирует новый этап развития венецианского историописания, в котором практики конструирования исторической памяти стали целенаправленно использоваться патрициатом для создания положительного образа Венеции.

⁶⁹ Marin Ş. Flavio Biondo's Venetian History and the Debatable Beginnings of "Public Historiography" in Venice. P. 109.

⁷⁰ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. Basileae, 1669. P. 4, 657.

⁷¹ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. Basileae, 1669. P. 1–661.

⁷² Sabellico M. *Le historie vinitiane di Marco Antonio Sabellico*. Venezia, 1544. P. 3–293.

⁷³ Marin Ş. Marcantonio Sabellico's *Rerum Venetarum* and "the Definitive History of Venice". *The Beginnings of the Official Historiography in Venice*. P. 136–140.

⁷⁴ Marin Ş. Flavio Biondo's Venetian History and the Debatable Beginnings of "Public Historiography" in Venice. P. 112.

«История о происхождении града венецианского и деяниях, совершенных венецианцами» (*De origine Urbis Venetiarum rebusque ab Ipsa gestis historia*) известного венецианского политика и интеллектуала Бернардо Джустиниани (1408–1489) была посвящена изучению ранних этапов формирования и развития Венеции. Оригинальное латинское издание было опубликовано в 1492 г.⁷⁵ В диссертации анализируется итальянский перевод труда, выполненный в 1545 г. Л. Доменичи⁷⁶. Джустиниани работал над историей в 70-80 гг. XV в. В этом труде гуманист рассматривал события, имевшие место с 421 по 809 гг.⁷⁷ Историк пытался уяснить причины и следствия исторических событий. Джустиниани не только тщательно изучал наследие венецианских хронистов, но и использовал произведения античных авторов⁷⁸. Однако ему также не было чуждо стремление прославлять свою родину. Историк обращался к хронике Андреа Дандоло, дискутировал с тезисами Бьондо и ссылаясь на Лоренцо де Моначи. Историк-гуманист разделял смысловые части своего труда на книги.

Ценность истории Джустиниани для исследования заключается в том, что данный труд дает возможность понять самые глубокие и логически выверенные аргументы, выработанные для конструирования прошлого Венеции в XV в.

Труд Джанджакомо Карольдо (1480–1538) «Истории Венеции» (*Storie venete*) охватывал события от 421 до 1380 гг.⁷⁹ В диссертации анализируется академическое издание, подготовленное Ш. Марином с 2008 по 2012 гг.⁸⁰

⁷⁵ Pistilli G. GIUSTINIAN (Giustiniani, Iustiniani, Justinianus, Zustignan, Zustinian), Bernardo // *Dizionario Biografico degli Italiani*. 2001. Vol. 57. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/bernardo-giustinian_\(Dizionario-Biografico\)/?search=GIUSTINIAN%2C%20Bernardo](https://www.treccani.it/enciclopedia/bernardo-giustinian_(Dizionario-Biografico)/?search=GIUSTINIAN%2C%20Bernardo) (дата обращения: 15. 04. 2024).

⁷⁶ Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. Venezia, 1545. P. II–CCXXI.

⁷⁷ *Ibid.* P. XV, CCXIX.

⁷⁸ *Ibid.* P. V–VI.

⁷⁹ Caroldo G. G. *Istorie venețiene*. Vol. 1 // *Ediție îngrijită de Șerban V. Marin*. București, 2008. P. 41–42; Caroldo G. G. *Istorie venețiene*. Vol. 5 // *Ediție îngrijită de Șerban V. Marin*. București, 2012. P. 160.

⁸⁰ Caroldo G. G. *Istorie venețiene*. Vol. 1 // *Ediție îngrijită de Șerban V. Marin*. București, 2008. P. 37–241; Caroldo G. G. *Istorie venețiene*. Vol. 2 // *Ediție îngrijită de Șerban V. Marin*. București, 2009. P. 9–219; Caroldo G. G. *Istorie venețiene*. Vol. 3 // *Ediție îngrijită de Șerban V. Marin*. București, 2010. P. 6–211; Caroldo G. G. *Istorie venețiene*. Vol. 4 // *Ediție îngrijită de Șerban V. Marin*. București, 2011. P. 7–183; Caroldo G. G. *Istorie venețiene*. Vol. 5 // *Ediție îngrijită de Șerban V. Marin*. București, 2012. P. 7–178.

Карольдо работал над историей в период с 1520 по 1532 гг.⁸¹ Можно отметить, что автор обращался как к личным источникам, так и официальным документам, доступным ему во властных учреждениях⁸². В частности, историк подчеркивал роль труда Андреа Дандоло. Карольдо, восхваляя достижения республики, считал необходимым указывать на острые общественные проблемы, которые требовалось решать. Создавая свою историю, Карольдо хотел передать последующим поколениям молодых управленцев собственный богатый опыт успешной политической практики⁸³.

Необходимо отметить, что свой труд он написал не на латыни, как предшественники, а выбрал народный язык – венецианский вольгаре. М. Н. Бахматова подчеркивает, что Карольдо вел повествование на венецианском литературном языке. В то время, когда Карольдо создавал свой труд, шло становление норм высокого регистра письменной речи⁸⁴. Главным законодателем формирующейся стилистики стал венецианский гуманист П. Бембо, который ориентировался в теоретических вопросах стандартизации языка на античную риторику и на конкретные примеры подражания великим флорентийским авторам Треченто, Петрарке и Бокаччо⁸⁵. Вопросы поиска литературной нормы вызвали острые дискуссии, что, по мнению М. Н. Бахматовой, нашло отражение и в творческих поисках Карольдо⁸⁶, который, вероятно, стремился приблизиться к высоким образцам письменной речи.

Текст Карольдо позволяет увидеть, с одной стороны, первые попытки осмысления жестоких поражений Венеции в начале XVI в. в свете примеров минувших побед. С другой стороны, этот труд раскрывает практики

---

⁸¹ Carile A. Caroldo, Gian Giacomo // Dizionario Biografico degli Italiani. 1977. Volume 20. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/gian-giacomo-caroldo_\(Dizionario_Biografico\)/?search=CAROLDO%2C%20Gian%20Giacomo](https://www.treccani.it/enciclopedia/gian-giacomo-caroldo_(Dizionario_Biografico)/?search=CAROLDO%2C%20Gian%20Giacomo) (дата обращения: 19. 04. 2024).

⁸² Caroldo G. G. *Istorii veneziene*. Vol. 1. P. 46; Cracco G. *Società e Stato nel medioevo veneziano (secoli XII-XIV)*. Firenze, 1967. P. 356.

⁸³ Caroldo G. G. *Istorii veneziene*. Vol. 1. P. 38–40.

⁸⁴ Бахматова М.Н. *Рукопись Дж. Джакомо Карольдо в Вероне // Море и берега: к 60-летию С.П. Карпова от коллег и учеников / Отв. ред. Р.М. Шукуров. М., 2009. С. 91.*

⁸⁵ Алисова Т. Б., Чельшева И. И. *История итальянского языка: от первых памятников до XVI века. М., 2009. С. 340, 351.*

⁸⁶ Бахматова М.Н. *Рукопись Дж. Джакомо Карольдо в Вероне. С. 91–92.*

конструирования исторической памяти, с помощью которых автор надеялся помочь преодолеть кризис.

В диссертации анализируется труд Марино Санудо (1466–1536) «Жизни венецианских дождей» (*Le vite dei dogi*). Санудо создавал свой текст с 1493 по 1530 гг.⁸⁷ Автор рассматривал широкую перспективу событий от 421 до 1474 гг.⁸⁸ Необходимо отметить, что Санудо выстраивал хронологическую градацию своего текста в связи с правлением дождей, освещая события, происходившие во время их пребывания у власти. По предположению Д. Монтиколо, автор XVI в. использовал официальные источники и работы предшественников⁸⁹. В частности, Санудо обращался к текстам Андреа Дандоло и Сабеллико.

В диссертации изучается два периода: первый (421–1177), второй (1423–1457). Подобный выбор объясняется изданием только фрагментов истории и фактором доступности этих публикаций. В 1911 г. Д. Монтиколо подготовил академическую версию истории, охватывающую временной промежуток с 421 по 1177 гг.⁹⁰ А. Арико уже в конце 1990 и начале 2000 гг. опубликовала вторую часть исторического текста со справочными материалами и комментариями⁹¹.

Санудо стремился с помощью описания действительности отразить все многообразие социальных реалий, которые наблюдал на городских площадях, в учреждениях власти и других общественно значимых местах⁹². Для Санудо критерием достоверности изложения была «фотографическая» точность передачи событий.

Столь пристальное внимание к текущему контексту событий отражалось и в языковых предпочтениях. Санудо, как и Карольдо, выбирал для творчества народный язык, однако он обращался не к формирующемуся литературному

⁸⁷ Viallon M. Infortune et fortune d'un historiographe vénitien: Marin Sanudo (1466-1536) // Publications de l'université de Saint-Etienne. 2001. P. 28.

⁸⁸ Sanudo M. *Le vite dei dogi* // *Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. T. XXII. Part. IV / ed. G. Monticolo. Città di Castello, 1911. P. 1; Sanudo M. *Le vite dei dogi*. T. 2 / ed. A. C. Arico. Venezia, 2004. P. 277.

⁸⁹ Sanudo M. *Le vite dei dogi* // *Rerum Italicarum scriptores*. P. 19.

⁹⁰ Sanudo M. *Le vite dei dogi* // *Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. T. XXII. Part. IV / ed. G. Monticolo. Città di Castello, 1911. P. 1–340.

⁹¹ Sanudo M. *Le vite dei dogi*. T. 1 / ed. A. C. Arico. Venezia, 1999. P. 1–665.

⁹² Aricò A. *Marin Sanudo il giovane le opere e lo stile* // *Studi veneziani*. 2008. Vol. 55. P. 366–368.

венетскому языку, а к общепринятой форме живой устной речи. И. И. Чельшева отмечает, что выбор языкового ориентира авторами вызывал споры и у флорентийских интеллектуалов. Некоторые из них считали, что именно устные нормы, сформировавшиеся в современной им Флоренции, должны лечь в основу общетальянского языка⁹³. Представители другого направления считали необходимым обращаться к уже устоявшимся и сформировавшимся письменным традициям⁹⁴. Можно сделать вывод, что теоретические языковые дискуссии и конкретные примеры выбора литературных образцов были характерными для разных регионов Италии. Избрание манеры повествования зависело от целей конкретного автора. Санудо хотел отразить всю полноту событий, колорит которых могла передать только стилистика устной народной речи.

Анализ работы Санудо дает возможность увидеть еще один пример практики конструирования исторической памяти в Венеции начала XVI в.

В начале XVI в. авторы, создавая свои исторические труды, отходили от традиций, выработанных в рамках гуманистической стилистики и риторики. Говоря о типологии венецианских текстов о прошлом данного периода, необходимо отметить, что исследователи могут определять их как хроники. М. Н. Бахматова отмечает, что труд Карольдо именуется как «историей», так и «хроникой»⁹⁵. Венецианские историки выбирали манеру изложения близкую к хроникам, а также предпочитали народный язык вместо изысканной латыни.

Однако имелись и существенные отличия. Во-первых, Карольдо, также как и предшественники-гуманисты, разделил в стилистике античной традиции свой текст на книги. Во-вторых, автор XVI в. выстраивал свое изложение событий, стремясь понять логику причинно-следственных связей исторических фактов и критикуя легендарные сведения. Эти принципы

---

⁹³ Алисова Т. Б., Чельшева И. И. История итальянского языка: от первых памятников до XVI века. С. 346.

⁹⁴ Там же. С. 349.

⁹⁵ Бахматова М.Н. Рукопись Дж. Джакомо Карольдо в Вероне. С. 85.

Карольдо мог воспринять, обращаясь к литературной традиции уже эпохи Возрождения. Также идейное содержание труда было ориентировано в первую очередь на поддержание гражданских добродетелей и государственного патриотизма. Данный акцент и внимание к секулярным проблемам, часто без апелляции к влиянию Божественного провидения, являлся характерной чертой гуманистического историописания. Подобные наблюдения во многом справедливы и для исторического труда Марино Санудо. Исходя из этих рассуждений, можно сказать, что тексты Карольдо и Санудо являлись хрониками скорее по форме, в своем же смысловом содержании они имели существенные различия со средневековыми текстами. Эти труды в отношении передаваемых в них идей были ближе к традиции гуманистического историописания

Для проведения компаративного анализа трудов Карольдо и Санудо была использована «История Флоренции» (*Le istorie fiorentine*) Н. Макиавелли (1469–1527). В настоящей диссертации используется перевод 1987 г. «Истории Флоренции», подготовленный Н. Я. Рыковой и В. И. Рутенбургом⁹⁶. Также для проведения исследований в области истории понятий был задействован оригинальный текст «Истории Флоренции», опубликованный Дж. Никколини в 1851 г.⁹⁷ Флорентийский историк писал свою работу в 1520–1525 гг., а ее печатное издание было опубликовано уже в 1532 г. Первоначально Макиавелли создавал свой труд исключительно для Медичи, по их заказу, рассматривая прошлое города от его основания до 1492 г. Только после кончины автора его история стала достоянием широких кругов общественности⁹⁸. Необходимо отметить, что Макиавелли находился в непростых отношениях с заказчиками своего труда, синьорами Медичи, и не отказался формулировать свою политико-историческую доктрину, часто

---

⁹⁶ Макиавелли Н. История Флоренции / Пер. с итал. Н. Я. Рыковой, под общ. ред. В. И. Рутенбурга М., 1987. С. 5–352.

⁹⁷ Machiavelli N. *Le istorie Fiorentine* / ed. G. Niccolini. Firenze, 1851. P. 11–432.

⁹⁸ Hankins J. Leonardo Bruni and Machiavelli on the Lessons of Florentine History // *Le cronache volgari in Italia* / ed. G. Francesconi, M. Miglio. Perugia, 2017. P. 379.

отражавшую острую критику в адрес существующих общественных реалий⁹⁹. Хотя Макиавелли имел представления о последних достижениях исторического знания своего времени, он часто игнорировал их, стремясь обосновать собственные теоретические выводы¹⁰⁰.

Макиавелли, создавая свой труд, следовал за традициями историописания гуманизма, не уделяя внимания средневековым литературным формам. Для него хроники были лишь материалом, откуда возможно черпать более достоверные сведения, чем, в частности, те, что приводились в истории Л. Бруни. Временные ограничения, связанные с созданием текста, заставляли Макиавелли обращаться главным образом к нарративным источникам¹⁰¹. Макиавелли избрал для своего труда тосканский диалект. Он полагал, что именно следование за живой флорентийской речью позволяет созидать великие произведения литературы, как это делали известные авторы прошлого¹⁰². Данный факт также демонстрировал отстраненность Макиавелли от творчества гуманистов, предпочитавших латынь.

Труд Макиавелли являлся образцом, как анализа исторических реалий, так и конструирования исторической памяти для своей эпохи. Автор, интерпретируя факты в свете своих идей, подводил читателя к выбору верной политической траектории. Сравнение подходов и аналитических приемов Макиавелли с творчеством венецианских авторов может отчетливо продемонстрировать, степень совершенства инструментария венецианских историков.

2) Ко второй группе относятся тексты интеллектуалов и политиков Средних веков и раннего Нового времени, которые являлись дополнительным источником сведений для понимания общего культурно-политического

⁹⁹ Zuckert C. Machiavelli's Florentine Histories: The Rise of a New Deceptive Form of Modern Tyranny. URL: https://www.academia.edu/27792844/Machiavelli_s_Florentine_Histories_The_Rise_of_a_New_Deceptive_Form_of_Modern_Tyranny (дата обращения: 18. 02. 2024).

¹⁰⁰ Rubinstein N. Machiavelli storico // *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere e Filosofia. Serie III.* 1987. Vol. 17. № 3. P. 724.

¹⁰¹ Oppenheimer P. Machiavelli. A life beyond ideology. London and New York, 2011. P. 270–271.

¹⁰² Алисова Т. Б., Чельшева И. И. История итальянского языка: от первых памятников до XVI века. С. 344.

контекста эпохи. В диссертации были задействованы: анонимная «История венецианских дождей» (*Historia ducum Venetorum*)¹⁰³, «Венецианская хроника» (*La cronique des veniciens*) Мартино да Каналь¹⁰⁴, фрагменты «Хроники Марко» (*Cronaca di Marco*)¹⁰⁵, «Пространная хроника» Андреа Дандоло (*Andreae Danduli chronica per extensum descripta*)¹⁰⁶, «Хроника» (Cronaca) Рафаино Карезини (*La cronaca di Raffaino Caresini*)¹⁰⁷ и «Хроника Венеции, называемая хроникой Энрико Дандоло» (*Chronica di Venexia detta di Enrico Dandolo*)¹⁰⁸, «Новая хроника» (*La nuova cronaca*) Джованни Виллани и «Хроника» (Cronaca) Маттео Виллани¹⁰⁹, «Хроника» (Cronaca) Антонио Морозини¹¹⁰, «Письмо от 14 июня 1404 г. Галиено да Терни» К. Салютати¹¹¹, «История Италии» (*Storia d'Italia*) Ф. Гвиччардини¹¹² и трактат Г. Контарини «О магистратах и устройстве Венецианской республики» (*De magistratibus et republica Venetorum*)¹¹³.

Теоретико-методологические основы исследования. В диссертации используются как традиционные аналитические подходы, так и современные исследовательские практики.

Историко-типологический метод был важен для выявления главных тематических направлений в контексте венецианского мифа, позволяя выделить значимые образы и идеи, которым уделялось наибольшее внимание в исторических текстах. В частности, данный подход помог определить такие

¹⁰³ *Historia ducum Venetorum* // *Testi storici veneziani (XI – XIII secolo)* / ed. e traduz. L. Berto. Padova, 1999. P. 2–83.

¹⁰⁴ Da Canale M. *La cronaca dei Veneziani* // *Archivio storico italiano*. 1845. Т. 8 / ed. F. Polidori; trad. G. Galvani. Firenze: P. Viesseux, 1845. P. 269–707.

¹⁰⁵ Marco. *Frammenti della cronaca di Marco* // *Archivio Veneto*. 1881. Т. 22. Parte 2. P. 198–202.

¹⁰⁶ Dandolo A. *Chronicon Venetum* // *Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. Т. XII. Part. I / ed. E. Pastorello. Bologna, 1900. P. 9–405.

¹⁰⁷ *La cronaca di Raffaino Caresini tradotta in volgare veneziano nel secolo XIV* / ed. R. Fulin. Venezia, 1877. P. 1–102.

¹⁰⁸ *Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo (origini – 1362)* / A cura di R. Pesce. Venezia, 2010. P. 3–155.

¹⁰⁹ Виллани Д. *Новая хроника, или история Флоренции* / пер. М. А. Юсим. СПб., 2019. С. 5–498; Виллани М. *Хроника Маттео Виллани* // *Новая хроника, или история Флоренции*. СПб., 2019. С. 499–516.

¹¹⁰ Morosini A. *Il codice Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094-1433)*. Т. 3 / ed. A. Nanetti. Spoleto, 2010. P. 1157.

¹¹¹ Салютати К. *Письмо от 14 июня 1404 г. Галиено да Терни* // *Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век)* / под ред. Л. М. Брагиной. М., 1985. С. 44.

¹¹² Гвиччардини Ф. *История Италии в 2 т. Т. 1* / пер. с итал. М. А. Юсим. М., 2019. С. 7–8.

¹¹³ Контарини Г. *О магистратах и устройстве Венецианской республики* / пер. с лат., вступ. статья и коммент. М. А. Юсима. СПб., 2013. С. 54.

важные темы для венецианских исторических трудов, как: богоизбранность и античное наследие.

Для понимания концептуальных изменений, имевших место в восприятии как внешнего, так и внутреннего содержания общественных идеалов, отраженных в венецианских исторических текстах, был использован историко-генетический метод.

Данные подходы дополняются современными исследованиями в области изучения истории памяти. Историк Ян Ассман ввел понятие «коннективная структура», объединяющее индивидов в общем пространстве опыта и социальных ориентиров, помогая выстраивать ощущение общего прошлого¹¹⁴. Также Я. Ассман отмечал, что исторические труды, созданные на письменных носителях, обладают важными для социума функциями. Данные тексты являются инструментом, с помощью которого воссоздается прошлое в соответствии с актуальными интересами и представлениями общества¹¹⁵. Именно на авторов со времен Античности до Новейшего времени, бравшихся за описание минувшего, возлагалась ответственность по конструированию достоверных и корректных в культурно-политическом отношении образов и описаний об отдаленных временах¹¹⁶. Главной задачей историков, по мысли П. Хаттон, становилось умение выявлять и анализировать контексты и традиции различных эпох, соотнося их с современными коллективными представлениями о прошлом¹¹⁷.

Для анализа механизмов формирования представлений о минувшем необходимо обратиться к трудам А. Ассман. Историк отмечает, что именно канонизированные идеи и образы прошлого, используемые авторами, становятся основой идентичности социума, обновляясь в соответствии с актуальными запросами общества¹¹⁸. Образы и идеи закрепляют

---

¹¹⁴ Ассман Я. Культурная память. М., 2004. С. 15–16.

¹¹⁵ Там же. С. 42.

¹¹⁶ Репина Л. П. Историческая память и нарративы национальной идентичности: «практика истории на службе памяти» // Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / под ред. Л. П. Репиной. М., 2020. С. 9–37.

¹¹⁷ Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 394.

¹¹⁸ Ассман А. Длинная тень прошлого. М., 2014. С. 31.

воспоминания, которые постепенно приобретают побудительные и обязательные коннотации для коллектива. С одной стороны, авторы стремились распространять объединяющие социум концепции, а с другой, предавать забвению неудобные факты и материалы¹¹⁹. С помощью данных исследовательских стратегий удалось понять преемственность и изменения в приемах и практиках венецианского историописания, как авторы XV в. имплементировали гуманистические идеи и стилистику в контекст традиционной хронистики республики, или в XVI в. уже пересматривали концепции возрождения из-за влияния политических пертурбаций.

Также заслуживают особого внимания наблюдения А. Ассман, касающиеся изменений в восприятии индивидами истории и памяти о прошлом в период Ренессанса и Раннего Нового времени. Историк, уточняя концепцию Р. Козеллека¹²⁰, отмечала, что один из важных модернизационных сдвигов в восприятии социальных реалий имел место в XVI в. В эту эпоху рационализации и секуляризации религиозные представления человека о будущем сменились идеями прагматичности и собственной ответственности за свою судьбу¹²¹.

Помимо формирования новой системы ценностей, основывающейся на повторном открытии и пересмотре античных и христианских истин, стало популярным создание исторических текстов. Потребности подтверждения своего исключительного статуса, подкрепление властных амбиций и стремление к личным выгодам становились главными мотивами создания текстов о прошлом. Новые критические подходы к анализу текста и стратегии аргументации должны были помогать индивидам достигать актуальных целей¹²². Понимание данного факта дает основание полагать, что история в то

¹¹⁹ Assmann A. Dialogic Memory // Dialogue as a Trans-disciplinary Concept: Martin Buber's Philosophy of Dialogue and its Contemporary Reception / ed. P. Mendes-Flohr. Berlin, 2015. P. 211–214.

¹²⁰ Х. Бедекер отмечает, что, по мнению Р. Козеллека, эпоха коренных изменений, являющаяся переломной в контексте изменения мировосприятия, имела место в период между 1750 и 1850 гг., когда шел процесс исчезновения сословного общества и становления культурно-социальных реалий Нового времени (Бедекер Х. Размышления о методе исторических понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сборник статей под редакцией Ханса Эриха Бедекера. Перевод с немецкого. М., 2010. С. 37–38).

¹²¹ Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2013. С. 45.

¹²² Assmann A. Cultural Memory and Western Civilization. New York, 2011. P. 41–46.

время рассматривалась не в качестве объекта самостоятельного изучения, а инструмента политической легитимации. Однако необходимо отметить, что перемены XVI в. закладывали потенциал нового «абстрактного социального мышления»¹²³. Данные изменения влияли на формирование новых механизмов конструирования исторической памяти.

Для понимания различий в практиках конструирования исторической памяти во Флоренции и Венеции необходимо обратиться к исследовательским стратегиям истории понятий, истории идей. Немецкий историк Р. Козеллек со своими коллегами исследовал смысл значимых для жизни социума понятий и их изменений в интерпретации с течением времени. Английский исследователь К. Скиннер, развивая методологию в области истории идей, концентрировался не на интерпретации отдельных понятий, а на лингвистическом и социально-историческом содержании всего послания или произведения.

Х. Бедекер указывал на дискуссии о степени различий исследовательских подходов Р. Козеллека и К. Скиннера¹²⁴. В частности, отмечалось, что Скиннер в отличие от Козеллека считал проблематичным построение «истории одного понятия». Скиннер подчеркивал значимость социально-политического контекста в употреблении понятия, культурных и языковых различий его локального использования, то есть исследователь обращал в большей степени внимание на внешние условия¹²⁵. Неслучайно, Скиннер задавался вопросом о том, какие общественные группы вводили в языковой оборот новые понятия и закрепляли их семантический смысл¹²⁶.

Козеллек подчеркивал, что для понимания реалий эпохи требовался поиск понятий, с помощью которых можно «раскрыть взаимосвязи и влияние,

---

¹²³ Согомонов А. Ю., Уваров П. Ю. Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей. Человек в истории. 2001. № 13. С. 209.

¹²⁴ Бедекер Х. Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сборник статей под редакцией Ханса Эриха Бедекера. Перевод с немецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 17.

¹²⁵ Анташев Т., Велижев М. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 31.

¹²⁶ Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. № 1. P. 36.

не осознававшие еще участниками событий»¹²⁷. Историк отмечал, что необходимо сосредоточиться на анализе именно конкретных понятий и их употребления в конкретных текстах, так как контекст использования может расширяться до бесконечности¹²⁸. Данные рассуждения позволили сделать вывод, что Козеллек считал первостепенным изучение именно смыслового содержания понятия. Следовательно, анализ должен строиться на исследовании постепенных изменений в коннотациях термина. Бедкер подчеркивал важность для концепции Козеллека «основных или базовых понятий», без которых невозможна ни политическая, ни социальная коммуникация¹²⁹. Рассмотрение изменений в трактовках «основных понятий» являлось, по мнению Козеллека, ключом к пониманию новых граней общественной мысли.

Сравнение исследовательских подходов Козеллека и Скинера демонстрирует существование различий в методологии историков. Н. Е. Копосов отмечает, что теоретические наблюдения историков в ходе практической реализации не имели столь принципиальных несоответствий, так как Козеллек часто обращался к исследованиям именно контекста, а Скиннер анализировал конкретные понятия¹³⁰. Подобный взгляд на эти аналитические концепции дает основание полагать, что для комплексного изучения необходимо учитывать как понимание контекста использования понятий, так и их основные семантические значения для данного исторического момента.

Также необходимо учитывать, что одно и то же понятие могло отражать широкий спектр различных смыслов. Данная тенденция отчетливо проявлялась у авторов XVI в., когда шло становление нового взгляда на

¹²⁷ Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России. XVI – XX века: Сборник научных работ / отв. ред. Н. Е. Копосов. СПб., 2006. С. 47.

¹²⁸ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сборник статей под редакцией Ханса Эриха Бедкера. Перевод с немецкого. М., 2010. С. 22.

¹²⁹ Бедкер Х. Размышления о методе исторических понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сборник статей под редакцией Ханса Эриха Бедкера. Перевод с немецкого. М., 2010. С. 44.

¹³⁰ Копосов Н. Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России, XVI–XX века: Сборник научных работ / отв. ред. Н. Е. Копосов. СПб., 2006. С. 24.

общественно-политические реалии. Противоречия в содержании понятий раскрывались с помощью методологических подходов герменевтики. В области истории понятий изучаются изменения смысла в течение длительного времени. В данной диссертации анализируется более узкий интервал, охватывающий лишь 50 лет. В связи с этим необходимо учитывать наблюдения П. Рикера, что семантическое содержание понятия имеет тесную связь с традициями прошлого и одновременно формирует свою новую трактовку¹³¹. Идея конкуренции сложившегося толкования и вызревания иной интерпретации заставляют задуматься о многогранности значений понятий и необходимости их учета при проведении исследования.

Рассмотрев теоретические аспекты подходов к изучению истории понятий, необходимо дать объяснение методике отбора самих понятий и их интерпретации, демонстрируя их значимость для социально-политического контекста. Можно выдвинуть следующие критерии поиска: диапазон использования понятия; существуют ли разночтения в его трактовке; каковы коннотации употребления понятия; кто является адресатом и автором послания, в котором используется понятие, и с какой целью его используют; как давно употребляется понятие; какую роль выполняет понятие в социально-политическом контексте у автора; какая смысловая связь существует между данным понятием и лексиконом других базовых понятий¹³². Кроме того, А. Т. Бикбов обращает внимание на традиции и практику использования понятия, его социальные функции¹³³; отражается ли в употреблении понятия борьба разных позиций, и несет ли оно в себе отсылки к изменению социального порядка, выражая новые смыслы¹³⁴; как понятие влияет на организацию и функционирование социальных институтов¹³⁵. Понимание аспектов, которые необходимо учитывать для отбора и трактовки базовых социально-

---

¹³¹ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И. С. Вдовина. М., 2008. С. 494–497.

¹³² Koselleck R. Futures past on the semantics of historical time. New York, 2004. P. XIV.

¹³³ Бикбов А. Т. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М., 2014. С. 13.

¹³⁴ Там же. С. 13, 16.

¹³⁵ Там же. С. 22.

политических понятий дает инструментарий как для анализа представлений авторов о социальных реалиях, так и сравнения их взглядов с интеллектуальными традициями иных регионов.

Эти методы позволили увидеть особенности в восприятии социальных реалий у венецианских и флорентийских историков начала XVI в., как, в частности, они по-разному воспринимали понятие «церковь». Если Макиавелли выделял данную дефиницию в качестве самостоятельной сферы общественной жизни, то Карольдо и Санудо не отделяли ее от политических реалий.

Проведение сравнительного анализа региональных традиций историописания Венеции и Флоренции требует обращения к компаративным исследованиям. Важные замечания относительно данного методологического направления были высказаны М. Блоком. Во-первых, французский историк отмечал перспективы изучения соседних и современных друг другу обществ, формирующихся в схожих условиях и обстоятельствах¹³⁶. Заданность подобных рамок позволит, с одной стороны, произвести более строгий отбор типологических сходных проблем и сведений для сопоставления, и, с другой, прийти к менее противоречивым и абстрактным выводам. Во-вторых, различия исторических реалий двух регионов могут показать как уникальные локальные традиции, так и примеры взаимных заимствований¹³⁷. В-третьих, понимание своеобразия траекторий становления каждого из социумов позволяет понять глубинные причины несоответствия динамики изменений в обществах¹³⁸. Из чего следует, что сопоставление источников, созданных венецианцами и флорентийцами, оказывается перспективным в контексте выявления сходств и различий городов-государств.

В современных работах Ю. Кокки и М. М. Крома отмечается, что компаративные исследования, не имея строгого набора процедур, являются

---

¹³⁶ Блок М. К сравнительной истории европейских обществ / Пер. с франц. И.К. Стаф // Одиссей. Человек в истории. 2001. № 13. С. 68.

¹³⁷ Там же. С. 71.

¹³⁸ Там же. С. 73.

полем широкого спектра практик и подходов¹³⁹. Ю. Кокка и Х. Хаупт вносят важные замечания для уточнения аналитических практик. Во-первых, историки указывают, что необходимо и ограничивать сами объекты сопоставления, и стремиться к следованию за материалом: «столько абстракции, сколько необходимо, столько конкретики и контекстуальности, сколько возможно»¹⁴⁰. Во-вторых, ученые отмечают, что в контексте сравнительных исследований различных культурных традиций наметилась тенденция более осторожного использования обобщающих понятий, с учетом их локальных особенностей употребления¹⁴¹. Данная мысль созвучна с принципами, выдвигаемыми в рамках изучения истории понятий. Стоит отметить следующие перспективы, которые возможны в контексте компаративного анализа: выделять такие исследовательские проблемы, которые было бы невозможно выявить с помощью иной стратегии; определить достоверность предлагаемых обобщений; понимать масштаб, изучаемого явления; определять неповторимые черты социумов и их уникальные пути развития¹⁴². Данные выводы, уточняя и дополняя наблюдения М. Блока, позволяют проследить сходства и различия культурно-политических традиций Венеции и Флоренции. Обращение к данным исследовательским методикам дало возможность глубже понять особое отношение венецианцев к религиозному наследию, восприятию собственных политических традиций, на основе которых базировалась их практика конструирования прошлого.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Проявлением новизны является сравнение стратегий и практик репрезентации минувшего в контексте традиции историописания Венеции,

---

¹³⁹ Кром М. М. Введение в историческую компаративистику: учеб. Пособие. СПб., 2015. С. 130; Kocka J., Haupt H.-G. Comparison and Beyond: Traditions, Scope, and Perspectives of Comparative History // Comparative and Transnational History: Central European Approaches and New Perspectives / ed. by Heinz-Gerhard Haupt and Jurgen Kocka. New York; Oxford, 2009. P. 8, 12.

¹⁴⁰ Kocka J., Haupt H.-G. Comparison and Beyond: Traditions, Scope, and Perspectives of Comparative History. P. 15.

¹⁴¹ Ibid. P. 18.

¹⁴² Кром М. М. Введение в историческую компаративистику: учеб. Пособие. СПб., 2015. С. 139; Kocka J., Haupt H.-G. Comparison and Beyond: Traditions, Scope, and Perspectives of Comparative History. P. 3 – 5; Kocka J. Comparison and Beyond // History and Theory. 2003. Vol. 42. P. 39–44.

представленной авторами XV в. Антонио Сабеллико, Бернардо Джустиниани и XVI в. Марино Санудо, Джанджакомо Карольдо, с подходами к конструированию прошлого флорентийцев Леонардо Бруни и Никколо Макиавелли. Впервые автором проводится анализ исторических трудов Венеции и Флоренции (конца XV–начала XVI вв.) в рамках исследовательского проекта исторической памяти.

2. Важным элементом новизны предлагаемой диссертации является изучение семантического содержания базовых социально-политических дефиниций, используемых авторами, с помощью исследовательского инструментария «истории понятий».

3. Впервые автор исследует в исторических трудах Джанджакомо Карольдо и Марино Санудо отражение формирующихся в Новое время подходов к абстрактному и рациональному обобщению социально-политических процессов.

4. Диссертант вводит в научный оборот исторические труды венецианских авторов XV–XVI вв., и раскрывается потенциал данных источников для анализа традиций венецианского историописания.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Итогом развития исторической мысли Венеции конца XV и первой трети XVI вв. стало окончательное оформление комплекса панегирических идей и образов (именуемого в исторической науке венецианским мифом) как консервативного идеологического механизма, являющегося инструментом конструирования исторической памяти.

2. Гуманистические традиции историописания во Флоренции оказали заметное влияние на творчество Сабеллико и Джустиниани, которые стремились инкорпорировать новые тенденции в контекст идей и образов венецианских хроник предшествующего периода.

3. В условиях окончательной победы нобилитета в борьбе за власть в Венеции в XV в. историки (Сабеллико и Джустиниани) использовали идеи

гуманизма и образы венецианского мифа для обоснования аристократического правления в республике.

4. В эпоху Итальянских войн в Венеции и Флоренции наблюдались существенные различия в подходах к историописанию, нашедшие отражение в трактовках базовых социально-исторических понятий (в частности, таких как «народ», «церковь», «государство»).

5. Представления Карольдо и Санудо отличались от взглядов Макиавелли на дидактическую роль исторических текстов. Если венецианские историки видели в них инструмент совершенствования добродетелей на основе идеалов прошлого, то Макиавелли рассматривал данные сочинения как обоснование плана справедливых общественных преобразований.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в учебном процессе при подготовке курсов по всеобщей истории и истории Италии, истории идей. Наработки и выводы диссертации могут быть востребованы при изучении механизмов формирования исторической памяти с учетом их региональных и культурных особенностей.

Апробация результатов исследования. Работа обсуждалась на заседании кафедры всеобщей истории. Положения и выводы диссертации были представлены в 3 рецензируемых научных изданиях рекомендованных ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации, а также в 2 статьях в научных изданиях, индексируемых в базе данных РИНЦ. Отдельные аспекты рассматриваемых в диссертации вопросов были представлены в докладах на научных конференциях: Международная конференция «Империи, территориальные государства и локальные сообщества в этническом и национальном измерении», Санкт-Петербургский государственный университет, НИУ Высшая школа экономики (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), 03–04. 02. 2022; «Двенадцатый весенний исторический симпозиум», Гонконгский университет (г. Гонконг, КНР), 04–

05. 05. 2023; Всероссийская научная конференция «Память и идентичность – VI. Историческая политика и пропаганда», ФГБОУ ВО «РГГУ» (г. Москва, Российская Федерация), 18–19. 10. 2023.

Структура исследования. Диссертация структурирована на основе проблемного принципа. Текст диссертации состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников, списка литературы и шести приложений. Первая глава «Конструирование венецианского прошлого в трудах гуманистов XV века» посвящена анализу формирования исторической памяти в Венеции XV в. Вторая глава «Человек и общество в восприятии венецианских историков эпохи Итальянских войн» рассматривает трансформацию конструирования представлений о прошлом в фокусе социально-политических последствий Итальянских войн.

Глава 1. Конструирование венецианского прошлого в трудах гуманистов XV в.

Пятнадцатый век в истории Европы был преддверием перемен жизни общества, которые найдут свое окончательное оформление уже в последующие века Нового времени. Османская угроза стала причиной как поиска новых путей на Восток, в обход Средиземного моря, так и окончательного исчезновения старых культурно-политических центров. Византийская империя навсегда исчезла с политической карты из-за турецкой экспансии. Также и Венеция, которая была центром торговли между Западом и Востоком, утрачивала свое бывшее экономическое и политическое влияние.

Несмотря на ослабление международных торговых связей, города Италии переживали бурный экономический, политический и культурный расцвет. Последствия внутрицерковных кризисов, Авиньонского пленения пап и последовавшей за ним Великой западной схизмы, были преодолены только к середине XV в. Конфликты клира и понтификов подрывали духовный авторитет всего института церкви. Ослабление влияния роли папы как верховного религиозного лидера Италии и всей Европы способствовало формированию новых политических и культурных идей.

В этот период в Италии среди коммун определяются наиболее влиятельные политические образования, которые становятся уже территориальными государствами, которые боролись за власть на Апеннинах. Можно выделить следующие центры власти: Миланское герцогство, Флорентийская республика, Папская область, Венецианская республика и Неаполитанское королевство.

Стремясь овладеть новыми пространствами, итальянские государства вели между собой частые войны. Завоевательная политика султана Мехмеда II Завоевателя и его потомков в Средиземном и Черном морях заставила венецианцев пересмотреть свое отношение к расширению сухопутных границ.

В течение XV в. островная республика присоединила к своим территориям: Верону, Падую, Виченцу и Бергамо. Венеция, стремясь увеличить свои владения, вступила в противостояние с Миланом в 1440–1450 гг., или покушалась на самостоятельность Феррары в 1482–1484 гг.

Экономическое развитие итальянских городов и государств способствовало формированию новых политических и культурных запросов. Вопросы сохранения своего суверенитета и аргументации завоеваний требовали поиска новых историко-юридических аргументов и практик их доказательств. Данные потребности могли быть удовлетворены с помощью интеллектуального потенциала движения гуманистов.

Импульсы интеллектуального направления, гуманизма, в развитии итальянского и даже европейского культурного контекста задали новые тенденции для размышлений и рефлексии мыслителей. В частности, авторы стали больше задаваться вопросами о причинно-следственных связях изменений в окружающей реальности с действием их материальных, социально-политических и личностных факторов. В связи с этим поднимались вопросы о роли и влияния трансцендентального. Внимание к античному наследию также формировало в большей степени интерес к секулярным темам. Данные направления мысли способствовали выработке новых подходов в практике конструирования исторических образов, как в рамках целей и методов, так и отбора материалов.

В эпоху Возрождения, как и в Средние века, сохранялось первостепенное значение образных концепций, связанных с античной и христианской традициями.

К. Скиннер отмечает, что уже представители схоластической традиции – Марсилиус Падуанский (ок. 1275–ок. 1343) или Фома Аквинский (ок. 1225–1274), использовали в своих трактатах работы Цицерона, Аристотеля и многих других классических авторов, формируя политические доктрины¹⁴³,

---

¹⁴³ К. Скиннер отмечает, что известные представители схоластики, например, Марсилиус Падуанский воспринимал Цицерона в большей степени не в роли мудреца-стойка во время заговора Катилины, а

распространенные в эпоху Ренессанса¹⁴⁴. Исследователи гуманизма не могут полностью соглашаться с данным суждением. П. Кристеллер видит коренное различие двух эпох во взглядах на познание и совершенствование социума. Гуманизм выдвинул на первый план такие направления исследований как изучение и критика литературы, риторика и моральная философия, которые должны были совершенствовать добродетели и нравственность людей. В рамках *studia humanitatis* делался акцент на изучении первоисточников, то есть поиск оригинальных латинских и греческих текстов. В наибольшей степени на генезис новых представлений об обществе, по мнению П. Кристеллера, повлияло византийское наследие, которое открыло доступ к оригинальным греческим текстам Платона и Аристотеля, а не к их поздним копиям¹⁴⁵.

Примером пересмотра взглядов на общество и его прошлое под влиянием идей Возрождения могла быть система рассуждений самого значительного венецианского гуманиста Эрмолао Барбаро Младшего (1453–1493). Развивая принципы критики текста вслед за Петраркой и Лоренцо Валлой, Э. Барбаро издавал и комментировал тексты Аристотеля и античного географа Плиния¹⁴⁶. Главными исследовательскими принципами гуманиста стали сравнение различных версий текстов и их трактовок, обращение к этимологии слов и грамматический анализ предложений. Данный подход дал возможность Э. Барбаро выделить неточности и ошибки средневековых переводов и приблизиться к пониманию первоначальных смыслов античных текстов¹⁴⁷. Логика рассуждений венецианского мыслителя способствовала формированию концепции исторического контекста, то есть понимания уникальности и неповторимости каждого периода прошлого, его специфики. Э. Барбаро, хотя и был глубоко религиозным человеком, мог сделать вывод,

---

магистрата, действовавшего против заговора. Также Д. Хэнкинс указывает, что уже в XIII в. в Западной Европе были распространены латинские переводы трудов Аристотеля (Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М., 2018. С. 102; Blythe J. “Civic humanism” and medieval political thought // *Renaissance civic humanism* / ed. J. Hankins. Cambridge, 2003. P. 35).

¹⁴⁴ Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М., 2018. С. 102–104.

¹⁴⁵ Kriseller P. Humanism // *Minerva*. 1978. Vol. 16. № 4. P. 586–595.

¹⁴⁶ Branca V. Ermolao Barbaro and late Quattrocento Venetian humanism // *Renaissance Venice*. P. 220–223.

¹⁴⁷ Branca V. L'umanesimo // *Storia di Venezia*. 1996. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/ 1umanesimo_%28Storia-di-Venezia%29/](https://www.treccani.it/enciclopedia/1umanesimo_%28Storia-di-Venezia%29/) (дата обращения: 14. 09. 2023).

основываясь на своих компаративных лингвистических построениях, что именно сами люди, развивая свою речь, формировали неповторимость эпохи.

Данные идеи показывали пересмотр средневековой концепции о греховной природе человека и подчиненности его судьбы метафизическим силам. Именно сам индивид являлся творцом своей жизни¹⁴⁸. Главными мотивами общественных изменений становились идеалы, чувства и устремления, направленные на достижение общего блага своего города или республики и получаемые от этой деятельности награды и признание, а не отдаленные трансцендентальные цели и стремления¹⁴⁹.

В восприятии как христианского, так и античного наследия в эпоху Возрождения наблюдаются изменения, связанные с переносом внимания авторов от воли высших сил к активной жизненной позиции человека. Можно предположить, что образные концепции и их интерпретации, влиявшие на формирование коллективной памяти о прошлом, были существенно модифицированы гуманистами, создававшими исторические труды. Пионерской работой в отношении пересмотра механизмов конструирования исторической памяти стала «История Флорентийского народа» Леонардо Бруни или Аретино (1370–1444). Именно этот труд стал образцом для других авторов из княжеств и республик Италии XV в. в качестве убедительного примера построения текста о прошлом¹⁵⁰.

---

¹⁴⁸ Yoran H. Florentine Civic Humanism and the Emergence of Modern Ideology // *History and Theory*. 2007. Vol. 46. № 3. P. 331.

¹⁴⁹ Баткин Л. М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. М., 1995. С. 88–92; Hankins J. Coluccio Salutati e Leonardo Bruni // *Il contributo italiano alla storia del pensiero* / ed. Michele Ciliberto. Rome, 2012. P. 85–94.

¹⁵⁰ Ianziti G. Writing History in Renaissance Italy. P. 308.

§ 1. Представления гуманистов о влиянии Божественных сил на историю

Вопрос о соотношении влияния Провидения и воли человека на ход исторических событий был предметом для размышлений, как для ученых схоластиков, так и гуманистов. Если средневековые интеллектуалы рассматривали Божий промысел в качестве первопричины и основания любых социальных изменений, то мыслители эпохи Возрождения полагали, что индивид обладает личной независимостью и свободой действий. Гуманисты, не отрицая роли высшего промысла, пришли к выводу о богоподобии человека и его творческих способностях, данных для удовлетворения собственных мирских нужд и потребностей своих соотечественников. Идеи служения общим нуждам социума и всех сограждан стали основополагающими для работы Леонардо Бруни о прошлом Флоренции.

Исторический труд Бруни был выражением новой идеологической тенденции, сформировавшейся в результате политических изменений во Флоренции второй половины XIV и начала XV вв.

События середины XIV в., а именно: многочисленные факты коррупции и беззакония во время правления Вальтера Бриенского; эпидемия чумы 1348 г.; разорение крупнейших банков и торговых компаний города; ухудшение отношений Тосканы с папами и их противостояние, – были причинами отсутствия консенсуса в среде правящих кругов. Представители политической и культурной элиты, находясь в столь противоречивых условиях, не могли сформулировать образную доктрину, возвеличивающую силу и влияние Флоренции¹⁵¹. Настороженное отношение к происходящему и неуверенность в завтрашнем дне могли подтвердить слова Маттео Виллани (ок. 1280–1363), младшего брата знаменитого хрониста Джованни Виллани¹⁵². Хронист

---

¹⁵¹ Baldassarri S. *Mythography and Rhetoric in Quattrocento Florence*. P. 24–25.

¹⁵² Villani Matteo // *Dizionario di Storia*. 2011. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/matteo-villani_%28Dizionario-di-Storia%29/ (дата обращения: 14. 09. 2023).

отмечал: «В 1346 году от благотворного воплощения Христова на небе можно было видеть, что в созвездии Водолея сошлись три планеты, среди которых, по словам астрологов, господствовал Сатурн. В связи с этим предрекали наступление великих и важных перемен, но так как подобное сочетание уже неоднократно наблюдалось в прошлом, вероятно, причины несчастья следует искать не в каких-то особенностях их влияния на этот раз, а в Божьем суде, выражающем непререкаемую Господню волю»¹⁵³. Люди не имели власти менять или даже предсказывать события. Провидение и высшая воля в конечном итоге предопределяли происходящее, давая возможность индивиду лишь принимать свою судьбу. Понимая неотвратимость божественного влияния, Маттео выражал не только поддержку, но и сомнения относительно деятельности пап и всей Римской курии. Автор указывал на хитрость прелатов, их любовь к деньгам и проблемы симонии, склонности сановников к удовольствиям и борьбе за влияние¹⁵⁴. Можно предположить, что М. Виллани выражал критику и недоверие гибеллинским идеалам, бывшими актуальными для флорентийского общества ранее.

Вступление Флоренции в открытое противостояние с папой Григорием XI в 1375 г. положило конец концепции политического и духовного подчинения города власти римской курии¹⁵⁵. Флорентийские авторы стремились подчеркнуть свою политическую независимость и автономию от любых внешних сил. Усиление роли торгово-ремесленной элиты (пополо) в учреждениях законодательной и исполнительной власти города и ослабление влияния родовой аристократии, подчинение налоговых и финансовых потоков, в частности, общественного долга, интересам пополо¹⁵⁶, – данные факторы способствовали формированию у новых правителей запроса на выработку актуальной политической доктрины, которая могла бы защитить

---

¹⁵³ Виллани М. Хроника Маттео Виллани // Новая хроника, или история Флоренции. СПб, 2019. С. 500.

¹⁵⁴ Там же. С. 511.

¹⁵⁵ Weinstein D. The Myth of Florence // Florentine Studies. Politics and Society in Renaissance Florence. P. 26.

¹⁵⁶ Marvin B. The Florentine Territorial State and Civic Humanism in the Early Renaissance // Florentine Studies. Politics and Society in Renaissance Florence. P. 113–126.

их общественный статус и интересы. Также усложнение системы управления, а именно: правовых, социальных и экономических отношений, – требовало привлечения более образованных и подготовленных кадров¹⁵⁷. В том числе развивался спрос и на новые исторические модели, которые подтверждали бы законность социальных перемен и, кроме того, оправдывали завоевательную политику Флоренции. Продвижение своего собственного независимого политического курса, без опоры на идею о защите папских интересов, способствовало выдвиганию на передний план секулярных идей, которые основывались на принципах самодостаточности Флоренции и личной ответственности граждан республики за благо и независимость родного города.

В формировании новых образов политической жизни города и положения элиты важную роль сыграло творчество флорентийского канцлера Колюччо Салютати (1331–1406) – учителя и старшего товарища Леонардо Бруни, который в период противостояния Флоренции и Папского государства в 70 гг. XIV в. одним из первых дал обоснование независимости и правовой самостоятельности коммуны от притязаний и инвеститур иных политических акторов в светском ключе. Д. Хэнкинс подчеркивает, что Салютати, ссылаясь на греческих философов, доказывал добродетельность и, следовательно, законность республиканского политического режима во Флоренции. Историк отмечает, что под «республиканским» в представлении юристов и философов того времени понимались, как монархические, так и народные режимы, где высшей социальной целью было достижение «общественного блага». Их противоположностью являлось тираническое политическое устройство, с которым было законно и даже справедливо вести противостояние¹⁵⁸. Коллегиальное правительство Флоренции, чьи сознательность, мудрость и миролюбие, направленные на удовлетворение нужд людей, находило

---

¹⁵⁷ Bouwsma W. The culture of Renaissance Humanism // American Historical Association. Pamphlets (401). Richmond, 1973. P. 9–22.

¹⁵⁸ Hankins J. Coluccio Salutati e Leonardo Bruni // Il contributo italiano alla storia del pensiero. P. 85–94.

признание среди жителей, давало основание считать их властвование подчиненным разуму и заслуживающим независимости от внешних вмешательств. Аргументация Салютати не была связана с религиозной тематикой, она базировалась скорее на античной философии, демонстрируя значимость человеческой личности.

В 1404 г. в письме Галиену, канцлеру Перуджи, Колюччо Салютати приводит такое рассуждение о Боге: «<...> ведь мы достигаем совершенства, если следуем христианскому учению, и нам было заповедано: возлюби ближнего как самого себя! А ведь Христос не предписывал нам невозможного»¹⁵⁹. Вероятно, автор хотел выделить возможности человека, его созидательные способности и гармоничные отношения с окружающим миром. Мысль, которую выразил Августин в своем труде «О граде Божием», противоречила этому взгляду: «Ибо сообразно с важностью этой вины [о первородном грехе] осуждение изменило природу к худшему так, что бывшее прежде в первых согрешивших людях наказанием, стало являться в прочих людях, при их рождении <...>»¹⁶⁰. Позднеантичный религиозный философ, чьи воззрения были актуальны в течение всего Средневековья, хотел показать важность внутренней скромности и сосредоточения внимания на идеалах и ценностях горнего мира. Салютати уже иначе понимал отношения индивида и Бога, подчеркивая значительные возможности отдельных людей или их групп.

Бруни окончательно сформулировал идеи и принципы доктрины «гражданского гуманизма»¹⁶¹ и аргументировал историческое обоснование данных принципов в «Истории Флорентийского народа»¹⁶². Бруни, рассуждая

¹⁵⁹ Салютати К. Письмо от 14 июня 1404 г. Галиену да Терни // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). С. 44.

¹⁶⁰ Августин А. О граде Божием // Блаженный Августин. Творения. В 4 т. Т. 3 / под ред. С. И. Еремеева. СПб., 1998. С. 557.

¹⁶¹ Согласно определению, приводимому в Большой российской энциклопедии: «В 1-й пол. XV в. преобладающим направлением становится «гражданский гуманизм», делавший упор на разработке морали, ориентированной на воспитание в человеке активной жизненной позиции и ответственности перед людьми и обществом (Л. Бруни, П. Браччолини, М. Пальмиери)» (Кудрявцев О. Ф., Ревякина Н. В. и др. ВОЗРОЖДЕНИЕ // Большая российская энциклопедия. 2016. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/1924973 (Дата обращения: 12.12.2023).

¹⁶² Эльфонд И. Я. Леонардо Бруни, этика гражданского гуманизма и греческое наследие // Изв. Саратов. Ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. С. 425; Struever N. The Language of History in the Renaissance. Princeton and New Jersey, 1970. P. 133–134.

о конфликтах и противоречиях в социуме, приводил следующие слова о Боге: «Поэтому мы, хотя и недостойно призваны последовать за Ним [Богом] в этой службе, убеждены, что поступим по Его заповедям и исполним повеление Господа (которому грешно не повиноваться)»¹⁶³. Бруни считал, пример творца – недостижимый для людей идеал нравственного и духовного подвига, но, тем не менее, индивид в своей жизни должен был стремиться достичь образца, попытаться приблизиться к нему. Далее флорентийский историк акцентировал внимание на том, что Бог заповедовал, как наиболее важное, любовь к ближнему своему. Взаимоотношения людей, процветание их коллективного общежития являлись сквозными темами данного рассуждения¹⁶⁴. Опора на сакральные сюжеты становилась аргументом, с помощью которого Бруни еще раз подчеркивал ответственность popolo Флоренции за свой город, что соблюдение заповедей ведет к одной из главных целей земной жизни – благополучию своей родины. Можно сделать вывод, что обращение к авторитету Бога было инструментом легитимации и защиты социальных отношений, предостережением от попыток их насильственного переустройства.

Описывая экономический кризис, связанный с крахом банка Барди, крупнейшего во Флоренции в 40 гг. XIV в., Бруни указывал не на действия высших сил, а на разорительные войны, как причину проблемы¹⁶⁵. Автор в своих рассуждениях апеллировал не к промыслу Божьему, а конкретным фактам и рациональным основаниям, давая логическое объяснение кризисным явлениям. Также Бруни, повествуя о чуме 1347–1348 гг., не говорил, что эпидемия являлась карой высших сил за грехи людей. Он не считал само распространение болезни экстраординарным явлением, удивляясь в данном случае лишь масштабам заболеваемости и количеству летальных исходов¹⁶⁶. Теперь объяснения происходящих явлений должны были отражать не столько

---

¹⁶³ Bruni L. History of the Florentine People. In 3 t. T. 1. P. 260–262.

¹⁶⁴ Ibid. P. 262.

¹⁶⁵ Bruni L. History of the Florentine People. In 3 t. T. 2. P. 304.

¹⁶⁶ Ibid. P. 310.

отсылки к вселенским авторитетам, сколько достоверность фактов и демонстрацию логики развивающихся процессов.

Формировался новый взгляд на индивида или социум в традиции историописания. Основную цель своего труда Бруни видел в обучении положительным и отрицательным управленческим примерам будущих флорентийских политиков. Представители власти, анализируя ошибки и успехи предков, могли выработать собственные решения для преодоления конкретных проблем¹⁶⁷. Практический взгляд на воспитательные функции исторического произведения и система рассуждений Аристотеля, с которой Бруни был хорошо знаком¹⁶⁸, давали возможность подойти к конструированию прошлого более критически и систематически, ориентируясь на жизненный опыт и постановку конечных целей, связанных с политическими успехами. Аристотель в своем труде «Метафизика» подчеркивал важность планирования деятельности в связи с опытным знанием: «А наука и искусство возникают у людей через опыт»¹⁶⁹. Понимание Бруни данного факта открывало перед ним возможности более искусного выстраивания повествования в зависимости от политических нужд текущего момента, расширяя горизонты поиска исторических материалов. Он не ограничивал себя доктринальными рамками средневековых хронистов, в большей степени полагавшихся на аргументацию в русле теологических концепций. Формирование новых взглядов на творчество и переоценка значения и смыслового содержания учений религиозных авторитетов открывали свободу в суждениях о международном статусе государства и его истории.

---

¹⁶⁷ Bruni L. History of the Florentine People. In 3 t. T. 1. P. 2–4; Hankins J. A Mirror for Statesmen: Leonardo Bruni's History of the Florentine People. 2007. URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:2958221> (дата обращения: 06. 10. 2023).

¹⁶⁸ Л. Бруни был одним из учеников знаменитого византийского ученого Мануила Хрисолора (годы жизни: 1355–1415), который одним из первых возобновил преподавание греческого языка и других классических дисциплин на Западе и конкретно во Флоренции с 1396 г. (Куш Т. В. Византийский ученый Мануил Хрисолора в письмах своих современников // Античная древность и средние века. С. 308 – 318).

¹⁶⁹ Аристотель. Метафизика // Сочинения в четырех томах. Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. М., 1976. С. 65.

Следовательно, историк мог обосновано считать, что Флоренция являлась независимым и самостоятельным субъектом международных отношений, равноценным Риму. Доказательства данного аргумента строились на причинно-следственных связях.

Аретино приводил следующие слова флорентийских послов перед началом противостояния Тосканы с папой в 1375 г.: «О Боже, мы, послы флорентийского народа, взываем к Тебе и к справедливости Твоей против несправедливого приговора Твоего наместника»¹⁷⁰. Защита интересов флорентийского пополо, то есть суверенитета города-государства или его политических амбиций, давала основание пойти против традиционных средневековых представлений о папе, как носителе высшей универсальной власти, и даже объявить его правление тираническим¹⁷¹. Светское государство получало от Бога санкцию на борьбу с главным священником, который до этого воплощал в себе божественную сакральность на земле¹⁷². Теперь же автор утверждал, что его город обладает духовным статусом сопоставимым с Римом и мог быть независим от папского благословения. Бруни, конструируя прошлое Флоренции, стремился создать новый образ, в соответствии с которым столица Тосканы представала в качестве самостоятельного политико-правового и культурного субъекта, реализующего свои амбиции без оглядки на внешние силы.

Случайные события, перемены или бедствия в жизни города Бруни также старался объяснять не волей высших сил, а изменчивостью и непредсказуемостью судьбы¹⁷³.

Гуманисты, трудившиеся в Венеции, не оставили без внимания труд Бруни. Э. Крузе-Паван отмечает, что публикация в 1476 г. итальянского

¹⁷⁰ Bruni L. History of the Florentine People. In 3 t. T. 2. P. 508.

¹⁷¹ Ibidem.

¹⁷² С. Г. Лозинский указывает: «Папская область должна была вознаградить папство за те материальные потери, которые оно понесло от усиления независимости других государств». Можно предположить, что сами папы начали воспринимать себя не только в качестве духовных лидеров всего католического мира, но и в не меньшей степени и синьорами, владеющими государством на Апеннинах (Лозинский С. Г. История папства. М., 1986. С. 198).

¹⁷³ Bruni L. History of the Florentine People. In 3 t. T. 2. P. 22, 32, 37, 39.

перевода истории Бруни в Венеции стала стимулом для Бернардо Джустиниани (1408–1489) создать свою историю происхождения республики¹⁷⁴. Щ. Марин полагает, что «История Флорентийского народа» повлияла на труд Маркантонио Сабеллико (1436–1506)¹⁷⁵. Данные авторы стали выразителями уже более зрелых и развернутых идей венецианской истории в стилистике гуманизма, чем их предшественники: Лоренцо де Моначи (1351–1428) и Флавио Бьондо (1392–1463). Де Моначи находился у истоков гуманизма¹⁷⁶, являясь в большей степени выразителем традиций венецианской хронистики, следуя примеру Андреа Дандоло и Рафаино Карезини в оценке событий¹⁷⁷. Ф. Бьондо написал лишь короткий исторический трактат, побуждавший венецианскую элиту активнее бороться с турецкой угрозой¹⁷⁸. Сабеллико и Джустиниани, создавая свои версии прошлого Венеции, не только учитывали опыт Моначи и Бьондо, но и шли дальше своих предшественников.

Де Моначи в своем труде (созд. 20-30 гг. XV в.) уже ссылаясь и на римских авторов, например, Тита Ливия¹⁷⁹. Кроме того, он апеллировал и к античной, и христианской традициям истории, осуждая культы древнеримских богов за их безнравственность и распространенность идолопоклонства. По мнению хрониста, нет никакой достойной человеческой мудрости или силы без христианского учения¹⁸⁰. Де Моначи, повествуя о чуме 1348 г., объяснял ее развитие в контексте как материальных, так и моральных причин. Автор отмечал, что эпидемии имели место не раз в истории. Их возникновение было связано с различными состояниями природы или

¹⁷⁴ Crouzet-Pavan E. Immagini di un mito // Storia di Venezia. 1996. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/immagini-di-un-mito_%28Storia-di-Venezia%29/ (дата обращения: 14. 09. 2023).

¹⁷⁵ Marin Ş. Marcantonio Sabellico's Rerum Venetarum and "the Definitive History of Venice". The Beginnings of the Official Historiography in Venice. P. 134-177.

¹⁷⁶ O'Connell M. Legitimizing Venetian Expansion: Patricians and Secretaries in the Fifteenth Century // Venice and the Veneto during the Renaissance / ed. M. Knapton. Firenze, 2014. P. 76.

¹⁷⁷ Pertusi A. Gli inizi della storiografia umanistica nel Quattrocento // La storiografia veneziana fino al secolo. P. 282.

¹⁷⁸ Gaeta F. Storiografia, coscienza nazionale e politica culturale nella Venezia del Rinascimento. P. 27–32.

¹⁷⁹ Monacis L. Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis. P. 10–14.

¹⁸⁰ Ibid. P. 1–4.

окружающей обстановки. Далее хронист говорил, что и порча нравов влияла на распространение болезни. Высшая воля Бога определяла, кто будет жить, а кто умрет, самостоятельные усилия врачей были бессмысленны¹⁸¹. Метафизические причины были для Монахи более значимыми, и главным выходом для индивида являлись смирение и глубокая вера¹⁸². Автор отмечал богоизбранность Венеции, указывая на ее святого покровителя¹⁸³, но также он подчеркивал трудолюбие первых жителей лагуны, которые построили славный город¹⁸⁴. Величие Венеции, по мнению хрониста, скорее строилось на покровительстве Бога, хотя деятельность жителей и их благочестие являлись значимыми факторами.

Флавио Бьондо, создавая свой труд при папском дворе в 1453–1454 гг. после падения Константинополя, стремился объединить всех христиан для нового крестового похода против неверных¹⁸⁵. Гуманист восхвалял Бога за то, что Вседержитель помог укрепиться и развиться такому великому городу, как Венеция¹⁸⁶. Кроме того, историк радовался, что Серениссима¹⁸⁷ уже многие века возглавляла борьбу с врагами Христиан¹⁸⁸. Однако Бьондо, описывая другие сюжеты, не апеллировал к высшим силам. Люди являлись главными творцами событий у автора. В частности, икона Богородицы, которая фигурировала в битве крестоносцев и греков у Константинополя (1204 г.), не совершала никаких чудес, а являлась символом. Для греков водружение иконы на знамя означало начало атаки, для франков, захвативших ее, – предзнаменование победы¹⁸⁹. Бьондо демонстрировал, что именно восприятие людей и их активность являются причинами исторических изменений.

---

¹⁸¹ Ibid. P. 310–312.

¹⁸² Ibidem.

¹⁸³ Pertusi A. Gli inizi della storiografia umanistica nel Quattrocento. P. 279–280.

¹⁸⁴ Monacis L. Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis. P. 12–14.

¹⁸⁵ Marin Ş. Flavio Biondo's Venetian History and the Debatable Beginnings of "Public Historiography" in Venice. P. 103.

¹⁸⁶ Blondus F. De origine et de gestis Venetorum. P. 274.

¹⁸⁷ Еще одно название Венеции Serenissima (Серениссима), в переводе означающее «Светлейшая», получило распространение в XV в.

¹⁸⁸ Blondus F. De origine et de gestis Venetorum. P. 292.

¹⁸⁹ Ibid. P. 282.

Труд Маркантонио Сабеллико был напечатан в 1487 г. Всего за полтора года историк создал свою работу, прославлявшую величие Венецианской республики¹⁹⁰. Сабеллико начинал свое повествование с мифической даты основания Серениссимы. Автор указывал, что в день заложения города в прошлом происходили такие важные события, как сотворение первого человека в Ветхозаветной истории, Адама, а в Новозаветной – Благовещение¹⁹¹. Сабеллико, как и его предшественники – хронисты, выстраивал связь между основанием города и важнейшими событиями христианской истории¹⁹². В восприятии современников данные исторические совпадения были не случайными, а являлись знамениями великих и благих событий, которые должны были реализовываться по мере становления Венеции. В подобной версии событий Серениссима была значимой частью Божественного промысла, воплощение которого являлось главной целью мироздания¹⁹³. Следовательно, жители Венеции играли первостепенную роль в истории человечества.

Подтверждением богоизбранности Венеции у Сабеллико было обращение к легенде о св. Марке¹⁹⁴ с упоминанием чудес, которые совершались у мощей апостола¹⁹⁵. Скорее всего, именно текст Андреа Дандоло являлся для Сабеллико образцом восхваления евангелиста. Так как дож-хронист отмечал, что святой еще при жизни посетил острова и видел во сне ангела, который говорил о будущей славе островного поселения¹⁹⁶.

Кроме того, Сабеллико указывал на пророчества, демонстрировавшие особое внимание высших сил к делам республики¹⁹⁷. Автор приводил следующие слова, распространенные во времена Четвертого крестового похода: «<...> в богатом городе Константина: и будут они греки в высоком и

¹⁹⁰ Laneri M. T. Su tre corrispondenti di Marcantonio Sabellico. Proposte di identificazione // *Humanistica Lovaniensia*. 2018. Vol. 67. № 2. P. 248.

¹⁹¹ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 5 – 6.

¹⁹² Muir E. *Civic ritual in Renaissance Venice*. P. 71.

¹⁹³ *Ibidem*.

¹⁹⁴ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 30 – 31.

¹⁹⁵ *Ibid.* P. 70.

¹⁹⁶ Dandolo A. *Chronicon Venetum*. P. 10.

¹⁹⁷ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 217–218.

благородном состоянии до льва, у которого шестьдесят ног <...>¹⁹⁸. Можно предположить, что лев являлся аллегорией Венеции, победившей греков. Жители Серениссимы выполняли предначертанный свыше план и волю.

Сабеллико, следуя за Андреа Дандоло в описании мира между папой Александром III и Фридрихом Барбароссой в 1177 г., повторял рассказ о дарах¹⁹⁹ дожу от понтифика и их смысловое содержание²⁰⁰. Историк передавал следующие слова папы дожу: «<...> по моей воле [папы] с этим символом [кольцом] тебе будет подчинено море <...>»²⁰¹. Таким образом, Венеция имела верховную власть на море, которая была дарована городу наместником Бога на земле. Каждый год венецианцы вспоминали это великое событие, устраивая праздник «Обручения с морем», где дож являлся протагонистом.

В труде Сабеллико можно увидеть и совершенно иные концепции. К примеру, гуманист замечал, что в течение времени труд людей преобразовал Венецию, сделав ее великолепным городом²⁰². Именно честная деятельность всех жителей сформировала в республике гармоничные общественные отношения и обычаи. Добродетельность и скромность, стремление к сохранению христианства помогли людям выстоять во время нашествия Аттилы²⁰³. Воля индивидов, особенно в трудных условиях, была фактором благоприятных социальных перемен и побед Венеции.

¹⁹⁸ Sabellico M. *Le historie vinitiane di Marco Antonio Sabellico*. P. 62–63.

¹⁹⁹ Андреа Дандоло подчеркивал особое значение заключения мирного договора между папой и императором, связывая его со многими образами венецианской политической культуры. Помимо кольца упоминались и другие объекты, с помощью которых подчеркивался особый статус Республики. Во-первых, Александр III выбрал Венецию, потому что жители коммуны очень любили и уважали епископа Рима, и островной город был самым мирным и спокойным местом. Папа, признавая данные заслуги, подарил дожу белую свечу. Во-вторых, когда дож писал послание Фридриху, понтифик скрепил его свинцовой печатью. Лидер коммуны получил привилегию и одобрение использовать буллу достойную первосвященника, то есть обладателя высших властных полномочий. В-третьих, дож защищал Александра от нападения Оттона, сына Барбароссы. Епископ Рима пожаловал вождю венецианцев меч. Клинок был символом беспристрастности и правосудия, пришедшим в Венецию, скорее всего, из Византии. Можно предположить, что подразумевалась справедливость военных операций Венеции, которые велись и ведутся во имя высшего блага. В-пятых, Дандоло снова упоминал зонт папы, который символизировал особый статус дожа, его власти, сопоставимой с понтификом и императором. Последним даром Александра III стали серебряные трубы и стяги, которые первое лицо республики получил при въезде в Рим. Не имея властных коннотаций, данные инсигнии могли означать Божественную защиту и победу. (Dandolo A. *Chronicon Venetum*. P. 264–265; Muir E. *Civic ritual in Renaissance Venice*. P. 112–117).

²⁰⁰ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 117–120.

²⁰¹ Ibid. P. 118.

²⁰² Ibid. P. 5–6.

²⁰³ Ibid. P. 9.

Формирование отличного от средневекового восприятия сакральности отражалось и в описании топографии Святой земли. Образ Иерусалима, священного для христиан города, строился в первую очередь не на сведениях от Иосифа Флавия, но на фактах и рассуждениях, приводимых в трудах Страбона и Корнелия Тацита²⁰⁴. Сабеллико отдавал предпочтение не описанию чудес, которые сопровождали Моисея во время скитаний по пустыне, а анализу более рутинных причинно-следственных связей. В его интерпретации Моисей был жрецом, который не был согласен с религиозными представлениями египтян, что заставило мессию покинуть Африку с группой последователей и отправиться в те края, где позже будет находиться Иерусалим²⁰⁵. Описание странствий Моисея, являющихся значимыми фактами сакральной истории, приобрело в повествовании историка отчужденность от религиозных коннотаций.

Отношения с папством также были не столь однозначными. Венеция хотя и изображалась как первая защитница церкви и ее опора в борьбе с неверными²⁰⁶, но встречались и упоминания конфликтов со святым престолом. Патриции Серениссимы стремились включить в сферу своего влияния город Феррару, из-за чего Венеция вступила в противостояние с папой Климентом V (1260–1314). Понтифик наложил на Венецию интердикт, заставив послов республики приносить извинения и обещания компенсаций²⁰⁷. Кроме того, упоминался заговор против папы Николая V (1397–1455)²⁰⁸, то есть папа рассматривался скорее в качестве политического актора, нежели священной и неприкосновенной фигуры. Наиболее явным образом данное изменение в восприятии роли понтифика проявилось в описании нового конфликта из-за Феррары во время правления Сикста IV (1414–1484). Сабеллико полагал, что из-за козней папы Венеция была втянута в новую войну. Сенат и народ

---

²⁰⁴ Ibid. P. 86–87.

²⁰⁵ Ibidem.

²⁰⁶ Ibid. P. 36, 89–90, 95, 124.

²⁰⁷ Ibid. P. 188–189.

²⁰⁸ Ibid. P. 526.

республики объединились для защиты интересов своей державы²⁰⁹. По версии историка, жители Серениссимы выполняли приказ епископа Рима, однако он проявил вероломство, отдавая команду прекратить успешное военное наступление.

Сабеллико отмечал, что венецианцы не могли ожидать подобной подлости от папы. Жители Серениссимы были всегда самыми верными и преданными защитниками Святого Престола и церкви. Историк аргументировал данный факт, ссылаясь на эпизоды героизма островитян. К примеру, республика больше всех остальных христианских государств сражалась с неверными, даже когда папство не оказывало должной помощи своим вернейшим слугам²¹⁰. Однако несмотря на эти заслуги Сикст предал Венецию в войне за Феррару, объявив отлученными от церкви всех жителей города²¹¹.

Текст Сабелико подводил читателя к выводу о том, что первосвященник Рима вместо размышлений о благе всех христиан преследовал свои собственные интересы. Возможно, автор хотел показать, что Венеция была последовательна и предана божественным идеалам даже больше, чем сам понтифик. Стремление продемонстрировать благородство намерений руководителей республики, их думы о защите Италии и всех христиан от турецкой угрозы подчеркивали первостепенную значимость государственных устремлений Венецианской республики, нежели амбиции папы, ведомого собственными эгоистическими интересами, а не представлениями о чаяниях паствы.

Сабеллико использовал как средневековые конструкты, устоявшиеся в историческом сознании венецианцев, так и уже современные ему гуманистические доктрины, в которых делался акцент на более рациональные и светские факты истории. Историк подчеркивал первостепенность и

---

²⁰⁹ Ibid. P. 611–620.

²¹⁰ Ibid. P. 576–580.

²¹¹ Ibid. P. 653–654.

самодостаточность Венецианской республики без опоры, особенно в XV в., на какие-либо внешние основания легитимности. Также автор часто ссылался на влияние фортуны в судьбах людей²¹², связывая будущее не с предначертанностью божественного промысла, а вариативной и многоаспектной случайностью.

Бернардо Джустиниани, создавая свой труд на протяжении многих лет²¹³, размышлял над такими вопросами: «<...> чтобы пролить свет на причины этого уже не рассматриваемого происхождения, чтобы не останавливаться на почти первых зачатках Риальто, слабого и маленького островка, но пойти дальше, чтобы открыть причины [возникновения] этого города, который мы видим построенным, то есть из-за каких изменений в вещах двигалось столько людей, или силой принужденных, или по определенному суждению ведомых <...>»²¹⁴. Гуманиста интересовали рациональные причины, подвигнувшие индивидов или даже целые коллективы начать осваивать малопригодные для жизни островные земли.

Однако историк подчеркивал роль и высших сил, указывая, что Бог приложил немало усилий для создания Венеции²¹⁵. Кроме того, горожане всегда были глубоко религиозными и находились под покровительством небес²¹⁶. Автор также связывал дату основания Серениссимы с праздником Благовещения и отмечал благие чудеса в прошлом островного поселения²¹⁷. Божественное покровительство и благочестие жителей являлись гарантиями вечной жизни Венеции, где гармоничные порядки оставались неизменными²¹⁸. Также республику оберегал и защищал св. Марк²¹⁹. Не смотря на атаки еретиков-варваров, венецианцы сохраняли свою непреклонную верность христианству, демонстрируя через преодоление многих испытаний свой

²¹² Ibid. P. 205–209.

²¹³ Labalme P. Bernardo Giustiniani a venetian of the Quattrocento. Roma, 1969. P. 253–260.

²¹⁴ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. III.

²¹⁵ Ibid. P. V.

²¹⁶ Ibid. P. VII, LXXIII.

²¹⁷ Ibid. P. XIII–XV, XXXIX, CLXXVII.

²¹⁸ Ibid. P. XIII.

²¹⁹ Ibid. P. XLIII.

религиозный пыл и верность учению²²⁰. Кроме того, население островов начало борьбу с мусульманами для блага католического мира²²¹. Присутствие горного начала, как в отношениях людей или их законах, так и во всех начинаниях и делах, являлось важным условием естественного и плодотворного процветания города²²².

Можно предположить, что для Джустиниани связь земного и божественного была одним из фундаментальных аспектов в представлениях об общественных изменениях²²³. Данную мысль могли подтвердить следующие рассуждения автора: «Ибо великая премудрость Божия переделала то, что в человеке было рабским, слабым и низменным, в то, что было царственным, сообщила часть божественности и сделала его [человека] бессмертным»²²⁴. Индивид рассматривался как творец, способный активно действовать по милости Бога. Историк отмечал важность созидательной деятельности, апеллируя к краткости века человека. Эта ограниченность влияла на возникновение чувств и желаний, на стремление успеть больше в мирской жизни²²⁵. Можно сделать вывод, что в представлениях гуманиста Бог давал человеку многие возможности для деятельности и творчества, которые должны были быть реализованы. Интересы индивида связаны в основном не с внутренним созерцанием, а с преобразованием окружающего мира в соответствии с его собственными идеями и мотивами.

Еще одним доказательством данной мысли являлся критический анализ исторических событий, который Бернардо Джустиниани проводил на основе жизненного опыта и здравого смысла. Джустиниани, обладая отличным для

---

²²⁰ Ibid. P. CVIII, CLXIII.

²²¹ Ibid. P. CXIII.

²²² Ibid. P. CXXXVIII.

²²³ В данном случае под общественными или социальными изменениями понимаются – перемены, происходящие в течение некоторого промежутка времени внутри социальной системы и во взаимоотношениях между ними, в обществе в целом как социальной системе. Социальным изменениям подвержены, прежде всего соц. ин-ты и орг-ции, соц. гр. и общности (сооб-ва), соц. поведение людей, мотивация деятельности, их менталитет (Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М., 2010. С. 141).

²²⁴ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. XXX.

²²⁵ Ibidem.

своего времени классическим образованием²²⁶, скорее всего, был знаком с трудами Аристотеля, где формулировались мысли о важности эмпирического знания²²⁷. Венецианский историк, обращая внимание на опыт Леонардо Бруни, демонстрировал общественные изменения именно как результат целенаправленной активности личностей и коллективов. Он шел дальше флорентийского предшественника, предлагая более абстрактные концепции, объясняющие взаимодействие людей.

Джустиниани, анализируя основание Венеции, полагал, что появление первого поселения в 421 г. не повлекло за собой немедленного превращения островов в значительный политический центр²²⁸. Труд людей и опасности, исходящие от многих варварских племен, становились двигателями городского строительства²²⁹. В связи с этим интересен взгляд Джустиниани на параллели между развитием природных и социальных процессов: «Поэтому вещи, созданные природой или искусством, подобно тому, как они рождаются и растут посредством составления порядка; так и из-за разложения они разрушаются и умирают»²³⁰. Вероятно, Джустиниани видел в генезисе событий самостоятельный процесс, обладающий собственной логикой формирования. Автор показывал внутренние мотивы исторических личностей, например Аттилы или его воинов, стремление к славе²³¹ или материальные интересы²³², становились источником изменений. В наступлении иноземцев можно было увидеть внешние условия, влиявшие на развитие венецианского общества.

Отношение Джустиниани к Святому Престолу также было двойственным. С одной стороны, Венеция изображалась в качестве верной сторонницы пап во время иконоборческих споров. Венецианцы были готовы

²²⁶ Marin Ș. Some Notes about Bernardo Giustiniani's *De origine urbis Venetiarum* // *Revista Arhivelor*. 2019. Vol. XCVI. № 1-2. P. 77–80.

²²⁷ Абасов К. К. Здравый смысл в античной науке: исторический контекст // *Kant*. 2016. № 4(21). С. 4–5.

²²⁸ Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. XV.

²²⁹ *Ibid.* P. XIII, XLIII.

²³⁰ *Ibid.* P. XIX.

²³¹ *Ibid.* P. XXVI.

²³² *Ibid.* P. XXVII.

защищать понтификов даже против византийских императоров, которых республика признавала своим старшим союзником²³³. С другой стороны, историк указывал на слабость пап, их частую неспособность противостоять воле василевсов²³⁴. Оставаясь без покровительства понтифика, венецианцы были вынуждены действовать самостоятельно, защищая свою религиозную чистоту, в частности, от агрессии патриарха Аквилеи²³⁵. По мысли автора, республика должна была выстраивать собственный особый путь в религиозной политике. Духовная независимость и автономия Серениссимы подтверждались описанием подчинения власти дожа церковных собраний и избрания сановников в республике. Кроме того, под контролем главы города находилось и распоряжение владениями приходов и монастырей²³⁶. Логика историка еще раз продемонстрировала, что государственные интересы Венеции становились первостепенной ценностью без отсылки к универсальным институтам власти. Венецианская республика сама становилась никому неподотчётным и самостоятельным источником легитимности и политической воли.

Исторический труд Бруни был примером использования образа Бога в качестве оправдания мирских интересов государства. В отличие от средневековых трудов, риторика гуманизма, более ориентированная на практику и результат в мирских делах, аргументировала важность не абстрактно-духовного «общего блага» в понимании средневековой схоластики, а демонстрировала его содержание в коллективных интересах своей родины, ее военно-политических успехах. Данная этико-культурная ориентация влияла на формирование новых принципов и стратегий в политике конструирования исторической памяти. Восприятие и репрезентация Бога трансформировались и подстраивались под нужды светской политики. Апелляция к высшим силам давала возможность легитимации и морального

---

²³³ Ibid. P. CVII, CXLVII.

²³⁴ Ibid. P. CXXVIII, CXLV.

²³⁵ Ibid. P. CXLIII–CXLV.

²³⁶ Ibid. P. CXXXV–CXXXVI.

оправдания куда большего спектра решений, представляя законодательные инициативы и действия властей Флорентийской и Венецианской республик в самом благовидном свете. Культурные и политические элиты получили опирающийся на практику и отвечающий интересам локальных правящих групп довод, который убедительнее оправдывал более радикальные внутри- и внешнеполитические решения, формируя прочные идеологические опоры государств Италии эпохи Ренессанса.

§ 2. Интерпретации античного наследия в исторических трудах гуманистов

Важным источником для конструирования прошлого в Средние века и эпоху Ренессанса были образы, сформулированные в античной культуре. Поиск соответствующих актуальному контексту идей и их интерпретация в соответствии с текущими запросами становились основанием для подтверждения легитимности власти²³⁷. Если еще в XIII–XIV вв. венецианские и флорентийские хронисты обращались к легендарным античным героям (например, в Тоскане был популярен мифический Аталант²³⁸; в Венеции – выходец из Трои Атенор²³⁹), то в XV в. гуманистов стали больше интересовать философские и политические доктрины древних мыслителей²⁴⁰. Формирование новых культурных потребностей требовало более глубокой и продуманной системы доказательств, как в области государственного строительства, так и обоснования расширяющихся владений Флоренции и Венеции.

Л. Бруни, являясь главным историком торгово-ремесленной элиты Флоренции, стремился искать поучительные примеры активной жизни²⁴¹, которые продемонстрировали бы будущим политикам образцы служения благу республики и ее защиты во время нужды. Поведенческие и моральные эталоны, выработанные в культурно-политической традиции Рима и Греции и описанные в их исторических и философских трудах, были лучшими дидактическими материалами, полными как конкретных примеров гражданской доблести и героизма, так и более абстрактных доктрин, обосновывающих социальные идеалы. Именно успешная политическая

²³⁷ Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 107 – 154; Аверинцев С. С. Другой Рим. СПб., 2005. С. 59–91. Бойцов М. А. Величие и смирение. М., 2009. С. 488.

²³⁸ Виллани Д. Новая хроника, или история Флоренции. СПб., 2019. С. 8–9.

²³⁹ Marco. Frammenti della cronaca di Marco // Archivio Veneto. 1881. Т. 22. Parte 2. P. 198.

²⁴⁰ Das S. The Disappearance of the Trojan Legend in the Historiography of Venice // *Fantasies of Troy: Classical Tales and the Social Imaginary in Medieval and Early Modern Europe*. P.99; Braccesi L. Venezia e il mito troiano, realtà e leggenda. P. 45.

²⁴¹ Cochrane E. *History and Historiography in the Italian Renaissance*. Chicago, London, 1981. P. 19.

практика и богатейшая ораторско-риторическая школа делали античные тексты одной из важных опор для целенаправленного конструирования прошлого. Если искусство красноречия было главным инструментом для обучения и управления, то моральная философия, базирующаяся на примерах из прошлого и поэтических образах, воспитывала лучшие гражданские добродетели (*virtù*). В них представители элиты должны были черпать как житейскую мудрость, так и секреты, и принципы общественного регулирования²⁴².

Леонардо Бруни, создавая свой труд, опирался на хрестоматийные примеры, подтверждавшие сопоставимость Флоренции с великим республиканским Римом. Рассуждая о войне Флоренции с Пизой, Бруни приводил аналогии борьбы античной республики с Карфагеном²⁴³. Борьба двух итальянских коммун становилась в один ряд с противостоянием двух сильнейших средиземноморских держав, одна из которых позже создала самую великую империю в истории. Политическое возвышение столицы Тосканы являлось для автора событием не менее значимым.

Сабеллико также проводил параллели между историей Рима и Венеции, рассуждая о карфагенских войнах. Историк полагал, что успехи Серениссимы и тенденции ее развития силами и трудами жителей были сходны с судьбой Рима²⁴⁴. Кроме того, во введении к своей работе он отмечал, что Венецианская республика превзошла город Ромула, так как строилась на основе свободы, без первоначальных конфликтов, в отличие от начала истории Вечного города. Знатные переселенцы смогли установить в лагуне священные законы и справедливые общественные отношения²⁴⁵. Противниками венецианцев, по аналогии автора – «карфагенянами», являются генуэзцы. Далее историк указывал, что предками жителей Лигурии являлись финикийцы, а первых

---

²⁴² Martines L. Power and imagination. Baltimore, 1988. P. 191–217.

²⁴³ Bruni L. History of the Florentine People. In 3 t. T. 1. P. 2.

²⁴⁴ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 182–184.

²⁴⁵ Ibid. P. 3.

обитателей Венето, как и римлян, согласно Вергилию, – троянцы²⁴⁶. Сабеллико хотел показать величие Венеции, которая в своем происхождении и победах над врагами была сопоставима с успехами самой влиятельной империи древности. В отношении морали Венецианская республика даже превосходила Рим. Одним из зримых доказательств силы и влияния Венеции была ее победа над Генуей, с которой Серениссима находилась в противостоянии целое столетие²⁴⁷. Сабеллико подводил читателя к мысли о том, что Венецианская республика была вершиной мыслительной и созидательной деятельности человечества, как в институциональном плане, так и политическом, являя образец совершенства, превосходящий античные аналоги. Леонардо Бруни также думал, что Флоренция являлась идеальной во всех отношениях политией, в которой в конечном итоге были преодолены все конфликты и установились процветание и общественная гармония²⁴⁸.

Анализируя троянские образы, которые были столь значимы в XIII в., можно согласиться с мыслью Д. Грубба, что илионская легенда потеряла свое особое самостоятельное смысловое значение в оценках авторов XV в., в частности, Сабеллико²⁴⁹. Троянский миф был лишь одним из пунктов для сравнения прошлого Рима и Венеции. Гуманист, практически не обращаясь к мифическим преданиям и авторитетам, сразу отмечал сопоставимость, и даже превосходство нынешних времен, в сравнении с античным периодом. Леонардо Бруни, пересматривая трактовки хроники Дж. Виллани, исключил легендарные факты основания Флоренции. Опираясь на описания Саллюстия и Цицерона, Бруни указывал, что город основали колонисты Суллы, а не великий Цезарь²⁵⁰. Он хотел показать отстраненность города от имперского Рима, противоположность его властных традиций единоличной власти²⁵¹. Данную идею флорентийский историк стремился подтвердить, описывая

²⁴⁶ Ibid. P. 182–184.

²⁴⁷ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 182–184.

²⁴⁸ Bruni L. *History of the Florentine People*. In 3 t. T. 3. P. 396.

²⁴⁹ Grubb J.S. *Firstborn of Venice*. Baltimore and London, 1988. P. 16.

²⁵⁰ Bruni L. *History of the Florentine People*. In 3 t. T. 1. P. 8–10.

²⁵¹ Moyer A. *The intellectual world of sixteenth-century Florence. Humanists and culture in the age of Cosimo I*. Cambridge and New York, 2020. P. 33–34.

обычаи первых обитателей Тосканы – этрусков: «<...> Этрурия долгое время управлялась равной волей и властью всех ее двенадцати народов, а внутреннее согласие, как это обычно бывает, давало им богатство и силу <...>»²⁵². Следовательно, принципы коллективного правления имели очень глубокие корни, как и у Сабеллико, формирование политических традиций было связано с бегством людей на острова от гуннов²⁵³. Концом идиллических отношений этрусков стало усиление воинственного Рима, который угнетал и истощал всех своих соседей, аккумулируя у себя все богатства и ценности Италии²⁵⁴. Историки-гуманисты стремились обращаться к более достоверным и реалистичным сведениям прошлого, а не легендарным сюжетам, конструируя образы в соответствии с актуальными знаниями и представлениями об античности.

Прославляя победы Венеции, Сабеллико отмечал, что у Рима, как и у Венеции, исторически были схожие враги, которые обитали на территории современной Франции. В разное время они назывались, согласно автору, галлами, а позднее – франками²⁵⁵. Победа римлян над галлами в 390 г. до н. э. при обороне Капитолия, описанная Титом Ливием²⁵⁶, сравнивалась историком с военными успехами венецианцев в борьбе с атаками Карла Великого и его сына Пипина в 810 г. на лагуну²⁵⁷. Положительный исход противостояния стал для Серениссимы, как и для Рима, возможностью развития и дальнейшего роста. Эта победа, по мысли Сабеллико, стала началом «золотого века» в истории Венецианской республики²⁵⁸. Вероятно, данное сравнение должно было подчеркивать значимость побед Венеции, которые дали возможность республике стать одной из величайших держав в истории.

²⁵² Bruni L. *History of the Florentine People*. In 3 t. T. 1. P. 20.

²⁵³ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 3.

²⁵⁴ Bruni L. *History of the Florentine People*. In 3 t. T. 1. P. 16.

²⁵⁵ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 27–28.

²⁵⁶ Ливий Т. *История Рима от основания города*. В 3 т. Т. 1 / отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1989—1993. С. 273–275.

²⁵⁷ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 27–28.

²⁵⁸ *Ibidem*.

Предшественник Сабеллико – Лоренцо де Моначи – указывал, что великие политии в древности были созданы римлянами, афинянами и спартанцами, которые не были лишены духа конфликтов. Внутренние раздоры, стремление одних править другими лишали как самих граждан свободы, так и ставили под угрозу суверенный статус их великих держав²⁵⁹. Венецианцы, верные Христу, смогли создать и сохранять свободный и неподвластный никому город в течение тысячи лет²⁶⁰. Автор рассматривал Венецианскую республику как политический и сакральный центр, подобный Риму, Вавилону или Иерусалиму²⁶¹, превосходящий последние из-за благочестия и смирения жителей, верных Богу. Венеция предстает как одно из важнейших творений Провидения, обладающее самостоятельной сакральностью и легитимностью. Республика являлась одним из столпов и оснований мира, сохраняющих христианство. Несмотря на внимание автора к высшим силам, которые легитимировали державный образ Серениссимы, можно наблюдать существенные различия с доктринами обоснования статуса политического субъекта, распространенные в венецианских хрониках XIII–XIV вв. Если ранее священная власть пап рассматривалась необходимым подтверждением высшей миссии Венеции, как носителя универсальной сакральной власти²⁶², то теперь Моначи, не обращаясь к каким-либо посредникам, подчеркивает самостоятельное значение Венецианской республики. Можно предположить, что для автора XV в. духовная автономия и политическая независимость Венеции кристаллизировалась в высшие общественные ценности без необходимости их подтверждения у иных высших носителей власти.

Флавио Бьондо также восхищался Венецией, указывая, что город был основан богатыми и благородными людьми в отличие от Рима, который был

---

²⁵⁹ Monacis L. Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis. P. 1–4.

²⁶⁰ Ibidem.

²⁶¹ Ibidem.

²⁶² Historia ducum Venetorum // Testi storici veneziani (XI – XIII secolo). P. 6; Da Canale M. La cronaca dei Veneziani // Archivio storico italiano. P. 302; Dandolo A. Chronicon Venetum. P. 243; La cronaca di Raffaino Caresini tradotta in volgare veneziano nel secolo XIV. P. 81.

заложен пастухами²⁶³. Хотя историк, создавал свой труд под покровительством римской курии, он стремился подчеркнуть особый статус Серениссимы, ее исконное достоинство и благородство, которое во многом не уступало славе Вечного города. Подобный реверанс в адрес патрициата республики имел цель склонить венецианцев к более активным действиям против турецкой экспансии. Вероятно, Бьондо надеялся, что сравнение Венеции с Римом и даже возвеличивание республики, признание ее великой исторической роли, окажет воздействие на честолюбивые амбиции дожа и Сената и поможет убедить венецианскую элиту согласиться с планами папы.

Гуманисты XV в., создававшие исторические тексты, предлагали новые версии концепции становления самых ранних этапов прошлого Венеции. В частности, Бьондо, пересматривая взгляды средневековых хронистов, выдвинул в качестве даты основания города не 421 г., а 456²⁶⁴. Историк ссылаясь на факт разрушения Аквилеи в 453 г. и миграцию оставшегося населения на болота через три года после катастрофы²⁶⁵. По мнению Бьондо, данные события имели место в период правления византийского императора Флавия Маркиана (390–457) и папы Льва I Великого (кон. IV в. –461). Гуманист, скорее всего, ссылаясь на церковного историка Евагрия Схоластика²⁶⁶. Остальные версии он считал ошибочными. Ш. Марин полагает, что выбор 456 г. был связан со стремлением историка сделать акцент на тысячелетнем юбилее Венеции²⁶⁷.

М. Сабеллико и Б. Джустиниани не приняли данной версии, продолжив следовать за традицией, сформированной в рамках венецианской хронистики. Сабеллико рассматривал различные трактовки, в том числе и Бьондо, однако остановился на традиционной версии, отмечая, что поселение существовало и до похода Атиллы²⁶⁸. Сабеллико полагал, что поход 450 гг. был лишь одним из

²⁶³ Blondus F. De origine et de gestis Venetorum. P. 273–274.

²⁶⁴ Ibid. P. 274.

²⁶⁵ Ibidem.

²⁶⁶ Ibidem.

²⁶⁷ Marin Ş. Flavio Biondo's Venetian History and the Debatable Beginnings of "Public Historiography" in Venice. P. 110.

²⁶⁸ Sabellici M. Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita. P. 6–7.

многих нашествий варваров: гуннов, готов и лангобардов. Разрушение Аквилеи стало основанием для активизации переноса поселений на острова. Люди бежали до прихода Бича Божьего, что, по мнению автора, являлось естественной и логичной реакцией на подобную опасность²⁶⁹. Историк возвращался к дате, которую подчеркивал в своей хронике Андреа Дандоло²⁷⁰. Помимо времени основания Сабеллико задавался вопросом о происхождении первых поселенцев области Венето. Ссылаясь на греческих (Гомера, Ксенофонта) и римских (Катона и Страбона) авторов, Сабеллико приводил версии галльского и троянского происхождений жителей региона, подчеркивая илионские корни далеких предков²⁷¹. Рассуждения гуманиста демонстрировали, что логика репрезентации событий становилась более проработанной и аргументированной. Автор для формирования заслуживающей доверия картины прошлого должен был рассматривать различные мнения и версии событий, опираться на точные сведения и обращаться к текстам античных предшественников, которые были лучше, по мнению гуманистов, осведомлены в отдаленных исторических событиях, чем средневековые хронисты. Инструментарий историков пополнился сведениями по географии и более точными и достоверными сведениями о периоде античности. Развивалась критика как фактов, так и текстов, что заставляло авторов пересматривать традиционные для венецианской хронистики политические концепции в соответствии с изменениями культурного контекста. В частности, такая судьба ждала троянскую легенду, которая потеряла свой средневековый смысл и содержание.

Результатом распространения традиций гуманистического образования и расширение кругов элиты, интересовавшейся античной мудростью, стала концентрация внимания интеллектуалов на историко-политических и философских доктринах древних римлян и греков, которые предлагали новые

---

²⁶⁹ Ibidem.

²⁷⁰ Dandolo A. *Chronicon Venetum*. P. 52–58.

²⁷¹ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 3–4.

объяснения и трактовки, как для социальных изменений, так и процессов мироустройства.

Манера историописания Фукидида и Саллюстия, то есть убедительность аргументов, рациональный анализ причин событий и проработка стилистики текста, давали Леонардо Бруни образец ведения пропаганды. Ориентируясь на них, Бруни создавал свой труд о прошлом, актуализируя в качестве высшей ценности историю собственного города – Флоренции. Идею последовательного изложения прошлого всего государства с разделением на определенные этапы Бруни позаимствовал у Тита Ливия (от основания Рима до современного античному историку периода)²⁷². Античное наследие дало Бруни как пример формы повествования, так и аналитическую модель для репрезентации фактов. Кроме того, гуманист, следуя за интеллектуальным наследием Аристотеля, смог провести более четкое разделение между телеологическими и формальными причинами событий, опираясь на конкретные материальные основания в объяснении перемен²⁷³.

Данное видение прошлого давало возможность рассматривать факты вне контекста эсхатологических идей, развивая собственную логику причинно-следственных связей, исходя из принципов рационального мышления и здравого смысла. Автор мог прибегать к значительно более широкому спектру событий, так и выстраиванию идеологических стратегий. Творчество и умение подбирать образы, соответствующие мотивам и идеалам элиты, являлись главными критериями успеха и популярности текста.

По мнению Л. М. Брагиной, венецианские историки заимствовали некоторые элементы концепции Л. Бруни, базирующиеся на идеях античных мыслителей. Во-первых, мысль о равенстве всех граждан Венецианской республики перед законом была созвучна принципам «гражданского гуманизма» во Флоренции. В обеих доктринах подчеркивалось внимание к

²⁷² Fryde E. Humanism and Renaissance Historiography. Bodmin and Cornwall, 1983. P. 34–37.

²⁷³ Connell W. The Eternity of the World and Renaissance Historical Thought // California Italian Studies. 2011. Vol. 2. № 1. URL: <https://gwern.net/docs/history/2011-connell.pdf> (дата обращения: 30. 01. 2023).

общественной справедливости и ее защите. Во-вторых, авторы из Серениссимы, как и их тосканский предшественник, отмечали важность верховенства закона перед произволом и своеволием. В-третьих, развивались взгляды, что уже на ранних этапах истории городов были сформированы и заложены гармоничные политические институты, которые стали образцами для современных гуманистам властных учреждений²⁷⁴. Данные заключения демонстрируют, что использование политической мысли античности было важным основанием для формирования новых доктрин в актуальных общественных реалиях Италии XV в.

Актуализацией и распространением греческой культуры во Флоренции занимались такие известные авторы и преподаватели, как Боккаччо и Мануил Хрисолор²⁷⁵. Данное направление оказало заметное влияние на творчество и взгляды Л. Бруни. В Венеции существовали многовековые культурно-политические связи с Византией, и также имелся интерес к греческой мудрости и образованности²⁷⁶.

Гуманист Гуарино да Верона, находясь в Венеции 1414–1419 гг., заложил основы преподавания классических дисциплин и греческого языка. В. Бранка полагает, что именно благодаря активности Гуарино в 30–40 гг. XV в. в среде городского патрициата образовались группы молодых людей, которые были хорошо осведомлены в *studia humanitatis*²⁷⁷. В 20–30 гг. Кватроченто критский ученый Георгий Трапезундский стремился показать пользу обучения античной традиции риторики аристократии Венеции²⁷⁸. А в 50 гг. пятнадцатого века Георгий начал в Риме дискуссию с Феодором Газой о сути риторики. Если критский гуманист настаивал на цicerоновском объяснении функций красноречия, то оппонент поддерживал позицию Квинтилиана²⁷⁹.

²⁷⁴ Брагина Л. М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Идеалы и практика культуры. С. 180.

²⁷⁵ Рязанов П. А. Изучение греческой словесности во Флоренции от Боккаччо до Мануила Хрисолора // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. С. 207–212; Celenza C. The intellectual world of the Italian Renaissance. Cambridge. P. 71–94.

²⁷⁶ Карпов С. П. Латинская Романия. С. 96–102.

²⁷⁷ Branca V. Ermolao Barbaro and late Quattrocento Venetian humanism // Renaissance. P. 218–219.

²⁷⁸ Cox V. Rhetoric and Humanism in Quattrocento Venice // Renaissance Quarterly. P. 669.

²⁷⁹ Ibid. P. 680.

Цицерон полагал, что риторика являлась необходимой дисциплиной для управления республикой, с ее помощью осуществлялись задачи убеждения и рассуждений для выработки правильного политического решения. Обучение в первую очередь должно было базироваться именно на методической школьной подготовке. Квинтилиан, живший в имперскую эпоху, уделял больше внимания манерам красноречия и изысканности языка. Риторика должна была способствовать решению более широкого спектра задач, помогая человеку, как при дворе, так и в искусстве судебных состязаний²⁸⁰. По мнению Квинтилиана, как острота собственного ума, так и широкий жизненный кругозор и всесторонняя образованность являлись необходимыми условиями для карьеры успешного ратора²⁸¹. Данный спор приобрел особую актуальность в 70 гг. XV века в Венеции.

Синьория Серениссимы в 1446 г. открыла первую в городе школу за счет республики, стремясь подготовить образованных управленцев²⁸². Внимание учителей к римской и греческой литературе развивало у студентов интерес к историческим темам²⁸³. Кроме того, в 50–60 гг. XV в. Людовико Барбаро добивался приглашения в Венецию Флавио Бьондо и его назначения на должность официального историка республики²⁸⁴. Можно предположить, что данные события и процессы отражали ведущую роль патрициата в развитии гуманистической культуры Венеции. В. Кокс отмечает, что с развитием книгопечатания, основным центром которого в Европе стала Венеция, главные интеллектуальные новации республики теперь создавались не в залах Дворца дождей, а типографиях²⁸⁵. Именно в 70–90 гг. XV века в республике трудились такие выдающиеся мыслители, как Эрмолао Барбаро Младший и Альдо Мануци. Барбаро был филологом-гуманистом, стремившимся приблизиться к

²⁸⁰ Ibid. P. 671–672.

²⁸¹ Квинтилиан Ф. Риторические наставления. Т. 1, часть 1 / пер. А. Никольский. СПб., 1834. С. I–XI.

²⁸² Pertusi A. Gli inizi della storiografia umanistica nel Quattrocento // *La storiografia veneziana fino al secolo XVI*. P. 300.

²⁸³ Logan O. *Venezia cultura e società 1470–1790*. P. 103.

²⁸⁴ Marin S. Flavio Biondo's Venetian History and the Debatable Beginnings of "Public Historiography" in Venice. P. 119; Gaeta F. *Storiografia, coscienza nazionale e politica culturale nella Venezia del Rinascimento*. P. 27–32.

²⁸⁵ Cox V. *Rhetoric and Humanism in Quattrocento Venice*. P. 676.

первоначальному смыслу текстов греческих и римских мыслителей, работая с оригинальными текстами, а не их переводами²⁸⁶. Мануци был книгоиздателем, подготовившим к печати переводы и оригиналы трудов многих античных авторов. В своей работе печатник следовал за лингвистическим пуризмом и критикой Барбаро, стараясь донести смысл текстов, который в него вкладывали древние²⁸⁷.

Развитие данного интеллектуального движения в Венеции поставило вопрос о смысле получения новых знаний. В 70 гг. XV в. имели место новые дебаты о назначении риторики. Сторонники Георгия Трапезундского продолжали настаивать, что использование красноречия определялось полезностью для государственных и политических дел. Джорджо Мерула (гуманист и преподаватель, работавший в Венеции), напротив, полагал, что риторика скорее обладала герменевтическими функциями²⁸⁸. Принципы построения речи начинали рассматриваться в качестве инструмента познания чистой истины, которая не была связана только с какими-либо идеологическими целями. Также данный взгляд предлагал более широкое обращение к конкретному знанию и жизненному опыту, нежели обучению совокупности софистских приемов и логических ловушек в принципах дискуссии.

Эрмолао Барбаро, занимаясь изучением риторики Аристотеля и переведя на латинский язык одноименный труд античного философа, пришел к выводу, что лучшими венецианскими ораторами являлись те, кто имел богатый опыт работы в общественных учреждениях и широкую практику публичных выступлений, апеллируя к речам Бернардо Джустиниани на народном языке без ухищрений латинского красноречия²⁸⁹.

²⁸⁶ Branca V. L'umanesimo // Storia di Venezia. 1996. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/l_umanesimo_%28Storia-di-Venezia%29/ (дата обращения: 14. 09. 2023).

²⁸⁷ Ibidem.

²⁸⁸ Cox V. Rhetoric and Humanism in Quattrocento Venice. P. 679.

²⁸⁹ Ibid. P. 688–690, 652–654.

Можно предположить, что в контексте исторической мысли данная дискуссия нашла отражение в трудах Маркантонио Сабеллико и Джустиниани. Если Сабеллико стремился в первую очередь к созданию идеального образа Венеции, то Джустиниани старался не только показать славу республики, но также понять механизмы становления Серениссимы и непредвзято провести их анализ.

Культурная элита Венеции обращалась и к иным доктринам античной мысли. К примеру, Лауро Квирини использовал труд Аристотеля «Политика» для формирования представления о первостепенной важности гражданского долга²⁹⁰. А. Вентура отмечает, что Квирини не следовал строго за философом, защищая наследственную власть и полноценные гражданские права патрициата. Мыслитель развивал идею, что благородство происхождения определяло наличие в венецианском обществе иерархического порядка, так как потомки лучших, наследуя их качества, становились самыми успешными управленцами²⁹¹. Квирини использовал наследие Аристотеля для развития своих политических концепций, трансформируя античную мысль под актуальные нужды. Идеи Платона начал имплементировать в политические доктрины Венеции Георгий Трапезундский. Во введении к переводу диалога «Законы» он восхвалял совершенное и свободное государство, сочетающее в себе лучшие черты монархии, аристократии и республики. По мнению автора, властные институты и отношения Венеции были созданы «народом», представителями аристократии²⁹². Кроме того, город смог добиться подобной гармонии минуя этап тирании в отличие от древних политий – Спарты, Афин и Рима. Можно сделать вывод, что авторитет Платона был также одним из значимых аргументов венецианских идеологов.

---

²⁹⁰ Ventura A. *Scritti di storia veneziana*. Venezia, 2018. P. 240.

²⁹¹ Ventura A. *Scritti di storia veneziana*. Venezia, 2018. P. 253; King M. L. *Umanesimo e patriziato a Venezia nel quattrocento*. Vol. 1. P. 231–232.

²⁹² Casini M. *Note sul linguaggio politico veneziano del Rinascimento / Politica e cultura nelle repubbliche italiane dal medioevo all'età moderna* // ed. S. Braccesi, M. Ascheri. Roma, 2001. P. 322–323; Rubinstein N. *Italian political thought // The Cambridge history of political thought, 1450–1700*. Cambridge, 2006. P. 33–36.

Маркантонио Сабеллико также обращался к Платону, чтобы подчеркнуть совершенство Венецианской республики. Гуманист отмечал: «<...> любовь к отечеству, на благо которого, как говорил Платон, мы в первую очередь родились <...>»²⁹³. Сабеллико хотел продемонстрировать, что одной из главных мыслей греческой философии являлась верность и преданность своему полису. Венеция же была образцом данной максимы, где все – от дожа до простого обывателя, были верны идее «общего блага»²⁹⁴.

В диалоге «Государство» Платон акцентировал внимание, что властью лучших людей является аристократия²⁹⁵. По мнению философа, данная форма правления давала наиболее достойным по происхождению, опытным в общественных делах и справедливым людям возможность руководить. Сабеллико хотел продемонстрировать с отсылкой к авторитету мыслителя, что правление в Венеции осуществляется именно достойнейшими и лучшими²⁹⁶.

Вероятно, этот аргумент был созвучен мыслям Георгия Трапезундского о Платоне и венецианской политике, что город смог достичь идеального социального устройства, минуя стадию тирании. Обращение Сабеллико к античной философии демонстрировало, что историк рассматривал ее в первую очередь в качестве инструмента для формирования положительного образа власти. Возвращаясь к дискуссии о целях риторики, можно расширить сделанный вывод и относительно исторических трудов, что Сабеллико использовал античную мудрость для политических целей.

²⁹³ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 51–52.

²⁹⁴ В. С. Нерсесянц следующим образом определял данное понятие: «Общее благо членов данного социально-политического сообщества — это благо всех его членов на основе естественноправового (и, следовательно, общесправедливого) признания блага каждого. По своей естественноправовой сути общее благо всех и благо каждого — это одно и то же. Для признания, реализации и защиты такой концепции общего блага объективно необходимы (в силу объективной социально-политической природы человека) общая власть (государство) и общеобязательные законы, соответствующие тем же всеобщим требованиям естественного права и естественноправовой справедливости. При этом государство, выражающее и защищающее общее благо, представляет собой "дело народа" (*res populi*) и одновременно "общий правопорядок" (Цицерон). Аналогично обстоит дело и в естественноправовой концепции государства (полиса) Аристотеля (Нерсесянц В. С. *Философия права*. М., 2005. С. 69).

²⁹⁵ Платон. *Государство* / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. М., 2015. С. 271.

²⁹⁶ В диссертации под идеальной формой правления или государства понимается идея, выражавшаяся историками XV–XVI вв., о гармоничном и справедливом устройстве общества. В данном социуме не было внутренних конфликтов, каждое сословие и индивид могли удовлетворять свои политические и социально-экономические интересы, заботясь при этом в первую очередь об общем благое всего государства. Авторы стремились представить в качестве подобного идеала родные республики.

Умение Сабеллико создавать образы прошлого, обращаясь как к средневековым хроникам, отражающим народные предания²⁹⁷, так и сложным философским доктринам, сделали его труд образцовым для тех, кто создавал исторические панегирики венецианской аристократии²⁹⁸. Бернардо Джустиниани в своей работе не только превозносил значение республики, но и демонстрировал некоторое стремление к исследованиям и более непредвзятым выводам.

Бернардо Джустиниани также восхвалял борьбу венецианцев за свою свободу. Он считал, что сопоставимый подвиг могли совершить только римляне²⁹⁹. Однако автор был более осторожен в своих суждениях, так как, приводя рассуждения переселенцев, бежавших от Аттилы, указывал, что новые жители не собирались строить здесь новый Рим или Вавилон, а были готовы просто довольствоваться своей свободой³⁰⁰. Гуманист выражал сомнение, что Венеция, особенно в начале своей истории, сразу стала важным политическим центром, сопоставимым с величайшей державой древности. Историк стремился дать более аккуратные и взвешенные суждения, соотносящиеся с исторической достоверностью.

Джустиниани, ссылаясь на авторитет Катона Старшего, объяснял необходимость изучения истории родины, Венеции, тем, что незнание прошлого государства являлось равносильным незнанию сведений о своем рождении³⁰¹. Для гуманиста, принадлежавшего к высшим слоям патрициата³⁰², знание собственной родословной и возможности ее подтверждения были одними из экзистенциальных условий социального бытия, так как в городе, где вся власть и возможности были сосредоточены в руках знати, утрата связей со своим сословием означала потерю всех привилегий³⁰³. Изучение прошлого

²⁹⁷ Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo (origini – 1362) / a cura di R. Pesce. Venezia, 2010. P. 142.

²⁹⁸ Laneri M. Note on the Fortune of the Epistles of Marcantonio Sabellico: The case of Matteo Bandello. P. 10.

²⁹⁹ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. CCX.

³⁰⁰ Ibid. P. XLII.

³⁰¹ Ibid. P. VI.

³⁰² Pistilli G. Giustinian, Bernardo // Dizionario Biografico degli Italiani. 2001. Vol. 57. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/bernardo-giustinian_\(Dizionario_Biografico\)/?search=GIUSTINIAN%2C%20Bernardo](https://www.treccani.it/enciclopedia/bernardo-giustinian_(Dizionario_Biografico)/?search=GIUSTINIAN%2C%20Bernardo) (дата обращения: 06. 10. 2023).

³⁰³ Grubb J.S. Memory and Identity: Why Venetians Didn't Keep Ricordanze. P. 377.

было для Джустиниани одной из важнейших обязанностей жителей. Можно предположить, что именно для ближайшего окружения гуманист доказывал важность этих знаний.

Джустиниани указывал не только на дидактические функции истории. Обращаясь к опыту Геродота, он видел и другие цели познания прошлого: «<...> узнавать народы, территории и обычаи, с которыми он [Геродот] встречался <...>»³⁰⁴. Вероятно, гуманист имел в виду, что необходимо узнавать культуру и традиции других обществ в соответствии с кредо «отца истории», «чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и удивительные достойные деяния <...> не остались в неизвестности <...>»³⁰⁵. Джустиниани не хотел допустить умолчаний или исчезновения из памяти своих читателей важнейших фактов, без которых картина прошлого была бы не полной, а люди не знали бы основообразующих исторических сведений и пребывали в заблуждениях. Ссылаясь на Фукидида, он отмечал: «Ибо не заслуживает прощенья тот, кто, отправляясь в особенно дальнее путешествие, если ему случится оказаться в каком-нибудь знатном замке или в приятной местности, не преминет подробно рассмотреть, что в этих людях наиболее достойно внимания»³⁰⁶. Данные слова еще раз подчеркивали, что историк-гуманист считал, что одной из первейших задач познания является фиксация неизвестного и примечательного, то есть наблюдение за новым и его описание. Скорее всего, Джустиниани рассматривал и историю в данном ключе, подчеркивая ее познавательные функции. В данном случае «путешествие» понималось как обращение к минувшему, из которого можно было черпать неизвестные ранее сведения.

Доказательством данного тезиса могла быть образцовая для своего времени работа Джустиниани с античной историографией. Рассуждая о прародине венецианцев, автор приводит несколько версий. Он указывал, что

³⁰⁴ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. V.

³⁰⁵ Геродот. История / пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972. С. 11.

³⁰⁶ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. V.

Тит Ливий придерживался троянской концепции³⁰⁷. Курций Руф в «Истории Александра Македонского» ссылаясь на азиатское происхождение венецианцев³⁰⁸. Цезарь и Диодор Сицилийский, напротив, отмечали связь венетов с франками, жившими рядом с берегами Англии³⁰⁹. Джустиниани стремился к точности, давая более детальные и развернутые, чем его предшественники, ссылки на гипотезы древних историков. Подводя итог рассуждений, Джустиниани предлагал синтезный подход, полагая, что сначала из Азии прибыли венеты, и немного позже франки заняли Цизальпийскую Галлию. В дальнейшем оба племени образовали единый народ³¹⁰. Автор старался продемонстрировать наиболее авторитетные для своего времени версии происхождения, формируя на их основе собственный аналитический вывод. Джустиниани, учитывая мнения предшественников, стремился прийти к своему видению истины, дать собственную оценку историческим событиям.

Еще одним примером критического подхода Джустиниани к анализу авторитетов могло быть описание правления короля остготов Теодата в первой половине VI в. Историк отмечал, что король увлекался философией Платона и создавал свои собственные исторические труды³¹¹. Однако, по мнению автора, данные знания не являлись определяющими для успеха: «Но это не та вещь, которая открывает умственные способности людей больше, чем власть»³¹². Можно предположить, что Джустиниани подчеркивал первостепенную важность не абстрактного знания, не связанного с жизнью, а именно – конкретного опыта, на основе которого человек мог сделать собственные выводы. Возвращаясь к спору о сути риторики, можно наблюдать, что в своем историческом труде Джустиниани подтверждал тезис, выдвинутый Эрмолао Барбаро относительно взглядов политика и историка на эмпирические знания.

---

³⁰⁷ Ibid. P. VI.

³⁰⁸ Ibidem.

³⁰⁹ Ibidem.

³¹⁰ Ibidem.

³¹¹ Ibid. P. LXIX.

³¹² Ibidem.

Для Джустиниани собственный опыт и самостоятельный анализ, приложенные к конкретной ситуации были важнее, чем некие абстрактные традиции, базирующиеся на авторитетах мыслителей и философов.

Анализ исторических трудов гуманистов демонстрирует, что по сравнению со средневековыми хрониками их авторы значительно глубже и тоньше понимали античную историю. Их анализ был более строгим и проработанным, мифы не могли приниматься на веру и должны были пройти через горнило свидетельств античных авторов и критическое понимание исторических реалий самими гуманистами. Теперь историк, такой как Сабеллико, занимающийся прославлением государства, должен был опираться скорее на здравый смысл и авторитет мыслителей, нежели исключительно на легенды, чтобы его интерпретация событий заслужила доверие и обрела популярность. Те, кто шел дальше в понимании общественных реалий, в частности, Джустиниани, видел перспективу анализа прошлого в непредвзятом подходе к фактам, которые могли принести новые знания, полученные на основе собственных размышлений. Можно сделать вывод, что в это время формируются два направления в конструировании прошлого. С одной стороны, автор создавал идеальный образ, базирующийся на авторитете мыслителей и актуальных в обществе легенд и мифов. С другой стороны, историк, хотя и не без идеализации наследия, стремился построить более реалистичный образ, целенаправленно стремясь понять истинную суть минувшего.

§ 3. Общественная гармония в представлениях гуманистов

Новый взгляд на место человека в мире, условия политической самостоятельности итальянских городов-государств от воли пап и императоров создавали предпосылки для формирования новых идеологических реалий, подчеркивавших особую историческую миссию локальных политических элит³¹³. Правящие круги стремились представить существующие в социуме властные отношения в качестве идеала гармонии, соответствовавшего великим образцам государственного строительства древности. Историки гуманисты решали данную задачу, формируя положительное реноме своего города и его политиков.

Леонардо Бруни в «Истории флорентийского народа» отмечал роль «пополо», то есть торгово-ремесленного сословия, в руках которого находилась власть. Бруни полагал, что именно этот социальный слой мог обеспечить наиболее мудрое и последовательное проведение решений, распространяющих и расширяющих политическую влияние Флоренции³¹⁴. Существующий социальный строй, по мнению Бруни, являлся идеальным, при нем были сформированы совершенные управленческие учреждения и установлены справедливые общественные отношения³¹⁵. Даже приход к власти Медичи в 1434 г. не стал основанием для пересмотра политических идеалов историка, который лишь адаптировал повествование, превознося предков новых синьоров и указывая на правильность и уместность текущих решений новых господ³¹⁶.

Достижения и успехи современного политического этапа Бруни аргументировал с помощью обращения к примерам прошлого Флоренции, стремясь показать тернистый и длительный путь формирования идеальных

³¹³ Fubini R. Umanesimo e Rinascimento. 2013. URL: https://www.academia.edu/21623671/A02_umanesimo_e_rinascimento_2 (дата обращения: 04.11.2023).

³¹⁴ Hankins J. Leonardo Bruni and Machiavelli on the Lessons of Florentine History // *Le cronache volgari in Italia*. P. 374.

³¹⁵ Bruni L. History of the Florentine People. In 3 t. T. 3. P. 396.

³¹⁶ Ianziti G. Leonardo Bruni, the Medici, and the Florentine Histories // *Journal of the History of Ideas*. P. 1 – 10.

общественных отношений. Рассматривая правление родовой аристократии, Бруни акцентировал внимание на проблемах феодальных споров, внутренних войнах и конфликтах, возникавших из-за стремления отдельных синьоров подчинить себе весь город на основании своего знатного происхождения³¹⁷. Высокомерие и необузданность отдельных личностей или кланов нарушали интересы других слоев населения, а также ставили под угрозу независимость коммуны. Для удовлетворения своих властных амбиций знать выбирала тиранию, которая опиралась на поддержку низов для захвата власти, используя потенциал переменчивого настроения черни и его перерастания в социальные волнения³¹⁸.

Приход к власти самих низов, который имел место в 1378 г. во время восстания чомпи, был для Бруни примером еще большего бесправия и жестокости, так как массы плебса, подчиняясь лишь инстинктам, вели социум к охлократии или войне всех против всех³¹⁹.

Как эгоизм и вера знати в свою исключительность, так и неконтролируемая агрессия низов не могли способствовать устойчивому и поступательному развитию Флоренции. Только сознательная и последовательная деятельность пополанских кругов, которые не стремились к разжиганию «местнической» борьбы или беспричинному разбою и насилию, могла обеспечить гармоничное сосуществование всех социальных групп и направить все общество к процветанию³²⁰.

В Венеции XV в. также имели место социальные изменения, которые были сходны с флорентийскими. В городе завершилась так называемая *serrata* или законодательное закрепление ограничения для всех сословий, кроме аристократии, на избрание во властные учреждения. Постановления Большого совета 1414 и 1430 гг. определили круг лиц, имевших доступ в

---

³¹⁷ Bruni L. History of the Florentine People. In 3 t. T. 2. P. 288.

³¹⁸ Ibid. P. 284–286.

³¹⁹ Bruni L. History of the Florentine People. In 3 t. T. 3. P. 8.

³²⁰ Hankins J. A Mirror for Statesmen: Leonardo Bruni's History of the Florentine People. 2007. URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:2958221> (дата обращения: 04.10.2023).

республиканские советы на основе патрилинейного родства³²¹. Ряд наиболее знатных и влиятельных семей, которые могли подтвердить свою родословную, закрепил за собой исключительное право участия в деятельности властных совещательных органов, то есть сложилось особое закрытое сословие нобилей³²². Система патрицианского правления приняла свой окончательный вид уже в XVI в. и сохранялась до конца XVIII в.³²³ Венецианский нобилитет, концентрирующийся на политических вопросах, нуждался в образованных и подготовленных административных кадрах, которые смогли бы выполнять рутинную и организационную работу для реализации решений совещательных органов³²⁴. К примеру, сбор сотен тысяч дукатов в качестве налогов и их распределение для оснащения торговых экспедиций требовал сложной системы финансового учета³²⁵. Из-за расширения спектра подобных задач, в частности развития венецианской экспансии на материк, параллельно с патрициатом формировалось сословие граждан, исполнявших в первую очередь бюрократические функции. Опора на еще одну социальную группу имела двоякую цель. С одной стороны, это было решение технических задач управления, а с другой – аргументом для создания иллюзии народовластия, так как обе страты апеллировали к самоопределению «popolo», т. е. народ, подразумевая лишь два общественных слоя³²⁶.

Интеллектуальная элита Серениссимы, вкладывая свое понимание в данный термин, обладала более широкими политическими и культурными возможностями, чем любая иная социальная группа в распространении своего видения понятия «popolo», то есть народа. Целенаправленный выбор смыслового содержания термина должен был создавать образ правительства, которое якобы представляло интересы всего общества или всего народа.

³²¹ Chojnacki S. Social Identity in Renaissance Venice: the Second Serrata // *Renaissance Studies*. P. 344 – 347.

³²² Finlay R. La vita politica nella Venezia del Rinascimento. P. 64–65.

³²³ Panciera W. La Repubblica di Venezia nel Settecento. Roma, 2014. P. 33–34.

³²⁴ Cozzi G. Politica, società, istituzioni / La Repubblica di Venezia nell'età moderna // ed. G. Cozzi, M. Knapton. Vol. 12. T. 1. Torino, 1986. P. 142.

³²⁵ Cecchini I. Merchants and institutions in early-modern Venice / I. Cecchini, L. Pezzolo // *The journal of European economic history*. 2012. Vol. 41. № 2. P. 93.

³²⁶ Judde de Larivière C., Salzberg R. The People are the City. The idea of the Popolo and the Condition of the Popolani in Renaissance Venice. P. 780–781.

Конкретные примеры подобного употребления понятий можно найти в историческом труде Сабеллико. Автор в одном из рассуждений указывал, что жители республики во имя «*publicum bonum*» или общего блага родного города готовы были терпеть любые неприятности³²⁷. Избрание дожа описывалось следующим образом: «<...> *miro consensu populus probavit*»³²⁸, - что можно перевести как: «<...> народ с удивительным единодушием одобрил [дожа]». В повествовании указывалось, что люди без колебаний приняли кандидатуру, выдвинутую избирательной комиссией. Следовательно, знать и плебс являлись одним телом, в котором не могло быть противоречий, все жители были объединены общими интересами и целями. В Венеции, как и Флоренции, использование соответствующих смыслов слов и их коннотаций стало одним из инструментов для создания текстов, отражающих идеологически значимые образы.

Сословия патрициата и граждан, ведя строительство уже материковой державы с владениями как на Апеннинах, так и за морем³²⁹, не имели ранее подобного опыта, что заставляло управленческие круги экспериментировать и часто лишь опытным путем находить способы урегулирования новых политических проблем³³⁰. Нестандартные для предшествующей традиции администрирования решения были ответами на новые внутренние и внешние вызовы, встававшие перед республикой³³¹. Увеличение ассигнований государства на образование, в частности, создание школ, о чем подробнее говорилось в разделе об античности, способствовало формированию компетентного управленческого корпуса и среди бюрократов, и среди аристократов-политиков. Расширение круга грамотных и образованных служащих давало больше возможностей для более искусной пропаганды и

³²⁷ Sabellichi M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 112–114.

³²⁸ *Ibidem*.

³²⁹ Knapton M. *Venezia e la Terraferma // Lo Stato del Rinascimento in Italia 1350–1520*. Roma, 2014. P. 126.

³³⁰ Viggiano A. *Politics and constitutions // A companion to Venetian history, 1400–1797 / ed. E. Dursteler*. Leiden and Boston, 2013. P. 50.

³³¹ Tenenti A., Tucci U. *Nota preliminare // Storia di Venezia*. 1996. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/il-rinascimento-politica-e-cultura-nota-preliminare_%28Storia-di-Venezia%29/ (дата обращения: 08.11.2023).

имплементации новых политических решений, подкрепляющихся аргументами, заслуживающими доверия.

Новые кадры, привлеченные или уже воспитанные в традициях гуманизма в венецианских школах, предлагали новые ориентиры для легитимации аристократического правления. Власть имущие патриции стремились отобрать и распространить из континуума политических идей те, которые в наибольшей степени защищали сформировавшуюся систему управления, подводя историческую базу для обоснования своей власти.

Для селекции и контроля потока сведений, распространяющегося как внутри государства, так и за его пределами была сформирована эффективная система разведки и цензуры, контролируемая Советом десяти³³². Один из важнейших органов власти обеспечивал безопасность и стабильность Венеции, анализируя факты из официальных и неофициальных источников. Примером контроля исторических текстов стала судьба хроники Антонио Морозини. Совет десяти преследовал автора за сведения, порочащие власть, и ограничил распространение данного текста³³³. Негативная реакция правительства была следствием критических оценок, которые Морозини давал относительно экономической политики³³⁴, описания поражений и предательств венецианских командиров³³⁵, демонстрации взаимодействия современных хронисту властных учреждений республики со ссылками на конкретные имена политических деятелей³³⁶. Вероятно, патриции видели в этих фактах как материалы для критики республики, так и сведения для противников, позволяющие понять уязвимые места в системе управления Венеции.

По мнению Ф. де Виво, хотя публичная коммуникация находилась под бдительным контролем цензуры, далеко не все тексты попадали в поле зрения

---

³³² Iordanou I. Venice's secret service. P. 215–216.

³³³ Оке Ж. К. Средневековая Венеция. М., 2014. С. 264; Morosini and the censors // The Morosini codex. Vol. I / ed. M. Ghezzi, J. Melville-Jones, A. Rizzi. Padova, 1999. P. XIX – XXI.

³³⁴ Morosini A. Il codice Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094-1433). Т. 3 / ed. A. Nanetti. Spoleto, 2010. P. 1157.

³³⁵ Ibid. P. 1161.

³³⁶ Ibid. P. 1163.

властей³³⁷. Скорее, аристократия стремилась манипулировать политическими и историческими идеями, оставляя в забвении конфликты среди правящих кругов и подчеркивая единодушие и сплоченность всего социума³³⁸. Образ общего и коллективного блага должен был преобладать над индивидуальными ценностями в публичном пространстве.

Труд Сабеллико стал примером исторического повествования, который был выделен и высоко оценен влиятельными политиками-патрициями в качестве образца для прославления общественных отношений в республике. Доказательством данного факта являлось признание его автора официальным историографом Венеции. Вопрос о появлении этой должности вызывал дискуссии среди исследователей³³⁹, однако Щ. Марин привел обоснование, что неформально первым историком можно считать Сабеллико, так как его преемнику Андреа Наваджеро было поручено продолжать труд Сабеллико. Постфактум Сабеллико был признан государственным историком уже после смерти, в 1506 г.³⁴⁰ Еще одним доказательством творческих заслуг Сабеллико стало издание в 1487 г. его исторического труда, оплаченное самой республикой³⁴¹.

Стоит отметить, Сабеллико сам подчеркивал важность книгоиздания³⁴², вероятно, понимая культурно-идеологическое значение данной новации. Поддержка распространения его исторических взглядов в XVI в. приобрела еще более широкий характер. Во-первых, была не раз переиздана латинская версия текста. Во-вторых, были опубликованы итальянские переводы его труда³⁴³.

³³⁷ De Vivo F. *Information and Communication in Venice: Rethinking Early Modern Politics*. P. 8.

³³⁸ Ibid. P. 19, 41.

³³⁹ Gilbert F. Biondo, *Sabellico, and the Beginnings of Venetian Official Historiography* // *Florilegium Historiale. Essays presented to Wallace K. Ferguson*. P. 282 – 285.

³⁴⁰ Marin Ş. *Marcantonio Sabellico's Rerum Venetarum and "the Definitive History of Venice"*. *The Beginnings of the Official Historiography in Venice*. P. 176.

³⁴¹ Laneri M. *Su tre corrispondenti di Marcantonio Sabellico. Proposte di identificazione* // *Humanistica Lovaniensia*. P. 248.

³⁴² Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 534.

³⁴³ Salzberg R. *Ephemeral city: Cheap print and urban culture in Renaissance Venice*. Manchester and New York, 2014. P. 29; Marin Ş. *The Venetian historical writing and its immobilisms* // *The Byzantine-Ottoman Transition in Venetian Chronicles. La transizione bizantino-ottomana nelle cronache veneziane* / ed. S. Kolditz, M. Koller. Rome, 2018. P. 68.

Сабеллико, подобно Л. Бруни, видел в отношениях и властных традициях первых поселенцев основы республиканских институтов³⁴⁴. Сабеллико подчеркивал: «<...> были людьми знатными и высшей добродетели, те, кто строили Венецию. И желая, чтобы свобода, в которой родился город, была вечной, сделав образ жизни и справедливость для всех равными, они создали убежища и крепости своего города из священных порядков и законов»³⁴⁵. В данной формулировке заключались основные тезисы венецианских общественных идеалов: знатные переселенцы, всегда поддерживая согласие и справедливость, как в отношении морали, так и в законодательной сфере, создали город, свободный от влияния каких-либо внешних сил. Именно эти достоинства, нежели сила оружия, помогли Венеции распространить свои владения на суше и море³⁴⁶.

Святость и справедливость жителей подтверждалась их религиозностью и миролюбием, из-за чего Бог всегда охранял город³⁴⁷. Кроме того, Сабеллико указывал на трудолюбие и стойкость венецианцев, которые были верными патриотами державы во время первоначального освоения пространств и борьбы с варварами³⁴⁸, голода или жестоких осад³⁴⁹. Однако автор указывал, что бывали ситуации, когда во время войн – противостояние Венеции и Генуи в 60 гг. XIII в. – никто среди жителей не хотел делиться своими благами для общих нужд³⁵⁰.

Можно предположить, что Сабеллико приводил подобные факты, противоречащие общему послылу его работы, имея определенные мотивы. Вероятно, автор не мог вступать в столь явные противоречия со своими предшественниками, отмечавшими трудность момента.

³⁴⁴ Bruni L. History of the Florentine People. In 3 t. T. 1. P. 14–22; Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 5, 9.

³⁴⁵ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 3.

³⁴⁶ Ibid. P. 4.

³⁴⁷ Ibid. P. 5.

³⁴⁸ Ibid. P. 5–6, 10.

³⁴⁹ Ibid. P. 44–45; 270–280.

³⁵⁰ Ibid. P. 172–173.

Также историк понимал, что описание исключительно парадных и героических тем давало поводы для сомнений в достоверности его повествования, так как жители города стали бы выглядеть одномерно и неестественно. Добавление противоречий позволяло сделать особый акцент на наиболее важных и драматичных событиях, где раскрывался весь героизм венецианцев и их способность выжить, несмотря на, казалось бы, непреодолимые обстоятельства.

Примером такой истинной самоотверженности всего города являлось описание стойкости и несокрушимости жителей во время войны за Кьоджу с генуэзцами в 1379–1381 гг.³⁵¹ Сабеллико усиливал кульминацию противостояния, приводя рассказ о судьбе адмирала Витторио Пизани. Командир был арестован из-за предыдущего поражения, но общество сохранило веру в него. Требование народа к Сенату об освобождении было удовлетворено, и Пизани смог предстать перед дожем и всеми патрициями. Автор подчеркивал единство всего общества во имя общих интересов. Сам прощенный полководец в описании Сабеллико демонстрировал качества, соответствующие общественным идеалам республики. Он со смирением принимал наказание, не держа зла на власти и не обращая внимания на личные конфликты, но был очень рад, что его освободили и у него есть шанс послужить на благо Венеции и сразиться с врагами города³⁵².

Можно заключить, что в интерпретации Сабеллико отдельные конфликты или личные недовольства теряли какую-либо актуальность перед добродетелями людей, признающих первостепенную важность ценностей коллектива, готовых даже рисковать жизнью ради защиты свободы. Например, согласно тексту Сабеллико, адмирал Витторио Пизани провозглашал, что грядущие победы будут не его личной славой, а заслугами дожа и св. Марка³⁵³. Дож, как и св. Марк, были объектами постоянного

---

³⁵¹ Ibid. P. 280–281.

³⁵² Ibid. P. 286–287.

³⁵³ Ibid. P. 287 – 288.

внимания жителей, которые считали данные символы неотделимыми от образа Венеции.

Анализ морально-этических взглядов Джустиниани демонстрирует сходство его представлений об общественных идеалах, со взглядами Сабеллико. Гуманист также восхвалял свободу и священные законы Венеции, которые были прославлены в веках³⁵⁴. Также автор указывал на религиозность и скромность жителей островов, преодолевших главные пороки членов иных обществ – приверженность страсти и скупости³⁵⁵. Бог всегда хранил и защищал избранный город³⁵⁶. Джустиниани, развивая тезисы о гармонии общественной системы, отмечал, что в Венеции не только были созданы все условия для удовлетворения нужд коллектива, но и легко выполнялись индивидуальные запросы: «<...> частный интерес и удобства, как и общественные богатства столь великого и прекрасного города, заставляют нас подвергать опасности здания»³⁵⁷. Принимая во внимание природу лагуны, где для выживания было необходимо строить здания в соответствии со строго определенными правилами для безопасности людей³⁵⁸, тезис Джустиниани являлся парадоксальным. Вероятно, данная мысль подчеркивала значительные возможности жителей Венеции, которые были настолько искусны в вопросах строительства и обладали всеми необходимыми ресурсами, что могли подчинять себе силы природы и давать свободу гражданам действовать не только в рамках общеутвержденных правил, но и раскрывать их индивидуальные творческие устремления и запросы. Суждения Джустиниани относились, скорее всего, не только к сфере зодчества, а были похвалой перспективам, которые открывала Серениссима перед жителями. Величие и красота Венеции, по мнению историка, заключались в способности

---

³⁵⁴ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. III.

³⁵⁵ Ibid. P. III – X, LXXII.

³⁵⁶ Ibid. P. XIII.

³⁵⁷ Ibid. P. X.

³⁵⁸ Crouzet-Pavan E. Venice triumphant: the horizons of a myth. Baltimore and London, 2002. P. 18–33.

людей служить не только обществу, но и удовлетворять стремления каждого индивида.

В первую очередь, достоинство и благородство знатных жителей³⁵⁹ позволило сформировать гармоничные общественные отношения, в которых помимо всего прочего царили изобилие и достаток. Джустиниани подчеркивал, что все это было создано трудом и упорством многих поколений венецианцев³⁶⁰. Именно равенство и совместная активность, несмотря на сословную разнородность, позволила развиваться и сохраняться данному месту³⁶¹. Нужда друг в друге богатых и бедных людей, обладающих различными талантами, обученных всевозможным ремеслам и наукам, создала прочные узы союзничества и необходимости взаимодействия³⁶². Бедные и незнатные значительно чаще чувствовали поддержку со стороны благородных и богатых, которые всегда протягивали руку помощи находящимся в затруднительном положении. В республике преобладали успешные и состоятельные жители³⁶³.

Автор хотел подчеркнуть, что успех, знатность и изобилие были общим явлением для Венеции, где патрициат играл решающую роль в сохранении имеющегося благополучия. По мнению Джустиниани, испытания развивали в аристократах еще большее благородство и стремление служить социуму³⁶⁴.

Однако Джустиниани выражал больше сомнений относительно военных доблестей современных ему жителей в сравнении с основателями города, отмечая, что либо древний дух отваги перекочевал к другим народам, либо порча нравов и собственная леность ослабили прежнее мужество и доблесть³⁶⁵. Гуманист указывал, что он мог бы назвать тот ранний период истории «золотым веком» из-за любви и согласия, царившего тогда в отношениях людей, если бы Венецию не атаковали варвары и морские разбойники, хотя

³⁵⁹ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. XXXVII, LXXI, CXXXI.

³⁶⁰ Ibid. P. XIII.

³⁶¹ Ibid. P. LXI.

³⁶² Ibid. P. CXXXI.

³⁶³ Ibidem.

³⁶⁴ Ibid. P. CXXXII.

³⁶⁵ Ibid. P. XXIX.

Бог помогал благочестивым поселенцам, начинавшим тогда лишь строить флот³⁶⁶.

Автор отмечал, что многие изменения имели место в натуре людей в течение веков, но приверженность и уважение к традициям первых поселенцев и сохранение их наследия были очень важными и для современных граждан³⁶⁷. Венецианцы, немного отдалившись от идеалов древности, сохранили наиболее значимые принципы своей жизни, в частности, труд и заботу о коллективном благополучии³⁶⁸. Эгоизм не был столь силен, чтобы разрушить священные социальные основы. Верность данным принципам помогала горожанам сохранять свою свободу и неприкосновенность³⁶⁹.

Можно предположить, что историк, хотя в основном поддерживал концепцию гармонии политических институтов республики, но в его рассуждениях прослеживались и сомнения, особенно относительно современного состояния общественных отношений.

Джустиниани подвергал критическому анализу некоторые традиционные для венецианской культуры общественно значимые образы. Автор пересматривал трактовку событий, из-за которых якобы возник старинный городской Праздник двенадцати Марий³⁷⁰. Он признавал, что торжество отражало успехи и победы венецианцев над разбойниками, но сомневался, в какое время имели место события: при готах или лангобардах. Историк отрицал версию, что пираты атаковали город во время правления дожа Пьетро Полани (1130–1148), так как Венеция была уже очень сильна к тому моменту в военно-морском отношении³⁷¹. Примеры славы и героизма начинали восприниматься критично, хотя автор еще и не посягал на их идеологическое содержание. Сами сомнения уже развенчивали сакральность данного события, заставляя задумываться о его реальных основаниях. В более

---

³⁶⁶ Ibid. P. LXXIII.

³⁶⁷ Ibid. P. LXXIII.

³⁶⁸ Ibidem.

³⁶⁹ Ibid. P. LXXV – LXXIX.

³⁷⁰ Muir E. Civic ritual in Renaissance Venice. P. 137.

³⁷¹ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. CXX.

общем смысле подобный взгляд означал и формирование в социуме колебаний относительно выдвигаемых идеалов.

Оба автора прославляли духовно-нравственные качества патрициев, и Бернардо Джустиниани в своей изобретательности даже превзошел Сабеллико. В частности, идеи Джустиниани о том, что общественное устройство республики было нацелено не только на общее благополучие, но и реализацию потребностей отдельных людей. Социально-политическая система, направляемая благородными управленцами – патрициями, способствовала самому полному расцвету не только дел общегосударственного уровня, но и решению проблем индивидов. Вероятно, взгляд Джустиниани можно было рассматривать как идеал гармонии частного и общественного, реализованный в Венецианской республике.

Однако глубина рассуждений Джустиниани и его стремление к истине демонстрировали противоречивость образов гармоничного общественного устройства. В своих оговорках Джустиниани понимал и чувствовал расхождение реального положения дел с идеализированными образами, созданными в венецианской литературно-исторической традиции.

Можно предположить, что именно эти сомнения помешали сделать автора официальным историографом республики³⁷². Данный пример селекции исторической памяти, осуществляемый патрициатом, демонстрировал, что власти не хотели подвергать сомнению значимые образы, давая дорогу панегирическим версиям прошлого, возвеличивая свое минувшее и развивая доказательную базу для иллюстрирования достоинств современных им отношений и моральных норм. Для подтверждения своих взглядов историки-гуманисты обращались к богатству логики рассуждений и аргументов античных философов. Убедительность доказательств и доводов древних мыслителей была апробирована веками обращения к ним. Не случайно Л.

---

³⁷² Pertusi A. Gli inizi della storiografia umanistica nel Quattrocento // La storiografia veneziana fino al secolo XVI. P. 314–316, 330–331.

Бруни посвятил много времени изучению их трудов, прежде чем создал свою историю.

Возвращаясь к приемам, которые Л. Бруни использовал для восхваления политического устройства Флоренции, стоило отметить его внимание к политическим идеям Аристотеля. В «Политике» Стагирит высоко оценивал управленческий потенциал среднего сословия: «<...> мы говорим здесь о такой жизни, которая доступна большинству людей, о таком политическом устройстве, которое могут иметь у себя большинство государств»³⁷³. По его мнению, люди, не знавшие нужды, но и не очень избалованные судьбой, обладали наиболее подходящими моральными качествами для реальной управленческой деятельности. Данный тезис прекрасно вписывался в логику политических идей, отстаиваемых Бруни.

Флорентийский историк, как уже указывалось, не поддерживал правление аристократии, стремившейся доказать свою знатность и превосходство над остальными сословиями³⁷⁴. Нуждающиеся низы также думали лишь о своем бедственном положении³⁷⁵. Именно флорентийский средний слой (пополо) мог обеспечить стабильность и благополучие республики, так как по Аристотелю: «<...> величайшее счастье государства состоит в том, чтобы граждане его владели умеренной собственностью, но конечно достаточной для их нужд»³⁷⁶. Умеренность давала возможность правителям действовать рационально, стремиться заботиться о процветании всех сограждан, учитывая коллективные интересы. То есть «общее благо» являлось важной темой политического дискурса, когда общество управлялось средним сословием. Декларируемые принципы реализовывались эффективно, так как у власти находились те, кто стремился выбрать продуманные и взвешенные варианты. Бруни подчеркивал важность данной черты для элиты, описывая проблемы, исходящие от фракции гибеллинов, которые продолжали

---

³⁷³ Аристотель. Политика. М., 1865. С. 272.

³⁷⁴ Bruni L. History of the Florentine People. In 3 t. Т. 2. Р. 288; Аристотель. Политика. С. 273–274.

³⁷⁵ Bruni L. History of the Florentine People. In 3 t. Т. 3. Р. 8; Аристотель. Политика. С. 273–274.

³⁷⁶ Аристотель. Политика. С. 274.

бессмысленные и бесконечные конфликты: «<...> мотивированные скорее своими пристрастиями, нежели рациональным расчетом»³⁷⁷. Именно эта особенность пополю позволяла сохранить и развивать общественный порядок, следовать за принципами и установками законов³⁷⁸. Бруни, акцентируя внимание на положительных образах властной системы, не поднимал темы, которые показали бы олигархическую природу флорентийских правящих кругов.

Венецианские авторы также использовали интеллектуальное наследие античных философов. Уже приводились выше примеры упоминаний в трудах Сабеллико и Джустиниани греческих мыслителей. Джустиниани отмечал, что правители прошлого обращались к рассуждениям Платона, однако этот источник знаний не являлся абсолютной панацеей от всех социально-политических проблем³⁷⁹. Сабеллико, наоборот, подчеркивал со ссылкой на авторитет Платона, что аристократия – это лучшая форма правления³⁸⁰, которая помогла устранить угрозу узурпации и тирании, исходившую от Марино Фальера. Вероятно, взгляд Сабеллико был примером завуалированного восхваления властных и общественных отношений, построенных с учетом идей и принципов, распространявшихся греческим философом.

Упоминания Платона, приводимые историками, демонстрируют, что венецианские гуманисты, как и Бруни, стремились извлечь уроки из практики политического анализа античного философа. Также историки идеализировали и прославляли с помощью его авторитета как существующие традиции власти, так и сами правящие аристократические круги.

Необходимо отметить, что, давая прямые ссылки на Платона, Сабеллико и Джустиниани ни разу не указали имени Аристотеля в своих текстах. Можно

³⁷⁷ Bruni L. *History of the Florentine People*. In 3 t. T. 3. P. 109.

³⁷⁸ Hankins J. *Leonardo Bruni and Machiavelli on the Lessons of Florentine History // Le cronache volgari in Italia*. P. 374.

³⁷⁹ Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. LXIX.

³⁸⁰ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 239–240.

предположить, что отсутствие сообщений об Аристотеле объясняется рядом причин.

Аристотель в своих рассуждениях выступал скорее сторонником гибкой реалистичной политики, нежели приверженцем конкретной формы правления. Как отмечают М. Делорье и П. Дестре, хотя Аристотель приводил идеализированные модели общественного устройства, он считал, что наиболее важным является не следование какой-то определенной форме правления, а организация властной системы в соответствии с качествами и природой подвластных людей³⁸¹. Аристотель отталкивался от политических реалий, стремясь с их помощью построить гармоничные учреждения и институты. Философ старался показать всю сложность и противоречивость политики, не предлагая простых и однозначных решений.

Сходные идеи можно было наблюдать и в рассуждениях Джустиниани, который иногда демонстрировал диалектику власти. Однако он, несмотря на свой рационализм, был в большей степени склонен восхвалять сформировавшееся в Венеции аристократическое правление³⁸².

М. Скофилд замечает, что Платон подчеркивал необходимость для блага всего социума избрания лучших индивидов, которые заботились и беспокоились о нуждах всего города или общества³⁸³. Также Х. Юнис указывает, что греческий философ считал реальной перспективой, а не плодом фантазии установление правления мудрецов, где будет царить полная гармония³⁸⁴.

Взгляды Платона на общественное устройство были ближе венецианским гуманистам-историкам, чем представления Аристотеля. Они также как и Платон были убеждены в необходимости правления лучших людей, аристократии, и полагали, что уже живут в гармоничной общественно-

³⁸¹ Deslauriers M., Destree P. Introduction // *The Cambridge Companion to Aristotle's Politics* / ed. M. Deslauriers, P. Destree. New York, 2013. P. 5.

³⁸² Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. CCX, XLII,

³⁸³ Schofield M. *The Noble Lie* // *The Cambridge Companion to Plato's Republic* / ed. G. Ferrari. New York, 2007. P. 150–151.

³⁸⁴ Yunis H. *The Protreptic Rhetoric of the Republic* // *The Cambridge Companion to Plato's Republic* / ed. G. Ferrari. New York, 2007. P. 24.

политической системе³⁸⁵. Данное сходство принципиальных идей делало очевидным следование за концепцией Платона.

В связи с этим Сабеллико и Джустиниани предпочитали панегирическую манеру повествования, отличающуюся от назидательности и дидактизма Бруни. Флорентийский историк демонстрировал победы и поражения Флоренции, стремясь показать своим читателям примеры гибкого реагирования власти на возникающие вызовы и успешные политические стратегии устранения проблем. Сабеллико и Джустиниани в отличие от флорентийского коллеги обращали внимание на достижения и гармонию в социально-политической сфере республики.

Расхождения во взглядах на генезис социальных изменений у Аристотеля и венецианских историков отражались не только в различии оценок форм общественного устройства. Аристотель указывал, что в политике важна не только умеренность и добродетельность, но и определенная степень материальной обеспеченности для процветания общества³⁸⁶.

Венецианские же историки старались обращать внимание именно на моральные идеалы, на основе которых якобы и базировалось все общественное устройство Серениссимы. Сабеллико и Джустиниани подчеркивали, что в Венеции царил «золотой век» только благодаря благородству переселенцев, которым не было важно богатство³⁸⁷.

Данная логика, вероятно, является примером восхваления добродетелей венецианцев, для которых духовные ценности были якобы значительно важнее своекорыстных интересов. Исторические описания гуманистов подводили читателя к мысли, что Венеция являлась примером реализации идеального политического устройства, практически соответствующего платоновскому образцу. Закрепляя теоретические идеи Георгия

---

³⁸⁵ Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. III; Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 3–9.

³⁸⁶ Аристотель. *Политика*. С. 272–274.

³⁸⁷ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 3, 9; Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. CXXXI.

Трапезундского, Сабеллико и Джустиниани формировали доказательную базу, что элита Серениссимы смогла реализовать на практике систему, где правили аристократы.

В представлениях Платона «лучшие люди» должны были быть мудрецами, которые руководствовались разумом в своих делах. Также им было свойственно стремление к правде³⁸⁸. Правление столь выдающихся во всех отношениях индивидов отличалось справедливостью, эффективностью и безошибочностью принимаемых решений. Нобили без ущерба для общих интересов могли бы преодолеть любые внешние и внутренние конфликты. Историки хотели показать, что венецианские патриции обладали всеми приведенными чертами, как и их властная система.

Сабеллико указывал, что знатные и достойные переселенцы сформировали общество, где царили равенство и беспристрастность, несмотря на богатство одних, ссылаясь на описание Кассиодора³⁸⁹. Если сначала на островах правили присланные консулы, то постепенно развилась практика выборов трибунов³⁹⁰. Опасность, исходившая от лангобардов, вынудила представителей островов избрать общего правителя – дожа³⁹¹. Правитель должен был, в первую очередь, верно служить интересам республики³⁹². То есть аристократия формировала справедливые властные институты, несмотря на трудности времени в духе платоновских идеалов.

Бернардо Джустиниани полагал, что никаких консулов или иных представителей власти с материка на островах лагуны никогда не было³⁹³. Данный факт еще раз подчеркивал независимость учреждений республики. Джустиниани указывал, что политическая система брала свое начало с выборов трибунов³⁹⁴. В случае необходимости представители островов

³⁸⁸ Лонин А. В., Григоренко Д. Е. Власть «лучших людей» в социально-философских концепциях Платона и Аристотеля // Омский научный вестник. 2011. № 2 (96). С. 75.

³⁸⁹ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 3, 9.

³⁹⁰ Ibid. P. 10.

³⁹¹ Ibid. P. 14.

³⁹² Ibid. P. 14.

³⁹³ Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. XVII.

³⁹⁴ Ibid. P. XLVI.

собирались вместе. Скромность и правосудие становились нравственными основами жизни, исходя из которых, создавались законы и магистраты для решения конкретных задач³⁹⁵. Данные меры были необходимы для выживания первых поселенцев на болотистых и пустынных островах³⁹⁶. Джустиниани в своей реконструкции упоминал Кассиодора, подчеркивая благочестие венецианцев³⁹⁷. Вероятно, описания достоинства первых жителей также являлось отсылкой к диалогу Платона «Государство».

Однако утомительные совещания в учреждениях и сложность выработки решений во время военной опасности вынудили властную элиту задуматься о единоначалии³⁹⁸. Кроме того, увеличение состояния и богатства жителей являлось фактором обострения конфликтов в социуме³⁹⁹. Понимая данные проблемы, люди согласились с предложением патриарха о выборах дожа⁴⁰⁰. Интересно отметить, что инициатива исходила от представителя церкви. Вероятно, делая акцент на этом, Джустиниани подчеркивал важность светских порядков, которые признавались первостепенными даже высшими католическими иерархами⁴⁰¹.

Дожд должен был править в соответствии со следующими принципами: «<...> он управлял Венецианским государством в мире и изобилии, обеспечивая его безопасность и сохранность»⁴⁰². Джустиниани подчеркивал, что не допускались никакие тиранические посягательства правителя, поэтому люди отказались от наименования правителя королем⁴⁰³. Самовластие дожа было ограничено совещательными учреждениями. В случае принятия наиболее важных решений он должен был собирать общественное собрание. Судебными учреждениями, как и ранее, ведали трибуны, обращавшиеся к дожу лишь при рассмотрении самых серьезных дел. Под контролем правителя

---

³⁹⁵ Ibid. P. LXI.

³⁹⁶ Ibid. P. LXI.

³⁹⁷ Ibid. P. CXXXI.

³⁹⁸ Ibid. P. CXXXIII.

³⁹⁹ Ibid. P. CXXXV.

⁴⁰⁰ Ibidem.

⁴⁰¹ Ibidem.

⁴⁰² Ibidem.

⁴⁰³ Ibidem.

находилось управление собраниями местных церковных иерархов⁴⁰⁴. Основные рычаги власти были в сфере регулирования нобилей, которые определяли выборы дожа и влияли на его полномочия.

Можно увидеть, что Сабеллико и Джустиниани, описывая с разной степенью подробности и достоверности появление титула дожа, приходили к политическим идеалам Платона, в соответствии с которыми избирательные учреждения находились под контролем аристократии⁴⁰⁵.

Данные тезисы Сабеллико и Джустиниани подкреплялись описаниями совершенствования избирательных институтов Венеции. К примеру, Сабеллико демонстрировал, что должностные лица, называемые государственными обвинителями (*Avogadoria de Comun*), занимались пресечением и предотвращением мятежей⁴⁰⁶. Джустиниани указывал, что если сначала дожей избирал народ с помощью аккламации, то затем данную процедуру передали в руки профессионалов, которые в отличие от плебса, по мнению историка, из-за своего достоинства и добродетелей не были падки на подарки и обуреваемы чувствами ненависти и мести⁴⁰⁷.

Усиление контроля политических процессов и формирование властной элиты было в оценках венецианских авторов совершенствованием системы общественного управления. Именно в этих условиях все члены общества могли наиболее полно реализовывать свой жизненный потенциал⁴⁰⁸.

Сабеллико и Джустиниани отмечали, что еще одним из достижений властей было создание богоугодных учреждений, которые должны были помогать плебсу⁴⁰⁹. Лучшие люди создали город и совершенные общественные учреждения, где каждое сословие могло найти свое счастье. Венецианские историки приходили в своих рассуждениях к утопическим идеалам Платона. Взгляды и выводы Платона Аристотель подвергал критике:

---

⁴⁰⁴ Ibid. P. CXXXVI.

⁴⁰⁵ Платон Государство. С. 112.

⁴⁰⁶ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 39.

⁴⁰⁷ Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. CXLIX.

⁴⁰⁸ Ibid. P. CL.

⁴⁰⁹ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 123; Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. CCX.

«Платон хочет уничтожить всякое разнообразие в государстве, подчинив всю жизнь общества безличному божественному порядку. <...> Противник такого тезиса Платона – Аристотель, выдвигает определение государства как единства, заключающего в себе разнородное множество»⁴¹⁰. Гуманисты хотели представить патрициев в качестве благодетелей всего общества, заботящихся об интересах каждого сословия, стремящихся к счастью всех, нивелируя таким образом любые социальные различия.

Представленные свидетельства позволяют сделать вывод, что историки использовали концепции Аристотеля или Платона творчески, в зависимости от политических реалий Венеции, обрамляя их в форму, возвеличивавшую республиканский строй и правящее сословие. Однако в логике и Платона, и Аристотеля был неудобный момент для Сабеллико и Джустиниани, а именно: критика наследственного получения политических назначений⁴¹¹.

Античные философы отмечали, что легко приобретенное достояние предков могло быть отдано или потеряно без должного сопротивления преемника. В Венеции, где в XV в. утвердилась наследственная система в среде патрициата⁴¹², данный тезис вызывал серьезные дебаты.

Венецианский гуманист Лауро Квирини вел спор с флорентийским коллегой Поджо Браччолини в середине XV в. Если флорентийский мыслитель, следуя за античными философами, утверждал, что *nobilitas* зависит от активности самого человека, то венецианский мыслитель доказывал ее связь с родовитостью. Д. В. Возчиков полагает, что подобные взгляды Квирини определялись как его стремлением доказать свою связь с венецианским патрициатом, так и влиянием интеллектуалов Серениссимы, развивавших идею своей групповой идентичности и уникальности⁴¹³.

⁴¹⁰ Трубецкой Е. Н. Политические идеалы Платона и Аристотеля в их всемирно-историческом значении / Платон. Государство. М., 2015. С. 13–14.

⁴¹¹ Платон. Государство. С. 36; Аристотель. Политика. С. 356.

⁴¹² Chojnacki S. Women and men in Renaissance Venice. Baltimore and London, 2000. P. 233–236.

⁴¹³ Возчиков Д. В. Образы Византии и Востока в Венецианском нарративе XIV – XV веков. С. 55–56.

Венецианские историки, также связывая себя с культурной элитой города, поддерживали данный тезис.

Джустиниани отмечал: «<...> они [патриции] выросли не столько в знатности, сколько в достоинстве и понимании вещей. Это понимание пришло к ним из-за новых несчастий, которые они приняли [пережили] <...>»⁴¹⁴. Вероятно, автор подчеркивал, что знатность была неотъемлемой чертой достоинства венецианского патрициата. Однако главным стержнем аристократии были качества и способности, помогавшие элите развиваться и учиться, преодолевая новые трудности, встававшие перед республикой.

По мнению Джустиниани, именно элита с ее богатствами помогла остальным, зависимым и более малочисленным сословиям города, выйти победителями из всех неприятностей⁴¹⁵. Данный вывод, возможно, являлся ответом на вопрос, который историк ставил перед собой в начале повествования, о причинах столь значительных успехов Венеции⁴¹⁶.

Связывая данные рассуждения в цельный образ, он выстраивал историю успеха Серениссимы, которая базировалась на заслугах патрициата. Все повествование Джустиниани приводило читателя к мысли, что государство, порядок в котором благословлен самим Богом⁴¹⁷, совершенствовался благодаря правящему сословию, передававшему свои управленческие навыки из поколения в поколение. Перечисление истории успехов Венеции являлось, по сути, панегириком патрициату, который, согласно повествованию, из века в век прославлял величие республики.

Сабеллико, хотя и в других выражениях, также ставил целью своей работы прославление Венеции⁴¹⁸. Как уже указывалось выше, его труд был еще более идеологизированным и менее критичным, направленным, в первую очередь, на восхваление институтов республики и ее традиций власти. Таким

---

⁴¹⁴ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. CXXXII.

⁴¹⁵ Ibid. P. CXXXI.

⁴¹⁶ Ibid. P. III.

⁴¹⁷ Ibid. P. XIII.

⁴¹⁸ Sabellici M. Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita. P. 3.

образом, Сабеллико, описывая испытания и триумфы города, хотел выделить особую роль патрициев, постоянно стоявших на защите общего блага и свободы города. Именно достоинство и благородство, данные Богом, передававшиеся от предыдущих поколений к новым, сделали Венецию великой державой⁴¹⁹.

Историки, стремясь обойти вопрос окончательного закрытия доступа в патрицианское сословие, демонстрировали естественную ограниченность возможности расширения элитарных кругов, которые с давних времен включали в себя только самых лучших и опытных управленцев. Кроме того, авторы не хотели открывать и показывать реальные механизмы политического устройства республики, изображая лишь идеальные общественные институты⁴²⁰.

Венецианские гуманисты, создавая исторический образ совершенной политической группы, правившей в городе-государстве, обращались в данном случае не к доводам Платона и Аристотеля, а к средневековой традиции. Критическое отношение античных философов к сословно-иерархической организации общества компенсировалось теорией и аргументацией схоластики, доктрина, которая обосновывала с отсылкой на авторитет Бога, превосходство одних социальных групп над другими. Сабеллико и Джустиниани, хорошо разбиравшиеся в современных и более отдаленных культурных традициях, использовали их возможности для создания соответствующих эмоциональных или логических выводов, подтверждающих совершенство венецианской политической системы.

Гуманисты XV в. не только следовали за авторитетами прошлого, но и стремились создавать и собственные обоснования легитимности власти для своих держав и правящих там элит. Бруни мог не освещать или представлять в нейтральном свете события, критически раскрывающие роль Медичи в

---

⁴¹⁹ Ibid. P. 3, 5, 9.

⁴²⁰ Crouzet-Pavan E. A propos des elites politiques venetiennes // Les elites lettrees au Moyen Age. Modeles et circulation des saviors en Mediterranee occidentales (XII–XV siecles) / ed. P. Gilli. Montpellier, 2008. P. 114–119.

истории Флоренции⁴²¹. Бруни использовал и более сложные и изобретательные стратегии. Историк, стремясь прославлять Медичи, пересматривал трактовки, предложенные хронистами XIV в., и изображал новых синьоров защитниками и благодетелями родного города. Для решения этой задачи он привлекал архивные документы⁴²². С помощью подобного пересмотра прошлого Бруни показал героизм Джованни де Медичи в 1351 г.⁴²³, создавая положительный образ предка нового правителя, Козимо Старого (1434–1464) среди современников.

Данные интерпретационные подходы активно использовали и венецианские авторы. К примеру, Сабеллико констатировал, что венецианцы жили в постоянном мире с соседями, поэтому начало конфликта со славянами из Далмации он объяснял их агрессивными действиями. Нападения на острова и морской разбой стали причинами войны, по версии автора⁴²⁴. Джустиниани также подчеркивал миролюбие венецианцев, которые в первые столетия существования города не проявляли никаких устремлений к экспансии. Именно жители Далмации вынудили венецианцев взяться за оружие для защиты своих жилищ и безопасности торговли⁴²⁵. Подобная подача фактов еще раз подчеркивала пацифизм венецианской элиты, стремящейся лишь защищать свободу и независимость своих островов, тревожась о благе жителей.

Другим показательным примером было описание верности сенаторов и дожа Венеции своей родине во время заговора Баямонте Тьеполо 1310 г. Сабеллико отмечал: «<...> дож и сенаторы были готовы либо умереть, либо сохранить ее [свободу Венеции]»⁴²⁶. Автор хотел подчеркнуть преданность государственных мужей своему гражданскому долгу и клятвам, что коварные бунтовщики не смогут прервать традиции строгого следования законам

⁴²¹ Ianziti G. Leonardo Bruni, the Medici, and the Florentine Histories // *Journal of the History of Ideas*. P. 6.

⁴²² Ibid. P. 7–8.

⁴²³ Bruni L. *History of the Florentine People*. In 3 t. T. 2. P. 359.

⁴²⁴ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 39–40.

⁴²⁵ Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. CXXX.

⁴²⁶ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 191–193.

республики, даже если патрициям пришлось бы отдать свои жизни. Вероятно, данная деталь была некоторым преувеличением, что сам глава государства и его ближайшие советники являлись участниками боевого столкновения. Однако эта гипербола давала возможность создать образ аристократии, бесконечно преданной Венеции. Образ мирного города, где конфликты являлись ужасным и редким исключением, поддерживал и Джустиниани, который поражался братоубийственным схваткам⁴²⁷.

Приведенные эпизоды демонстрируют, что тема общественных институтов и политических отношений была одной из ключевых для гуманистов, где они могли показать всю образованность, восхваляя своих покровителей и коллег-интеллектуалов, находящихся у власти. Социальная тематика была для венецианской правящей аристократии одним из важнейших направлений, за которым пристально следили. Следовательно, авторы, желающие снискать признание и распространение своих трудов, должны были учитывать вкусы правящей элиты, прославляя республику, как с помощью новых, то есть гуманистических, веяний, так и учитывая опыт хронистики. Если античное наследие давало теоретическое основание для создания рационально обоснованной доктрины, которая актуализировала исторический материал в соответствии с развитием текстологической критики и расширяла данные о прошлом, то легитимация оформления наследственной власти патрициата требовала обращения скорее к средневековым доктринам, апеллирующим к высшим силам.

Именно использование аргументационных практик Античности и Средних веков в сочетании с политическим реализмом и чутьем дали возможность Сабеллико и Джустиниани переформатировать исторические образы в соответствии с духом времени, формируя концепции венецианского мифа, окончательно сформулированного уже в XVI в.

---

⁴²⁷ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. CLXXVI.

§ 4. Проблемы экспансии и внешней политики Венеции в XV в.

В венецианских исторических текстах темы ландшафта часто переплетались с вопросами внешней политики. Авторы, раскрывая тот или иной вектор интересов республики, приводили свое видение уникальности венецианской лагуны и влияние ее природных особенностей на местное население. Морская природа защищала переселенцев от опасных завоевателей. Лагуна давала ценный ресурс – соль, и была одним из самых удобных центров для навигации в Адриатике, имея выходы к устьям рек Северной Италии⁴²⁸.

Сложность природных условий заставляла жителей коллективно осваивать водную стихию, развивая кораблестроение и мореходство. Выбор венецианцами данного ремесла позволил республике стать центром мировой торговли. Изначальная слабость была превращена в силу, которая помогла Венеции войти в историю. Агрессивная политика республики в XIII–XIV вв. позволила ей на время овладеть Константинополем и получить колонии в Черном и Средиземном морях⁴²⁹. Многие оценки, касающиеся сакральности и важности для Венеции моря, отражали взгляды хронистов предыдущих веков, но появление турецкой угрозы умеряло амбиции патрициата⁴³⁰.

Кроме того, усиление военной опасности, исходящей с континента, заставило историков-гуманистов посвятить рассмотрению Террафермы куда больше внимания. Кьоджская война 1379–1381 гг., во время которой в коалицию против Венеции вошли генуэзцы, синьоры Падуи, Каррара, и венгерский король, создала экзистенциальную угрозу для существования республики, так как городу пришлось пережить блокаду с моря и суши. Тогда

---

⁴²⁸ Hocquet J. *Il sale e la fortuna di Venezia*. Roma, 1990. P. 543-544; Hocquet J. *Venice et la mer*. Paris, 2006. P. 17-51.

⁴²⁹ Соколов Н.П. *Образование Венецианской колониальной империи*. Саратов, 1963. С. 408–447.

⁴³⁰ Климанов Л. Г. Обретение Венецией моря: право, политика, символы // *Причерноморье в Средние века*. С. 145 – 163; Dotson J. *Foundations of Venetian Naval Strategy from Pietro II Orseolo to the Battle of Zonchio, 1000-1500* // *Medieval and Renaissance Studies*. 2001. Vol. 32. URL: <https://web.archive.org/web/20070312093110/http://www.deremilitari.org/resources/articles/dotson1.htm> (Дата обращения: 23. 11. 2023).

перед правящими кругами встал вопрос о защите западных рубежей лагуны⁴³¹. Опасность данного момента для Серениссимы и необходимость реализации оборонительных мер фиксировали историки XV в.⁴³²

Стоит отметить, что исторические сведения о соседних народах и их происхождении у гуманистов расширялись. Деятельность картографа Фра Мауро (дата смерти: ок. 1459), располагавшего сведениями, полученными от купцов, демонстрировала накопление новых фактов даже об отдаленных регионах⁴³³. В. Бранка указывает, что изучение античных авторов также было полезным для расширения знаний. В частности, работа Эрмолао Барбаро по изданию и комментированию труда Плиния «Естественная История»⁴³⁴, важнейшей энциклопедии и компендиума античности, дала импульс для анализа и пересмотра сведений об ойкумене.

Историки также демонстрировали не только привычные для Средних Веков трактовки, но и новые культурно-этнографические сведения. Примером старых концепций является рассуждение Флавио Бьондо о предках сарацин и турок. Он указывал, что жители Азии были остановлены Александром Македонским у мифических Гиперборейских⁴³⁵ или Рипейских гор⁴³⁶. Сабеллико, опираясь, скорее всего, на средневековые источники, приводил куда более достоверное и правдоподобное описание происхождения лангобардов. Гуманист указывал, что переселенцы из Скандинавии пришли к Дунаю, откуда отправились уже к Италии⁴³⁷. Сравнение данных описаний показывало, что представления, очищенные от легенд, формировались в соседстве с влиянием авторитетов и традиций. То есть имел место процесс кристаллизации идей о пользе опытного знания, постепенно переходящего в

⁴³¹ Cacciavillani I. Venezia e la Terraferma. Padova, 2008. P. 22–23.

⁴³² Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 270–275; Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. CXXXIX, CXXX–CXXXI.

⁴³³ Davies S. *Renaissance Ethnography and the Invention of the Human*. Cambridge, 2016. P. 105; Фоменко И. К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XV. М., 2011. С. 50–71.

⁴³⁴ Branca V. *Ermolao Barbaro and late Quattrocento Venetian humanism*. P. 223.

⁴³⁵ Blondus F. *De origine et de gestis Venetorum*. P. 275.

⁴³⁶ Скорее всего, данный топоним обозначал Уральские горы (Куклина И. В. Этнография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 176).

⁴³⁷ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 10.

научное, отделяющегося от бездоказательных предположений. Следующие примеры являлись демонстрацией приращения сведений, как о природе, так и о социальной динамике. Сабеллико, рассуждая о натуре землетрясений, выдвигал версии о влиянии небесных тел или, со ссылкой на Анаксагора, отмечал: «<...> были вызваны в земле чередованием воздушных потоков»⁴³⁸. Джустиниани предлагал достаточно оригинальную концепцию происхождения ислама. Согласно историку, порча религиозных нравов в Византии и засилье еретиков стали причинами развития нового вероучения⁴³⁹.

Люди начинали рассматривать и оценивать изменения как результат естественных причинно-следственных связей. Новый взгляд на диалектику мира формировал и иное отношение человека к жизни. Индивид куда более явственно осознал возможности повлиять на свою судьбу и добиться изменений в ней. Христофор Колумб и его последователи, оперируя новыми для своего времени сведениями в области естествознания и обладая верой в собственный успех, отправлялись в далекие путешествия, реализуя на практике образец активной жизненной позиции.

Венецианские гуманисты, ощущая новые тенденции в интеллектуальной среде, следовали за ними, подчеркивая, что многовековой труд людей создал в пространстве лагуны город, образцовый как внутренним содержанием, так и внешним великолепием. Кроме того, способности венецианцев позволили распространить данное влияние и на море, и на суше. Хотя Сабеллико и Джустиниани старались возвеличивать Венецию, обращаясь к новому взгляду на возможности индивида и социума, но изменения в соотношениях сил в средиземноморском регионе уже заставляли сомневаться авторов в потенциале и политическом влиянии города.

Сабеллико и Джустиниани повторяли многие клише, подчеркивающие уникальность местоположения Венеции.

---

⁴³⁸ Ibid. P. 223–224.

⁴³⁹ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. CV–CXI.

Во-первых, авторы утверждали, что жители республики очень счастливы, так как город находится в лучшем месте Италии⁴⁴⁰. Джустиниани более детально раскрывал данные характеристики. Автор указывал на труднодоступность островов⁴⁴¹. Историк отмечал, что здоровый климат объяснялся пересечением потоков ветров, изгоняющих болезни⁴⁴². Хорошо действующая общественная гигиена Венеции была следствием солености вод, морских течений, а также особенностей почв островов⁴⁴³. Для доказательства своих аргументов историк ссылался на авторитет Страбона, Плиния, Витрувия и Павла Диакона⁴⁴⁴, еще утверждал: «<...> ни в одной другой части Италии вы не найдете большего числа стариков и пожилых людей <...>»⁴⁴⁵.

Во-вторых, оба гуманиста акцентировали внимание на том, как люди строили и улучшали город⁴⁴⁶. Сабеллико, указывая на природные проблемы региона, связанные с наводнениями⁴⁴⁷, восхвалял красоту венецианского зодчества⁴⁴⁸.

Джустиниани отмечал, что обитатели островов приложили много труда к обустройству лагуны для жизни⁴⁴⁹. Историк подчеркивал, что к V – VI вв. Венеция была уже украшена многими сооружениями⁴⁵⁰.

В-третьих, авторы отмечали потенциал города для морской торговли⁴⁵¹. Они превозносили и военные таланты адмиралов, и силу флота республики⁴⁵².

В-четвертых, Сабеллико и Джустиниани слагали оды спокойствию и безопасности Серениссимы, говоря о том, что город никогда не был взят

⁴⁴⁰ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 3; Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. IX–XV.

⁴⁴¹ Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. IX.

⁴⁴² Ibid. P. XII.

⁴⁴³ Ibidem.

⁴⁴⁴ Ibid. P. VII–XII.

⁴⁴⁵ Ibidem.

⁴⁴⁶ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 3–10; Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. XII, XLIII.

⁴⁴⁷ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 13.

⁴⁴⁸ Ibid. P. 107–114.

⁴⁴⁹ Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. LXXXIII–LXXXIII, XLII.

⁴⁵⁰ Ibid. P. XC.

⁴⁵¹ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 12; Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. XLII.

⁴⁵² Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 12; Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. CXL.

врагами и всегда свободен от покорения и «ярма» захватчиков⁴⁵³. Особенно Сабеллико подчеркивал благополучие и неприступность острова Риальто⁴⁵⁴. Джустиниани в еще большей степени прославлял защищенность города от внешних врагов, сравнивая тревоги и беды материка с гармонией, царившей на островах⁴⁵⁵. Историк аргументировал данную мысль следующими словами: «<...> и безопасность места, потому что она [Венеция] является неприступной. Мы отдалены от Террафермы [твердой земли] на десять миль, от берега – на три. Конечно, никакое убежище не является более крепким, чем то, которое невозможно атаковать»⁴⁵⁶. В предыдущие столетия хронисты указывали сходные положения, демонстрируя преимущества ландшафта Венеции⁴⁵⁷. Все венецианские авторы, рассматриваемые в работе, удивлялись и восхищались столь тесному соседству города с водной стихией, подчеркивая заслуги строителей и основателей⁴⁵⁸.

Однако в среде элиты многие подвергали сомнению безопасность и неуязвимость города. В трудах Сабеллико и Джустиниани также отразились данные противоречия. Военная экспансия турок во владения Венеции в Средиземном и Черном морях заставила патрициев серьезно задуматься о возможностях поддержания своего влияния в отдаленных регионах⁴⁵⁹. Именно торговые караваны и конвои со специями были основой экономики республики, долгое время приносявшие Венеции сверхприбыль⁴⁶⁰. Ограничения, накладываемые агрессией османов на транзитные потоки, вынудили венецианцев обратить свой взор на материковые владения. В XV–XVI вв. наблюдался рост цен на сельскохозяйственную продукцию по всей

⁴⁵³ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 27–28, 45, 116; Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. XL, XLII, XLV, XLIX.

⁴⁵⁴ *Ibid.* P. 23–25, 27–28.

⁴⁵⁵ Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. LIX.

⁴⁵⁶ *Ibid.* P. XLII.

⁴⁵⁷ Dandolo A. *Chronicon Venetum*. P. 263.

⁴⁵⁸ Da Canale M. *La cronaca dei Veneziani*. P. 272; Dandolo A. *Chronicon Venetum*. P. 9.

⁴⁵⁹ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3 т. Т. 2. М., 2003. С. 719–721; Лейн Ф. Золотой век Венецианской республики. М., 2017. С. 318–322.

⁴⁶⁰ Карпов С. П. Путиями средневековых мореходов. М., 1995. С. 5–18.

Европе⁴⁶¹. Кроме того, неожиданная смерть миланского герцога, Джан Галеаццо Висконти (1351–1402), открыла перспективы для захвата ломбардских территорий, ослабевшего государства⁴⁶².

Данные факторы давали возможность представителям элиты относительно безболезненно перенести свои капиталы из более рискованной и опасной – как в плане прироста прибыли, так и, возможно, личной безопасности – сферы дальней торговли в стабильно развивающийся аграрный сектор, закрепляя свою принадлежность к высшим слоям социальной иерархии приобретением земельных угодий.

Политические и экономические перемены оказывали влияние и на общественные представления людей, заставляя венецианцев задуматься, а, возможно, и пересмотреть связи их города с морем. До этого суша воспринималась в качестве угрозы, находящейся в прямой антитезе венецианской свободе и процветанию, которые зиждились на властвовании и контроле жителей Серениссимы над морем. Теперь же патриции были вынуждены изменить свое отношение к жителям материка, беря их под свою власть⁴⁶³. Новой задачей, стоящей перед аристократией, было создание образов, легитимирующих территориальные приобретения республики⁴⁶⁴.

А. Тененти полагает, что элита Венеции, несмотря на существенные перемены, продолжала рассматривать море в качестве главного политического направления для республики⁴⁶⁵. Консервативно настроенные аристократы опасались отступления от старых традиций. По их мнению, данное предательство привело бы общество к неминуемой катастрофе.

Однако были и те, кто видел в освоении Северной Италии перспективы для защиты интересов республики и значительные экономические

⁴⁶¹ Fusaro M. *Political Economies of Empire in the Early Modern Mediterranean. The Decline of Venice and the Rise of England*. Cambridge, 2015. P. 176.

⁴⁶² Knapton M. *Venezia e la Terraferma // Lo Stato del Rinascimento in Italia 1350–1520*. P. 126.

⁴⁶³ Tenenti A. *The sense of space and time in the Venetian world of the fifteenth and sixteenth centuries // Renaissance Venice / ed. J. Hale*. Lanham, 1973. P. 23.

⁴⁶⁴ O'Connell M. *Voluntary Submission and the Ideology of Venetian Empire // I Tatti Studies in the Italian Renaissance*. 2017. Vol. 20. № 1. P. 10.

⁴⁶⁵ Tenenti A. *The sense of space and time in the Venetian world of the fifteenth and sixteenth centuries*. P. 23.

возможности⁴⁶⁶. Т. Мэдден приводит знаменитый спор дожа Томмазо Мочениго (1414–1423) с его преемником Франческо Фоскари (1423–1457). Старый правитель указывал на беды, с которыми столкнется Венеция, вступая в борьбу с Миланским герцогством и отказываясь от политики «блестящей изоляции», приносившей городу невероятную маргинальность в сфере морской торговли⁴⁶⁷. Н. А. Фионова в своей диссертации приводила русский перевод речи дожа Мочениго: «Вы знаете, что флорентийцы ежегодно продают нам 16 тысяч кусков тонкого и среднего сукна. Мы же продаем его в Апулии, Неаполитанском королевстве, Сицилии, Каталонии, Испании, Барбарии, Египте, Сирии, Кипре, Родосе, Романии, Крите, Морее, Лиссабоне, а флорентийцы ежемесячно закупают у нас различных товаров на 7 тыс. дукатов, в год же на 150 тыс. Они покупают у нас французскую и каталанскую шерсть, малиновую краску кармазин, зерно, соль, воск, золотые и серебряные нити, сахар, необработанное серебро, специи, самородные квасцы, кожи <...> с великой выгодой для нашей страны. Так поступает всякое другое поколение, действуя тем же самым способом»⁴⁶⁸.

Тем не менее, Фоскари, победив на выборах, начал вести активную борьбу за влияние Венеции на материке, расширяя венецианскую Терраферму. Слишком инициативная и волюнтаристская политика дожа стала причиной его скандального низложения в 1457 г., инициированного наиболее влиятельными патрициями⁴⁶⁹. Несмотря на противоречивость и ожесточенность споров, груз экономических и военных проблем заставил наиболее влиятельные семьи выбрать освоение суши, где риски были ниже, а шансы преумножить состояние – выше⁴⁷⁰.

⁴⁶⁶ O'Connell M. Legitimizing Venetian Expansion: Patricians and Secretaries in the Fifteenth Century // *Venice and the Veneto during the Renaissance*. P. 72.

⁴⁶⁷ Madden T. *Venice: A New History*. London, 2012. P. 195.

⁴⁶⁸ Фионова Н. А. Ремесла и ремесленные цехи в Венеции XIII–XV вв.: дис. канд. ист. наук: 07.00.00. – Горьковский гос. университет им. Н. И. Лобачевского, Горький, 1971. С. 203.

⁴⁶⁹ Dibello D. Dinamiche istituzionali e prassi normative nella Venezia del tardo medioevo. Nota al caso Foscari // *Archivio Veneto*. 2016. Vol. 6. № 12. P. 7–14.

⁴⁷⁰ Согласно подсчетам во второй половине XV в. годовой доход Венеции составлял 1150 тыс. дукатов из них 420 тыс. приходилось на Терраферму (Knapton M. *Venezia e la Terraferma* // *Lo Stato del Rinascimento in Italia 1350–1520*. P. 140).

Власть Венеции устанавливалась как в крупных городах – Виченце (1404) и Падуе (1405), так и в малых поселениях. На локальном уровне развивалась система ректорства или наместничества Серениссимы, через которую осуществлялась исполнительная власть на новоприсоединенных территориях в тесной связи с местными элитами⁴⁷¹. Политика Венеции в период с 1404 по 1428 гг. помогла таким центрам, как Брешиа и Верона, преодолеть внутренний кризис и показать значительный прирост экономики и населения⁴⁷². Данный факт демонстрировал, что отношения с Венецией могли стать основанием для улучшения жизни городов. Исходя из подобной перспективы, некоторые интеллектуалы приветствовали приход к власти островитян, легитимируя и доказывая их право на материковое господство⁴⁷³.

Венецианские авторы, в первую очередь, стремились показать справедливость и законность военно-политической экспансии республики на материк. Сабеллико и Джустиниани подчеркивали, что с самого начала истории города-государства такие опасные соседи, как гунны, готы, венгры и лангобарды, были инициаторами агрессии по отношению к жителям области Венето, которые были вынуждены спасаться на островах, но даже и там ощущать риск, исходящий от недружелюбных соседей⁴⁷⁴. По мнению Джустиниани, со становлением Венеции в качестве самостоятельного политико-правового субъекта в среде элиты формировались и внешнеполитические доктрины: «Мы не думаем, что создаем здесь Рим или Вавилон, но я все же хочу сказать, что сам Рим был построен на одном холме.

---

⁴⁷¹ Faggion L. Les élites de la Terre Ferme et l'État vénitien aux XVIe et XVIIe siècles // *Rives Méditerranéennes*. 2009. № 32–33. P. 1–13; Жечевич Н. Serenissima между властью и коррупцией: стратегии поведения венецианских чиновников в начале XV века // *Одиссей*. 2014. № 25. С. 391.

⁴⁷² Varanini G. La Terraferma veneta nel Quattrocento e le tendenze recenti della storiografia // *Ateneo Veneto*. 2010. Vol. 197. № 9. P. 25.

⁴⁷³ Toffolo S. Cities dominated by lions: the fifteenth-century Venetian mainland state depicted by inhabitants of the subject cities // *Viator*. 2015. T. 46. № 1. P. 313–314; Bowd S. Venice's Most Loyal City. Civic Identity in Renaissance Brescia. Cambridge, Massachusetts, London, 2010. P. 10–17.

⁴⁷⁴ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 3–5, 6–10, 42–45; Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. XVI–XVII, XXII–XXIII, XXV, XXIX–XXXVI, XLVII – LI, XCIII, CVI.

Нам достаточно в этом месте обрести приют свободы. Остальные вещи пусть остаются на усмотрение Великого Бога»⁴⁷⁵.

Джустиниани подчеркивал, что с самого начала своей истории венецианское государство было абсолютно не воинственным. Грозные и жестокие примеры великих царств древности не привлекали людей. Сабеллико, описывая нашествие Атилы, также указывал, что жители поселения были самыми верными приверженцами принципов миролюбия⁴⁷⁶. Можно сделать вывод, что республика, в соответствии с логикой историков, доставала меч только в случае необходимости защиты своих жизненно важных интересов и свобод⁴⁷⁷.

Джустиниани, описывая первый конфликт Серениссимы с Падуей, подчеркивал несправедливость выдвинутых обвинений жителями материка, требовавших от венецианцев отказаться от контроля торговых портов по реке Брента. Гуманист отмечал, что древняя Падуя была разрушена варварами, из которой население бежало в разные части света, в том числе в Венецию. Однако впоследствии, когда бежавшие вернулись на пепелища и заново отстроили Падую, они забыли о гостеприимстве и помощи венецианцев и предъявили претензии на устье реки, впадавшей в лагуну. Несмотря на то, что новые падуанцы никогда не вкладывали своего труда в обустройство болотистых берегов Бренты⁴⁷⁸.

Исходя из приведенных доводов, историк пришел к выводу, что претензии падуанцев были неправомерными и несправедливыми. Он акцентировал внимание на том, что оба социума имели общие корни, являясь по сути братскими, и что Венеция никогда не причиняла зло своим ближним⁴⁷⁹.

⁴⁷⁵ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. XLII.

⁴⁷⁶ Sabellici M. Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita. P. 5.

⁴⁷⁷ Arnaldi G. La cancelleria ducale fra culto della «legalitas» e nuova cultura umanistica // Storia di Venezia. 1997. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/la-cancelleria-ducale-fra-culto-della-legalitas-e-nuova-cultura-umanistica_%28Storia-di-Venezia%29/ (дата обращения: 29. 11. 2023).

⁴⁷⁸ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. LXXXIII–LXXXIII.

⁴⁷⁹ Ibidem.

Данное описание представляло венецианцев как рассудительных и миролюбивых мужей, которые являлись рачительными хозяевами, стремящимися улучшить окружающие их территории, закрепляя права на новые владения⁴⁸⁰. Также демонстрировалось, что зачинателями конфликта, нарушающими прежние договоренности, являлись падуанцы, а жителям Серениссимы приходилось защищаться. В отношении политических проблем XV в., становилось понятно, что овладение Падуей было оправдано исторической враждой, которую венецианцы пытались предотвратить еще многие века назад. В конце своего рассуждения Джустиниани приводил следующие слова: «Устья рек являются нашими воротами, к которым, если вы придете мирно, вас всегда примут не иначе как родственников. Если же вы придете вооруженными, что вы часто делали и продолжаете делать, мы будем защищаться <...>»⁴⁸¹.

Сабеллико также обращал внимание на взаимоотношения Венеции с соседними городами и, в первую очередь, Падуей. Историк отмечал, что столкновения имели место из-за вопросов контроля прибрежных рек⁴⁸². Серениссима помогала своим материковым соседям бороться с тиранами, в частности, в середине XIII в. республика выступила на стороне римской курии против Эччелино III да Романо, правителя Падуи, боровшегося за расширение влияния императора Священной Римской империи Фридриха II Штауфена (1194–1250) в Ломбардии⁴⁸³. Автор подчеркивал, что никто из соседей – феррарцев, падуанцев и других, кто был освобожден от гнета Эччелино, не откликнулся на просьбы Синьории о помощи во время голода⁴⁸⁴. Несмотря на эту неблагодарность, венецианцы снова протянули руку Падуе в 1337–1338 гг., когда городом овладел веронский правитель Мастино II делла Скала⁴⁸⁵. Республика не только вернула свободу коммуне, но и способствовала

⁴⁸⁰ Knapton M. Venezia e la Terraferma // Lo Stato del Rinascimento in Italia 1350 – 1520. P. 137 – 138.

⁴⁸¹ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. LXXXV.

⁴⁸² Sabellici M. Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita. P. 105–106, 125.

⁴⁸³ Ibid. P. 154.

⁴⁸⁴ Ibid. P. 173.

⁴⁸⁵ Ibid. P. 193.

восстановлению власти Марсилио да Каррара⁴⁸⁶. Венецианский Сенат видел в борьбе с Мастино свою святую обязанность, защищая, таким образом, свободу и независимость городов от несправедливой и жестокой узурпации⁴⁸⁷. Сабеллико описывал, что войска Серениссимы не допускали беззакония во время своего наступления и люди встречали их с радостью, признавая своими освободителями от плена тирании⁴⁸⁸. В частности, падуанцы клялись в преданности и верности св. Марку. Однако в 1357 г. Франческо да Каррара поддержал венгерского короля в противостоянии с Венецией, хотя был связан договорами верности с республикой⁴⁸⁹. Патриции подозревали, что падение Задара, главной твердыни Серениссимы в Далмации, было связано с происками Франческо⁴⁹⁰.

В ответ Синьория отозвала из Падуи своего подеста и направила военную экспедицию⁴⁹¹. Сабеллико отмечал, что Каррара старались вредить торговле республики и даже пытались совершить покушения на знатных венецианцев⁴⁹². Автор подчеркивал, что сами жители города были недовольны своими синьорами, разжигавшими войну с влиятельным соседом⁴⁹³.

Переломным моментом в отношении к Каррара стал их союз с Генуей, когда лигурийцы захватили островной город Кьоджа в 1380 г., являвшийся важнейшим опорным пунктом Серениссимы на юге лагуны. Блокада Венеции с суши и моря стала одним из самых тяжелых в истории республики моментов, который заставил власти принять самые решительные меры против врагов с материка. Сабеллико сетовал, что предательство Каррара стало ударом в спину для республики⁴⁹⁴.

---

⁴⁸⁶ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 197; Varanini G. M. DELLA SCALA, Mastino // *Dizionario Biografico degli Italiani*. 1989. Vol. 37. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/mastino-della-scala_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/mastino-della-scala_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 29. 11. 2023).

⁴⁸⁷ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 199–200.

⁴⁸⁸ Ibid. P. 209–213.

⁴⁸⁹ Ibid. P. 245–246.

⁴⁹⁰ Ibidem.

⁴⁹¹ Cappelletti G. *Storia di Padova dalla sua origine sino al presente*. Padova, 1875. Vol. 1. P. 280.

⁴⁹² Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 259–260.

⁴⁹³ Ibid. P. 262–263.

⁴⁹⁴ Ibid. P. 274.

Каррара в описании историка использовали многие нечестные методы политической борьбы: попытки подкупа⁴⁹⁵, казни знатных венецианцев⁴⁹⁶, измор города голодом⁴⁹⁷. Несмотря на поражение генуэзцев, тираны Каррара продолжали действовать против свободы соседей, в частности, захватили Верону и собирались овладеть Виченцей⁴⁹⁸. Жители материковых городов пытались найти защиту у вдовы герцога Милана, Джана Галеаццо, но она была слишком занята проблемами в своих собственных владениях⁴⁹⁹.

Вичентинцы не имели другого выбора кроме обращения за помощью к Венеции. Синьория долго отказывалась покровительствовать материковому городу, так как патриции не хотели «заниматься чужими делами», но настойчивость жителей, которые с мольбами и клятвами передали ключи от города, изменила настрой Сенаторов. Сабеллико подчеркивал такими словами верность новоприсоединенного города: «И поскольку они, вичентинцы, считали, что никакая вещь не может быть более полезной для их города, чем расположиться под сенью милости венецианцев. Они приложат все усилия, чтобы их столь верный город ни в какое время не был бы в печали от венецианской власти. Поэтому вичентинцы пойдут с добрыми пожеланиями и возьмут с собой знамена св. Марка, которые они повесят в общественных местах города»⁵⁰⁰.

Веронцы также признали власть Серениссимы, принеся в Венеции клятвы верности⁵⁰¹. Падуанцы, согласно Сабеллико, сами ненавидели Каррара, впустив силы республики в город и не препятствуя физическому устранению коварных синьоров⁵⁰².

Столь подробное изложение взаимоотношений рода Каррара и Венеции в интерпретации Сабеллико давало возможность в деталях проследить логику

---

⁴⁹⁵ Ibid. P. 314–317.

⁴⁹⁶ Ibid. P. 283–284.

⁴⁹⁷ Ibid. P. 296–304.

⁴⁹⁸ Ibid. P. 328–330.

⁴⁹⁹ Ibid. P. 333–335.

⁵⁰⁰ Ibidem.

⁵⁰¹ Ibid. P. 342.

⁵⁰² Ibid. P. 339–341.

конструирования исторических образов героев и антигероев. Если венецианцы демонстрировались в качестве защитников свободы соседей, стремившихся поддерживать добрые и гармоничные отношения, то Каррара изображалась неблагодарными предателями, пытавшимися с помощью власти дать волю своим низменным и жестоким желаниям, вспоминая хотя бы их беспринципность в борьбе за влияние. Данные рассуждения приводили к выводу, что Венеция не старалась обрести контроль сухопутных пространств, видя в обладании ими только бремя. Но необходимость поддержания мира ради блага, как самой республики, так и спокойствия соседей, вынудили патрициев принять данное решение.

Сабеллико полагал, что обладание владениями на суше позволит Венеции избежать многочисленных опасностей, которые имели место в водной стихии: «<...> наконец, освободившись от ярости моря, [Венеция] входит в безопасную гавань»⁵⁰³. Автор вел своего слушателя к тому, что данное стратегическое решение способствовало процветанию города. Также он указывал, что жители Вероны и других городов полагали, что венецианское правление несло с собой справедливость и равенство перед законом, способствуя счастью и благополучию людей⁵⁰⁴.

Сабеллико был на стороне части патрициата, которая поддерживала активизацию политики Венеции на Апеннинах. То есть гуманист защищал тех, кто видел приоритет не в морской торговле, а освоении хозяйственного потенциала районов Северной Италии.

Можно предположить, что данную доктрину Сабеллико защищал, приводя описание конфликта с Миланом. Филиппо Висконти (1392–1447) восстановил могущество Миланского герцогства и угрожал Флорентийской республике. Историк отмечал, что венецианцы сильно переживали из-за невзгод схожего с ними свободного народа⁵⁰⁵.

---

⁵⁰³ Ibid. P. 342.

⁵⁰⁴ Ibidem.

⁵⁰⁵ Ibid. P. 350.

Ф. Висконти всеми силами пытался привлечь Венецию на свою сторону, стремясь не допустить формирования антимиланской лиги⁵⁰⁶. Однако автор четко демонстрировал позицию патрициев Серениссимы: «<...> венецианцы считали, что нет ничего дороже свободы. Для сохранения свободы они направляли свое правосудие, милосердие, религию и все другие общественные и частные обязанности, считая достойным похвалы все, что делалось ими ради нее. И что не могли сделать ни договоры, ни законы, ни какие-либо другие божественные и человеческие причины, чего бы они не добивались, чтобы, прежде всего, была бы обеспечена свобода. Относительно нынешней ситуации венецианцы должны были быть не менее обеспокоены опасностью для флорентийцев, чем если бы они увидели армию Висконти в пределах своих владений. <...> они полагали, что та форма республики, которую имели флорентийцы, очень похожа на их собственную, как это бывает со многими, кто не меньше скорбит о страданиях своих родственников и близких, чем о своих собственных [бедах]. Не стоит сомневаться, что тот, кто в Тоскане боролся против свободы, в любом другом месте все равно мог бы быть тем же, как это принято у тиранов, которым всегда ненавистно имя свободы»⁵⁰⁷.

Далее защита свободы раскрывалась на основе спора посла Висконти и представителя Флоренции в венецианском Сенате⁵⁰⁸. Сабеллико подчеркивал, что угроза независимости Флоренции из-за тирании Милана могла стать началом конца знаменитого венецианского «спокойствия» и перспектив торгового процветания республики⁵⁰⁹. Кроме того, историк отмечал, что такие города, как Брешиа, Кремона и Бергамо, лелеяли надежду воссоединиться с древней Венецией, восстанавливая все исконные территории области⁵¹⁰.

Данные описания Сабеллико еще раз демонстрировали, что автор хотел показать Венецию в качестве защитницы свободы и независимости более

---

⁵⁰⁶ Ibid. P. 351.

⁵⁰⁷ Ibid. P. 351–352.

⁵⁰⁸ Ibid. P. 351–360.

⁵⁰⁹ Ibid. P. 360–361.

⁵¹⁰ Ibid. P. 360–362.

слабых политических образований от тирании. Венеция обороняла Флоренцию, находящуюся под угрозой гибели, и ответила на призыв о помощи в избавлении от засилья герцога Милана соседним коммуна. Можно сделать вывод, что в контексте логики Сабеллико венецианцы были не завоевателями, а миротворцами, борющимися с опасностью для всего Апеннинского полуострова, выполняющими благородную и необходимую миссию поддержания баланса сил и благополучия во всей Италии.

Джустиниани, обращаясь к древней истории Венеции, привел свое видение спора партий моря и суши, описывая противоречия выбора патрициев между Византийской империей и державой Карла Великого. Один из аристократов, отмечал великую мощь ромейского флота и значительное количество баз греков, задаваясь вопросами о возможностях защиты от имперской угрозы⁵¹¹. Данный тезис парировался указанием на существование глубокого и долговременного доверия, имеющегося между Венецией и Константинополем⁵¹².

Выдвигался еще один аргумент против Террафермы: «<...> окружающие нас соседи – враги нам и так дороги Пипину [сыну Карла Великого, наместника Италии]»⁵¹³. Сторонники союза с Византией полагали, что опасность исходила именно от суши, так как жители континента настраивали франков против обитателей островов⁵¹⁴. Ораторы указывали, что падуанцы неоднократно пытались распространить свою власть в лагуне, если же за дело взялся бы Пипин, у которого под контролем была вся Италия, то у венецианцев не осталось бы шансов сохранить свою независимость⁵¹⁵.

Ромеи, находящиеся в значительном отдалении, давали возможность свободно торговать и использовать свои средиземноморские порты, оберегая острова от военных угроз. Также отцы города отмечали, что если отпрыск

---

⁵¹¹ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. CXCIV.

⁵¹² Ibidem.

⁵¹³ Ibidem.

⁵¹⁴ Ibidem.

⁵¹⁵ Ibidem.

Карла может легко занять прибрежные владения, то ему будет существенно сложнее осуществить штурм островов. Флот из Константинополя не имел никаких преград в достижении лагуны⁵¹⁶. То есть Византия могла легко овладеть островами из-за своего флота, а Каролинги не имели таких возможностей.

Джустиниани приходил к выводу, что именно византийский выбор позволил республике сохранить свой нейтралитет и свободу⁵¹⁷. Историк, конечно, осознавал опасность турецкой угрозы для морских коммуникаций Венеции на современном ему этапе⁵¹⁸. Тем не менее, он видел необходимость в сохранении традиционного могущества военно-морских сил Серениссимы, считая Тетраферму скорее обузой и опасностью.

Вероятно, описания дискуссий, приводимые Сабеллико и Джустиниани, демонстрировали и аргументировали две позиции, актуальные для политической мысли Венеции.

С одной стороны, можно наблюдать берущую верх партию суши, которая способствовала распространению своих идей с помощью исторического повествования Сабеллико, доказывая необходимость и целесообразность материковой экспансии.

С другой стороны, прослеживался голос консервативной аристократической оппозиции (Джустиниани), которая видела сохранение силы и богатства Серениссимы в продолжении поддержки морской отрасли, несмотря на поражения от турок. Можно предположить, что в представлениях традиционалистов Венеция должна была накапливать силы для будущего реванша.

Создавая образы, легитимирующие распространение влияния Серениссимы на материк, историки не поддерживали и критиковали старые мифы. Сабеллико отмечал, что легенда о штурме островов, когда Пипин

---

⁵¹⁶ Ibid. P. CXCVI.

⁵¹⁷ Ibid. P. CXCVII.

⁵¹⁸ Ibid. P. XXIX, CLIII.

обратился к старой женщине за советом относительно плана действий, не вызывала никакого доверия⁵¹⁹.

Джустиниани вообще не упоминал данный сюжет⁵²⁰. Как в описании причин конфликта франков и венецианцев, так и освещении сведений о штурме, оба автора опирались на более достоверные, с позиции здравого смысла факты. К примеру, в качестве первоначальных причин конфликта указывались либо борьба Византии и Каролингов за влияние в стратегически важном регионе⁵²¹, либо козни патриарха Фортунато, желавшего привести к власти в городе сторонников франков⁵²².

Если Сабеллико повторял традиционную для венецианской хронистики версию о возведении переправы войсками Пипина⁵²³, то Джустиниани описывал именно сражение двух флотов⁵²⁴. Историки, следуя за оценками предшественников⁵²⁵, использовали данные события для подчеркивания венецианского мужества и стойкости, доказывая беспримерный патриотизм сограждан и их верность общему делу⁵²⁶.

Джустиниани отмечал, что упорство венецианцев дало возможность закрепить их союз с Византией⁵²⁷. Описывая тесные связи города с восточной империей, гуманисты продолжали подчеркивать скорее негативную роль греков в своей истории. Венецианцы могли получать почетные титулы от императоров, к примеру, дож Орсо (864–881) был объявлен протоспафарием, то есть одним из верховных сановников, начальником телохранителей императора⁵²⁸, или вступать в военные конфликты по просьбе ромеев⁵²⁹.

⁵¹⁹ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 26–27.

⁵²⁰ Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. CCI–CCIII.

⁵²¹ Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. CC; Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 23–24.

⁵²² Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 21–22.

⁵²³ *Ibid.* P. 26–27.

⁵²⁴ Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. CCV–CCVI.

⁵²⁵ Dandolo A. *Chronicon Venetum*. P. 128–132.

⁵²⁶ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 25–28; Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. CCV–CCVI.

⁵²⁷ Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. CCX.

⁵²⁸ Чудинов А. Н. Протоспафарий // *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка*. 1910. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/29579/ПРОТОСПАФАРИЙ (дата обращения: 06.12. 2023).

⁵²⁹ Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani*. P. LXXVII.

Однако Джустиниани делал акцент на том, что Серениссима не находилась под властью Византии, а являлась почетной союзницей империи, что доказывалось описаниями Кассиодора о первых этапах политического развития островного поселения. По мнению историка, венецианцы, безусловно, уважали более влиятельную державу, но не находились в ее прямом подчинении. Кроме того, греки сами с большим пиететом относились к своему морскому союзнику⁵³⁰.

Сабеллико, в большей степени следуя за канонами венецианского историописания, повторял многие клише, выставляющие в негативном свете греков. Он отмечал гордыню и высокомерие византийской принцессы Феодоры, жены дожа Доменико Сельвио (1071–1084). По мнению Сабеллико, данные пороки стали причиной телесной немощи и смерти догарессы⁵³¹. Историк отмечал, что зависть византийского императора⁵³² к успехам католиков в священной войне, и особенно венецианцев, «которым в Сирии из-за событий того времени воздавались все почести», была причиной конфликта республики с империей⁵³³. Правители греков изображались в качестве врагов

---

⁵³⁰ Ibid. P. LXXIX.

⁵³¹ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 66.

⁵³² Описание Сабеллико, существенно отличается от сведений, которые приводят современные историки. Гуманист, не давая точных датировок, описывал конфликт венецианцев и родосцев, указывая, что инициатором обострения был византийский император Мануил, скорее всего, имеется в виду Мануил I Комнин (1143–1180). По версии историка XV в., венецианский флот и войско, находящиеся в крестовом походе, были вынуждены вернуться из Азии из-за угроз со стороны Византии. Когда армада Серениссимы подошла к Родосу, местные жители отказались помогать воинам пополнять припасы, что вынудило венецианцев взяться за оружие. В качестве мести военный флот морской республики прошелся по островам Хиосу, где было экспроприровано тело мученика Исидора и направлено в Венецию, Лесбосу, Самосу и городу-порту Модону. В конце экспедиции венецианцы атаковали Далмацию, мотивируя данную операцию приведением к покорности своих вассалов славян (Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 102–103). Современный историк Д. Никол датировал данные события 1125 г., то есть тогда, когда Мануил еще не правил государством. Опираясь на значительно более широкий круг источников, в том числе и византийских, исследователь указывает, что боевые действия с греками велись и в 1122 г. Венецианцы осаждали крепость на острове Корфу. Флот Серениссимы не спешил прибыть в Палестину, а действовал у греческих берегов. Только новость о пленении короля Балдуина II (1118–1131) мусульманами вынудила флот республики двинуться в Святую землю. Однако потом венецианцы снова вернулись для продолжения конфликта с Византией (Nicol D. *Venezia e Bisanzio*. Milano, 1990. P. 109–110). Данное сравнение дает возможность понять, что Сабеллико, следуя за традициями хронистики, представлял венецианскую экспансию в качестве вынужденной меры обороны, хотя, на самом деле, настоящим агрессором была Серениссима. Конструирование отрицательного образа греков давало возможность историку оправдывать завоевания и грабежи.

⁵³³ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 102–103.

общехристианского дела, сосредоточенных только на своих личных амбициях. Также описывалось недостойное поведение и предательства греков в 1171 г.⁵³⁴

Историк, демонстрируя низость императоров, отмечал, к примеру, что Мануил I Комнин (1143–1180) был незаконнорожденным и подлым по нраву человеком⁵³⁵. Согласно Сабеллико, именно по его приказу был ослеплен посол Энрико Дандоло, будущий дож и инициатор Четвертого крестового похода⁵³⁶. Самые негативные детали в образе Византии отразились в пророчестве, приводимом Сабеллико, где подчеркивалась безбожность и противоестественность установившегося правления Мануила, которое должно было быть ниспровергнуто «благородными» венецианцами и французами⁵³⁷.

Неслучайно малолетний Алексей, сына Исаака II Ангела, прося помощи у Серениссимы, обещал подчинить Константинопольский патриарший престол Риму⁵³⁸. Несмотря на то, что уже прошли века, конфессиональные различия давали возможность венецианским авторам легитимировать экспансионистскую политику против греков, обосновывая ее злодеяниями, совершенными во вред католикам. Сабеллико осуждал попытки ромеев восстановить власть в Константинополе, отмечая, что только латинское правление являлось общественно признанным и, следовательно, законным⁵³⁹.

Описывая уже события XV в. историк обращал внимание на церковный собор в Ферраре (1439)⁵⁴⁰, подчеркивая заслуги венецианцев в примирении двух ветвей христианства⁵⁴¹. Автор укорял греков в следующем: «И все же они [греки] часто возвращались к своим прежним богослужебным практикам, возникавшим из-за небрежности и по вине императоров. Они впадали в древние ереси с еще большей настойчивостью в намерениях, чем прежде»⁵⁴².

---

⁵³⁴ Ibid. P. 110–113.

⁵³⁵ Ibid. P. 114–115.

⁵³⁶ Ibidem.

⁵³⁷ Sabellico M. *Le historie vinitiane di Marco Antonio Sabellico*. P. 62–63.

⁵³⁸ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 128–129.

⁵³⁹ Ibid. P. 154–155.

⁵⁴⁰ Пашкин Н. Г. Византийская делегация на западе в преддверии Ферраро-Флорентийского собора // *Античная древность и средние века*. 2006. Вып. 37. С. 355.

⁵⁴¹ Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 410.

⁵⁴² Ibidem.

Даже спустя века латиняне полагали, что грекам необходима «помощь», обороняющая народонаселение от жестокостей и безумств их правителей, ведущих страну к бедам и грехам. Сабеллико демонстрировал венецианцев в качестве ответственных за судьбы Византии, помогая спастись заблуждающимся как в религиозных, так и политических вопросах.

Современный историк Э. Калделлис приводит рассуждения Сильвестра Сиропула, бывшего членом греческой делегации на Ферраро-Флорентийском соборе: «<...> византийцы [в храме Святого Марка] увидели бесчисленные иконы и утварь из серебра и золота с драгоценными камнями, которые при разграблении Города в 1204 г. были взяты по праву завоевателя. Член делегации Сильвестр Сиропул писал, что «для тех, кто их заполучил, они были предметом гордости, удовольствия, и наслаждения, а для тех, кто лишился – уныния, печали, скорби, как это и случилось с нами»⁵⁴³. Греки также чувствовали неприязнь и горечь от несправедливостей и несчастий прошлого, не признавая и до конца не смиряясь с историческими версиями, выдвигаемыми западными европейцами.

Бернардо Джустиниани продолжал доказывать, что многие беды Италии были следствием ошибочной и эгоистичной политики византийских императоров.

Во-первых, гуманист обвинял потомков Константина в том, что они оставили без присмотра весь запад империи, на который обрушились как военные беды от варваров, так и религиозные конфликты из-за появления еретиков⁵⁴⁴.

Во-вторых, Джустиниани полагал, что вооруженные походы греков в Италию часто приносили не меньше вреда, чем злодейства готов и других дикарей⁵⁴⁵. К примеру, Джустиниани подчеркивал, как равеннский экзарх Смарагд (585–589) расширял свои владения, не учитывая интересы папы⁵⁴⁶.

⁵⁴³ Калделлис Э. Византийская кунсткамера. М., 2022. С. 214.

⁵⁴⁴ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. XXI, XLI.

⁵⁴⁵ Ibid. P. LXXXVI.

⁵⁴⁶ Ibid. P. CI.

Историк отмечал, что византийские императоры без зазрений совести грабили Рим, вывозя оттуда многие культурные и материальные ценности⁵⁴⁷. Данный факт позволял автору прийти к выводу, что венецианцы, вошедшие в Константинополь в 1204 г., увидели данные элементы убранства из Рима и решили забрать их часть для украшения Венеции⁵⁴⁸. Вероятно, автор хотел еще раз подчеркнуть, что Четвертый крестовый поход был предопределен веками несправедливости, исходившей от властителей востока по отношению к территориям запада.

В-третьих, Джустиниани акцентировал внимание на том, что многие императоры Византии поддерживали еретические учения, пытаясь заставить пап признать их вероотступнические доктрины. В частности, Ираклий I (610–641) и его внук Констант II (641–668) поддерживали течение монофелитства. По версии Джустиниани Констант арестовал папу Мартина I (649–653) и вывез его сначала в Константинополь на церковный собор и позже на пожизненную ссылку в Херсонес Таврический⁵⁴⁹. Несмотря на испытания, папа не отступил от христианских истин. Историк полагал, что подобное потворство ложным учениям и неудачная политика в восточных провинциях стали причинами распространения ислама⁵⁵⁰. По мнению Джустиниани, неуважительное отношение к сарацинам, союзникам Византии, со стороны слуг Ираклия, которые сравнивали их с животными и обманывали в оплате ратных подвигов, подтолкнуло многих арабов пойти войной на ромеев и начать создавать собственную империю⁵⁵¹.

Можно сделать вывод, что Джустиниани создавал во многом демонический образ греческих императоров и их чиновников, которые не только способствовали разрушению Римской империи, особенно ее западной

---

⁵⁴⁷ Ibid. P. CXVII.

⁵⁴⁸ Ibid. P. CXXII.

⁵⁴⁹ Ibid. P. CXIII.

⁵⁵⁰ Ibid. P. CIX.

⁵⁵¹ Ibid. P. CIX.

части, но также и были виновниками усиления главных врагов христиан – сарацин.

Отношение Сабеллико к грекам и его обвинения в их адрес являлись куда более мягкими в сравнении с рассуждениями Джустиниани. Сабеллико, описывая события Ферраро-Флорентийского собора, видел перспективы примирения двух ветвей христианства. Образы же Джустиниани демонстрировали, вероятно, непреодолимую пропасть в отношениях католических христиан с Востоком. Столь негативное и радикальное отношение Джустиниани могло объясняться тем, что он стремился найти виновных в успехах турок в Средиземном море в конце XV в. Османы существенно ослабили политико-экономическое влияние Венеции в регионе. Не решаясь признать несостоятельность и слабость Серениссимы в противостоянии турецкой экспансии, гуманист пытался возложить вину на правителей Византии, которые, согласно его повествованию, очень часто действовали, исходя лишь из собственных эгоистичных и высокомерных соображений. В современную для Джустиниани эпоху греческая аристократия часто продолжала конфликтовать с католиками, забывая о борьбе с главным противником. Вероятно, в этих противоречиях историк видел причины страшного поражения и падения Константинополя в 1453 г., которое предопределило конец морского господства Венеции.

Сабеллико также рассматривал поражения Венеции на море как результат козней союзников, но только западноевропейских. Он указывал, что венецианцы были славными героями среди христиан, как в крестовых походах⁵⁵², так и в борьбе с турецкими морскими разбойниками.

К примеру, генуэзцы не думали о благе всех христиан и помогали главным врагам католиков – туркам, переправляя их в Европу⁵⁵³. Византийский император и его сподвижники изображались как герои, до

---

⁵⁵² Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. P. 100, 124.

⁵⁵³ *Ibid.* P. 486–487.

последнего оборонявшие Константинополь⁵⁵⁴. Сабеллико указывал, что именно распри среди христиан стали причиной, вынудившей Серениссиму временно отступить и заключить перемирие с турками.

Венеция выходила на бой с османами, а соседи республики пользовались тем, что Синьория пыталась побороть в одиночку самого опасного противника, стремились овладеть сухопутными территориями островной державы⁵⁵⁵. В описании Сабеллико только Венеция оставалась щитом для Европы, когда остальные лишь пользовались таким положением дел, а Серениссима уже не могла нести данное бремя⁵⁵⁶. Республика больше не имела возможности нести значительные потери и была вынуждена искать мира для собственного выживания⁵⁵⁷. Венецианцы мужественно переносили данные испытания, ожидая момента, когда у них будут силы для нанесения решительного поражения туркам⁵⁵⁸.

Рассуждения Сабеллико позволяли сделать вывод, что Серениссима находилась в центре очень сложных политических противоречий. С одной стороны, республика всеми силами боролась с неверными. С другой, Венеция брала под опеку своих ближайших соседей, обороняя их от тирании. В описании Сабеллико республика представала не только как держава, верная своему общехристианскому долгу, но и как государство, являющееся вместилищем справедливости и благородства, которое стремилось поддержать данные тенденции и среди соседей. Однако внешние обстоятельства не давали Венеции осуществить задуманные намерения и, в частности, возглавить антитурецкую борьбу. Одной из жертв внутри европейских конфликтов и противоречий стала и Византийская империя.

Джустиниани, вероятно, размышляя над вопросами современной ему эпохи, давал на них ответы, реконструируя политические реалии прошлого.

---

⁵⁵⁴ Ibid. P. 527–528.

⁵⁵⁵ Ibid. P. 529–532.

⁵⁵⁶ Ibidem.

⁵⁵⁷ Ibid. P. 531–532.

⁵⁵⁸ Ibid. P. 533.

Историк так же, как и его коллега, Сабеллико, подчеркивал стремление Венеции бороться с неверными, защищая христианство⁵⁵⁹. Он выносил в высшей степени негативные оценки сарацинам, отмечая их жестокость и бесчестность⁵⁶⁰. Кроме того, гуманист акцентировал внимание, что сарадины происходили от ветхозаветной рабыни Сарры – Агари⁵⁶¹.

Согласно христианской традиции, личность Агари была иллюстрацией, как необоснованного высокомерия, так и второстепенного и подчиненного статуса в сравнении с Саррой, законной прародительницей избранного народа⁵⁶². Бернардо отмечал, что имя Агаряне, в качестве наименования сарацин, указывал такой античный ученый, как Страбон⁵⁶³.

Однако Джустиниани клеймил не только арабов на востоке. Как уже указывалось, главными виновниками всех бед были византийские императоры. Император Ираклий прибегал к магическим искусствам и поддерживал церковный раскол, который, по мнению Джустиниани, сохранялся и до его времен⁵⁶⁴. Джустиниани характеризовал Ираклия как злого и неумелого правителя. Победа императора над персами в войне 602–628 гг.⁵⁶⁵ сделала его высокомерным и наглым, забывшим любую благодарность Христу⁵⁶⁶. Неуважительное отношение василевса к религии стало причиной распространения ереси монофелитов, верящих только в одну волю Бога⁵⁶⁷. По версии Джустиниани, Ираклий еще разграбил Рим, обижал евреев, надругался над собственной дочерью, пуская все дела империи на самотек⁵⁶⁸.

⁵⁵⁹ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. CXIII.

⁵⁶⁰ Ibid. P. CIX.

⁵⁶¹ Ibid. P. CVIII.

⁵⁶² Аверинцев С. С. Агарь // Большой толковый словарь по культурологии / под ред. Б.И. Кононенко. 2003. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1185/Агарь (дата обращения: 10.12.2023); Агарь // Православная энциклопедия. 2008. URL: <https://www.pravenc.ru/text/63176.html> (дата обращения: 10.12.2023).

⁵⁶³ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. CVIII.

⁵⁶⁴ Ibid. P. CV.

⁵⁶⁵ Манандян Я. А. Маршруты персидских походов императора Ираклия // Византийский Временник. 1950. Т. 3. С. 132–146.

⁵⁶⁶ Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. CXII.

⁵⁶⁷ Ibidem.

⁵⁶⁸ Ibidem.

Мухамед, благодаря как своей хитрости и изворотливости в вопросах идеологии и экономической политики, так и удачливости, смог создать халифат и захватить многие области бывшей Римской империи: Египет, Сирию, Финикию, Африку и большую часть Пиренейского полуострова⁵⁶⁹.

Д. Хэнкинс подчеркивает, что гуманисты стремились объединить греческие и римские исторические мифы о победах над персидским «варварством», создавая образ противопоставления мирных и трудолюбивых людей с дикарями-кочевниками (в первую очередь, турками). Конструируя иллюзию культурного превосходства, европейцы не только подчеркивали значимость своей цивилизации, но и создавали идеологическую почву для развития экспансии, оправдывая ее своим развитием и прогрессом по сравнению с остальными частями света⁵⁷⁰.

Соглашаясь с основными выводами современного историка, можно увидеть на примере Сабеллико и Джустиниани, что авторы по-разному воспринимали греческое наследие и связь Венеции с европейскими державами.

Если Сабеллико видел источником бед Венеции на море коварство западных соседей, признавая греческое наследие, то Джустиниани обвинял в несчастьях Византию, считая необходимым лишь использовать империю в интересах своего государства⁵⁷¹. Вероятно, в данных взглядах можно проследить двойственность авторов в понимании идентичности.

---

⁵⁶⁹ Ibid. P. CX–CXII.

⁵⁷⁰ Hankins J. Renaissance Crusaders: Humanist Crusade Literature in the Age of Mehmed II // *Dumbarton Oaks Papers*. 1995. № 49. P. 144–146.

⁵⁷¹ Спор венецианцев, приводимый Джустиниани, о выборе союзника (Византийской империи или Каролингов) являлся демонстрацией навыков автора в реальной политике. Джустиниани подчеркивал, что материковая держава могла легко лишиться Венецию любой свободой. Серениссима бы стала просто одной из подчиненных провинций, утративших свои независимые органы власти и экономические привилегии. Византия, находящаяся в удалении, куда более охотно признавала независимость и идентичность республики. Кроме того, владения ромеев имели значительно больший потенциал для морской торговли, которая являлась главным источником доходов для Венеции. Подобные рассуждения дают основания полагать, что Джустиниани был человеком очень хорошо осведомленным в механизмах власти. Он был практичным человеком, в значительно меньшей степени беспокоящимся об абстрактных идеологических или религиозных мотивах. Главной целью Джустиниани было извлечение конкретной пользы своему государству. Судьбы чужих народов, в первую очередь Византии, его совершенно не беспокоили. Вероятно, временные союзнические отношения с греками (на этапе ранней истории города) в понимании гуманиста имели совершенно определенные цели, связанные с выживанием и сохранением Венеции. Конструируя прошлое, Джустиниани стремился показать и даже навязать политические стратегии, которые доказывали свою

С одной стороны, венецианцы, безусловно, ассоциировали себя с католическим миром, являясь частью европейского сообщества. С другой, оба историка стремились подчеркнуть уникальность Венеции, на долю которой выпала важнейшая роль в борьбе с главными врагами цивилизации. Следовательно, по логике венецианских историков, сохранение Венеции было необходимо для поддержания мирового равновесия, от нее зависело существование христианского мира, для которого она была щитом от турецкой экспансии.

Исторические труды Сабеллико и Джустиниани демонстрировали, как изменились взгляды интеллектуалов на политико-географические устремления республики. Если в хрониках море рассматривалось в качестве магистрального направления, то гуманисты видели в данной теме причину для острых дискуссий, заставляя читателей размышлять о том, была ли так прочна связь Венеции с водной стихией. Описание политического доминирования островного города над Террафермой ставило перед аудиторией много новых вопросов.

Также имели место изменения в конструировании образов, легитимирующих выбор внешнеполитической доктрины. Можно наблюдать, что идея крестовых походов и Богоизбранности претерпела в Венеции серьезные трансформации.

Во-первых, авторы подчеркивали, что столкновение Серениссимы со значительно превосходящими силами, турками, вынуждали республиканских политиков отступать для ожидания подходящего момента, сохраняя и оберегая свое государство. Хотя Венецию продолжали превозносить в качестве поборницы свободы, которая защищала интересы других государств и всего христианского мира, но, тем не менее, собственные интересы становились важнее общехристианских или европейских, находя отражение даже в риторике интеллектуалов.

эффективность на протяжении многих веков (Giustiniano B. Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani. P. CXCVI–CXCVII).

Во-вторых, гуманисты стали больше указывать на совершенство венецианских республиканских институтов и свобод политических отношений в городе, которые она ценили и защищали. Данные общественные идеалы Венеция высоко чтит и в соседних политиях, стремясь защищать и оберегать их от посягательств тиранов. Историки-гуманисты подчеркивали, что Серениссима защищала материковых соседей от падуанцев или миланцев. Подобные доводы позволяли аргументировать расширение домена Венеции на материке.

Можно сделать вывод, что основную доказательную базу для своих историко-политических рассуждений авторы брали не из религиозных доктрин, а скорее из конкретного политического опыта и наследия античности, трансформируя их, исходя из нужд и потребностей текущего момента. Секуляризованные концепции были важны для аргументации экспансионистской политики на материке, также эти мотивы проявлялись и в отношении морской политики, внешне сохраняя риторику защитницы католического мира.

Подведем итоги. Сравнивая традиции венецианской хронистики и гуманистического историописания, можно выделить несколько принципиальных различий в конструировании образов прошлого.

Во-первых, авторы XV в. давали объяснения социально-политическим изменениям не влиянием высших сил, а путем раскрытия причинно-следственных связей на основе эмпирического опыта.

Во-вторых, обращение к Божественным образам приобретало довольно конкретный и ограниченный характер. К примеру, венецианские историки восхищались уникальностью города или его политическими институтами, которые созданы гражданами республики в результате упорного труда, но и не без покровительства высших сил. Также данная аргументация продолжала выглядеть логичной в контексте борьбы с врагами католиков, демонстрируя особую религиозность и миссию Венеции. Вероятно, самой важной функцией

трансцендентальных образов была защита наследственной аристократии, ставшей окончательно замкнутым сословием в XV в.

В-третьих, именно обращение, как к традициям рассуждений, так и аргументам античных философов, в первую очередь Платона и Аристотеля, формировали новые стратегии конструирования общественно значимых образов, давая возможность показать первостепенную и самостоятельную важность государства без ссылок на какие-либо инвеституры, подчеркивая значимость державы вне иерархического порядка.

В-четвертых, именно анализ конкретных исторических фактов и античной философской традиции сформировал систему рассуждений и образов, которая приняла законченное выражение в венецианском мифе. Более широкое рассмотрение социальных тем и их раскрытие с опорой не только на религиозные, но и светские доктрины, давало возможность создать убедительную и аргументированную идеологическую концепцию для республики.

Еще одним стимулом для расцвета политической мысли стало развитие риторики, которое дало более изящную форму для актуального содержания. Данные изменения в саморепрезентации Венеции помогли создать образ совершенной в политическом отношении республики, который был актуален на протяжении многих веков.

В сфере практик конструирования исторических образов XV в. принес большое количество новых идей и подходов, которые станут неотъемлемым достоянием политических и исторических учений Нового времени.

Глава 2. Человек и общество в восприятии венецианских историков эпохи Итальянских войн

Итальянские войны (1494–1559) стали серьезным испытанием для всех регионов Апеннинского полуострова⁵⁷². Можно отметить следующие факты, демонстрировавшие глубину политического кризиса Италии: капитуляция Флоренции и изгнание Медичи французским королем Карлом VIII (1494); жестокая борьба испанской и французской короны за влияние в Неаполитанском королевстве и Ломбардии (1495-1504); создание папой Юлием II в 1508 г. лиги против Венеции; штурм Карлом V, императором Священной Римской империи германской нации и испанским королем, в 1527 г. Милана и жестокое разграбление Рима⁵⁷³.

Необходимо отметить, что в период с 1490 гг. по 1530 г. Венеция активно участвовала в серии военных конфликтов, стремясь расширить свои материковые владения и усилить политическое влияние на территории Италии.

Однако тяжелейшее поражение Венеции при Аньяделло в 1509 г., от которого Серениссима оправилась только к 1520 гг., заставило патрицианскую элиту умерить свои амбиции и озаботиться сохранением уже приобретенного и невмешательством в конфликты политических гегемонов⁵⁷⁴. Особенно ярко эта тенденция проявилась после 1530 г., когда республика получила от Карла V инвеституру на материковые города Северной Италии. Взамен Венеции пришлось полностью отказаться от претензий на владения в Эмилии-Романье

---

⁵⁷² Итальянские войны - серия воен. столкновений крупнейших европ. государств и итал. политич. образований за господство на Апеннинском п-ове и политич. гегемонию в Европе (Кудрявцев О. Ф. Итальянские войны // Большая российская энциклопедия. 2008. Т. 12. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2027_524# (дата обращения: 18. 02. 2024).

⁵⁷³ Катушкина Л. Г. Итальянские войны // История Италии в 3 т. Т. 1 / под ред. С. Д. Сказкина, Л. А. Котельниковой, В. И. Рутенбурга. М., 1970. С. 451–460.

⁵⁷⁴ Там же. С. 465.

и от контроля портов в Апулии. В этот период военно-экспансионистские идеи и доктрины окончательно потеряли популярность в среде интеллектуалов⁵⁷⁵.

В ходе Итальянских войн практически все государства полуострова были поставлены в зависимость от новых великих европейских держав. Флорентийский историк Франческо Гвиччардини так описывал состояние Италии до войн: «Украшенная великолепием множества государей, блеском многочисленных прекрасных и славных городов, престолом религиозного благочестия, Италия могла гордиться превосходными правителями государств, выдающимися учеными и художниками во всех областях наук и полезных искусств; она не уступала современникам и в воинской доблести, и благодаря всем своим достоинствам повсеместно пользовалась заслуженной славой и уважением». Совсем иначе он характеризовал её состояние в годину войн: «События весьма примечательные своим разнообразием и значительностью, и изобилующие кровавыми эпизодами, ибо Италия на протяжении многих лет претерпевала все бедствия, кои обрушиваются на несчастных смертных справедливый гнев Божий или злоба и нечестие других людей»⁵⁷⁶.

Один из величайших умов первой половины XVI в., Гвиччардини, видя такие перемены, размышлял над историческими судьбами своей родной страны, задаваясь вопросами о том, почему имели место подобные изменения, как Италия пришла в столь плачевное состояние и какие исторические уроки можно извлечь из произошедших бедствий.

Не только Гвиччардини, но и другие авторы пытались ответить на эти вопросы, как во Флоренции, так и в других городах Италии, ориентируясь, в первую очередь, на местные традиции историописания, пытаясь конструировать свою идентичность, переосмысливая прошлое в новых «травмирующих» реалиях.

---

⁵⁷⁵ Mallett M. Venezia e la politica italiana: 1454–1530 // Storia di Venezia. 1996. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/veneziana-e-lapolitica-italiana-1454-1530_%28Storia-di-Venezia%29/ (дата обращения: 18. 02. 2024).

⁵⁷⁶ Гвиччардини Ф. История Италии в 2 т. Т. 1 / пер. с итал. М. А. Юсим. М., 2019. С. 7–8.

Созданные гуманистами концепции, базировавшиеся на политической и философской традициях античности и христианства⁵⁷⁷, теряли свою актуальность. Космоса упорядоченных городов-государств, где образцами морали и ценностей общественной жизни были греческие или римские модели, больше не существовало. В контексте индивидуальных ценностей и взглядов важным примером являлись отношения первых христиан, их вера в возможности преодоления мирских преград на пути совершенствования души⁵⁷⁸.

Однако понимание окружающей реальности и ощущение стабильности трансформировались в неуверенность в завтрашнем дне и отсутствие объяснений происходящим социальным потрясениям. Человек потерял веру в возможность приспособиться к обстоятельствам судьбы и выйти победителем из конфликта с фортуной⁵⁷⁹. Концепция и идеалы «общего блага» социума и взаимной ответственности его членов уступали место индивидуальным и эгоистическим ценностям, ставя под сомнение образцы морали и нравственности, культивировавшиеся в исторических текстах XV в.

Десакрализация прежних общественно значимых исторических образов заставляла авторов, обращающихся к прошлому своих городов-государств, создавать новые доктрины⁵⁸⁰, которые формировали бы базу для сохранения единства, целостности социума и выдвигали варианты преодоления сложившегося кризиса. Во Флоренции, опираясь на местные традиции историописания, Никколо Макиавелли в 20 гг. XVI в. продемонстрировал свое видение минувшего и перспективы грядущего. В Венеции Джан Джакомо Карольдо и Марино Санудо Младший стремились дать ответы на вызовы времени.

---

⁵⁷⁷ Gilbert F. Machiavelli and Guicciardini: politics and history in sixteenth-century Florence. Princeton, 1965. P. 28–45.

⁵⁷⁸ Возвращаясь к содержанию второй главы, можно вспомнить о важности концепций Платона и Аристотеля. Отношение к христианству отражали слова Л. Бруни о необходимости следования примеру активной и деятельной жизни Спасителя.

⁵⁷⁹ Покок Д. Момент Макиавелли. М., 2020. С. 149.

⁵⁸⁰ Hankins J. Leonardo Bruni and Machiavelli on the Lessons of Florentine History. P. 373–379.

§ 1. Судьбы авторов в контексте их творчества

Траектории жизненного пути с некоторыми различиями были во многом схожи у всех упомянутых авторов.

Макиавелли (1469–1527) родился в семье, известной своим участием в политике Флоренции, но не обладающей особой знатностью или богатством. С ранних лет он изучал латынь и активно читал классические произведения в богатой библиотеке отца⁵⁸¹. Эта культурная среда позволила Макиавелли получить хорошее образование. Флорентийский историк был свидетелем и непосредственным участником бурных политических событий, имевших место в его родном городе.

К примеру, в одном из своих писем 1498 г. к флорентийскому послу в Риме, Р. Бекки, Макиавелли анализировал проповедническую деятельность Савонаролы в контексте политики⁵⁸². Макиавелли находился на посту секретаря канцелярии Флорентийской республики во время изгнания Медичи, занимаясь вопросами внешней политики и обороны⁵⁸³. В 1512 г. после восстановления власти Медичи канцлер попал в опалу из-за открытого выражения сомнений в прочности нового режима и присутствия его имени в списках заговорщиков⁵⁸⁴. Чиновник пережил пытки, тюремное заключение и отставку, только личное заступничество Джулиано II Медичи спасло его от жестоких истязаний⁵⁸⁵.

Широкая эрудиция, перипетии общественные и карьерные, неоднозначные отношения с Медичи влияли на литературное творчество Макиавелли. Необходимо отметить, что еще при Лоренцо Великолепном в

⁵⁸¹ The Cambridge companion to Machiavelli / ed. J. Najemy. New York, 2010. P. 15–16.

⁵⁸² Тельменко Е. П. Джироламо Савонарола и флорентийское общество конца XV века.: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.03. Ставрополь, 2020. С. 74.

⁵⁸³ Najemy J. Machiavelli and the Medici: The Lessons of Florentine History // Renaissance Quarterly. 1982. Vol. 35. № 4. P. 552–553.

⁵⁸⁴ Zuckert C. Machiavelli's Florentine Histories: The Rise of a New Deceptive Form of Modern Tyranny. URL: https://www.academia.edu/27792844/Machiavelli_s_Florentine_Histories_The_Rise_of_a_New_Deceptive_Form_of_Modern_Tyranny (дата обращения: 18. 02. 2024); Najemy J. Machiavelli and the Medici: The Lessons of Florentine History. P. 552–553.

⁵⁸⁵ Najemy J. Machiavelli and the Medici: The Lessons of Florentine History. P. 552–553.

1480 гг. выдвигались проекты по созданию исторических трудов для легитимации правления Медичи. И уже в республиканский период во время гонфалоньера⁵⁸⁶ Пьеро Содерини (1502–1512), Макиавелли занимался сбором материалов для создания новейшей истории города⁵⁸⁷.

Медичи, вернувшись к власти в 1520 гг., также желали продолжить развивать данное направление. Вероятно, назначение в Венеции официальным историографом республики Андреа Наваджеро в 1516 г. также стало стимулом для активизации исторических исследований во Флоренции⁵⁸⁸. Выбор Медичи в качестве историка Макиавелли мог объясняться несколькими причинами. Во-первых, литературный талант бывшего канцлера высоко ценился, в частности, признание его пьесы «Мандрагора» и других произведений⁵⁸⁹. Современники обращали внимание на образцы риторики Макиавелли.

Во-вторых, Макиавелли сам демонстрировал неуклонный рост интереса к истории Флоренции. Если в «Государе» (1513) он редко апеллировал к прошлому города, то уже в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» проводилось сравнение институтов столицы Тосканы с древнеримскими⁵⁹⁰.

В-третьих, стремление самого Макиавелли найти покровительство у Медичи и поддержка таких влиятельных лиц, как Франческо Гвиччардини или Луиджи Аламанни, открыли новые карьерные перспективы для бывшего канцлера⁵⁹¹. По поручению папы Льва X и кардинала Джулио Медичи (будущего папы Климента VII) Макиавелли приступил к созданию «Истории Флоренции» в 1520 г.⁵⁹² Череда испытаний и тяжелый жизненный опыт вели Макиавелли к созданию исторического труда о судьбе родной Флоренции.

⁵⁸⁶ Гонфалоньер (итал. gonfaloniere, букв. – знаменосец, от gonfalone – знамя, хоругвь), должностное лицо в городах-республиках ср.-век. Италии (Кудрявцев О. Ф. ГОНФАЛОНЬЕР // Большая российская энциклопедия. 2016. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2369792 (дата обращения: 25.02.2024).

⁵⁸⁷ Fubini R. Machiavelli, i Medici, e la storia di Firenze nel Quattrocento // Archivio Storico Italiano. 1997. Vol. 155. № 1 (571). P. 130–131; Pieraccioni G. Note su Machiavelli storico. I - Machiavelli e Giovanni di Carlo // Archivio Storico Italiano. 1988. Vol. 146. № 4 (538). P. 647–648.

⁵⁸⁸ Rubinstein N. Machiavelli storico // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere e Filosofia. Serie III. 1987. Vol. 17. № 3. P. 695.

⁵⁸⁹ Ibid. P. 697.

⁵⁹⁰ Najemy J. Machiavelli and the Medici: The Lessons of Florentine History. P. 557.

⁵⁹¹ Fubini R. Machiavelli, i Medici, e la storia di Firenze nel Quattrocento. P. 127.

⁵⁹² Рутенбург В. И. Жизнь и творчество Макьявелли // Макьявелли Н. История Флоренции / Пер. с итал. Н. Я. Рыковой. М., 1987. С. 371; Юсим М.А. Великие флорентинцы и эволюция исторического знания в Европе //

Венецианских авторов также не обошли стороной трудности периода Итальянских войн. Джан Джакомо Карольдо предположительно родился в 1480 гг.⁵⁹³ Карольдо принадлежал к сословию потомственных граждан, что открывало перед ним возможности обучения в государственной школе и последующего устройства на бюрократическую должность⁵⁹⁴. В учреждениях, где готовили будущих республиканских чиновников, делался упор на преподавание практических дисциплин, необходимых для службы, но также изучалась риторика и труды античных авторов, в числе которых были и историки⁵⁹⁵.

В период службы Карольдо побывал с дипломатическими поручениями в Османской империи, Англии, Франции и Испании⁵⁹⁶. Кембрийская лига (1508–1510), организованная папой Юлием II, стала одной из самых трагических страниц в истории Венеции. Поражение республики при Аньяделло (1509) явилось причиной временной потери контроля над Террафермой. Кроме того, европейским армиям открылась прямая дорога к островному городу, что вызвало сильнейшую панику среди его жителей⁵⁹⁷. Карольдо принимал непосредственное участие в урегулировании конфликта с Лигой. Находясь с дипломатической миссией в Милане, Карольдо одним из первых узнал о зловещих намерениях папы, однако он не смог передать данные сведения своим согражданам, так как был арестован в папских владениях и еще год находился в заключении⁵⁹⁸.

В 1520 гг. Карольдо работал секретарем Совета десяти, одним из важнейших совещательных органов республики. Данный факт дал

Гвиччардини и Макиавелли у истоков исторической науки Нового времени / отв. ред. М.А. Юсим. М., 2020. С. 47–48.

⁵⁹³ Carile A. Caroldo, Gian Giacomo // Dizionario Biografico degli Italiani. 1977. Vol. 20. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/gian-giacomocaroldo_\(Dizionario-Biografico\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/gian-giacomocaroldo_(Dizionario-Biografico)) (дата обращения: 18. 02. 2024).

⁵⁹⁴ Trebbi G. La cancelleria veneta nei secoli XVI e XVII // Annali della fondazione Luigi Einaudi. Vol. 14. Torino, 1980. P. 70.

⁵⁹⁵ Logan O. Venezia cultura e società 1470–1790. P. 103.

⁵⁹⁶ Carile A. Caroldo, Gian Giacomo // Dizionario Biografico degli Italiani. 1977. Vol. 20.

⁵⁹⁷ Mallett M. Venezia e la politica italiana: 1454–1530 // Storia di Venezia. 1996. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/venezia-e-lapolitica-italiana-1454-1530_%28Storia-di-Venezia%29/ (дата обращения: 18. 02. 2024).

⁵⁹⁸ Бахматова М.Н. Рукопись Дж. Джакомо Карольдо в Вероне // Море и берега: к 60-летию С.П. Карпова от коллег и учеников. С. 88; Carile A. Caroldo, Gian Giacomo // Dizionario Biografico degli Italiani. 1977. Vol. 20.

М. Н. Бахматовой основание предполагать, что Карольдо при создании своего исторического труда мог обращаться к секретным документам⁵⁹⁹.

Биография Карольдо демонстрировала еще один пример того, как человек, находящийся большую часть жизнь на государственной службе, пришел к историческому творчеству. Отличительной чертой Карольдо от Макиавелли являлось то, что венецианский автор создавал свой труд без чьего-либо заказа.

Марино Санудо Младший⁶⁰⁰ родился в 1466 г. в одной из древнейших семей города. В соответствии с венецианскими легендами отдаленный предок Санудо, Фома Кандиано, был одним из основателей поселения и его потомки не раз становились дожами⁶⁰¹. В Серениссиме обладание подобной родословной было основанием для гордости и считалось важным условием для избрания на значимые должности⁶⁰².

Санудо в раннем возрасте потерял отца, что заставило его с детства познать нужду и в дальнейшем существенно осложнило продвижение по карьерной лестнице⁶⁰³. Тем не менее, Санудо смог получить хорошее домашнее образование и продолжить обучение в школе Сан-Марко и Падуанском университете⁶⁰⁴. Г. Коцци отмечает, что Санудо обучался у известного гуманиста Джорджо Мерулы и имел похвальные листы от учителей, которые он сохранил в своем архиве⁶⁰⁵. Уже в четырнадцать лет он писал свои первые произведения на латыни и начал собирать архив документов⁶⁰⁶. Санудо вращался в высших интеллектуальных кругах Венеции, его постоянными собеседниками были Маркантонио Сабеллико и Альдо

⁵⁹⁹ Бахматова М.Н. Рукопись Дж. Джакомо Карольдо в Вероне. С. 85.

⁶⁰⁰ В XIII- XIV вв. жил предок и тезка Марино Санудо, которого в историографической традиции именуют Марино Санудо Старший или Марино Санудо Торселло.

⁶⁰¹ Cozzi G. Marino Sanudo il Giovane: dalla cronaca alla storia // *La storiografia veneziana fino al secolo XVI* / Ed. A. Pertusi. Firenze, 1970. P. 333–334.

⁶⁰² Grubb, J.S. Memory and Identity: Why Venetians Didn't Keep Ricordanze // *Renaissance Studies*. P. 375–387.

⁶⁰³ Cozzi G. Marino Sanudo il Giovane: dalla cronaca alla storia. P. 335.

⁶⁰⁴ Viallon M. Infortune et fortune d'un historiographe vénitien: Marin Sanudo (1466-1536) // *Publications de l'universite de Saint-Etienne*. P. 27.

⁶⁰⁵ Cozzi G. Marino Sanudo il Giovane: dalla cronaca alla storia. P. 335–336.

⁶⁰⁶ Cozzi G. Marino Sanudo il Giovane: dalla cronaca alla storia. P. 335–336; Viallon M. Infortune et fortune d'un historiographe vénitien: Marin Sanudo (1466-1536). P. 27.

Мануци⁶⁰⁷. К концу жизни он собрал библиотеку, в которой насчитывалось более шести тысяч книг⁶⁰⁸. Санудо был в центре культурной жизни своего времени. Стоит отметить, что Санудо дружил и с Карольдо⁶⁰⁹.

Помимо литературного творчества Санудо пытался достичь высот и на политическом поприще. С 1484 г. он не раз баллотировался на должности, предлагаемые в Большом совете, но не имел успеха, добиваясь лишь незначительных назначений⁶¹⁰. Одними из главных причин неудач Санудо были его прямолинейность и амбициозность. Также принципиальность Санудо в борьбе за политические и экономические интересы маловлиятельных патрициев против решений, принимаемых группой наиболее влиятельных аристократов, не способствовала его карьерному росту⁶¹¹.

Внимание Санудо к событиям минувшего и настоящего было многогранным. К примеру, создавая труд «Экспедиция Карла VIII в Италию», он вошел в свиту венецианского посла, чтобы получать самые свежие сведения с поля боя⁶¹². Работа во властных учреждениях открывала Санудо доступ к государственным документам, что значительно обогащало его главное творение – дневники, которые он писал с 1495 г. по 1533 г., то есть почти до конца своих дней⁶¹³. В многотомных описаниях жизни Венеции Санудо стремился отразить все детали и факты, даже самые малозначительные, которые встречались ему⁶¹⁴.

Публикация истории Венеции Сабеллико в 1487 г., профинансированная республикой, побудила Санудо добиваться официального признания и для своих трудов. Однако и это предприятие не имело успеха. В 1516 г. на должность официального историографа был избран Андреа Наваджеро, после

⁶⁰⁷ Aricò A. Marin Sanudo il Giovane precursore di Francesco Sansovino // *Lettere Italiane*. 1979. Vol. 31. № 3. P. 423.

⁶⁰⁸ Aricò A. Marin Sanudo il giovane le opere e lo stile // *Studi veneziani*. 2008. Vol. 55. P. 377.

⁶⁰⁹ Finlay R. La vita politica nella Venezia del Rinascimento. P. 323.

⁶¹⁰ Melchiorre M. Sanudo (Sanuto), Marino (Marin) il Giovane // *Dizionario Biografico degli Italiani*. 2017. Vol. 90. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/marino-marin-il-giovane-sanudo_\(Dizionario-Biografico\)/?search=SANUDO%2C%20Marino%20il%20Giovane](https://www.treccani.it/enciclopedia/marino-marin-il-giovane-sanudo_(Dizionario-Biografico)/?search=SANUDO%2C%20Marino%20il%20Giovane) (дата обращения: 18. 02. 2024).

⁶¹¹ Finlay R. La vita politica nella Venezia del Rinascimento. P. 323–325.

⁶¹² Viallon M. Infortune et fortune d'un historiographe vénitien: Marin Sanudo (1466-1536). P. 29.

⁶¹³ Aricò A. Marin Sanudo il giovane le opere e lo stile. P. 352.

⁶¹⁴ Cozzi G. Marino Sanudo il Giovane: dalla cronaca alla storia. P. 347–348.

его смерти в 1529 г. данный пост занял Пьетро Бембо⁶¹⁵. Санудо мог лишь выражать свое разочарование по поводу данных решений Сената в дневниках⁶¹⁶.

После обращения Пьетро Бембо в Совет десяти в 1531 г. дневники Санудо были предоставлены новому историографу для создания исторического труда о современных событиях. Санудо, находясь в удручающем материальном положении, надеялся, что данное решение позволит ему наконец получить заслуженное признание и разрешить финансовые проблемы⁶¹⁷.

История жизни Санудо, также как и судьбы его коллег, была пронизана чередой испытаний, заставлявших автора искать ответы на сложные вопросы настоящего в прошлом. В данной работе исследуется труд Санудо «Жизни венецианских дождей». Автор начал создавать свой текст в 1493 г. и закончил уже в 1530⁶¹⁸.

Биографии авторов эпохи Итальянских войн демонстрируют, что все они находились на государственных постах, желая послужить благу своего отечества. Также им хотелось добиться признания собственных заслуг на родине. Данное сходство мотиваций позволяет предположить, что, создавая свои исторические труды, авторы стремились, в первую очередь, показать на примерах из прошлого как ошибочные, так и верные решения, оказавшие влияние на судьбы отечества. Следовательно, в своем историческом творчестве они стремились конструировать образы, способствовавшие пониманию позитивных и негативных стратегий поведения политических деятелей для достижения успеха в их профессиональной сфере.

Вероятно, выбор языка повествования также отражал новые взгляды на восприятие социальных реалий. Представленные авторы, отказавшись от латинского языка, предпочли обратиться к народному наречию. Подобный

---

⁶¹⁵ Viallon M. Infortune et fortune d'un historiographe vénitien: Marin Sanudo (1466–1536). P. 34.

⁶¹⁶ Ibid. P. 33.

⁶¹⁷ Ibid. P. 35.

⁶¹⁸ Ibid. P. 28.

выбор мог объясняться несколькими причинами. Изабелла Лаццарини отмечает, что параллельно с изысканными и рафинированными опусами гуманистов существовали и менее амбициозные, в плане риторики работы, создававшиеся людьми, которые трудились во властных учреждениях⁶¹⁹.

Авторы подобных текстов, основываясь в большей степени не на примерах античной классики, а на собственном жизненном и профессиональном опыте, конструировали свою картину прошлого. Данные произведения занимали промежуточное положение между средневековыми хрониками и историями гуманистов, выполняя индивидуальные цели конкретных авторов⁶²⁰. К примеру, Карольдо в начале своего произведения⁶²¹ отмечал, что его повествование должно было помочь согражданам преодолевать невежество. Примеры, приводимые в тексте, демонстрировали будущим управленцам, как стать нравственно совершенными, избегая пороков, а также способствовали развитию их навыков для принятия верных решений в сложных ситуациях⁶²².

Проблема соотношения античных образцов и традиций с реалиями современной жизни находила отражение и в практике языкового узуса. Исследователи отмечают, что уже Флавио Бьондо, создавая свой труд «Декады истории, начиная от упадка Римской империи» в середине XV в. приходил к выводу о первостепенном значении именно языковой практики. Бьондо констатировал, что древние латинские грамматики создавались на основе сложившихся норм употребления, а не предшествовали им⁶²³.

Данные наблюдения уже закрепил Л. Валла, который, как и Данте, был основоположником современной филологии. Л. Г. Степанова отмечает: «<...> великий провидец языка Данте, который открыл новую языковую реальность

⁶¹⁹ Lazzarini I. A 'New' Narrative: Historical Writing, Chancellors, and Public Records in Renaissance Italy (Milan, Ferrara, Mantua ca. 1450-1520) // *After Civic Humanism. Learning and Politics in Renaissance Italy* / ed. N. Baker, B. Maxson. Toronto, 2015. P. 197.

⁶²⁰ Ibid. P. 199–204.

⁶²¹ Caroldo G. *Istorii veneziene*. Vol. 1. P. 37–39.

⁶²² Ibidem.

⁶²³ Gravelle S. The Latin-Vernacular Question and Humanist Theory of Language and Culture // *Journal of the History of Ideas*. 1988. Vol. 49. № 3. P. 378–379.

– природный язык, определил его как высшую духовную ценность этноса <...> и наметил путь формирования литературного языка через создание эталонных текстов на этом языке, и выдающийся историк Лоренцо Валла, который открыл язык как историческую реальность <...>»⁶²⁴.

Наблюдения Валлы способствовали осмыслению культурных различий, существовавших между эпохой античности и современным ему периодом XV в. Гуманист осознал глубокий разрыв как в понимании латинского языка в разные эпохи, так и восприятии общественных реалий людьми прошлого и настоящего.

В начале XVI в. размышления Валлы мотивировали интеллектуалов ставить вопрос о выборе между традиционным языком письменной культуры – латинским – и живым итальянским. Также сторонники народного языка пытались понять, какой из вариантов вольгаре⁶²⁵ выбрать: классическую манеру Данте или живой узус флорентийского наречия⁶²⁶.

Среди приверженцев народного языка выработалось несколько идейных течений. Известный гуманист П. Бембо, как уже отмечалось, полагал, что образцом должны стать литературные труды великих авторов XIV в., Петрарки и Боккаччо. Противоположную точку зрения выразил Макиавелли, который считал, что именно живой флорентийский диалект был лучшим основанием для нового языка культуры и науки⁶²⁷.

Отмечая различные концепции будущего развития итальянского языка, Л. Г. Степанова давала следующую характеристику происходившим изменениям: «Смена культурного языка происходила параллельно с осознанием того, что, порывая с традиционным языком письменной культуры, общество не отказывается от классического наследия античности («своего

⁶²⁴ Степанова Л. Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). СПб., 2000. С. 220.

⁶²⁵ Вольгаре- наименование для народных наречий в разных регионах Италии в XIII–XVI вв. (Чельшева И. И. ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК // Большая российская энциклопедия. 2016. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2027590> (дата обращения: 25.02.2024)

⁶²⁶ Степанова Л. Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков. С. 224.

⁶²⁷ Алисова Т. Б., Чельшева И. И. История итальянского языка: от первых памятников до XVI века. С. 340–352.

прошлого» с точки зрения итальянцев), а наоборот восстанавливает нарушенное было равновесие естественных языковых отношений, существующих в человеческом общежитии <...>»⁶²⁸. Данный вывод демонстрирует с еще большей ясностью, что итальянские мыслители XVI в. стали осознавать значение и важность культурного контекста собственной эпохи, его превалирующую ценность.

Можно увидеть, что имели место изменения и в практике историописания. Историки стали в большей степени ориентироваться как в форме изложения, так и в содержании своих трудов именно на ясность и последовательность, стремясь донести до читателя свои наблюдения, имеющие практическую ценность.

Авторы делали акцент на описании исторических событий, которые в их представлении были полезными для решения проблем, встающих перед теми, кто должен был управлять государством. Кроме того, сама повествовательная манера упрощалась, переходя на народный язык. Форма и содержание текста в большей степени связывались не с абстрактными эсхатологическими мотивами или идеями общего блага, а с конкретикой ситуации, которую должен был изучать читатель. Выбор языка, более близкого для человека, чем древняя латынь, и рассмотрение животрепещущих тем являлись важными инструментами конструирования исторической памяти. Их использование способствовало формированию у индивида как личного эмпирического опыта, так и собственного взгляда на мир, который отражал бы персональное мнение и позицию без отсылок к религиозным или античным авторитетам.

Несмотря на формирование новых направлений лингвистической мысли, влияние античных и средневековых культурных канонов и латинского языка продолжало иметь важное значение. Многие авторы классической выучки полагали, что различия между языками имеют не историческую основу. По мнению этих интеллектуалов, сама природа предопределяла

---

⁶²⁸ Степанова Л. Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков. С. 243.

качества языка, подчеркивая благородство одних и неблагородство других наречий, подобно металлам или культурным и дикорастущим растениям⁶²⁹. Латинский язык, по мнению данных литераторов, в первую очередь относился к благородным, именно на нем должны были создаваться произведения высокого стиля.

Можно предположить, что подобный взгляд на культуру был широко распространен в высших кругах венецианской аристократии. Неслучайно, в конце XV в. труд Маркантонио Сабеллико, написанный на латыни, стал официальной историей города. Дело Сабеллико продолжили Андреа Наваджеро и Пьетро Бембо. Несмотря на свои идеи о новых нормах языка, Бембо писал на латыни, прославляя мудрость аристократии и гармонию политических институтов Венеции. Главным выразителем данного направления идей стал Гаспаро Контарини. Его латинский трактат о магистратах республики был эссенцией панегирической литературы о бессмертном величии Серениссимы. Именно эта работа прославила венецианскую форму правления и самих нобилей во многих странах.

Сравнение литературных стилей венецианских официальных авторов и историков, не скованных канонами, позволяет увидеть, как выбор манеры и тематики влиял на восприятие произведения читателями. К примеру, современный исследователь П. Бейкер, анализируя диалог Сабеллико «О восстановлении латинского языка» (*De latinae linguae reparatione*), отмечает, что гуманист, следуя правилам античной драмы и риторики, восхвалял свободу Венеции не напрямую, а с помощью описаний обстановки, действия диалогов и структуры текста⁶³⁰. Для понимания тех отсылок и аллюзий, которые Сабеллико использовал в своем творчестве, требовалось специальное гуманистическое образование, предполагавшее хорошее владение латынью, риторикой и познаниями в области античной литературы.

---

⁶²⁹ Степанова Л. Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков. С. 232.

⁶³⁰ Baker P. *Illustrious men: Italian Renaissance Humanists on Humanism*. PhD thesis. Cambridge, Massachusetts, USA, 2009. P. 320.

Венецианские авторы исторических трудов, рассматриваемые в этой главе, относились с иронией и, вероятно, критикой к данной литературной вычурности. М. Н. Бахматова отмечает, что Карольдо писал в соответствии с правилами формирующегося венецианского литературного языка⁶³¹.

Карольдо подчеркивал, что авторы, создававшие свои труды на изящной латыни, хотели добиться либо своей личной славы, либо желали превознести Венецию. Их эрудиция и знание правил заслуживают похвалы («Со всей очевидностью понятно, что те, кто написал истории Венецианской республики на латинском в самом элегантном и изысканном стиле, были движимы либо прославлением республики, либо ради собственной похвалы»)⁶³². Однако позже Карольдо отмечал, что целью его работы является стремление к благу и укрепление добродетелей⁶³³. Лестные оценки автора имели ироничную коннотацию, подчеркивающую, что изысканное плетение слов несет в себе мало добродетелей и скорее являлось стремлением либо к самопрославлению, либо поиску возможных выгод от сильных мира сего. Следовательно, превознесение Венеции в таких дифирамбах было совершенно не искренним.

Карольдо хотел подчеркнуть пользу неприукрашенных латинской риторикой и красноречием сведений. Прямота и конкретика фактов должны показывать всю противоречивость сложных политических решений. Выбор именно литературного варианта венецианского вольгаре объяснялся тем, что Карольдо стремился следовать за новыми тенденциями культуры и общаться в той манере, которую предпочитали его потенциальные читатели. Карольдо так рассуждал о потребностях своей аудитории: «<...> и всегда человеку необходимо надеяться на разум, насколько бы хорошим он не был, и без опыта принимать решения во многих ситуациях, что происходит, является настолько же опасным, как если бы выйти в плавание, не имея с собой компаса и магнитной стрелки <...>»⁶³⁴. Можно предположить, что историк адресовал свой

⁶³¹ Бахматова М.Н. Рукопись Дж. Джакомо Карольдо в Вероне. С. 91.

⁶³² Caroldo G. Istorii veneçiene. Vol. 1. P. 40.

⁶³³ Ibidem.

⁶³⁴ Ibidem.

труд молодым управленцам, которые еще только учились хитростям политики, не имея достаточного опыта. Стилистика работы должна была заинтересовать тех, кто внимательно следил за литературной жизнью своей эпохи.

В тексте Санудо также присутствовали выпады непосредственно против исторической точности Сабеллико: «В первый год [правления] дожа Фоскари, как пишет Марко Антонио Сабеллико, была всеобщая радость, и организовывались рыцарские турниры на Сан-Марко и другие празднества в честь его избрания, однако в других хрониках я ничего не видел, чтобы было сказано об этих мероприятиях»⁶³⁵. В комментарии А. Арико предполагает, что данное замечание было противопоставлением витиеватого латинского стиля Сабеллико с достоверным изложением событий, приводимым в хрониках⁶³⁶.

В другой статье Арико указывает, что главной целью, которую ставил перед собой Санудо, было стремление изложить события достоверно и правдиво. Он хотел на бумаге передать жизнь венецианских улиц, работу городских учреждений, показать все, что сам видел и слышал⁶³⁷. То есть Санудо стремился отразить все значимые события, не умалчивая ни о чем. Кроме того, он отказывался от какого-либо тематического деления или ограничения, превращая свое повествование в поток самых разнообразных фактов в плане тематики. Хотя Арико давала подобную характеристику дневникам Санудо, данная точка зрения справедлива и для оценки «Жизни венецианских дождей». Автор XVI в. стремился последовательно передать все богатство сведений о прошлом от основания Венеции, особенно о более близких событиях XV в.

Данную тенденцию можно проследить и в тексте Карольдо, охватывающем период от заложения города в 421 г. до конца XIV в. Стоит отметить, что Карольдо в схожей манере вел повествование, стремясь

---

⁶³⁵ Sanudo M. *Le vite dei dogi*. Т. 1. P. 24.

⁶³⁶ *Ibidem*.

⁶³⁷ Aricò A. *Marin Sanudo il giovane le opere e lo stile*. P. 366–368.

воспроизвести широкое разнообразие фактов прошлого. А. Вентура подчеркивал, что внимание Карольдо к деталям обуславливалось мотивами поучительности⁶³⁸, передавая во всех подробностях противоречивость хода истории, хронист надеялся дать ориентир для размышлений своим читателям. Вероятно, произведение Санудо также должно было быть полезно тем, кто занимается государственными делами.

В отличие от Карольдо, Санудо избрал именно живой венецианский диалект, стремясь передать до мельчайших подробностей реалии Венеции, даже языковые. Сравнивая свой труд с тосканской хроникой, Джованни Виллани, венецианский автор подчеркивал грубость наречия южных соседей⁶³⁹. Далее Санудо отмечал свою неразрывную связь с республикой и ее судьбой, утверждая, что только на родном языке он мог в полной мере показать правдивую историю, подобно Титу Ливию в Древнем Риме или Бернардино Корио в Милане⁶⁴⁰.

Хотя языковые пристрастия Карольдо и Санудо отличались, можно видеть, что оба автора противопоставляли свои труды современной им традиции историописания на латыни, ярким представителем которой был Сабеллико.

Главным отличием их трудов было стремление к достоверности, не ограниченное помпезным латинским красноречием, за которым камуфлировалось стремление скрыть проблемные моменты в истории Венеции. Подобные критические замечания в адрес официальной историографии дают основание предполагать, что у Карольдо и Санудо были схожие идеи о назначении истории и ее дидактических функциях.

А. Арико указывает, что их читателями были те, кому не были важны латинская риторика и языковые изыски, а кого интересовали конкретные и неприукрашенные сведения из документов или венецианских источников

---

⁶³⁸ Ventura A. *Scritti di storia veneziana*. P. 190–195.

⁶³⁹ Aricò A. *Marin Sanudo il giovane le opere e lo stile*. P. 366–368.

⁶⁴⁰ *Ibidem*.

более ранних периодов⁶⁴¹. Следовательно, сведения должны были быть полезными, а доступ к ним – не требовать дополнительной подготовки.

Патриции, чиновники, торговцы или ремесленники, вне зависимости от их уровня образования и происхождения, могли узнать историю Серениссимы. Теперь знания о прошлом республики не были достоянием лишь небольшой группы гуманистов-интеллектуалов, а были доступны куда большему числу людей⁶⁴². Сведения, в том числе и исторические, начинали рассматриваться в качестве инструмента, который должен был приносить практическую пользу. Карольдо и Санудо, как уже отмечалось, видели значимость своих трудов в том, чтобы на конкретных примерах научить людей разбираться в тонкостях принятия политических решений и показать им венецианское прошлое, его характерные особенности.

Историк Кристиан Неерфельд, анализируя дневники Санудо и его современников, отмечает важность актуальных сведений для жителей республики, где вопросы власти были тесно переплетены с экономикой⁶⁴³. Кроме того, переменчивость военно-политической обстановки в период конфликтов в Италии способствовала распространению противоречивых и недостоверных фактов⁶⁴⁴. Большой поток информации, поступающий людям, заставлял их развивать критическое мышление и вырабатывать собственное мнение, развивая инструменты и критерии отбора достоверных материалов⁶⁴⁵.

Изучая более глубокие причины происходящего, люди могли обращаться и к отдаленной истории с новыми вопросами, сформированными текущей повесткой. Обывателей не удовлетворяли официальные доктрины, предлагаемые Сабеллико, в связи с этим формировался спрос на альтернативные версии, предлагаемые в трудах Карольдо и Санудо. Анализ сведений из различных источников давал возможность выстроить целостную

---

⁶⁴¹ Ibid. P. 368–369.

⁶⁴² Ibid. P. 370–371.

⁶⁴³ Neerfeld C. «Historia per forma di diaria». *La cronachistica Veneziana contemporanea a cavallo tra il Quattro e il Cinquecento*. Venezia, 2006. P. 137.

⁶⁴⁴ Ibid. P. 166.

⁶⁴⁵ Ibid. P. 127–128.

картину прошлого и настоящего, где рассматривался широкий спектр сценариев развития событий.

Дух перемен, выразившийся в военных катаклизмах, серьезных политических пертурбациях, затрагивавших как Венецию, так и всю Италию, открытие неизвестных континентов и формирование новых религиозных течений в католической среде, задавал новый тонус времени, не давая большинству людей абстрагироваться от реальности, заставляя их искать объяснения переменам настоящего в прошлом.

Можно предположить, что не только изысканная и неторопливая повествовательная манера гуманистов являлась малопривлекательной, но и сами их идеи о богоподобии человека и его безграничных возможностях ставились под сомнение. В новых исторических обстоятельствах человек не мог преодолеть все тягости судьбы и выйти победителем в споре с фортуной. Индивид искал объяснения неудач и поражений в собственной ограниченности и стечении обстоятельств. С одной стороны, люди пребывали в плену фаталистических идей, а с другой, стремились найти выход из сложившихся противоречий, что заставляло их, оборачиваясь в прошлое пытаться построить траекторию собственного будущего, отвечая на вызовы времени. В связи с этим тексты Карольдо и Санудо получили распространение в народе, и сегодня исследователи в архивах и частных коллекциях находят их списки⁶⁴⁶.

Отказ Карольдо и Санудо от латыни мог объясняться и тем, что авторы не были специалистами в области латинской словесности и риторики. По мнению К. Неерфельда, Санудо не обладал достаточными компетенциями в сфере латинского красноречия, поэтому осознавал свою неконкурентоспособность и несоответствие своего стиля для создания

---

⁶⁴⁶ Бахматова М.Н. Рукопись Дж. Джакомо Карольдо в Вероне. С. 87; Chrysostomides J. Studies on the Chronicle of Caroldo, with special reference to the history of Byzantium from 1370 to 1377 // *Orientalia Christiana Periodica*. Т. 35. Roma, 1969. P. 145–150; Aricò A. Marin Sanudo il giovane le opere e lo stile. P. 381.

официального историографического труда⁶⁴⁷. Избегая риска продемонстрировать свою плохую подготовку в области риторики, Санудо работал над дневниками, обосновывая достоверность приводимых в них материалов обширностью и тематическим богатством, отсутствующим в текстах гуманистов⁶⁴⁸.

Именно в обилии сведений автор XVI в. видел главное достоинство своей работы, которая в издании уже XIX в. заняла 58 томов, или сорок тысяч рукописных страниц⁶⁴⁹. Все попытки Санудо переформатировать произведения в рамках гуманистических литературных традиций потерпели крах⁶⁵⁰. Данную концепцию частично подтверждают и наблюдения Джованни Монтиколо, который в издании «Жизни венецианских дождей» находил неточности в передаче сведений латинского текста хроники дожа Андреа Дандоло, которую Санудо активно использовал⁶⁵¹.

Несмотря на приведенные аргументы, допустимо предположить, что Санудо руководствовался не только упомянутыми мотивами. Как указывалось выше, Санудо был принципиальным человеком и демонстрировал свои качества не только в упорном труде за письменным столом, но и на трибуне в Большом совете, выражая идеи, противоречащие взглядам самых влиятельных патрициев⁶⁵². Возможно, что в языковом выборе автора подчеркивалось стремление рассказать более широкой аудитории о положении дел в Венеции, передавая не только официальные мифы, но и иные сведения, демонстрировавшие разнообразие реалий Серениссимы. Скорее всего, данной идеей руководствовался и Карольдо, говоря о необходимости морального и

⁶⁴⁷ Neerfeld C. «Historia per forma di diaria». *La cronachistica Veneziana contemporanea a cavallo tra il Quattro e il Cinquecento*. P. 210.

⁶⁴⁸ Ibid. P. 211–212.

⁶⁴⁹ Melchiorre M. Sanudo (Sanuto), Marino (Marin) il Giovane // *Dizionario Biografico degli Italiani*. 2017. Vol. 90. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/marino-marin-il-giovane-sanudo_\(Dizionario-Biografico\)/?search=SANUDO%2C%20Marino%20il%20Giovane](https://www.treccani.it/enciclopedia/marino-marin-il-giovane-sanudo_(Dizionario-Biografico)/?search=SANUDO%2C%20Marino%20il%20Giovane) (дата обращения: 18. 02. 2024).

⁶⁵⁰ Neerfeld C. «Historia per forma di diaria». *La cronachistica Veneziana contemporanea a cavallo tra il Quattro e il Cinquecento*. P. 216–217.

⁶⁵¹ Sanudo M. *Le vite dei dogi* // *Rerum Italicarum scriptores*. P. 145.

⁶⁵² Finlay R. *La vita politica nella Venezia del Rinascimento*. P. 318–355.

интеллектуального развития будущих государственных мужей, которых не должны обуревать пороки⁶⁵³.

В творчестве Макиавелли также отразились перемены, имевшие место в начале XVI в. В предисловии к своему труду Макиавелли указывает: «Ибо я полагал тогда, что мессер Леонардо Аретино и мессер Поджо, два выдающихся историка, обстоятельно описали все, что произошло до этого времени. <...> И вот обнаружилось, что в изложении войн, которые вела Флоренция с чужеземными государями и народами, они действительно проявили должную обстоятельность, но в отношении гражданских раздоров и внутренних несогласий и последствий того и другого они многое вовсе замолчали, а прочего лишь поверхностно коснулись <...>»⁶⁵⁴. Флорентийский историк критиковал своих гуманистических предшественников, отмечая их нежелание концентрироваться на социальных конфликтах, имевших место в прошлом.

Целью своей работы он ставил анализ именно этой стороны общественной жизни, обещая папе Клименту VII описать и исследовать данную тему беспристрастно⁶⁵⁵. Макиавелли был недоволен тем, что более ранние авторы избегали проблемных вопросов, давая следующую трактовку их выбору: «Думаю, что так они поступали либо потому, что события эти показались им маловажными и не заслуживающими сохранения в памяти поколений, либо потому, что опасались нанести обиду потомкам тех, кого по ходу повествования им пришлось бы осудить»⁶⁵⁶. Данные мысли схожи с мотивацией его венецианских коллег, которые также говорили о том, что хотели бы демонстрировать не только успехи своей державы, но и ее проблемы. Можно допустить, что авторы из двух республик хотели преодолеть болезни своих социумов и улучшить общественные отношения.

---

⁶⁵³ Caroldo G. *Istorie veneziene*. Vol. 1. P. 38–40.

⁶⁵⁴ Макиавелли Н. *История Флоренции*. С. 5–7.

⁶⁵⁵ Там же. С. 6.

⁶⁵⁶ Там же. С. 8.

Однако стоит отметить ряд существенных различий. Во-первых, как отмечает Д. Хэнкинс, Макиавелли создавал свой труд исключительно для Климента VII и близкого к его персоне круга лиц, не планируя распространять произведение среди широкой аудитории. Историк надеялся повлиять на представителей главного флорентийского клана, чтобы сильные мира сего реформировали общественные порядки в городе, учитывая наставления умудренного советника. История была напечатана в 1532 г., когда Макиавелли уже умер⁶⁵⁷.

М. А. Юсим указывает, что Медичи стремились следовать идеям, выдвинутым Макиавелли, особенно в «Государе», но стратегии, предложенные в трактате, в итоге не были реализованы⁶⁵⁸. Венецианские авторы, наоборот, хотели более широкого охвата, как среди высших сословий, так и людей более скромного происхождения. Во-вторых, М. А. Юсим подчеркивает, что труд Макиавелли являлся «аналитическим рассказом»⁶⁵⁹, то есть автор не ставил своей конечной целью сбор большого количества материалов. Флорентийский историк, стремясь доказать свои теоретические постулаты, допускал умолчание или искажение фактов⁶⁶⁰. Стилистика его работы была подчинена конкретным целям, а не формированию представлений о реалиях города, из которых нужно было самостоятельно извлекать уроки.

Данный факт подчеркивал высокое владение Макиавелли приемами гуманистической литературы. С помощью неожиданных сюжетных ходов и изображения исторических личностей в комических и ложных положениях, Макиавелли демонстрировал свою иронию, подчеркивая драму борьбы за власть. В подобной перспективе разыгрывалась судьба участников заговора Пацци (1478), обернувшегося полным провалом для зачинщиков⁶⁶¹.

---

⁶⁵⁷ Hankins J. Leonardo Bruni and Machiavelli on the Lessons of Florentine History. P. 379.

⁶⁵⁸ Юсим М.А. Великие флорентинцы и эволюция исторического знания в Европе. С. 47.

⁶⁵⁹ Там же. С. 48.

⁶⁶⁰ Hankins J. Leonardo Bruni and Machiavelli on the Lessons of Florentine History. P. 378.

⁶⁶¹ Di Maria S. Machiavelli's ironic view of history: The Istorie Fiorentine // Renaissance Quarterly. 1992. Vol. 45. № 2. P. 261–267.

Другим примером являлось описание жестокости народа в отношении мессера Гульельмо из Ассизи и его сына, растерзанных во время мятежа против Вальтера VI Бриеннского в 1343 г. Если в тексте Джованни Виллани приводились неприглядные натуралистические подробности, отражающие справедливость мести за греховное попрание свободы коммуны, то Леонардо Бруни опускал все детали, указывая лишь на скорый суд⁶⁶². Бруни, стремясь в первую очередь передать положительное реноме Флоренции как государства, удалял порочащие ее репутацию факты⁶⁶³. Макиавелли так описывал данное происшествие: «Без сомнения ярость в сердцах людей гораздо острее и раны гораздо глубже, когда идет борьба за восстановление свободы <...>. И все же ни молодость его, ни невиновность, ни красота не могли спасти его от ярости толпы. Те, кому не удалось нанести удары отцу и сыну, пока они были еще живы, кромсали их трупы и, не довольствуясь ударами мечей, рвали тела их пальцами»⁶⁶⁴. М. Филипс полагает, что в своем описании Макиавелли учел подходы и Виллани, и Бруни. С одной стороны, он подчеркивал оправданность гнева толпы, а с другой, демонстрировал эмоциональный накал момента и его жестокость⁶⁶⁵. С помощью риторических приемов, ориентированных на чувственность и грамотную композицию, Макиавелли смог создать более выразительный образ, чем гуманист-предшественник.

Несмотря на знания литературных приемов и традиций латинской риторики, Макиавелли выбирал для своего творчества флорентийский диалект. Вероятно, историк понимал, что наибольшую выразительность его идеи приобретут в обрамлении не древнего красноречия, а родного, материнского для всех флорентийцев языка. Именно живое наречие, распространенное от учреждений власти до городских площадей, раскрывало новые возможности для убедительного монолога историка.

---

⁶⁶² Phillips M. Machiavelli, Guicciardini and the Tradition of Vernacular Historiography in Florence. P. 91–93.

⁶⁶³ Ibid. P. 93.

⁶⁶⁴ Макьявелли Н. История Флоренции. С. 97.

⁶⁶⁵ Phillips M. Machiavelli, Guicciardini and the Tradition of Vernacular Historiography in Florence. P. 94.

Авторы Венеции и Флоренции, идя разными творческими путями, избирая непохожие повествовательные манеры, приходили к пониманию важности ссылок на эмпирический опыт при конструировании образов прошлого, демонстрируя неотъемлемость данного источника сведений от жизненного пути человека. Вторым, хотя и еще теоретически не обобщенным, достижением стало понимание значимости коммуникационной среды. Родной язык, а не приобретенный в процессе обучения, был куда более понятен и близок большинству людей. Повествование на нем представлялось более убедительным, показывающим, что автор являлся своим человеком, разговаривающим и думающим схожим образом с аудиторией. Внутренний диалог индивида идет на родном для него языке, следовательно, и категоризация окружающей реальности, в первую очередь, строится в рамках знакомых концепций. В связи с этим одним из самых эффективных способов убеждения является обращение к человеку, его интересам и переживаниям, сформулированным в понятной для него форме.

Учет содержания и формы послания в зависимости от аудитории становится одним из главных принципов создания значимых общественных образов. Авторы, жившие в непростое время Итальянских войн, начали еще только ощущать важность данных приемов убеждения, но даже этот небольшой шаг позволил им снискать признание уже в свое время.

§ 2. Венецианские историки первой трети XVI в. о природе человека

Потрясения Итальянских войн заставили авторов задуматься о роли и месте человека в историческом процессе. Интеллектуалы переосмысливали гуманистические представления о богоподобной природе человека в земном мире, оценивая более реалистично как положительные стороны натуры индивида, так и отрицательные.

Не менее важным был вопрос о том, как конструировать образ человека в рамках исторического повествования, отражая его противоречивую и неоднозначную природу. Стремление к натурализму заставляло авторов по-новому смотреть на творчество своих предшественников.

Влияние коммуникационной среды, образование автора и его внутренняя перцепция жизненного опыта являлись ключевыми факторами для отбора источников, на которых основывалось его историческое творчество. Выбор текстов историком является фундаментом и для принципов построения повествования, и для критического анализа фактов в рамках изложения событий. Диалог с предшественниками или отказ от него влияет на раскрытие сюжета, от которого будет зависеть и объяснение смены событий в прошлом рассматриваемого социума.

Одним из ярких примеров целенаправленной селекции сведений и их вольной интерпретации были труды Паоло Джовио (1483–1552). Е. А. Косминский отмечает, что историк-гуманист в своем умении манипуляции и шантажа превосходил многие «продажные перья» своего времени. Собирая с помощью корреспонденции сведения по всей Европе, Джовио писал о современных ему событиях, обращаясь к людям, которых он собирался включить в свое повествование за вознаграждение. От согласия на оплату зависели оценки Джовио, то есть в положительном или отрицательном свете для потомков будут представлены его невольные клиенты⁶⁶⁶.

---

⁶⁶⁶ Косминский Е.А. Историография Средних веков. М., 1963. С. 55.

Рассматриваемые в диссертации Карольдо, Санудо и Макиавелли не имели столь явно выраженного материального интереса в сборе сведений, тем не менее, они также имели свою мотивацию и стратегию отбора источников.

М. А. Юсим подчеркивает, что Макиавелли в своих рассуждениях ориентировался в первую очередь на эмпирический опыт, нежели на моральные императивы долженствующего поведения. Несмотря на понимание важности нравственных ценностей, он видел непреодолимую пропасть в изображении благообразия политика и его реальными, часто неблагоприятными поступками. Понимание данного факта позволило Макиавелли отделить смешение деятельности на поприще государственной службы от этических норм поведения, сделав политику объектом абстрактных исследований и обобщений⁶⁶⁷. Неслучайно отмечается, что именно Макиавелли заложил основы современного политического анализа⁶⁶⁸.

Склонность Макиавелли именно к литературному стилю позволяет Д. Хэнкинсу подчеркивать, что флорентинец не привнес серьезных нововведений в область исторического познания, отказываясь от строгой критики материалов. Современный историк отмечает, что Макиавелли достаточно вольно мог обращаться с датами и переименовывать факты, заботясь не о достоверности, а о создании интересного и захватывающего текста⁶⁶⁹. Можно предположить, что автор XVI в., желая наиболее доходчивым и нескучным образом донести свои идеи до влиятельных покровителей, стремился к сознательному упрощению противоречивых сюжетов «Истории Флоренции».

Стоит отметить, что Макиавелли знал о передовых для своего времени историографических наработках. Описывая основание Флоренции, историк пересматривает версии, предлагавшиеся как Джованни Виллани, так и Леонардо Бруни. Отталкиваясь от критики, предложенной Анджело

---

⁶⁶⁷ Юсим М. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. М., 2011. С. 19–26.

⁶⁶⁸ Panciera W. La Repubblica di Venezia nelle guerre d'Italia // «Impaziente della quiete». Bartolomeo d'Alviano, un condottiero nell'Italia del Rinascimento (1455 – 1515) / ed. E. Irace. Bologna, 2018. P. 115.

⁶⁶⁹ Hankins J. Leonardo Bruni and Machiavelli on the Lessons of Florentine History. P. 378.

Полициано, Макиавелли пытался прийти к компромиссу между ней и описаниями Бруни⁶⁷⁰. Он писал: «Сначала Суллой, а после него тремя римскими гражданами, которые отомстив за убиение Цезаря, разделили между собой власть, во Фьезоле были направлены колонисты, каковые почти все поселились на равнине, поблизости от начавшего уже строиться города»⁶⁷¹. Развивается мысль о том, что данные территории стали осваиваться во времена Августа. Кроме того, опираясь на античных авторов, Макиавелли критиковал версию Бруни о первоначальном наименовании Флоренции «Флуенцией»: «Весьма вероятно, что само слово флуентийцы – ошибка, ибо Фрондин и Корнелий Тацит, писавшие почти тогда же, когда и Плиний, называют город и его жителей Флоренцией и флорентийцами <...>»⁶⁷².

Заслуживает особого внимания ссылка Макиавелли на «Анналы» Тацита, которые были опубликованы в 1515 г. Сам флорентийский историк работал над своим трудом в начале 1520 гг.⁶⁷³ Можно сделать вывод, что Макиавелли был в курсе последних достижений историографии и критики источников. Однако он не использовал широко данный инструментарий, так как, вероятно, видел главной целью своего исторического труда аргументацию определенных закономерностей в области политики.

В частности, одним из доказательств данной идеи могли быть рассуждения Макиавелли о Венеции. Он указывал, что ослабление города было связано с отказом республики от развития морского доминирования и захватом материковых владений в Северной Италии. Макиавелли так описывал итоги подобной политики: «Под конец все объединились против них, и в один день потеряли они владения, которые приобрели в течение стольких лет с затратою огромных средств»⁶⁷⁴. Историк не анализировал аргументы, обосновывающие необходимость приобретения Террафермы для

⁶⁷⁰ Rubinstein N. Machiavelli storico // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere e Filosofia. P. 723.

⁶⁷¹ Макьявелли Н. История Флоренции. С. 52.

⁶⁷² Там же. С. 53.

⁶⁷³ Rubinstein N. Machiavelli storico. P. 724.

⁶⁷⁴ Макьявелли Н. История Флоренции. С. 41.

Серениссимы, ссылаясь лишь на одну из точек зрения, циркулировавших в венецианском обществе.

В трудах Бернардо Джустиниани и Маркантонио Сабеллико, изданных уже в типографиях в конце XV в., приводились факты, показывавшие, почему Венеция была вынуждена проявлять беспокойство и о суше. Макиавелли, не рассматривая утверждения коллег, подчеркивал лишь ошибки в решениях властей. К. Закерт предполагает, что в данном случае автор XVI в. критиковал политику, которая вела к упадку державности и суверенитета своей страны⁶⁷⁵, так как венецианцы «<...> сами отказались от оружия, снискавшего им такую славу на морях, и по примеру прочих итальянцев доверили руководство своими войсками чужеземцам»⁶⁷⁶. Не учитывая всю совокупность исторических фактов, Макиавелли свободно трактовал имеющиеся сведения, показывая опрометчивость обращения к наемным войскам, якобы только из-за которых Венеция лишилась своих сухопутных владений в 1509 г.

Данный пример еще раз демонстрирует, что Макиавелли, зная или имея возможность узнать более точные сведения, предпочитал представлять лишь те факты, которые подкрепляли его концепцию о несовершенстве военной организации современных для его времени итальянских государств.

Макиавелли, реконструируя прошлое, стремился воссоздать его в соответствии со своими оценками и взглядами об идеальной политической модели, где «лишние» материалы источников или историографических трудов отбраковывались, чтобы не нарушать логику преподаваемых политических уроков. То есть социальные процессы, в первую очередь, развивались в связи с параметрами, заданными теоретическими воззрениями автора, а контекст эпохи или региональные особенности становились второстепенным. Ф. Гильберт отмечает, что Макиавелли и многие его современники, не имея четких представлений о реальной организации властных институтов Венеции,

---

⁶⁷⁵ Zuckert C. Machiavelli's Florentine Histories: The Rise of a New Deceptive Form of Modern Tyranny. URL: https://www.academia.edu/27792844/Machiavelli_s_Florentine_Histories_The_Rise_of_a_New_Deceptive_Form_of_Modern_Tyranny (дата обращения: 18. 02. 2024).

⁶⁷⁶ Макьявелли Н. История Флоренции. С. 49.

ориентировались в большей степени на общие концепции идеального государства, критикуя или превознося в качестве образца островную республику⁶⁷⁷.

Историческое творчество, несмотря на формирование новой логики, связанной с ориентацией на эмпирический опыт, продолжало быть пронизано концепциями построения гармоничного общества. Абстрактные примеры Платона и Аристотеля, не связанные с конкретикой периода XVI в., все еще являлись важными эталонами в описании и анализе прошлого. Вычленение конкретных ошибок минувшего и их детальный анализ должны были помочь приблизиться к построению совершенного государства в рамках античного образца.

Несмотря на выборочную и несистематическую критику источников, Макиавелли делал некоторые шаги и для развития данного направления в сравнении с предшественниками. Историк обращался не только к гуманистам (Бруни или Поджо), ссылаясь на них⁶⁷⁸, но и к их предшественникам – хронистам, к примеру, Джованни Виллани⁶⁷⁹. Если ученые, предшественники Макиавелли, не считали нужным и достойным упоминать средневековых авторов, не создававших свои тексты на изысканной латыни, и использовали их работы лишь в качестве материала для создания морально и риторически совершенных образов, то автор XVI в. давал хронистам «право слова», стараясь понять ход и их мыслей, и напрямую указывал на них. В частности, можно вспомнить описание волнений во Флоренции в 1343 г., когда Макиавелли анализировал и сравнивал версии и Виллани, и Бруни⁶⁸⁰.

Эти наблюдения позволяют заключить, что Макиавелли расширял континуум фактов и оценок, изучаемых для создания исторических трудов. Следовательно, открывались перспективы для более свободного и

---

⁶⁷⁷ Gilbert F. The Venetian constitution in Florentine political thought // *Florentine Studies: Politics and Society in Renaissance Florence* / ed. N. Rubinstein. London, 1968. P. 489.

⁶⁷⁸ Макиавелли Н. История Флоренции. С. 7.

⁶⁷⁹ Там же. С. 52.

⁶⁸⁰ Phillips M. Machiavelli, Guicciardini and the Tradition of Vernacular Historiography in Florence. P. 91–94.

независимого анализа прошлого, не ограниченного канонами гуманистической риторики. Независимость суждений и обращение в большей степени к собственному опыту при рассмотрении событий минувшего давали возможность задавать новые вопросы своим собеседникам из прошлого.

Г. Пиераччиони отмечает, что черновики, оставленные Макиавелли, демонстрировали его работу с материалами архивов, которые он переписывал, вынашивая идеи по созданию труда об истории Флоренции⁶⁸¹. Взгляд Н. Рубинштейна представляется более убедительным. Историк указывает, что, скорее всего, обладая ограниченными временными рамками, Макиавелли обращался главным образом к вторичным источникам, редко прибегая к документам или письмам⁶⁸². Можно предположить, что ссылка на личные или официальные бумаги также была одним из риторических приемов, подкрепляющих идеи Макиавелли в важных моментах повествования.

К примеру, описывая отношение горожан к Козимо Медичи, находившемуся в изгнании в 1434 г., автор приводил рассказ о перехвате письма Аньоло Аччаюоли. Макиавелли передавал содержание послания, где Аччаюоли предлагал Козимо с помощью коварства организовать войну с Флоренцией, которая вынудила бы горожан просить финансовой помощи у изгнанника, что способствовало бы его возвращению в Тоскану⁶⁸³. Можно предположить, Макиавелли, обращаясь к данному письму, интерпретировал его содержание таким образом, чтобы продемонстрировать в негативном свете приверженцев Медичи, готовых любыми средствами привести своих господ к власти.

Далее историк отмечал, что автор письма был арестован, а содержание его депеши стало достоянием общественности. Несмотря на опасность, которую таил в себе план Аччаюоли для общего блага Флоренции, Макиавелли констатирует: «Однако пример этот не поколебал всеобщего

---

⁶⁸¹ Pieraccioni G. Note su Machiavelli storico. I - Machiavelli e Giovanni di Carlo. P. 636.

⁶⁸² Rubinstein N. Machiavelli storico. P. 722.

⁶⁸³ Макиавелли Н. История Флоренции. С. 176.

умонастроения в пользу Козимо»⁶⁸⁴. Вероятно, последняя фраза, приведенная Макиавелли, могла быть связана с трактовкой общего смысла всей «Истории Флоренции», предлагаемой К. Закерт. Современный историк полагает, что Макиавелли хотел подчеркнуть разложение и слабость флорентийского общества, которое было готово симпатизировать политику, желающему удовлетворить свои властные амбиции любыми средствами, невзирая на потери⁶⁸⁵. То есть идея урока для элиты была в том, что население становилось безразличным к общественным делам, беспокоясь лишь о своих личных интересах. Подобное положение дел создавало неустойчивый государственный порядок, который мог легко распасться при любом внешнем вмешательстве.

Анализ источников, проводимый Макиавелли, был направлен на демонстрацию неправильного и болезненного течения общественных изменений во Флоренции, доказывая необходимость учета старых ошибок и работы над ними для создания более совершенного и устойчивого государства.

Венецианцы рассматривали социально-политическую ситуацию в республике несколько иначе. Они не воспринимали столь глубоко кризис государственных учреждений, как Макиавелли, признавая лишь отдельные недостатки и проблемы общества, требующие исправления.

Доказательством данной мысли являлись описания и оценки, приводимые авторами. Карольдо, посвящая свой труд дожу и сенаторам, подчеркивал совершенство учреждений Венецианской республики (*Eccellentissima Republica Veneta*)⁶⁸⁶. Хотя данное обращение являлось лишь формой официального выражения почтения и вежливости, тем не менее, оно коррелировало с содержанием мотивов историка. Он намеревался послужить общей пользе республики, говоря, что с историей человек усваивает

---

⁶⁸⁴ Там же.

⁶⁸⁵ Zuckert C. Machiavelli's Florentine Histories: The Rise of a New Deceptive Form of Modern Tyranny.

⁶⁸⁶ Caroldo G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 37.

гражданские и военные науки, традиции и законы города, способы приобретения благ и их сохранения, а также по каким причинам государственные дела приходят в запустение и нормализуются⁶⁸⁷.

Карольдо хотел обучать с помощью истории своих читателей, отмечая опасность невежества и других пороков. Автор видел проблему в порче нравов, которую можно было исправить положительными примерами⁶⁸⁸. Он не выдвигал требований каких-либо реформ, предлагая путь внутреннего самосовершенствования отдельных индивидов. Можно предположить, что Карольдо в целом удовлетворяла система республиканских институтов.

Санудо, объявляя главной задачей своего творчества стремление к истине, старался передать во всех подробностях доступные ему материалы⁶⁸⁹. Черда самых разнообразных фактов, следующих друг за другом, должна была демонстрировать всю многогранность реальности. Кроме того, Санудо практически без какой-либо критики повествовал о событиях, отраженных в источниках, безоговорочно доверяя своим информаторам⁶⁹⁰.

Вероятно, избрание данного подхода могло объясняться несколькими причинами. Замечания относительно образования автора свидетельствовали о том, что Санудо не мог или не хотел использовать литературные модели, предлагаемые гуманистической традицией. В связи с этим он не считал нужным проводить отбор материалов, связывая себя критериями достоверности, приводимыми учеными предшественниками. Данными параметрами проверки были либо критика на основе здравого смысла, либо соответствие сведений контексту эпохи. В первую очередь, гуманисты стремились показать сходство и различие своего времени с периодом античности, не проводя тщательного анализа эпохи Средних веков. В случае Сабеллико также первостепенное значение приобретали факторы политической корректности и панегиризма по отношению к заказчикам

---

⁶⁸⁷ Ibid. P. 40.

⁶⁸⁸ Ibid. P. 39–40.

⁶⁸⁹ Aricò A. Marin Sanudo il giovane le opere e lo stile. P. 366–368.

⁶⁹⁰ Ibid. P. 376.

трудов, что особенно критиковал Санудо. Отрицая языковую вычурность, автор пересматривал и подходы гуманистов к установлению истины.

Чуткость Санудо именно к собственному опыту, к тому, что он непосредственно сам слышал и видел, формировала у него собственный критерий восприятия истины. У автора не было предвзятого отношения к средневековым авторам, поэтому, возможно, он доверял им больше, чем кому-либо другому, считая их или свидетелями событий, или более осведомленными знатоками исторических реалий древней Венеции. А. Арико отмечает, что Санудо редко обращался к официальным документам, используя главным образом хроники⁶⁹¹. А. Феда, рассуждая о работах Санудо, подчеркивает их стилистическую приверженность традиционным формам, хотя автор XVI в. стремился следовать за актуальными потребностями эпохи, связанными с расширением географии сведений и социально значимой повесткой событий⁶⁹². Литературная традиция хроник была определяющей в выборе как стиля, так и содержания трудов для Санудо в отличие от гуманистического направления. Однако автор отказывался от однозначных трактовок, предлагавшихся хронистами. Вероятно, Санудо выбирал несколько трактовок события, конструируя на их основе собственную версию прошлого. Историк стремился верифицировать варианты интерпретации, выбирая, по своему мнению, самые достоверные и точные.

Показательным примером в отношении идеи верификации фактов, связанной с консенсусом хронистов, является уже упоминавшаяся выше критика сведений, приводимая Сабеллико, где главным критерием для недоверия стало то, что остальные авторы не приводили подобного описания праздников⁶⁹³. Можно предположить, что, развивая свое повествование, Санудо выбирал наиболее распространенные в хрониках версии событий. Еще одним вариантом создания достоверного рассказа были ссылки на авторов,

---

⁶⁹¹ Sanudo M. *Le vite dei dogi*. T. 1. P. 449.

⁶⁹² Fedi A. *Stile e struttura nei diarii di Marin Sanudo*. PhD thesis. Toronto, Canada, 1994. P. 130–138.

⁶⁹³ Sanudo M. *Le vite dei dogi*. T. 1. P. 24.

вызывающих особое доверие. В частности, при чтении текста Санудо становится ясным, что автор часто обращался к хронике Андреа Дандоло⁶⁹⁴.

Вероятно, данные версии могут частично объяснить стремление Санудо повторять мифы о происхождении Венеции, приводимые еще в хрониках XII–XIII вв. Санудо, следуя в данном случае и за Сабеллико, повторял легенду об основании города 25 марта 421 г. и связи данной даты со знаковыми событиями из христианского календаря⁶⁹⁵. Историк, подчеркивая благочестие и скромность венецианцев, обращался к хронике Бенинтенди Равеньяни (хрониста середины XIV в.)⁶⁹⁶. Также Санудо повторял легенду о том, как местные жители спасались от лангобардов в лагуне и строили там сначала лишь скромные поселения, ссылаясь на историю Риккобальдо Феррарского (историка лангобардов XIII–XIV вв.)⁶⁹⁷.

Г. Коцци справедливо предполагает, что данные легенды являлись основанием веры Санудо в совершенство правовой и институциональной традиции Венеции. Ведь его предок, Фома Кандиано, был одним из легендарных основателей города: «Санудо. Они происходили от Януса, короля Падуи [здесь идет речь о предке Фомы Кандиано, основателе всего рода Кандиано/Санудо, жившем в еще более древние времена], по имени Кандиано, из-за чего его потомков величали Кандиано, впоследствии Санудо. Это были древние и превосходнейшие трибуны, они всегда были воинами⁶⁹⁸. По причине достоинства и доброты <...> трибун города Падуи [господин Фома Кандиано] в 421 г. направился в компании господина Альберто Фальеро и Дзено Дандоло, чтобы начать строительство Риальто»⁶⁹⁹.

⁶⁹⁴ Sanudo M. *Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 99, 146.

⁶⁹⁵ Ibid. P. 1–2.

⁶⁹⁶ Ibid. P. 2.

⁶⁹⁷ Ibid. P. 4.

⁶⁹⁸ В тексте данное слово пишется на венецианском диалекте «bataieri», опираясь на глоссарий А. Кариле и словарь М. Кортелаццо были найдены слова *bataie* или *battaglie*, то есть сражения или битвы (у Кариле) и *bataor* или *batacchio*, то есть палка (у Кортелаццо), по смыслу слово связано с битьем или битвой. В связи с этим я предположил, что существительное «bataieri» характеризует род Кандиано именно как достойных воинов (Carile A. *La cronachistica veneziana (secoli XIII–XVI) di fronte alla spartizione della Romania nel 1204*. P. 535; Cortelazzo M. *Dizionario Veneziano della lingua e della cultura popolare nel XVI secolo*. Padova, 2007. P. 160).

⁶⁹⁹ Sanudo M. *Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 48; Cozzi G. *Marino Sanudo il Giovane: dalla cronaca alla storia*. P. 342–343.

Санудо, обладая столь сильными родовыми и личными связями с прошлым родины, стремился подчеркнуть роль своих предков, которые были одними из основателей великой республики. Приведенные мифы являлись аксиомами для аристократов, как и, в частности, для Санудо, на которых строился весь общественный порядок.

В связи с важностью данной темы для себя лично, Санудо даже использовал доказательства своего главного творческого конкурента, Сабеллико. Кроме того, обращаясь к фрагментам труда Ф. Бьондо «Прославленная Италия» («Italia illustrata»), автор, следуя за венецианской традицией историописания, оспаривал идею предшественника об основании города в 456 г., а не 421 г.⁷⁰⁰ Очевидно, что дискуссия являлась принципиальной, так как версия хронистов и историков Серениссимы была базой легенд и мифов, обосновывавших легитимность общественного устройства. Санудо знал и о достижениях гуманистической историографии, а не только обращался к хроникам.

Приведенные факты показывают, что Санудо использовал как работы авторов давно ушедших эпох, так и относительно современные труды по истории. Описания, относящиеся к древности, имели больше легендарных сведений. Одним из ярких примеров являются мифы об основании города. Однако параллельно в работе встречались подробные, скрупулезно составленные классификации церковных святынь, прелатов, аристократических семей, первых дождей⁷⁰¹, – демонстрировавшие стремление Санудо к систематизации сведений⁷⁰². По предположению Монтиколо, Санудо мог использовать для создания этих списков хроники, к примеру, Альтинскую, или обращаться к оригинальным документам⁷⁰³. Также Санудо приводил в своем труде либо пересказы, либо фрагменты текстов источников⁷⁰⁴.

⁷⁰⁰ Sanudo M. *Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 1; Cozzi G. *Marino Sanudo il Giovane: dalla cronaca alla storia*. P. 341–342.

⁷⁰¹ Cozzi G. *Marino Sanudo il Giovane: dalla cronaca alla storia*. P. 341–342.

⁷⁰² Sanudo M. *Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 13–48.

⁷⁰³ *Ibid.* P. 19.

⁷⁰⁴ Sanudo M. *Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 177; Sanudo M. *Le vite dei dogi*. T. 1. P. 39, 154.

Данные сведения позволяют увидеть всю противоречивость исторического творчества Санудо. С одной стороны, он стремился к истине, стараясь дать читателю как можно более широкую перспективу и многообразие деталей событий. С другой стороны, зная о критическом инструментарии гуманистов, Санудо следовал за легендарной традицией, берущей свое начало в венецианских хрониках.

Вероятно, в этом подходе нашли свое отражение не только суеверия Санудо, но и его общественно-политические взгляды. Являясь выразителем интересов средней и малой аристократии, противостоящей усилению первых патрициев, автор обращался к легендам и наследию прошлого, к идеям о равенстве нобилей. Он стремился выразить протест против исчезновения равенства среди элиты, что проявилось особенно остро в период Камбрейской лиги. Большой совет, куда имели доступ большинство патрициев, терял свое влияние, а вся власть сосредотачивалась в руках нескольких исполнительных учреждений, в частности, Совета десяти⁷⁰⁵.

Сильные мира сего, легитимизируя свои действия с помощью латинских трактатов, получали ответ на народном диалекте и в свободной манере изложения. В рамках повествования автор описывал проблемные стороны истории и следовал вольному стилю, не ограниченному риторикой. Мифы же становились отсылкой к славному прошлому, прекрасным равноправным отношениям аристократов, позволявшим Венеции достигать значительных побед. Возможно, именно эти чувства и мысли стремился посеять Санудо среди своих читателей, используя подобную несистематизированную и разноречивую форму повествования.

По мере приближения повествования Санудо к современной ему эпохе текст делался более реалистичным и детальным. Неслучайно, даже современные историки активно используют данный источник для

---

⁷⁰⁵ Finlay R. *La vita politica nella Venezia del Rinascimento*. P. 165–184.

подтверждения выводов своих исследований, посвященных той эпохе⁷⁰⁶. Именно здесь раскрывалось стремление Санудо со всей глубиной и подробностями, как на фотографии, отразить все богатство и разнообразие, в первую очередь, венецианской истории⁷⁰⁷. Санудо в отличие от Сабеллико с большим вниманием относится и к таким значимым для XV в. проблемам, как конфессиональные споры между Западной и Восточной церквями, конфликтам прелатов с папой во время Базельского собора (1431–1449)⁷⁰⁸. Автор хотел, чтобы его читатель имел детальное представление об общеевропейских процессах, затрагивавших и Серениссиму.

Однако и в описаниях своего времени Санудо подчеркивал влияние высших сил. Описывая кончину Бернардино Сиенского (1380–1444), он отмечал, что во время своей земной жизни святой совершил многие чудеса⁷⁰⁹. Автор приводил сведения о некоем персе, который проповедовал среди турок христианство: «<...> синьор [турецкий Султан] прибыл лично, где был этот персидский учитель. Потому что синьор желал его переубедить в этом воззрении, но он пребывал твердо в своих убеждениях. Синьор приказал, чтобы учителя пытали. Он смиренно перенес все мучения. В конце он умер, и его душа была вознесена ангелами во славу вечной жизни, как полагается. И из-за этого чуда большое количество турок крестилось и бежало, так что среди них происходило большое смятение»⁷¹⁰.

Данное описание демонстрирует, что Санудо верил во влияние Божественной воли на ход событий, стремясь показать это и своим читателям. И далее встречаются эпизоды, связанные, к примеру, с благоуханием мощей святых⁷¹¹. Вероятно, самым непосредственным свидетельством влияния трансцендентального на жизни людей были рассказы о битвах. Санудо не раз

⁷⁰⁶ Карпов С.П. Тимур-султан и Керим-бирди: два нападения на венецианскую Тану в 1410 и в 1418 гг. // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 4. С. 762.

⁷⁰⁷ Cozzi G. Marino Sanudo il Giovane: dalla cronaca alla storia. P. 347–348.

⁷⁰⁸ Aricò A. Marin Sanudo il giovane le opere e lo stile. P. 382.

⁷⁰⁹ Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 394–395.

⁷¹⁰ Ibid. P. 403.

⁷¹¹ Ibid. P. 648.

отмечал, что победа была «чудом Божиим»⁷¹². Для автора помимо воли человека существовали и другие силы, влиявшие на социальные изменения.

Санудо также верил во влияние астрологии на судьбы людей, приводя рассуждения о планетах и созвездиях, когда описывал момент заложения Венеции⁷¹³.

Можно сделать вывод, что Санудо глубоко ощущал значимые исторические проблемы и стремился понять первопричины социально-политических изменений. Как и гуманисты, он упоминал фортуны⁷¹⁴, влияющую на течение событий, однако она не являлась безликой и отстраненной случайностью. Наоборот, Санудо стремился персонифицировать данные силы, объясняя перемены не только внутренним выбором человека, а скорее влиянием обстоятельств, которые находились под контролем внешней воли.

Возможно, противоречивость эпохи, ставившая под сомнения тезис о влиянии человека на свою судьбу, заставляла автора еще раз задуматься о том, что определяет выбор как одного индивида, так и их группы. Противоречивое восприятие и повествование Санудо ставило и перед читателем данный вопрос.

Возвращаясь к творчеству Карольдо, необходимо также проанализировать и важные для его труда источники. Автор сам не раз отмечал, что использовал хронику Андреа Дандоло⁷¹⁵. Также Карольдо обращал внимание, что использовал падуанские хроники⁷¹⁶ и работу Павла Дьякона (первого историка лангобардов, жившего в VIII в.)⁷¹⁷. Трудно судить, на кого конкретно опирался Карольдо, так как он чаще всего не раскрывал, откуда получал свои сведения. Основываясь на выводах современных ученых, можно выдвинуть ряд предположений. А. Кариле отмечает, что факты,

---

⁷¹² Ibid. P. 373, 400.

⁷¹³ Sanudo M. *Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 5–6.

⁷¹⁴ Sanudo M. *Le vite dei dogi*. T. 1. P. 661.

⁷¹⁵ Caroldo G. *Istorii veneziene*. Vol. 1. P. 46, 54; Caroldo G. *Istorii veneziene*. Vol. 2. P. 78.

⁷¹⁶ Caroldo G. *Istorii veneziene*. Vol. 1. P. 42.

⁷¹⁷ Ibid. P. 46.

относящиеся к Четвертому крестовому походу, Карольдо мог заимствовать из текстов Ф. Бьондо⁷¹⁸. Щ. Марин во ввводной статье к изданию текста Карольдо указывает, что автор обращал внимание на историческое творчество Бернардо Джустиниани⁷¹⁹.

Можно сделать вывод, что, скорее всего, Карольдо, как и Санудо, обращался к широкому кругу вторичных источников, знал не только сведения современников событий, но и имел представление о критических аргументах гуманистов.

Карольдо во введении к своей хронике отмечал, что для создания истории много работал в канцелярии, обращаясь к документам, хранящимся в архивах республики⁷²⁰. Вероятно, подтвердить данное утверждение могли подробные списки тех патрициев, кто участвовал в выборах, которые приводил автор⁷²¹. По мнению Дж. Кракко, Карольдо в своем труде старался использовать именно официальные источники⁷²². М. А. Рябова отмечает, что текст представляет большую ценность для анализа политической и институциональной истории Венеции⁷²³.

Карольдо, не давая прямых оценок, стремился продемонстрировать через внутреннюю логику причинно-следственных связей развитие общественных отношений и конфликтов. Автор не строил теоретические схемы, объясняющие поведение, а раскрывал все с помощью конкретных примеров, которые считались лучшим пособием для обучения умению управлять в то время⁷²⁴.

Анализируя взгляды Карольдо на движущие силы истории, необходимо обратиться к его описанию основания Венеции. Карольдо, как Сабеллико и

⁷¹⁸ Carile A. La cronachistica veneziana (secoli XIII–XVI) di fronte alla spartizione della Romania nel 1204. Firenze, 1968. P. 202.

⁷¹⁹ Marin Ș. Studiu introductiv // Caroldo Gian Giacomo. Istorie venetiene. Vol. 1. P. 12.

⁷²⁰ Caroldo G. Istorie venetiene. Vol. 1. P. 38.

⁷²¹ Caroldo G. Istorie venetiene. Vol. 1. P. 208–209; Caroldo G. Istorie venetiene. Vol. 2. P. 172–173; Caroldo G. Istorie venetiene. Vol. 3. P. 95–97; Caroldo G. Istorie venetiene. Vol. 4. P. 7–8; Caroldo G. Istorie venetiene. Vol. 5. P. 133–136.

⁷²² Cracco G. Società e Stato nel medioevo veneziano (secoli XII–XIV). P. 356.

⁷²³ Рябова М.А. Рецензия: Giovanni Giacomo Caroldo. Istorie venetiene. Vol. 1–4 / Ed. îngrijită de Ș.V. Marin. București, 2008–2011 // Средние века. 2013. Т. 74. № 1–2. С. 357–360.

⁷²⁴ Ventura A. Scritti di storia veneziana. P. 190–195.

Санудо, приводил дату 25 марта 421 г.⁷²⁵ Однако коннотации автора совершенно отличались от мифологических построений его коллег. Во-первых, Карольдо указывал, что данная трактовка событий происходила из падуанской традиции историописания⁷²⁶. Во-вторых, он не связывал эту дату с сотворением первого человека или праздником Благовещения Девы Марии. Религиозные и священные смыслы, вписывающие данный день в сакральную и мировую историю, не артикулировались.

Карольдо подчеркивал важность факта основания, фиксируя возникновение «счастливого и наихристианейшего» города⁷²⁷, но он не стремился придать данному событию общемировое значение. Можно предположить, что автор более трезво понимал значение Венеции в современных для него реалиях. Любя свой родной город, Карольдо не считал возможным переоценивать его влияние, доводя до читателя мысли о том, что необходимо искать мудрость не в тайных и неведомых знаках, а в логике развития материальных причин.

Несмотря на это Карольдо отмечал, что он взялся создать свою историю, в том числе, и по молитве Божией⁷²⁸. Кроме того, он подчеркивал важность борьбы с грехами и стремление к спасению души⁷²⁹. Автор считал веру важной и неотъемлемой чертой для счастливой и достойной жизни человека. Также он приводил упоминания чудес, совершенных дожем Пьетро I Орсеоло (ок. 940–988)⁷³⁰, который постригся в монахи и отказался от своего титула⁷³¹.

Тем не менее, Карольдо отмечал, что данные события были описаны в легенде о жизни дожа⁷³². Автор подчеркивал, что следовал за почитаемой в Венеции литературной традицией, которая демонстрировала достоинство и религиозность власти. Вероятно, Карольдо обращался к авторитетному тексту,

⁷²⁵ Caroldo G. *Istorie venetiane*. Vol. 1. P. 42.

⁷²⁶ *Ibidem*.

⁷²⁷ *Ibidem*.

⁷²⁸ *Ibid.* P. 40.

⁷²⁹ *Ibid.* P. 37–39.

⁷³⁰ Pozza M. Pietro Orseolo, santo // *Dizionario Biografico degli Italiani*. 2015. Vol. 83. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/santo-pietro-orseolo_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/santo-pietro-orseolo_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 02. 03. 2024).

⁷³¹ Caroldo G. *Istorie venetiane*. Vol. 1. P. 75.

⁷³² *Ibidem*.

чтобы создать положительное реноме института дожей, показать чистоту и благородство людей, избираемых на данный пост. Карольдо хорошо понимал важность морали, подбирая примеры, подчеркивавшие образцы поведения для общего блага. Ведь дож был ключевой фигурой в Венеции, с мудростью которого связывалась судьба всей республики. Следовательно, первый патриций являлся образцом всех добродетелей.

Остальные аристократы также должны были воплощать лучшие качества⁷³³, проявляя себя главной опорой социума. Хотя Карольдо не принадлежал к данному сословию, зная его жизненный путь и стремление служить родине, можно предположить, что он хорошо понимал те душевные свойства, которые обязан был развивать в себе венецианский аристократ. Поэтому обращение к легендарному рассказу о доже, вероятно, было выражением похвалы главным для государственного мужа достоинствам.

Сходные мотивы, вероятно, имел Карольдо, когда ссылаясь на легенду о повторном обретении мощей св. Марка⁷³⁴ или спасении десницы Иоанна Крестителя во время пожара в церкви св. Гермагора⁷³⁵. Автор, говоря об основании города, подчеркивал его религиозность, то есть теперь он отождествлял данную характеристику со всем коллективом, демонстрируя чистоту и святость древних венецианцев.

Описывая события уже XIV в., повествование в хронике доходило до 1382 г.⁷³⁶, Карольдо также обращался к религиозной тематике. Рассуждая о Марино Фальеро, он отмечал, что дож решил организовать заговор (1355), так как был побужден к этому дьявольским наущением⁷³⁷. Далее Карольдо отмечал, что Фальеро вместе с людьми низкого социального положения решил осуществить свой план. Автор также предполагал, что мотивами данного поступка могли быть: личные оскорбления, стремление привести к власти

---

⁷³³ Finlay R. *La vita politica nella Venezia del Rinascimento*. P. 48–60.

⁷³⁴ Caroldo G. *Istorii veneziene*. Vol. 1. P. 98.

⁷³⁵ *Ibid.* P. 128.

⁷³⁶ Рябова М.А. Рецензия: Giovanni Giacomo Caroldo. *Istorii veneziene*. С. 358.

⁷³⁷ Caroldo G. *Istorii veneziene*. Vol. 3. P. 118.

менее знатные и достойные роды, тайное соглашение с иностранными державами⁷³⁸. Кроме того, Карольдо задавал вопросы и о личных выгодах дожа, какие внутренние причины или нужда могли сподвигнуть его к этому шагу. Ведь глава республики был уже немощен, не имел детей, был самым прославленным человеком в Венеции и происходил из знатнейшего рода⁷³⁹.

Карольдо анализировал внешние и внутренние причины поступка Фальеро, описывая как его личные переживания, так и факторы-побудители. Подобное направление исследования и постановка вопросов давала возможность получить рациональные версии ответа, обоснованные эмпирическими причинами. Исходя из этого, можно предположить, что эпитет «дьявольский» имел не только религиозную коннотацию. Смысл, закладываемый Карольдо в данное определение, скорее был характеристикой злой воли, стремящейся нарушить общественный порядок. Если христианские чудеса были иллюстрацией образцовой организации, то бесовское – являлось метафорой разрушения достигнутого консенсуса. Причем категория блага имела связь с коллективными интересами, а беды – с индивидуальными амбициями. Вероятно, Карольдо хотел показать читателю возможность внутреннего выбора, за которым могли следовать разные последствия, как для индивида, так и его окружения.

Неслучайно Макиавелли рассматривал с колкой иронией сообщения о таинственных предзнаменованиях, сулящих людям несчастья⁷⁴⁰. Он также полагал, что ответы нужно искать в амбициях людей, приводя следующую формулу: «Люди обычно не так торопятся взять то, что им легко дается, как воспылать жаждой того, чего им не получить»⁷⁴¹. Флорентийский историк полагал, что одной из главных причин формирования подобных стремлений являются не только особенности характера, но и нужда, заставляющая

---

⁷³⁸ Ibid. P. 119.

⁷³⁹ Ibid. P. 118.

⁷⁴⁰ Najemy J. The 2013 Josephine Waters Bennett Lecture: Machiavelli and History // *Renaissance Quarterly*. 2014. Vol. 67. № 4. P. 1174.

⁷⁴¹ Макьявелли Н. История Флоренции. С. 84.

человека стремиться к лучшей жизни⁷⁴². Макиавелли, как и Карольдо, видел связь между условиями жизни и внутренним состоянием человека, которые и являлись основанием социальных изменений.

Заслуживает внимания замечание Ж. Боса, который предполагает, что Макиавелли трактовал характеры людей в духе «Никомаховой этики» Аристотеля. В соответствии с данной точкой зрения природа человека, как и его мышление и мировосприятие, являются неизменными, то есть субъект не обладает индивидуальными личностными чертами, а относится к определенному типу, действующему в рамках обусловленной и ограниченной своими особенностями манеры поведения⁷⁴³. Данную точку зрения частично пересматривает Л. М. Баткин, который считает, что Макиавелли, хотя и не доходил до теоретического осмысления проблемы, в своих рассуждениях демонстрировал, что определенность типического характера могла быть прервана обстоятельствами, заставляющими человека действовать исходя из необходимости сложившейся обстановки⁷⁴⁴. Макиавелли, отходя от традиций гуманизма, ориентированного на античную философию, невольно демонстрировал своему читателю более сложную природу индивида, влияющего именно своим выбором и действиями на ход истории.

Карольдо в своей истории демонстрировал схожие наблюдения. Случай Фальеро являлся иллюстрацией нового взгляда на внутренний мир человека. Автор задавался вопросом, почему человек, по всем параметрам столь совершенный, решил совершить такое злодеяние. Можно предположить, что противоречия образа благородной природы аристократа и его реального преступления давали основание задуматься как самому автору, так и его аудитории, о нарушениях в концепции типов людей, представляя повод для анализа мотивов отдельного индивида, его уникальных черт.

---

⁷⁴² Там же. С. 52.

⁷⁴³ Bos J. Framing a new mode of historical experience. The Renaissance historiography of Machiavelli and Guicciardini // The making of the humanities / ed. R. Bod. Amsterdam, 2010. P. 357.

⁷⁴⁴ Баткин Л. М. Итальянское возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. С. 214.

Выбираемые авторами траектории исторического творчества открывали перед их читателями несколько путей для размышления.

Во-первых, человек, живя в непростое время, старался понять причины изменений, получая самые разные объяснения: от мистических до реалистических. Некоторые из них были побуждением к действию или внутреннему самосовершенствованию.

Во-вторых, аудитория была вынуждена задуматься об источниках знаний и форме их подачи. Понимание важности отбора фактов и инструментария для их критической верификации стали основаниями для доверия к создателю текста.

В-третьих, поднимался вопрос о месте самого индивида в мире и его роли в контексте происходящих событий. Авторы задумывались и рассуждали о влиянии личности на исторические процессы. Может ли человек повлиять на события, или все предопределено ограниченной внутренней природой и непреодолимым роком. Ответ на данный вопрос побуждал автора к более глубокой рефлексии и обращению к собственному опыту. Новые условия жизни требовали, чтобы прошлое становилось более доступным для понимания и персонализированным, чтобы индивид нашел или путь для собственного спасения, или убедительное объяснение своих несчастий.

Соотношение объективного и субъективного, индивидуальное понимание внутренних и внешних границ мира, степень свободы и зависимости от обстоятельств, постепенное осознание собственной неоднозначности личностью становились главными темами для интроспекции при воссоздании картины прошлого.

§ 3. Общественные идеалы ренессанса в историческом знании Венеции первой трети XVI в.

Кризисные явления заставляли интеллектуалов не только пересматривать возвышенные гуманистические концепции о человеке, но и критически анализировать настроения и идеалы современных им обществ.

Рассмотрев общие взгляды авторов XVI в. на место и влияние индивида на исторический процесс, необходимо ответить на ряд вопросов. Как историки оценивали роль конкретного человека в общественном строительстве, учитывая его социальное происхождение и политические идеалы. Если говорить шире, то проанализировать воздействие групп индивидов, исходя из их стратификации и разделяемых убеждений, на формирование отношений общежития. Учитывая различия в степени влияния на политические решения, к примеру, у правящей элиты и плебса, следует понять, как данные группы, по мнению авторов, должны были взаимодействовать для создания гармоничного общества.

Историки эпохи Итальянских войн, конструируя образы прошлого, предлагали различные концепции, с помощью которых можно было достичь идеала. Венецианские и флорентийские авторы по-разному определяли предназначение и функции сословий и их отдельных представителей для достижения блага и процветания родины.

Для доказательства данной идеи проведен сравнительный анализ базовых социально-политических понятий и их основного употребления⁷⁴⁵ в текстах Макиавелли, Карольдо и Санудо. Результаты исследований отражены в приложениях, на основе их сопоставления строятся выводы как в отношении взглядов авторов на социальные реалии, так и приемов и целей

---

⁷⁴⁵ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сборник статей под редакцией Ханса Эриха Бедекера. С. 21–34.

конструирования исторической памяти, которые приводятся в комментариях к приложениям.

В приложении №1 рассматривается понятие- *nimicitia* (враждебность); в приложении №2 – *stato* (государство); в приложении №3 – *virtù* (добродетель); в приложении №4 – *popolo* (народ); в приложении №5 – *plebe/popolo minuto* (плебс); в приложении №6 – *chiesa* (церковь).

Выбор данных терминов объясняется тем, что именно с их помощью можно наиболее отчетливо проследить изменения в восприятии социальной роли, как индивидуальных, так и групповых акторов.

Княжества и республики Италии, пережив пик своего экономического и культурного развития в XV в., начали терять былое могущество и уже сами становились объектами экспансии и соперничества крупнейших европейских держав того времени: Испании и Франции. Если Флоренция практически утратила самостоятельность, превратившись в зависимый субъект политики с элементами декоративной государственности, то Венеция являлась фактически единственным из государств Италии, которому ценой больших потерь и жертв удалось устоять и сохранить суверенитет⁷⁴⁶.

Представляется интересным рассмотреть, как перипетии исторических судеб Флоренции и Венеции эпохи Итальянских войн и предчувствие радикальных социально-экономических перемен Нового Времени повлияли на сходство и различия в подходах к осмыслению вопросов общественного устройства у флорентийца Макиавелли, с одной стороны, и у венецианцев Карольдо и Санудо – с другой.

В историографии можно отметить согласие специалистов в отношении оценок тематики и содержания «Истории Флоренции». Сам Макиавелли так определял в предисловии цель своей работы: «Ибо если в истории что-либо может понравиться или оказаться поучительным, так это подробное изложение событий, а если какой-либо урок полезен гражданам,

---

⁷⁴⁶ Брагина Л.М. Италия в Средние века и раннее Новое время: V–XVII вв., 2019. С. 268–273; Mallett M. Venezia e la politica italiana: 1454–1530 // Storia di Venezia. 1996.

управляющим республикой, так это познание обстоятельств, порождающих внутренние раздоры и вражду, дабы граждане эти, умудренные пагубным опытом других, научились сохранять единство. И если примеры того, что происходит в любом государстве, могут нас волновать, то примеры нашей собственной республики задевают нас еще больше и являются еще более назидательными»⁷⁴⁷.

Рассуждения Макиавелли подтверждались и его интерпретацией понятия «враждебность». Макиавелли делал акцент именно на социальной борьбе и противоречиях, подчеркивая разнонаправленность интересов общественных групп. Карольдо и Санудо воспринимали данную категорию в контексте конфликта своей республики с внешними врагами (Приложение № 1). Данное наблюдение позволяет сделать вывод, что флорентийский историк понимал неоднозначность социальных отношений, подчеркивая скорее внутригосударственные противоречия.

Современные историки разделяют мнение, что флорентийский автор с помощью анализа противоречий и конфликтов как внутри социальных групп, так и между ними, хотел сформулировать доктрину идеального государственного устройства родины⁷⁴⁸.

Флорентийский историк, используя категорию «государство», отражал взгляд на политику, как самостоятельную и отдельную сферу деятельности. Карольдо и Санудо, наоборот, подчеркивали неразрывную связь всех звеньев государственного «тела», судьбами которого руководили мудрые патриции (Приложение №2). Макиавелли в отличие от венецианских коллег приходил к пониманию того, что именно регулирование политических учреждений в соответствии с вызовами времени, а не слепое следование за традициями организации власти, может способствовать процветанию государства и его

---

⁷⁴⁷ Макьявелли Н. История Флоренции. С. 7.

⁷⁴⁸ Юсим М.А. Великие флорентинцы и эволюция исторического знания в Европе. С. 46; Najemy J. Machiavelli and the Medici: The Lessons of Florentine History. P. 568; Najemy J. The 2013 Josephine Waters Bennett Lecture: Machiavelli and History. P. 1131; Fubini R. Machiavelli, i Medici, e la storia di Firenze nel Quattrocento. P. 140; Rubinstein N. Machiavelli storico. P. 717; Zuckert C. Machiavelli's Florentine Histories: The Rise of a New Deceptive Form of Modern Tyranny.

институтов. В частности, он размышлял о позитивных и негативных последствиях прихода рода Медичи к власти во Флоренции.

Существуют разночтения об отношении Макиавелли к Медичи. Дж. Наджеми и К. Закерт выдвигают версию, что автор выступал со скрытой критикой своих заказчиков, то есть синьоров города. Наджеми отмечает, что неудачные политические решения итальянских государей, в том числе и Медичи, стали причиной иностранных вторжений. Именно популярность обращения к наемным войскам виделась автору главной бедой времени: «Да, несчастные те города, коим приходится защищать свою свободу от властолюбия угнетателей, но еще более несчастные те, которые вынуждены искать защиты, используя оружие таких неверных наемных войск <...>»⁷⁴⁹. Преодолеть данную проблему власти города могли с помощью иной организации комплектования войск, основанного на привлечении своих сограждан⁷⁵⁰. Народное ополчение позволило бы обеспечить общественную безопасность и стабильность.

Наджеми полагает, что именно первое народное правительство заложило основы политической самостоятельности Флоренции⁷⁵¹. Примером сознательных и организованных общественных действий может быть борьба социума с графом Гвидо Новелло в 1266 г., когда люди, изгнав рыцарское войско, решили организовать новый общественный порядок: «Народ оказался победителем, и к радости всех, кто дорожил благом государства, решено было объединить город и призвать обратно всех граждан, оставшихся за его пределами, — как гвельфов, так и гибеллинов»⁷⁵². Именно амбиции, неограниченная власть и необузданность аристократии были главными угрозами социальной гармонии и порядка, так как правящая элита действовали исключительно в своих узкословных, или клановых, интересах.

⁷⁴⁹ Макьявелли Н. История Флоренции. С. 245.

⁷⁵⁰ Макьявелли Н. История Флоренции. С. 55–56.

⁷⁵¹ Najemy J. The 2013 Josephine Waters Bennett Lecture: Machiavelli and History. P. 1183.

⁷⁵² Макьявелли Н. История Флоренции. С. 59.

Большую опасность представляла новая знать, которая, обладая талантами и претензиями на власть, стремилась любыми способами и средствами закрепиться на политическом олимпе⁷⁵³. Медичи в XV в. как раз старались утвердить свое влияние в городе, прибегая к самым разным методам.

Макиавелли, в частности, так характеризовал потенциал и влияние Козимо Старого (1389–1464): «<...> ибо только он [Козимо] из-за влияния, которое обеспечили ему чрезмерные его богатства, повинен в бессилии нобилей. Козимо настолько уже возвысился, что, если не принять немедленных мер, он неизбежно станет во Флоренции единоличным государем»⁷⁵⁴.

Кэтрин Закерт предлагает трактовать описанную стратегию как изощренную и коварную форму установления тирании, на которую указывал своим читателям Макиавелли. Медичи своими посулами и адресной помощью людям, с одной стороны, добивались любви и признания горожан, с другой, данная модель взаимодействия была причиной порчи общественных нравов, попустительствующая добровольному подчинению народа тирану⁷⁵⁵. Макиавелли, описывая заговор Пацци (1476), акцентировал внимание на том, как население отнеслось к лозунгам мятежников о защите вольности: «Однако счастливая судьба и щедрость Медичи сделали народ глухим, а свободы во Флоренции уже не знали, так что призывов его никто не услышал»⁷⁵⁶. Признавая легитимность Лоренцо Великолепного, граждане предлагали ему любую военную и финансовую помощь⁷⁵⁷. Флорентийцы допускали наличие особого политического статуса у Медичи и были готовы согласиться с законностью экстраординарных мер, принимаемых в данной ситуации⁷⁵⁸.

---

⁷⁵³ Najemy J. The 2013 Josephine Waters Bennett Lecture: Machiavelli and History. P. 1188.

⁷⁵⁴ Макьявелли Н. История Флоренции. С. 173.

⁷⁵⁵ Zuckert C. Machiavelli's Florentine Histories: The Rise of a New Deceptive Form of Modern Tyranny.

⁷⁵⁶ Макьявелли Н. История Флоренции. С. 316.

⁷⁵⁷ Там же. С. 317.

⁷⁵⁸ Там же. С. 317–319.

Кроме того, Синьория назначила для Лоренцо и личный отряд телохранителей⁷⁵⁹.

В. П. Бузескул отмечает следующие важные черты тирании, которые выдвигали античные авторы. Во-первых, тиран действовал в первую очередь в рамках своих интересов, заботясь о демосе лишь для удержания власти. Во-вторых, подобный правитель использовал свое богатство и переменчивый нрав толпы, чтобы прийти к власти. В-третьих, для сохранения своего положения владыка опирался на личную гвардию и часто мог быть меценатом культуры и искусства⁷⁶⁰.

Приведенные выше описания показывают, что Макиавелли точно следовал в фарватере логики античных авторов, выделяя именно тиранические черты правления Медичи. Можно отметить, что система управления, построенная Лоренцо и его предками, совпадала по всем критериям с античными взглядами и представлениями об узурпации.

Остается вопрос, почему Макиавелли осмелился выражать подобные суждения в адрес своих работодателей. Наджеми в более ранней статье отмечал, что историк показывал своим согражданам путь к спасению республики, который был связан с изгнанием Медичи, виновных в ее ослаблении и гибели⁷⁶¹.

Однако данный взгляд вызывает ряд сомнений. Во-первых, необходимо помнить, что Макиавелли создавал текст именно для узкой аудитории, среди которой первыми читателями были его заказчики⁷⁶². Во-вторых, сам автор в своем предисловии говорил: «Я во всяком случае, святейший и блаженнейший отец [обращение к папе Клименту VII], старался в этом своем повествовании, не приукрашивая истины, угодить всем, но, может быть, не угодил никому»⁷⁶³. Макиавелли сам откровенно заявлял о своем намерении писать без прикрас,

⁷⁵⁹ Там же. С. 320.

⁷⁶⁰ Бузескул В. П. Тирания и тираны в Древней Греции // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1901. Т. XXXIII. URL: [https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/121794-Тирания %20%20тираны%20в%20древней%20Греции](https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/121794-Тирания_%20%20тираны%20в%20древней%20Греции) (дата обращения: 05. 03. 2024).

⁷⁶¹ Najemy J. Machiavelli and the Medici: The Lessons of Florentine History. P. 577.

⁷⁶² Hankins J. Leonardo Bruni and Machiavelli on the Lessons of Florentine History. P. 379.

⁷⁶³ Макьявелли Н. История Флоренции. С. 6.

стремясь послужить благу своего государя. М. А. Юсим отмечает, что Макиавелли указывал папе Льву X на путь республиканских преобразований⁷⁶⁴, видя в этом залог формирования устойчивого политического порядка. Стоит подчеркнуть, что в период Возрождения термин «республика» был связан как с монархическими, так и народными политическими режимами, главной задачей которых было стремление к благу всего социума⁷⁶⁵. Автор XVI в., следуя за своими предшественниками, вероятно, в этом смысле трактовал данное понятие.

Р. Фубини подчеркивает, что Макиавелли не считал Флоренцию ни образцовой республикой, ни монархией, предполагая, что добродетельный государь-законодатель смог бы преодолеть политический кризис, выбрав правильное направление реформ и приняв мудрые законы. Фубини предполагает, что Макиавелли мог видеть такого спасителя отечества в личности папы Климента VII⁷⁶⁶.

Приведенные примеры демонстрируют, что Макиавелли, несмотря на сложные отношения с Медичи, скорее ратовал и заботился о благе своей родины, рассматривая синьоров в качестве тех, кто обладал влиянием, пониманием, авторитетом и возможностями для решения сложившихся проблем. Флорентийский историк надеялся, что Медичи, осознав ошибки предков, смогут построить более совершенный общественный порядок, внимая советам мудреца-политика.

Макиавелли видел несколько наиболее острых изъянов в политической системе Флоренции.

Первым недостатком системы являлась развращенность народа. Макиавелли так описывал сложившееся положение вещей: «Молодежь бездельничает, старики развратничают, мужчины и женщины в любом возрасте предаются дурным привычкам. И законы, даже самые лучшие,

---

⁷⁶⁴ Юсим М.А. Великие флорентинцы и эволюция исторического знания в Европе. С. 48.

⁷⁶⁵ Hankins J. Coluccio Salutati e Leonardo Bruni. P. 85–94.

⁷⁶⁶ Fubini R. Machiavelli, i Medici, e la storia di Firenze nel Quattrocento. P. 140.

бессильны воспрепятствовать этому, ибо их губит дурное применение. Отсюда – жадность, наблюдающаяся во всех гражданах, и стремление не к подлинной славе, а к недостойным почестям – источнику всяческой ненависти <...>. Добрые в сознании невинности своей не ищут, подобно злонамеренным, незаконной поддержки и незаконных почестей, вследствие чего без поддержки и без положенной чести гибнут»⁷⁶⁷.

Макиавелли видел главной причиной неудач последних веков выбор Медичи пути «мягкой тирании», из-за которой люди потеряли стимулы к социальной активности. То есть жители Флоренции, не имея возможности проявить себя в общественной деятельности, начинали погрязать в пороках, в «стремлении не к подлинной славе, а недостойным почестям». В связи с этим индивиды, которые являлись от природы благородными и добродетельными, не имели возможности раскрывать свои положительные качества, а люди злые по натуре держали бразды правления и притесняли тех, кто не может дать отпор.

Вероятно, «злонамеренность» понималась в данном случае как эгоизм, отсутствие интереса к общему благу и стремление удовлетворить лишь собственные потребности. В отношении власть имущих данная тенденция проявлялась в том, что они правили исключительно в собственных интересах, использовали для своих целей коллективные ресурсы и препятствовали любым попыткам изменить данное положение, держась и борясь всеми силами за свое место. Неслучайно Макиавелли отмечал: «Но после победы 1466 г. вся власть перешла к Медичи, и они получили в делах государственных такое преобладание, что все те, кто смотрели на них с завистью, вынуждены были терпеливо переносить это положение»⁷⁶⁸. Остальные знатные кланы и прочие сословия потеряли любую возможность открыто критиковать своих оппонентов и влиять на их решения. Таким образом, представители

---

⁷⁶⁷ Макьявелли Н. История Флоренции. С. 108.

⁷⁶⁸ Там же. С. 308.

альтернативных сил могли изменить сложившееся положение, только прибегнув к тактике заговоров и вооруженной борьбы.

Проявление властных амбиций только в противозаконной форме было чревато еще одной проблемой, а именно: ожесточенной и непримиримой борьбой политических оппонентов. Макиавелли так характеризовал разрушительные эффекты подобных конфликтов и приход к власти циничных, жестоких и ненасытных конкурентов: «Безнаказанность зла порождает во всех стремление разделяться на партии, а также и могущество партий. Злонамеренные объединяются в них из жадности и честолюбия, а достойные уже по необходимости. Самое же зловредное, что во всем этом наблюдается, – то искусство, с которым деятели и главы партий прикрывают самыми благородными словами свои замыслы и цели: неизменно являясь врагами свободы, они попирают ее под предлогом защиты то государства оптиматов, то пополанов. Ибо победа нужна им не для славы освободителей родины, а для удовлетворения тем, что они одолели своих противников и захватили власть. Когда же власть эта наконец в их руках, – нет такой несправедливости, такой жестокости, такого хищения, каких они не осмелились бы совершить. С той поры правила и законы издаются не для общего блага, а ради выгоды отдельных лиц, с той поры решения о войне, мире, заключении союзов выносятся не во славу всех, а в интересах немногих»⁷⁶⁹.

Автор показывал, что данная борьба вовлекала в свой круговорот весь город, сея разрушения, коррупцию, отсутствие правосудия и, самое главное, была причиной формирования цинизма и эгоизма. Общество переставало верить и воспринимать коллективные ценности, разочаровавшись в ложных обещаниях. В этом случае установление личных связей и персональная помощь давали возможность получить широкую общественную поддержку, которая могла стать основой для политического успеха, особенно у низших и нуждающихся слоев населения.

---

⁷⁶⁹ Там же. С. 108.

Противник Козимо Медичи, Никколо да Уццано, следующим образом характеризовал данное умение своего врага: «Я полагаю, что тем, кто хотел бы изгнать Козимо из Флоренции, следовало бы прежде всего сравнить свои силы с его силами. Нашу партию вы сами называете партией нобилей, его партию – партией народных низов»⁷⁷⁰. Данные рассуждения Макиавелли еще раз показывали, что Медичи нашли наиболее эффективный способ для установления своего господства, подкупая народные массы решением проблем нуждающихся и установлением относительной стабильности.

Однако в данной конфигурации властной системы автор отмечал тот существенный недостаток, что граждане потеряли свою свободу и способы какого-либо влияния на политическую обстановку. Все вопросы решал один человек, пусть и достойный, но действующий во имя собственных целей и, как и все люди, ошибающийся и заблуждающийся. Проблемным звеном такого порядка было отсутствие возможности высказывать законным путем критику, формировавшую пассивность населения. В то же самое время все общество было вынуждено расплачиваться за ошибки государя.

Правление Лоренцо Великолепного было примером подобных неурядиц. Макиавелли отмечал, что Лоренцо был талантливым человеком, который «самым немислимым образом сочетал две разные натуры»⁷⁷¹. Он мог быть и легкомысленным, и одновременно серьезным, погруженным в дела. Автор демонстрировал разностороннее развитие правителя, его способность адаптироваться к разным ситуациям. Вероятно, ремарка Макиавелли о том, что Медичи мог «сочетать две натуры», была отражением зарождающихся идей современного психологизма личности, то есть понимания неоднозначной натуры человека, ее противоречивости, сочетающей и сильные стороны, и слабости.

Тем не менее, неординарность Лоренцо не уберегла его от ошибок, за которые пришлось расплачиваться всей Флоренции. В частности, город был

---

⁷⁷⁰ Там же. С. 170.

⁷⁷¹ Там же. С. 351.

вынужден рассчитываться с долгами Лоренцо, так как его коммерческие инициативы потерпели крах⁷⁷². Главные же неприятности имели место уже после смерти государя: «Вот почему, едва лишь Лоренцо испустил дух, снова стали давать всходы те семена, которые, – ведь теперь некому было их задавить, – и были, и доныне продолжают быть столь губительными для Италии»⁷⁷³.

В данном случае Макиавелли подчеркивал, что умение и талант Лоренцо решать вопросы на внутриитальянской арене являлись ключевыми как для безопасности Флоренции, так и всего полуострова. Его смерть в 1492 г. и отсутствие достойных преемников сделали Флоренцию беззащитной перед внешней угрозой, что очень скоро проявилось в ходе Итальянских войн. То есть государство, управляемое одним индивидом, обладающим всей полнотой власти и не приемлющим альтернативных точек зрения, являлось в высшей степени уязвимой структурой.

Какие же альтернативы рассматривал Макиавелли, чтобы вырваться из «прокрустова ложа» политической нестабильности? В первую очередь, автор видел необходимость дать доступ к управлению и набору в армию различным слоям населения. Так Макиавелли описывал, что влиятельные горожане после смерти Фридриха II Штауфена (1212—1250)⁷⁷⁴ решили подготовиться к обороне, чтобы им не мог угрожать следующий император⁷⁷⁵. В соответствии с договоренностями коммуна была разделена на районы, на основе которых проводились выборы членов властных органов и шел набор городского ополчения⁷⁷⁶. Говоря о том, кто участвовал в осуществлении властных полномочий, Макиавелли приводил следующие сведения: «К этим отрядам была приписана вся молодежь, и каждому молодому флорентийцу было

---

⁷⁷² Там же. С. 349.

⁷⁷³ Там же. С. 351.

⁷⁷⁴ В немецкой исторической традиции Фридриха II принято именовать Штауфеном, однако в отечественной науке распространена форма обращения Гогенштауфен.

⁷⁷⁵ Макьявелли Н. История Флоренции. С. 55.

⁷⁷⁶ Там же. С. 56.

велено являться при оружии в свой отряд, когда граждане будут призываться к оружию приказом капитана или старейшин»⁷⁷⁷.

Историк отмечал, что все население обладало оружием, вне зависимости от сословий или семейной принадлежности, обязуясь защищать родину. Следовательно, каждый нес долю ответственности за безопасность и общественное благо и, вероятно, имел право реализовывать пассивное и активное избирательное право. Все население было включено в систему управления городом. Макиавелли так характеризовал данную систему для развития человеческого потенциала и взаимоотношений между индивидами: «Столько доблести было в сердцах этих людей и столько великодушия, что внезапное нападение на врага, ныне почитаемое деянием благородным и мудрым, тогда рассматривалось как недостойное и коварное»⁷⁷⁸.

Коллективная забота о пользе отечества, осознание своей сопричастности делу, по мнению Макиавелли, давали возможность раскрыть лучшие качества и достоинства людей, где не было места разврату и моральному разложению. Каждый член социума должен был проявлять свою активность, ему давалась перспектива реализовать свои властные амбиции, выражать свою позицию и влиять на ход общественного развития, а не прозябать в бездействии и заботах лишь о собственных интересах.

Употребление Макиавелли понятия «добродетель» демонстрирует, что он, в отличие от своих венецианских коллег, сосредотачивался в его рассмотрении не на этико-религиозных аспектах, а вопросах сознательности и социальной ответственности. Флорентийский историк подчеркивал, что именно способность индивида эффективно и результативно справляться с общими для всего государства проблемами или вносить личный вклад в их устранение является главной добродетелью (Приложение № 3). По мнению Макиавелли, подобная мотивация и гражданская этика человека позволяли построить прочный и надежный политический порядок.

---

⁷⁷⁷ Там же.

⁷⁷⁸ Там же.

Макиавелли очень высоко оценивал потенциал системы общественных отношений, в которой насаждалось и распространялось подобное понимание добродетели: «Нельзя и представить себе, какой силы и мощи достигла Флоренция в самое короткое время. Она не только стала во главе всей Тосканы, но считалась одним из первых городов-государств Италии, и кто знает, какого еще величия она могла достичь <...>»⁷⁷⁹. Вероятно, именно данный пример социального устройства из прошлого должен был являться образцом для политического строительства Климента VII, если бы он пожелал создать устойчивое и вековечное государство.

Можно сделать вывод, Макиавелли реконструировал прошлое, чтобы показать своему читателю ошибки и недостатки предшественников в организации социума, которые были отбракованы жизненными обстоятельствами. Будущий реформатор должен был понять, что необходимо опираться не только на личные таланты, но и дать возможность остальным кланам и сословиям иметь доступ к властным учреждениям. Данный шаг повышал сознательность населения, позволял людям раскрыть в полной мере свои добродетели. Выбор подобной системы отношений создавал здоровую конкуренцию в сфере политики, прекратив жестокие и кровавые распри, так как мнение всех основных общественных групп учитывалось.

Кроме того, в случае кризисных ситуаций совещательные органы смогли бы воспрепятствовать развитию негативных процессов. Учреждения принимали меры для безболезненного перехода коллектива к мирным условиям, что было не под силу даже талантливому единоличному правителю и часто менее способным преемникам.

Использование Макиавелли понятий «народ» и «плебс» также раскрывало новые смыслы социальной стратификации и отношений к простонародью, отмечая значимость разных слоев общества в историческом развитии. Контекст употребления понятия подкреплял аргумент Макиавелли,

---

⁷⁷⁹ Там же.

что участие в управлении государством всех страт способствовало формированию политической гармонии.

Венецианские авторы, рассуждая консервативно, употребляли данные понятия в традиционном для своей эпохи смысле, трактуя понятие народ только как совокупность населения. Понятие плебс рассматривалось только в качестве характеристики социальных низов. Карольдо и Санудо, говоря о широких общественных массах, не считали их силой, с помощью которой возможно построить идеальное государство и достичь общественной гармонии (Приложение № 4, 5).

Стоит отметить, что Макиавелли не выражал данных идей напрямую, понимая традиционно негативное отношение высших сословий к низшим. Также понимая нелюбовь открытой критики и неэффективность прямолинейных советов, он стремился завуалировать свои мысли, чтобы его идеалы общественного порядка вписывались в естественный ход повествования, заставляя аудиторию извлекать уроки из примеров прошлого. Конструируя исторический контекст, Макиавелли рассчитывал повлиять на восприятие политических реалий современниками, дав им ориентир для строительства стабильного социума, где главной опорой являлись надежные институты и эффективные законы, а также распространены моральные установки, поддерживающие общественную гармонию.

В то же самое время Макиавелли, апеллируя к Медичи, хотел подчеркнуть важность преодоления пагубных последствий череды войн и поражений 1490-1520 гг. не только лишь в одной Флоренции, но и во всей Италии⁷⁸⁰. В свою очередь, Д. Покок указывает, что неудачи Савонаролы в его попытках обновить социальные отношения с помощью моральной реформы, дали Макиавелли понимание того, что обращение к религиозным идеям для создания во Флоренции праведной общины, то есть совершенной формы

---

⁷⁸⁰ Ibid. P. 427.

правления в соответствии с христианскими принципами, являлось заблуждением и ошибочным направлением для преобразований⁷⁸¹.

Исходя из этих наблюдений, флорентийский историк не стремился подчеркивать особый сакральный статус своего города, его особую миссию. Скорее он хотел показать проблемы внешней и внутренней политики, демонстрируя практические пути для их разрешения. Макиавелли полагал, что следование его наставлениям даст возможность не только значительно упрочить положение Флоренции, но и, вероятно, позволит выработать стратегию для защиты всей Италии от вторжений захватчиков.

Беспокойство Макиавелли об общей судьбе Италии отразилось в его оценке папской политики: «Таким образом, все войны, которые в то время варвары вели в Италии, были в значительной мере вызваны римскими первосвященниками, и все варвары, нашествиям коих она подвергалась, бывали почти всегда ими же и призваны. Так же ведут себя они и поныне, и именно из-за этого Италия остается раздробленной и бессильной»⁷⁸². Автор не боялся открыто выражать эти крайне дерзкие обвинения, произнося их фактически перед лицом высшей церковной власти, ведь главными заказчиками и получателями труда Макиавелли были папы Лев X и Климент VII. Вероятно, данный факт объяснялся предоставленной ему широкой свободой творчества и смелостью самого историка.

Далее Макиавелли отмечал, что папы активно использовали как свои духовные полномочия, прежде всего, право отлучения от церкви, так и политическую силу церкви для укрепления своей персональной власти. Историк обращал внимание, что данные инструменты сначала оказывали влияние на другие государства, но со временем стали бесполезными и даже опасными для понтификов⁷⁸³.

---

⁷⁸¹ Покок Д. Момент Макиавелли. С. 174.

⁷⁸² Макьявелли Н. История Флоренции. С. 22.

⁷⁸³ Там же.

Во-первых, папы из-за частых церковных проклятий и индульгенций потеряли свой духовно-нравственный авторитет. Паства переставала видеть в институте папства его сакральность и особую связь с высшими силами. Первосвященники, как и мирские князья, стремились удовлетворить свои эгоистические цели и решить проблемы утверждения собственной власти, например, расширяя Папскую область.

Во-вторых, приглашение иностранных монархов с их сильными армиями для защиты интересов папства также поставило Рим в подчиненное положение. Понтифики вверяли судьбу милости иностранных государей, не имея собственных вооруженных сил. По сути, папы попадали под власть полководцев, которые силой могли влиять на политику Святого Престола. У Епископов Рима, напротив, не было реальных рычагов давления на могущественных союзников.

Макиавелли критиковал недальновидность пап, которые ради достижения временных преимуществ и кратковременного усиления своего личного влияния, забывали об отдаленных политических перспективах, то есть о возможностях основать собственную державу, которая имела бы весомый политический статус, опираясь не только на духовную власть, но и сильную армию и верных подданных.

Можно вспомнить, что подобные элементы идеального общественного устройства Макиавелли считал необходимыми и для организации властной системы во Флоренции, где народное собрание, с представительством всех сословий, было бы главным законодателем и защитником суверенитета⁷⁸⁴.

К. Линч отмечает, что флорентийский историк хотел доказать папе необходимость изменений, которые позволили бы в рамках уже всего Апеннинского полуострова создать влиятельное политическое объединение. Главной силой новой державы, как и в идеальной Флоренции, должен был бы

---

⁷⁸⁴ Там же. С. 55 – 56.

стать вооруженный и организованный народ, который стремился бы раскрыть свои добродетели во имя коллективных интересов⁷⁸⁵.

Доверие к жителям полуострова, необходимость учета их мнения и создание условий для благоденствия итальянцев являлись основаниями для формирования прочного и долговечного государства, граждане которого будут трудиться во имя общей цели и единым фронтом защищать свою родину.

Описывая другие державы Италии, в том числе Венецию, Макиавелли констатировал наличие тех же самых «недугов» общества, а именно: взаимное недоверие власть имущих и низших сословий и отсутствие идеологической базы, позволяющей всему социуму стремиться к солидарности⁷⁸⁶. Решение данных проблем позволило бы устранить угрозу внешних вторжений и сохранить социальный мир.

Можно сделать вывод, что, обращаясь к примерам прошлого, Макиавелли хотел показать своему читателю проект идеальной формы общественного устройства. Учет всех ошибок минувшего позволил бы действующему политику, по мнению флорентийского историка, значительно приблизиться к осуществлению данной цели. Назидательное отображение истории должно было побудить пап и, вероятно, других правителей, преодолевая свой эгоизм и личные амбиции, работать для объединения всей Италии, чтобы эффективно противостоять внешним угрозам и добиваться внутреннего спокойствия.

Необходимо отметить, что Макиавелли стремился представить папу скорее как политического лидера, нежели религиозного. Вероятно, он видел именно в его статусе и авторитете потенциал, необходимый для преодоления как внутриитальянских противоречий, так и восстановления собственного реноме понтифика. Решительные действия и политическая воля, опирающаяся

---

⁷⁸⁵ Lynch C. War and Foreign Affairs in Machiavelli's Florentine Histories // The Review of Politics. 2012. Vol. 74. № 1. P. 25 – 26.

⁷⁸⁶ Zuckert C. Machiavelli's Politics. Chicago and London, 2017. P. 391–392.

на многочисленных сторонников, способствовали бы восстановлению международного положения Италии.

Понимание Макиавелли того, что реальная политическая сила превосходит сакральную, отражалось в его трактовках понятия «церковь» (Приложение № 6). Историк, не давая определений или конкретных обобщений, в рамках своих рассуждений приходил к абстрактному смыслу данного понятия. Он отделял духовную сферу от светской, рассматривая в отдельности политическую и религиозную проблематику. Эту мысль иллюстрируют следующие слова Макиавелли: «<...> так сильно эти граждане тогда почитали свою страну больше, чем свою душу; и они показали Церкви, что как прежде друзья защищали Церковь, так и враги Церкви могли ее опустошить»⁷⁸⁷.

Из этого следует, что идеи самоценности государства, его самостоятельного и независимого существования превалировали во взглядах Макиавелли. М. Л. Андреев подчеркивает, что в трактовке Макиавелли государство формируется из-за первичных человеческих потребностей, связанных с окультуриванием диких первобытных инстинктов и аффектов⁷⁸⁸. Таким образом, данная форма общественной организации (государство) является основообразующей для жизни коллектива, определяющей конфигурацию прочих социальных институтов.

Церковь, не имея подобных функций, была учреждением, влиявшим на мораль социума. В контексте логики Макиавелли интересы церкви были вторичны перед государственными. Ю. В. Иванова отмечает, что у Макиавелли государство преследует одну-единственную цель: сохранение самого себя любыми средствами⁷⁸⁹. Государственные интересы, если

⁷⁸⁷ Machiavelli N. *Le istorie Fiorentine* / ed. G. Niccolini. Firenze, 1851. P. 137.

⁷⁸⁸ Андреев М. Л. Никколо Макьявелли // История литературы Италии в 4 т. Т. 2, кн. 2 / отв. ред. М. Л. Андреев. М., 2010. С. 122.

⁷⁸⁹ Иванова Ю. В. Историческая и политическая мысль // История литературы Италии в 4 т. Т. 2, кн. 2 / отв. ред. М. Л. Андреев. М., 2010. С. 249.

существовала необходимость, могли удовлетворяться и без оглядки на этические нормы.

Макиавелли преодолевает традиционные представления о синкретизме сфер общественных отношений, демонстрируя дистанцию между этическими нормами и политическими реалиями. В «Истории Флоренции» папы изображаются скорее как мирские государи, нежели носители универсальной сакральной духовной власти. Постепенное формирование «абстрактного социального мышления» делало все более очевидным различие между идеями о мистическом духовном единстве и конкретными политическими интересами государства.

В трудах венецианцев также наблюдается распространение идей о примате государственных интересов над церковными. Однако Карольдо и Санудо не только не доходят до степени и глубины понимания Макиавелли, но часто и подчеркивают неразрывную связь духовных и политических сфер. Карольдо и Санудо подчеркивали, что республика была благословлена Богом и являлась верной заступницей католической церкви⁷⁹⁰. Кроме того, историки демонстрировали не только конфликты, но и примеры позитивного взаимодействия с католической церковью, влияние которой аристократическая Синьория должна была учитывать.

Стоит отметить, что Санудо и Карольдо, ставя в центре мира свой родной город, обращались к сюжетам, касавшимся не только Серениссимы, но и многих итальянских и европейских государств. К примеру, Санудо приводил сведения о проблемах взаимоотношений католической и православной церквей во время Семнадцатого вселенского собора (1431–1449), начавшегося в Базеле и позднее расколовшегося на два противостоящих друг другу собрания. Один из соборов продолжался в Базеле, другой под

---

⁷⁹⁰ Sanudo M. *Le vite dei dogi* // *Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 102; Caroldo G. *Istorie venetiane*. Vol. 1. P. 37–40.

покровительством папы Евгения IV был перенесен в Феррару и позднее во Флоренцию (1437–1447)⁷⁹¹.

Собор имел первостепенное историко-политическое значение для судеб христианского мира, демонстрируя кризис власти понтификов. Папа Евгений IV был по происхождению венецианцем. Заняв престол, он изгнал из Рима всех родственников своего предшественника, что сделало его непримиримым врагом влиятельного аристократического рода Колонна⁷⁹². Против первосвященника стала формироваться оппозиция. Когда собор в Базеле был открыт, то многие влиятельные прелаты не спешили прибыть туда. Император Священной Римской империи, Сигизмунд I, пытался использовать собрание как инструмент политического давления на понтифика. Только компромиссная позиция кардиналов дала возможность найти пути для временного примирения императора и папы. Волнения в Риме в 1434 г., вызванные сторонниками семьи Колонна, вынудили папу перенести свою курию во Флоренцию⁷⁹³. Со смертью Сигизмунда в 1437 г. Евгений IV собрал новый собор во Флоренции, что вызвало прямой конфликт со священниками, заседающими в Базеле.

Санудо отмечал распоряжение понтифика, опубликованное в 1437 г., о прибытии церковных сановников на новый собор. Папа хотел сохранить в секрете до Рождества персоналии тех прелатов, кого он избрал кардиналами. Необходимость новых назначений и их конфиденциальность объяснялись, по мнению Санудо, тем, что нынешние кардиналы были главными виновниками текущих церковных расхождений и конфликтов⁷⁹⁴.

Венецианского автора волновали проблемы внутрицерковной борьбы, отражавшие стремления клира ослабить духовное влияние и политическую власть папы. Санудо понимал, что данные изменения могли повлиять на

⁷⁹¹ Казбекова Е. В. БАЗЕЛЬСКИЙ СОБОР // Большая российская энциклопедия. 2016. URL: https://old.bigenc.ru /religious_studies/text/1845544# (дата обращения: 17. 03. 2024); Аникьев И. И. Ферраро-Флорентийский собор // Большая российская энциклопедия. 2022. URL: <https://bigenc.ru/c/ferraro-florentiiskii-sobor-45ae9e> (дата обращения: 17. 03. 2024).

⁷⁹² Гергей Ё. История папства. М., 1996. С. 192.

⁷⁹³ Там же. С. 193.

⁷⁹⁴ Sanudo M. *Le vite dei dogi*. Т. 1. Р. 139.

расстановку сил, как в Италии, так и Европе, ухудшая международное положение Серениссимы.

Санудо показывал отношение властей республики к папе в описании следующих фактов. Предложения по организации крестовых походов, выдвигаемые понтификом во время собора в XV в., не находили никакой поддержки⁷⁹⁵. Однако, рассматривая повествование событий XII в., можно видеть, что Санудо отмечал стремление венецианцев откликаться на просьбы папы о помощи в священной войне⁷⁹⁶. Данные факты отражали смещение ценностей элиты и ее понимания места Святого Престола в мире.

Автор демонстрировал, что фигура первосвященника теряла свой сакральный статус, сохраняя в большей степени лишь политический. Следовательно, проекты христианских лиг рассматривались и оценивались отдельными государствами в зависимости от возможных выгод. Так угрозы папы по отлучению Венеции от церкви, если республика не прекратит войну с Миланом, имевшую место в 30–40 гг. XV в., были отклонены Синьорией. Венецианские патриции аргументировали свое решение исходя из того, что они состояли в военном союзе с императором Священной Римской империи и с Генуей. В связи с этим республика не могла в одностороннем порядке нарушить ранее принятые договоренности, не уведомив своих партнеров⁷⁹⁷.

Можно сделать вывод, что реальные политические интересы становились главными факторами, определявшими международные отношения. Санудо, как и Макиавелли, понимал главенствующую роль государственных интересов над религиозными.

Также Санудо отмечал, что папа защищал и поддерживал своих прелатов, совершавших преступления⁷⁹⁸. Историк описывал избрание антипапы Феликса V в Базеле в 1439 г.⁷⁹⁹, еще раз подчеркивая наличие острых

---

⁷⁹⁵ Ibid. P. 109.

⁷⁹⁶ Sanudo M. *Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 161, 181.

⁷⁹⁷ Sanudo M. *Le vite dei dogi*. T. 1. P. 141.

⁷⁹⁸ Ibid. P. 254.

⁷⁹⁹ Ibid. P. 277.

противоречий и конфликтов внутри церкви. Упоминание Санудо о данных событиях было отражением общественных настроений, показывавших девальвацию роли папы и распространения его негативного образа. Понтифик не только терял свой авторитет, но и становился общественной фигурой, воспринимаемой отрицательно.

Тем не менее, Санудо делал акцент на том, что выборы антипапы являлись нелегитимными, так как ни один кардинал не присутствовал на Базельском соборе⁸⁰⁰. Также Сенат республики обращался именно к папе с просьбой отложить выборы патриарха Аквилеи и Фриули в 1439 г. Антипапское собрание пыталось ставить в диоцезах верных себе архиереев, противостоящих понтифику. Патриции полагали, что собравшиеся в Швейцарии не будут принимать никаких решений в отношении иерархов на подвластных им территориях⁸⁰¹. Поэтому Синьория надеялась, что папа не будет менять установленные ранее назначения. Данный факт демонстрировал, что венецианская элита считала важным учитывать мнение первосвященника в вопросах церковных назначений. Несмотря на то, что понтифик уже не обладал тем влиянием, которое имел в XIII в., он еще мог вмешиваться во внутренние дела независимых стран. Папа также должен был думать об интересах держав, что, в частности, заставило его отправить легата в Венецию с поручением узнать мнение властей о новом патриархе⁸⁰².

Описание, с одной стороны, дает понимание, что Санудо стремился показать суверенитет республики, политический курс которой строился, исходя из выгод собственного государства. С другой стороны, авторский реализм демонстрировал, что, несмотря на проблемы с признанием, папа оставался весомой фигурой, к которой было необходимо прислушиваться. Поэтому Синьория, особенно в контексте легитимации церковных иерархов, учитывала мнение Рима. Влияние понтифика, как носителя универсальной

---

⁸⁰⁰ Ibid. P. 282.

⁸⁰¹ Ibid. P. 265.

⁸⁰² Ibid. P. 270.

духовной власти, хотя и ослабло, его политическая и институциональная роли оставались весомыми. Однако чрезмерные требования папы могли быть отвергнуты, что заставляло Венецию и Святой Престол, признавая влияние каждой из сторон, искать взаимные компромиссы.

Карольдо в своих оценках отношений Венеции и папства был во многом согласен с мыслями Санудо. Описывая противостояние патриарха Аквилеи и Синьории из-за юрисдикции церкви в городе Градо в 1040 гг., автор отмечал роль папы Льва IX, который, поддерживая Серениссиму, поставил нового патриарха Градо и утвердил его независимость от влияния аквилейского коллеги⁸⁰³. Можно еще раз убедиться, что Венеция не была полностью самостоятельной в решении вопросов церковных назначений. Власти республики были вынуждены апеллировать к более высоким духовным иерархам, чтобы урегулировать данный конфликт, поступаясь своим суверенитетом.

Карольдо также отмечал и несогласие венецианцев с волей пап. В описании войны 1350-1355 гг. между Серениссимой и Генуей автор упоминал попытки первосвященников примирить две враждующие стороны. Однако Синьория неоднократно отказывалась от посредничества понтификов, аргументируя свое решение обязательствами перед союзниками⁸⁰⁴ или несоответствием предлагаемых условий мира государственным интересам⁸⁰⁵. Политическая элита действовала в отношениях с папством ситуативно, руководствуясь интересами текущей политической обстановки.

Реконструируя историю отношений папства и республики, Санудо и Карольдо отступали от традиций мифа, показывая, что Венеция не могла в одностороннем порядке принимать решения, выгодные только ей. Мнение и позиция понтифика являлись весомыми основаниями для изменения политического курса. Освещение подобного положения вещей подрывало

---

⁸⁰³ Caroldo G. *Istoria venețiene*. Vol. 1. P. 94.

⁸⁰⁴ Caroldo G. *Istoria venețiene*. Vol. 3. P. 55.

⁸⁰⁵ *Ibid.* P. 40.

концепцию полной независимости и автономии Венеции от любых внешних сил, демонстрируя читателю ограниченность влияния политической элиты республики на международные процессы. Властям приходилось искать компромиссы, чтобы защитить интересы родины.

Спектр внимания венецианских авторов был куда более узким, чем у Макиавелли. Если флорентийский историк развивал идеи обще-итальянской стратегии безопасности, то его коллеги анализировали международную политику в свете побед и поражений Серениссимы. Вероятно, привязанность венецианцев к родными местам и их самоидентификация с прошлым республики оставались главными мотивами в культуре города-государства. Интеллектуалы в материковой Флоренции были более открыты к восприятию доктрин, предлагающих создание широкого политического объединения или союза.

В Венеции, как отмечалось выше, влиятельная аристократия не выдвигала запроса на переосмысление общественных отношений и институтов. Все вопросы решались кулуарно в узком кругу первых лиц. Сильные мира сего желали укрепления своего положения и консервации сложившихся порядков. После катастрофического военного поражения при Аньяделло 1509 г., которое поставило под угрозу суверенитет республики, стабильность ее властной системы и государственного устройства, городская элита еще острее осознавала необходимость распространения и популяризации венецианского мифа о совершенстве политических институтов города.

Официальная идеология должна была решать несколько задач. Во-первых, показывать независимость республики от империй, средневековых и современных, подчеркивая уникальность и самостоятельность правовых и законодательных традиций Серениссимы⁸⁰⁶. Во-вторых, поддерживать высокое реноме патрициата в глазах культурной и политической элиты.

---

⁸⁰⁶ Bouwsma W. Venice and the Defense of Republican Liberty. Berkely and Los Angeles, 1968. P. 55–56.

Аристократы стремились насаждать в Венеции официальные идеалы, чтобы спланировать свое сословие, культивируя его особую идентичность. Кроме того, правящая элита считала необходимым поддерживать свою положительную репутацию и среди иностранцев, особенно влиятельных и власть имущих. Создавая образы идеальной республики и ее верных и добродетельных государственных мужей, патриции надеялись развивать концепции легитимности своего особого статуса и оправдывать избранный политический курс.

Насаждать и распространять официальную идеологию должны были верные властному курсу авторы. Они излагали свои мысли на изящной латыни, чтобы соответствовать тенденциям популярной и модной культуры высших слоев общества.

Как воплощение запроса элиты на отображение событий прошлого в определенном идеологическом ключе, в 1516 г. в республике была введена должность официального историка. Андреа Наваджеро стал первым, кто получил данное назначение. Необходимо отметить, что Наваджеро не создал специальных исторических трудов, его творчество ограничилось рядом эпитафий и хвалебных речей, адресованных как отдельным персоналиям, например, дожу Леонардо Лоредано, так и общему совершенству республики. В своих текстах он восхвалял смешанную форму правления, сочетающую лучшие черты монархии и республики, сформировавшейся благодаря мудрости аристократов-сенаторов и скромности дожа. Автор восхищался миролюбием венецианцев и совершенством их коллективных органов управления, поддерживавших общественные свободы, которые вызвали зависть других народов, из-за чего европейские державы пошли походом на Серениссиму. Итогом военно-политического конфликта 1509 г. Наваджеро считал победу республики, которая выстояла в борьбе со всем миром. Также

автор подчеркивал, что свободный дух Венеции способствовал развитию искусств⁸⁰⁷.

В 1520–1530 гг. концепции, сформулированные Наваджеро, были более подробно раскрыты в трактате Гаспаро Контарини «О магистратах и устройстве Венецианской республики», хотя автор не имел официальной должности историографа, его труд стал, вероятно, самым известным в мире произведением, формирующим «венецианский миф». Основное содержание работы было посвящено текущим политическим реалиям, но не обходилось и без обращений к прошлому, из которого произрастали успехи и достижения современности. Идеализированные взгляды Контарини на историю Венеции выражали его слова: «В Афинах, Лакедемоне и Риме некоторые граждане отличались добронравием и любовью к общему благу, но вследствие своей малочисленности в окружении толпы они не могли как следует послужить отечеству. Наши же предки, оставившие нам в наследство столь славное государство, все как один ревностно пеклись о его укреплении, о расширении его границ, почти не думая о собственных интересах и почестях»⁸⁰⁸. Направление творчества данных авторов демонстрировало стремление представить республику в качестве совершенной политической системы, которая достигла своего апогея к XVI в., камуфлируя ее реальные социально-политические проблемы.

Санудо и Карольдо, имея отличные от литераторов-гуманистов цели при создании своих текстов, повторяли некоторые идеи, подчеркивавшие исключительность Венеции. Оба автора находили, что первый дож, Паолуччо Анафесто, правивший в конце VII и начале VIII вв., был мудрым и знатным человеком⁸⁰⁹. Карольдо отмечал: «<...> узнав на опыте, насколько мирным, спокойным и полезным для каждого было бы правление дожа»⁸¹⁰.

⁸⁰⁷ Libby L. Venetian history and political thought after 1509 // *Studies in the Renaissance*. P. 14–16.

⁸⁰⁸ Контарини Г. О магистратах и устройстве Венецианской республики. С. 54.

⁸⁰⁹ Caroldo G. *Istorie venetiane*. Vol. 1. P. 47; Sanudo M. *Le vite dei dogi* // *Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 100.

⁸¹⁰ Caroldo G. *Istorie venetiane*. Vol. 1. P. 47.

Как считает П. В. Лукин, данная легендарная личность являлась важной фигурой для конструирования образов, на которых зиждился венецианский миф⁸¹¹. Можно предположить, что, высоко оценивая первого правителя, авторы хотели подчеркнуть совершенство общественных институтов и учреждений, многие века существующих на островах. Возможно, именно отсутствие сомнений венецианских историков в необходимости кардинальных изменений политической системы отличало их от Макиавелли. Степень их поддержки существующих общественных реалий была куда более сильной по сравнению с флорентийским коллегой.

Данная мысль подтверждается описаниями развития коллективных институтов и ограничения власти дожа. Карольдо отмечал, что во время правления Доменико Флабьянико (1032–1042) было принято решение о запрете назначения дожем своих преемников⁸¹². Далее автор демонстрировал положительное влияние реформы 1172 г., делегировавшей право избрания дожа не всему народу, а одиннадцати добродетельным гражданам, которые должны были определить самого достойного и преданного республике⁸¹³. Подобное изменение являлось благоприятным для поддержания общественного спокойствия. Карольдо приводил сведения об усовершенствовании электоральной системы: когда дож Себастьян Дзиани (1172–1178) тяжело занемог, было решено, что первые патриции будут избирать сорок граждан для проведения честных выборов⁸¹⁴. Положительные коннотации Карольдо подчеркивали его стремление показать своей аудитории важность идей и принципов коллективного аристократического правления, которые, по мнению автора, оставались незыблемыми и в XVI в. Возможно, Карольдо хотел подчеркнуть дух справедливости и честности институтов

---

⁸¹¹ Лукин П. В. Старейшина Гостомысл и первый дож Паолуччо Анафесто: республиканские мифы и их судьбы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 69–70.

⁸¹² Caroldo G. *Istoria venetiana*. Vol. 1. P. 92.

⁸¹³ *Ibid.* P. 148.

⁸¹⁴ *Ibid.* P. 155.

Венеции, которые, несмотря на исключения, работали таким образом многие столетия.

Еще одним примером того, как Карольдо демонстрировал свой патриотизм, были речи исторических личностей, постулировавшие ценности значимые для автора. Этот прием убеждения читателя был распространен в гуманистической историографии, откуда, скорее всего, его и заимствовал автор. В качестве примера можно привести речь командира флота Николо Пизани перед одной из битв во время войны Венеции и Генуи 1350–1355 гг.: «Мы, сыновья мои, собрались здесь, чтобы сражаться во имя славы и пользы Отечества и ради своего здоровья, как это должны делать и наши враги. И если мы одержим победу, то вернемся со славой в наш город. Однако мы должны сражаться доблестно и быть уверенными в силе такого количества солдат, находящихся в этой войске <...>. Но наша надежда должна быть в вере в собственную добродетель, в то, что, если каждый будет выполнять свои обязанности, победа будет в наших руках <...>. И, поскольку вы находитесь в таких условиях, что должны либо победить, либо встретиться с трагической судьбой, я прошу вас, если в прошлом вы проявили свою добродетель в других битвах, то, превзойдите себя, чтобы показать свою добродетель и сегодня. И все вместе имейте в памяти и представляйте перед глазами, что здесь находится весь флот, все военные корабли, вся сила людей и действительно весь город Венеция, все государство, все его владения, слава и имя венецианское. И для сохранения всех этих вещей, если кто-то из вас хотел бы превзойти другого и показать свой пыл, опыт, смелость и доблесть, никогда не придумает лучшего времени, чем сегодня, чтобы продемонстрировать эти качества <...>»⁸¹⁵.

Слова Карольдо, переполненные пафосом, отражали, скорее всего, тот образец, который должны были воспринимать и которому должны были следовать его читатели. В нем сосредотачивались моральные максимы,

---

⁸¹⁵ Caroldo G. *Istorie venetiane*. Vol. 3. P. 56–57.

необходимые государственному мужу для исполнения своего долга перед отечеством.

Можно предположить, что стремление Карольдо преподать с помощью истории уроки нравственности и правильной мотивации действий отличало его от Макиавелли, который постулировал первоочередную важность институциональных реформ. Доктрина флорентийского историка была куда шире, позволяя теоретически раскрыть добродетели разных социальных групп, опираясь именно на их интересы, тесно связанные с участием в политической жизни.

Карольдо, вероятно, надеялся историческими примерами воздействовать на души читателей, призывая их к моральному совершенствованию и саморазвитию во имя интересов отчизны. Если Макиавелли стал понимать важность опоры на низшие сословия⁸¹⁶, которые в первую очередь будут оберегать общественный порядок, то Карольдо ориентировался на сословие потомственных граждан, к которому сам принадлежал, и аристократии.

Очевидно, что воззрения историков различались в том, кого авторы видели главными акторами общественных изменений, и о ком хотели поведать своей аудитории. Вероятно, травмирующие события войн и политических пертурбаций подтолкнули Макиавелли искать совершенно новые ответы, предлагая их своим слушателям.

Карольдо также глубоко чувствовал проблемы эпохи, ощущая крушение прежних идеалов и норм. В частности, он болезненно воспринимал распространение духа индивидуализма среди аристократов, стремившихся спасти свое имущество или положение в трудный час для отчизны, не думая об интересах всей республики⁸¹⁷. Тем не менее, автор видел истоки данной проблемы не в кризисном положении институтов республиканской системы, а лишь моральной испорченности отдельных магистратов, которых возможно

---

⁸¹⁶ Hankins J. Leonardo Bruni and Machiavelli on the Lessons of Florentine History. P. 390.

⁸¹⁷ Caroldo G. Istorii venețiene. Vol. 1. P. 37–40.

исправить с помощью высоконравственных примеров и образцов общественного служения.

Позиции Санудо в описаниях внутренней политики были часто схожи со взглядами Карольдо. Автор подчеркивал коллективную природу венецианской власти⁸¹⁸, что аристократическое собрание являлось главным источником правовых норм⁸¹⁹. Санудо обращается к реформе 1172 г., отмечая, что один из его предков был членом первой избирательной комиссии⁸²⁰. Он акцентировал внимание на том, что участники коллегии стремились работать во имя интересов социума.

Санудо давал положительную оценку введению новых должностей чиновников в республике, контролировавших торговлю и пошлины⁸²¹. Карольдо также подчеркивал позитивный эффект от данного нововведения⁸²². Оба автора отмечали, что эта мера позволила обуздать хитрых коммерсантов и сделать систему сбыта более справедливой.

Карольдо и Санудо стремились сформировать положительный образ институтов власти, которые выполняли свои функции и в их время. Венецианские историки, солидаризируясь в своих трактовках с официальной традицией, поддерживали миф об аристократическом правлении, обеспечивающим правосудие и стабильность. Вероятно, они видели в аристократах наиболее подходящих исполнителей для данных общественных ролей.

Однако стремление авторов демонстрировать и негативные примеры из истории Венеции шло вразрез с панегирическими концепциями конструирования образов прошлого. В частности, Карольдо отмечал, что выборная система в IX–X вв. строилась не только с помощью договоренностей, но и жестоких конфликтов. Он подчеркивал, что имели

---

⁸¹⁸ Sanudo M. *Le vite dei dogi* // *Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 112, 132.

⁸¹⁹ *Ibid.* P. 147.

⁸²⁰ *Ibid.* P. 282.

⁸²¹ *Ibid.* P. 285–286.

⁸²² Caroldo G. *Istorii venețiene*. Vol. 1. P. 152.

место убийства дожей⁸²³, попытки перестроить политическую систему в соответствии с греческими традициями⁸²⁴, введя должность якобы византийских магистратов, обращения отвергнутых политиков к внешним силам для восстановления своего политического статуса⁸²⁵.

Описывая уже более поздние события XIV в., Карольдо также обращал внимания на мятежи. Стоит вспомнить его рассмотрение причин, подтолкнувших Марино Фльеро к заговору: «Некоторые говорят, что им двигало желание реформировать управление городом, которое перешло в руки семей, уступавших по знатности и заслугам тем, кто всегда возглавлял Республику. О том, что его побудило к этому, нельзя сказать с уверенностью. Говорят, что он переписывался с королем Венгрии, с синьором Падуи и другими своими друзьями, но неизвестно, чтобы они оказали бы ему какую-либо помощь»⁸²⁶.

Также он описывал ошибочные приказы командующих. К примеру, Карольдо считал большой неудачей решение Николо Пизани помочь королю Арагона Педро IV (1319–1387) в 1354 г. в борьбе с Генуей у берегов Сардинии⁸²⁷. Дальняя экспедиция, изнурившая флот, стала одной из причин страшного поражения Венеции при Порто-Лонго в Ионическом море, где адмирал Пизани потерял все свои корабли⁸²⁸. Карольдо сетовал, что фактором военной катастрофы также была необязательность арагонцев, вошедших в лигу с Серениссимой, в соответствии с условиями которой союзники должны были дать республике новые суда, но в итоге они не предоставили свежие силы⁸²⁹. Данный исторический урок, отражающий неудачи республики, должен был показывать молодым политикам переменчивость обстоятельств, недолговечность альянсов и выбор в качестве приоритета интересов собственной державы.

⁸²³ Ibid. P. 48, 49, 61, 72–73, 148–149.

⁸²⁴ Ibid. P. 48.

⁸²⁵ Ibid. P. 55, 76–77.

⁸²⁶ Caroldo G. Istorii venețiene. Vol. 3. P. 119.

⁸²⁷ Ibid. P. 91.

⁸²⁸ Ibid. P. 105–106.

⁸²⁹ Ibid. P. 105.

Отрицательные примеры должны были предостеречь потомков и показать противоречивость исторических изменений, которые нужно было учитывать для принятия решений важных для судеб родины. Понимание многогранности социальных изменений, которое могло прийти с анализом событий прошлого, вероятно, было, по мнению Карольдо, залогом для успехов в будущем.

Возможно, что Санудо рассуждал сходным образом, описывая пертурбации раннего периода венецианской истории. Например, рассказывая о приходе к власти Галла Гауло (755–756), автор отмечал его жестокость по отношению к предшественнику, которого узурпатор сверг и ослепил. Галла Гауло, не проводя новых выборов, единолично назначил себя дожем. Жители островов не могли терпеть подобного самоуправства и изгнали тирана⁸³⁰. Вероятно, Санудо, следуя за своими предшественниками, подчеркивал роль народного правления, его первостепенное влияние на общественную жизнь Венеции⁸³¹.

Санудо негативно оценивал наследственную передачу власти от дожа-отца к сыну⁸³². Подобная тенденция несла в себе зачатки самовластия и тирании, противоречившие политическим традициям города. Автор обращал внимание читателей на конфликты, разворачивавшиеся между знатными родами в борьбе за власть⁸³³. В данных противостояниях также могли быть задействованы иностранные силы, один из споров был разрешен с помощью посредничества короля Людовика II (ок. 825–875)⁸³⁴.

Приведенные сведения демонстрируют, что институты управления складывались в республике в ходе борьбы, а не мирного строительства. Кроме того, постулируемый гуманистами-историками суверенитет Венеции, существовавший якобы с момента основания, оказывался вымыслом, если

---

⁸³⁰ Sanudo M. *Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 105.

⁸³¹ Dandolo A. *Chronicon Venetum*. P. 252–259.

⁸³² Sanudo M. *Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 106.

⁸³³ *Ibid.* P. 110.

⁸³⁴ *Ibid.* P. 117.

внутренние проблемы и столкновения разрешались третейским судьей со стороны.

Санудо и Карольдо делали акценты там, где гуманистические историки старались демонстрировать более сглаженные и схематичные образы, представляя изначальную мудрость и прозорливость отцов-основателей республики. Картина прошлого становилась более сложной и многомерной для выводов, хотя историки-реалисты также показывали важность становления аристократического правления.

Если, ссылаясь на давно минувшие события, историки должны были принимать в расчет традиции интерпретации, сформированные предшественниками, то в описании современных процессов они не были столь скованы в своих рассуждениях.

Санудо, рассматривая события XV в., останавливал свое внимание на ряде фактов, демонстрировавших далекие от совершенства примеры как межличностных, так и политических отношений. Автор приводил речь одного из выборщиков, который критиковал кандидатуру будущего дожа, Франческо Фоскари (1373—1457), избранного в 1423 г.: «Пьетро Орио [говорил] в защиту Лоредано, повторяя [о Франческо Фоскари], он молод, беден, обременен детьми, и женат второй раз, и произведет еще и других, потому что каждый год его жена рожала бы по ребенку; он враг мира, и чтобы мы припомним, что об этом сказал на смертном одре господин Томазо Мочениго, который был святым, что, если избрать Фоскари на его место, то всегда родина будет в состоянии войны»⁸³⁵. Данные слова отражали не только заботу аристократа об общем благе, но и политическую тенденциозность в рядах правящих кругов. Обвинения Пьетро Орио демонстрировали, что элита не являлась единым целым, и ее представители были разделены на группировки, конкурировавшие друг с другом. Факты конфликтов и споров среди высших сановников

---

⁸³⁵ Sanudo M. *Le vite dei dogi*. Т. 1. P. 6.

противоречили образу внутренней гармонии и согласия, проповедуемых в рамках мифа.

Санудо также отмечал отсутствие строгости к нарушителям военных приказов. Так Франческо Диедо во время боевых действий оставил свое судно, но не понес никакого наказания⁸³⁶. Подобный факт мог показывать бессилие коллективных органов власти осудить предательство, неспособность комиссии действовать решительно в сложный для отечества час. Данное сообщение давало основания предполагать, что в оправдании Диедо были заинтересованы определенные патриции, которые не стремились к благу всех, а преследовали исключительно свои интересы.

Еще одним неприглядным фактом в деятельности властей было описание сговора молодых патрициев, которые, помогая друг другу на выборах, стремились добиваться назначений на желаемые должности⁸³⁷. Читатель мог сделать вывод, что в системе выборов на официальные посты имеет место коррупция. Безусловно, данное сообщение бросало тень на якобы неподкупные и всегда далекие от мошенничества магистратуры, где отдавалось предпочтение только самым достойным.

Санудо не оставлял в стороне и поводы отстранения дожа Франческо Фоскари от должности. Одной из весомых причин смещения являлись коррупционные преступления, совершенные сыном дожа, Джакомо. Джакомо Фоскари, нарушая клятвы, данные его отцом при назначении, принимал в качестве подарков деньги и драгоценности от должностных лиц и граждан, что было противозаконным⁸³⁸. Совет десяти начал расследование и судебный процесс против злоумышленника. Позднее эти преступления стали и обвинением для дожа-отца, которого заставили отречься от поста.

Можно увидеть, что описание раскрывало порочащие подробности о семье первого лица, являющегося образцом морали в контексте мифа,

---

⁸³⁶ Ibid. P. 95.

⁸³⁷ Ibid. P. 117–118.

⁸³⁸ Ibid. P. 405.

следовательно, и его близкие также должны были соответствовать высокому стандарту нравственности. Эти же факты переворачивали устоявшийся образ, обличая и очерняя дожа и с ним реноме всей республики. Кроме того, Санудо делал общедоступными сведения о полномочиях высших учреждений и расстановки сил в них, что коллегиальный орган патрициата мог осудить и сына дожа.

Стремление Санудо к достоверности показывало, что проблемы общественных отношений имели место не только в отдаленные эпохи. Современная автору Венеция также изобиловала социально-экономическими противоречиями и изъянами политического устройства, хотя историк продолжал верить в то, что его государство создало, вероятно, лучшую систему управления, для которой требовались лишь некоторые усовершенствования.

Однако высшие аристократы хорошо понимали, что подобное реалистичное описание могло свести на нет всю концепцию идеального образа республики, демонстрируя ее несовершенства. Если «Жизнь дожей» получила распространение в списках, то дневники Санудо были переданы Совету десяти и хранились под грифом секретности до XIX в.⁸³⁹ Зная объем и подробность записей Санудо, власть имущие понимали, что распространение подобных сведений могло нанести значительный вред как государственным делам, так и их собственному положению. Политическая элита действовала на упреждение, стремясь поддерживать «правильную» точку зрения для сохранения своей репутации.

Помимо освещения всей палитры оценок событий, приводимых Карольдо и Санудо, необходимо проанализировать отношение к мифам, легитимизировавшим властные амбиции Венеции. Понимание авторами этих концепций дает возможность проанализировать их позиции по вопросам сакральности республиканских институтов. Попытаться понять, видели ли они

---

⁸³⁹ Viallon M. Infortune et fortune d'un historiographe vénitien: Marin Sanudo (1466-1536). P. 36–37.

в государственных учреждениях отражение трансцендентального, дающего Венеции мандат и высшую цель, которую Серениссима должна реализовать в земном мире ради общего блага вселенной. Также исследование данного вопроса помогает лучше изучить взгляды Санудо и Карольдо на генезис общественных процессов, способность критически рассматривать факты, опираясь на эмпирический опыт и сведения источников. Основываясь на данных наблюдениях, можно будет выдвинуть предположение о влиянии Итальянских войн и иных факторов на изменения восприятия авторами социальных реалий. Ведь мифы являются незримыми опорами, отражающими картину мироздания человека, его логику понимания окружающего мира⁸⁴⁰.

Вероятно, самым показательным в данном случае будет обращение к легенде о возникновении ритуала обручения с морем, являющегося олицетворением морского могущества Венеции. Именно в нем отразились главные идеи самостоятельности и державности Серениссимы. Общий контекст событий 1177 г. уже излагался в предыдущей главе.

Санудо, следуя за хроникой Андреа Дандоло и текстом Сабеллико, передавал уже традиционные сведения о предметах, подаренных папой дожу: свече, мече, золотом кольце, зонтике и стягах⁸⁴¹. Можно предположить, что Санудо во многом доверял сакральному смыслу данной легенды, видя в этих объектах и акте их передачи от папы дожу глубокое содержание, означающее признание независимого статуса Венеции и ее права властвовать на море. Автор, доверяя средневековой интерпретации, следует за мифом, подчеркивающим величие и славу республики, и ее особое историческое предназначение.

Однако Санудо сделал ремарку относительно одного из предметов, а именно печати. Он отмечал различия версий происхождения свинцовой буллы у дожа. С одной стороны, Санудо высказывал предположение, что данную

---

⁸⁴⁰ Хаттон П. История как искусство памяти. С. 376 – 378; Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2010. С. 28–31.

⁸⁴¹ Sanudo M. *Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 288–296.

инсигнию даровал правителю папа⁸⁴². С другой стороны, историк допускал, что право использования печати было предоставлено дожу еще раньше⁸⁴³.

Данный взгляд на легенду демонстрировал формирование у Санудо критического инструментария. Расширение корпуса источников и сведений заставляло автора принимать в расчет более широкий спектр версий происхождения данной инсигнии. Вера в легенду, и, следовательно, ее сакральность начинала противоречить конкретным историческим фактам. Расхождение убеждений с практикой эмпирического опыта создавало диссонанс, заставляющий историка мыслить и рассуждать, пытаясь найти более правдоподобные ответы, соответствующие накопленным знаниям.

Суровые реалии времени, скорее всего, также демонстрировали непреодолимую логику причинно-следственных связей, колеблющих уже сложившиеся представления об особой роли Венеции в мире. Вероятно, вера Санудо в республику сохранялась, но идеальные образы уже разрушались под давлением внешних обстоятельств. Историк мог либо признавать перемены и их неотвратимость, либо искать убежища в прошлом, упиваясь образами былого могущества своего государства. Возможно, выступая также против современных реформ, усиливающих наиболее влиятельных аристократов, Санудо надеялся найти в прошлом для себя и своих читателей мирную и спокойную гавань, где вся элита была равна между собой и заинтересована в защите коллективных интересов, и внешние враги не могли диктовать условия вольному государству.

Карольдо, указывая во введении на необходимость самосовершенствования, вероятно, воспринимал перемены более стоически, понимая необходимость изменений в соответствии с требованиями эпохи. Следовательно, именно опыт и конкретика ситуации были для него определяющими критериями истины, то есть материальные причины являлись основанием построения логики повествования. Этот подход проявлялся и в

---

⁸⁴² Ibid. P. 289.

⁸⁴³ Ibid. P. 290.

анализе легенды об обручении с морем. Историк пересматривал версию Андреа Дандоло, хотя дож-хронист был его любимым историческим автором: «Папа [Александр III] несколько раз отслужил службу в Венеции, в том числе в церкви Святого Марка <...>, на торжествах в которой он собственноручно подарил дожу розу и даровал индульгенцию тем, кто посетит указанную церковь в День Вознесения Господня <...>. Его преосвященство сделал множество уступок доблестному дожу, господину Себастиано Дзиани и его преемникам, и дозволил ему отправиться на бучинторо на свадьбу с морем в упомянутый день Вознесения и другие прерогативы. Не следует умалчивать, что венецианские дожи имеют множество уступок, превосходств и достоинств, полученных от греческих и западных императоров и [римских] понтификов, а особенно от вышеупомянутых Александра и Фридриха [Фридриха I Барбароссы], из-за значительнейших заслуг перед ними венецианцев, которые много раз демонстрировали свои способности и личное усердие для сохранения и распространения христианской религии»⁸⁴⁴.

Сведения о розе встречались в «История венецианских дождей», хронике начала XIII в.⁸⁴⁵ Данный факт дает основания предполагать, что Карольдо, представляя данные события, обращался, в первую очередь, не к версии Дандоло, ставшей уже традиционной для венецианского историописания. Возможно, историк обращался к более ранним источникам, стремясь соединить их описания с типичной уже для его времени репрезентацией мифа.

Карольдо, понимая важность исторических деталей и контекста событий, приходил к выводу, что близкие к событию источники несут в себе более достоверные и менее идеологизированные сведения, то есть именно опора на данные материалы позволяла создать заслуживающую доверия картину прошлого. Тем не менее, значимость праздника для историко-политического контекста республики, вероятно, заставляла Карольдо искать

⁸⁴⁴ Caroldo G. *Istoria venetiana*. Vol. 1. P. 154–155.

⁸⁴⁵ *Historia ducum Venetorum*. P. 52–54.

некоторый компромисс между литературной традицией и достоверностью, чтобы сконструировать образ, не вызывающий сомнений у аудитории.

Обращаясь к минувшему, Карольдо демонстрировал своему читателю соединение традиционного и понятого своим умом, пропущенного через внутреннюю критику, основывающуюся на вновь открытых фактах. Следовательно, можно отметить, что Карольдо шел дальше Санудо, опуская многие детали легенды, которые были уже не актуальны, по мнению историка, в современных для него реалиях. Вероятно, Карольдо, не желая рационально признавать объективные факты, чувствовал, что между ним и теми идеалами и чувствами, сосредоточенными в интерпретации Дандоло, формировалась непреодолимая преграда. Теперь Венеция не могла быть державой, примиряющей пап и королей, ей была уготована куда более скромная роль. Руководствуясь этими мотивами, автор удалял лишние атрибуты, как меч или свеча, передавая, таким образом, свои скрытые наблюдения.

В своей интерпретации событий 1177 г. Карольдо хотел показать необходимость опоры на собственные возможности индивида, нежели надежду на канувшие в небытие легенды и мифы. Однако обращение к методологии «истории понятий» может продемонстрировать консервативность взглядов венецианских историков в сравнении с перцепцией логики развития истории, предлагаемой Макиавелли.

Р. Козеллек отмечает, что уже в XVI в. развивались стратегии и практики политического планирования⁸⁴⁶. Рациональный прогноз, основанный на необходимости беспристрастного анализа и оценки возможных последствий принятых решений, являлся новым инструментом для выбора траектории развития, гарантировавшей с большей вероятностью успех в государственных делах. Именно Макиавелли, представляя историю в виде повторяющихся

---

⁸⁴⁶ Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // Отечественные записки. 2004. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/5/mozhem-li-my-rasporyazhatsya-istoriej-iz-knigi-proshedshee-budushhee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni.html> (дата обращения: 04. 05. 2024).

циклов, искал ответы на социальные проблемы, существующие на протяжении веков⁸⁴⁷.

А. Ю. Согомонов и П. Ю. Уваров подчеркивают, что интеллектуалы XVI в. отчетливо ощущали гнетущие изменения, имевшие место в их эпоху⁸⁴⁸. Разрушение привычных для Средних веков представлений о духовно-мистическом единстве общественной корпорации, на основе которых строилась концепция общего блага, повлекло за собой поиски новых культурных и социальных символов и идей, способных восстановить утраченное согласие⁸⁴⁹. Кризис христианского вероучения заставлял мыслителей искать ответы в рамках причинно-следственных связей. Данные исследования способствовали формированию представлений о развитии социального контекста, его всеобъемлющих и всепроникающих тенденциях в противовес локальной замкнутости минувшей эпохи. Можно было наблюдать постепенное формирование абстрактного социального мышления, в реалиях которого прогнозировалось не приближение эсхатологического конца, а концепции решения конкретных противоречий, встававших на пути развития общества⁸⁵⁰. Подобные перемены, безусловно, сопровождались формированием нового понятийного аппарата, который должен был соответствовать содержанию и смыслу новых общественно-политических конструктов.

К. Скиннер отмечает, что Макиавелли совершенно иначе употреблял базовые социальные понятия, с помощью которых мыслители его времени описывали общественные отношения⁸⁵¹. Вероятно, показательным примером данных различий может быть сравнение некоторых коннотаций употребления понятия республика. Д. Хэнкинс указывает, что Макиавелли популяризовал использование данного понятия, как противопоставления монархической

⁸⁴⁷ Koselleck R. Futures past on the semantics of historical time. P. 18–21.

⁸⁴⁸ Согомонов А. Ю., Уваров П. Ю. Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей. Человек в истории. 2001. № 13. С. 203–204.

⁸⁴⁹ Там же. С. 205, 209.

⁸⁵⁰ Там же. С. 209–211.

⁸⁵¹ К. Скиннер. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. С. 219.

форме правления⁸⁵². Данное понимание приближается к современной трактовке этой политико-правовой категории. Обращаясь к венецианской традиции историописания, можно найти и другие коннотации. В частности, Карольдо обращается к понятию «республика» не только в политико-правовом, но и религиозном смысле. Рассуждая об ущербе, понесенном католиками от греков, автор подчеркивал, что бедствия претерпела вся «христианская республика»⁸⁵³. В данном контексте смысл этого термина скорее отражал религиозную связанность Западной Европы, ее общую веру. Подобная трактовка понятия восходила к религиозно-философским доктринам Августина, который видел его содержание в духовном согласии и единодушии всех римских граждан⁸⁵⁴. Концепция Августина получила очень широкое распространение в Средние века, но и в более поздние времена она была актуальна.

Во взглядах Макиавелли на республику не было никакой религиозности. Флорентийский историк рассматривал не моральные аспекты данной формы правления, а ее эффективность в контексте тенденций сохранения власти и создания устойчивых политических институтов⁸⁵⁵. Интерпретация Макиавелли этого понятия являлась демонстрацией формирования нового абстрактного социального мышления, в то же самое время Карольдо исходил из аргументов и теорий, основывавшихся на консервативном наследии предыдущих эпох.

Различия в восприятии данных базовых понятий демонстрирует одновременное существование противоположных систем взглядов, в рамках которых шло конструирование исторических текстов. Если в «Истории Флоренции» Макиавелли можно было наблюдать становление нового смыслового содержания терминов, то в трудах венецианцев стремление

⁸⁵² Hankins J. Exclusivist Republicanism and the Non-Monarchical Republic // *Political Theory*. 2010. № 38 (4). P. 453, 470.

⁸⁵³ Caroldo G. *Istoria venetiana*. Vol. 1. P. 130.

⁸⁵⁴ Марей А. В. Понятие *res publica* в европейской политико-правовой мысли: от Древнего Рима до XVII в. // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. Коллективная монография / Под ред. К. А. Соловьева. М., 2021. С. 40.

⁸⁵⁵ Хархордин О. В. Республика. Полная версия. СПб, 2021. С. 47–48.

показать совершенство Венеции в контексте старых идей и ценностей. Серениссима представляла образцом религиозной и политической целостности, которая была таковой даже перед самыми грозными испытаниями в истории.

Макиавелли стремился показать новый уровень абстракции, анализируя социальные отношения. Именно в более детальном изучении разных слоев общества, различении сфер и стратегий их взаимодействия флорентийский историк хотел найти ответы на вызовы эпохи. Хотя, как отмечает П. Оппенгеймер, Макиавелли не любил излишние абстракции, стремясь опираться на конкретику⁸⁵⁶, тем не менее, его исследования и выводы, примеры нетипичных коннотаций старых понятий были важным шагом на пути формирования как абстрактного социального мышления Нового времени, так и развития наук, изучающих данные концепции. Карольдо и Санудо, рассматривая лишь отдельные отражения новых доктрин, конструировали прошлое в рамках устоявшихся идей духовно-мистического единства коммуны. Вероятно, с помощью этих противоположных традиций мышления и логики, уже сформировавшейся и еще только формирующейся, интеллектуалы стремились преодолеть «ощущение перелома их эпохи» и найти пути к единению и гармонии общества.

Подводя итог, можно отметить, что были проанализированы три примера обращения к прошлому, демонстрировавшие аудитории разные ответы на вызовы Итальянских войн. Макиавелли создал концепцию, которая побуждала читателей к институциональным изменениям, чтобы образовать систему, где будут наилучшим образом, то есть с максимальным раскрытием потенциала добродетелей, трудиться все члены социума. Исторический контекст являлся доказательной базой совершенства идеального строя, его превосходства над предыдущими системами организации власти.

Карольдо и Санудо желали с помощью истории выстроить ряд морально-нравственных ориентиров, которые помогли бы читателю принять

---

⁸⁵⁶ Oppenheimer P. Machiavelli. A life beyond ideology. P. 272.

данность перемен или стремиться к улучшению общественных реалий. Если Макиавелли апеллировал в большей степени к рациональности и категориям, связанным с философией государственного устройства Аристотеля, дополненным наблюдениями в области реальной политикой своей эпохи, то Карольдо и Санудо следовали за собственными жизненным опытом и традицией историописания предшественников.

§ 4. Осмысление венецианскими авторами уроков прошлого для преодоления последствий Итальянских войн

Поражение 1509 г. стало серьезным ударом по международному престижу Венеции, оттеснив прежде влиятельную республику в ряд второстепенных европейских держав. В еще более неблагоприятном положении оказалась Флоренция. Политические коллизии заставляли интеллектуалов обращаться к прошлому для преодоления моральных и духовных травм Итальянских войн. Возможность оправдания репутационных потерь авторы искали как в своем жизненном опыте, так и исторической памяти своих стран.

Стоит отметить, что неудачи не поколебали веру венецианских историков в особое предназначение республики и ее судьбоносную миссию. Скорее, поражение даже стало фактором еще большей популяризации данной идеи, камуфлирующей острые социально-политические и международные проблемы⁸⁵⁷.

Неслучайно английский историк С. Боуд отмечает, что в своем труде патриций и известный гуманист Г. Контарини подчеркивал сопоставимость величия и славы Венеции с Древним Римом. Также современный исследователь пишет, что в республике сохранялись представления о преемственности властных полномочий от Византии. После разграбления Рима в 1527 г. в среде интеллектуалов Серениссимы стала распространяться идея о том, что Венеция является «Новым Римом»⁸⁵⁸. Данное заявление предполагало веру в свою исключительную религиозность и добродетельность, совершенство политических институтов и особое внешнеполитическое влияние республики.

---

⁸⁵⁷ Мюир Э. Венецианский миф // Контарини Г. О магистратах и устройстве Венецианской республики. С. 176 – 180.

⁸⁵⁸ Bowd S. The Republics of Ideas: Venice, Florence and the Defence of Liberty, 1525–1530 // History. 2000. Vol. 85. № 279. P. 426–427.

Сравнение взглядов авторов из двух городов на прошлое показывает, что если во Флоренции идеи особого республиканского статуса и превосходства над другими государствами давно потеряли свою актуальность⁸⁵⁹, то в Венеции прослеживалось возрождение интереса к данным концепциям. Вероятно, отсутствие склонности к самовозвеличиванию среди флорентийских историков можно объяснить тем, что по суверенитету Тосканы и системе ее общественных учреждений был нанесен сильный удар во время иностранных вторжений. Негативные примеры из прошлого, всплывая в памяти интеллектуалов, обостряли горечь поражений и трагизм судьбы коммуны. Например, хроника Джованни Виллани отражала многие драматические моменты истории Флоренции, являясь важным источником для труда Макиавелли.

Венеция должна была поддерживать свое реноме после неудач конца XV в., связанных с турецкой угрозой и вторжением европейских держав начала XVI в. Принципиальное отличие Венеции от Флоренции было в том, что никто не брал штурмом островной город, который только потерял свои материковые владения и восстановил контроль над ними к 1517 г.⁸⁶⁰

Авторы из Серениссимы, особенно после Четвертого крестового похода, стремились подчеркнуть особый статус державы, и даже ее имперские устремления, отражаемые в концепции талассократии, то есть державных амбициях на море⁸⁶¹. В трудное время венецианские историки считали целесообразным не только демонстрировать негативные моменты развития родного города, анализируя их последствия и накапливая опыт, но и поддерживать веру в величие своего отечества, основанную на прежних славных победах. Санудо и Карольдо, несмотря на стремление к

---

⁸⁵⁹ Pecchioli R. Il "Mito" di Venezia e la crisi fiorentina intorno al 1500 // *Studi Storici*. 1962. № 3. P. 471.

⁸⁶⁰ Mallett M. Venezia e la politica italiana: 1454–1530 // *Storia di Venezia*. 1996. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/veneziana-e-la-politica-italiana-1454-1530_%28Storia-di-Venezia%29/ (дата обращения 22.03.2024).

⁸⁶¹ Marin Ş. The Venetian Community – Between Civitas and Imperium: A project of the Capital's Transfer from Venice to Constantinople, according to the Chronicle of Daniele Barbaro // *European review of history*. 2003. Vol. 10. № 1. P. 84–93.

достоверности, использовали и панегирические образы прошлого республики, подчеркивая и выделяя ее достижения.

Макиавелли, стремясь аргументировать свои идеи о лучшем государственном устройстве, часто рассматривал общие тенденции внешней политики. Он мог делать широкие обобщения, касающиеся всего Апеннинского полуострова или даже всей Европы.

Рассуждая о разрушении Римской империи, Макиавелли указывал следующие причины: «<...> чтобы разрушить такую великую империю, основанную на крови столь доблестных людей, потребна была немалая низость правителей, немалое вероломство подчиненных, немалые сила и упорство внешних захватчиков <...>»⁸⁶². Автор подчеркивал, что именно взаимодействие разных народов и решения их властителей являлись причинами перемен. С одной стороны, императоры перенесли столицу в Константинополь и перестали интересоваться судьбой западных провинций державы, существенно ослабив их. С другой стороны, активное стремление варварских племен найти лучшее место обитания создавало условия для развития жестоких конфликтов с местным населением⁸⁶³.

Макиавелли рассматривал генезис международных отношений как результат взаимодействия многих социальных групп. Одни народы были вынуждены перемещаться под влиянием необходимости, к примеру, варвары из-за избыточного населения. В других социумах амбиции и приказы лидеров направляли общественные массы. Макиавелли стремился показать логику отношений государств и народов.

В своем анализе автор исходил не из узких интересов определенного сословия, правящей семьи или конкретного государства. Он хотел, абстрагируясь от политических пристрастий, понять и продемонстрировать общие законы, которые могли бы быть применимы для любого социума. Автор выводил универсальные принципы развития, способные указать путь

---

⁸⁶² Макиавелли Н. История Флоренции. С. 10.

⁸⁶³ Там же.

строительства мирного и гармоничного государства вне конкретных временных или географических границ. Однако в центре внимания Макиавелли, безусловно, находилась Италия.

Подтверждением данного тезиса могут быть рассуждения Макиавелли о тесной связи проблем внутренней и внешней политики: «<...> сколько ущерба наносит любой республике или королевству перемена государя или основ управления, даже когда они вызваны не внешними потрясениями, а хотя бы только гражданскими раздорами, если иметь в виду, что такие пусть и незначительные перемены могут погубить даже самую могущественную республику или королевство, – легко можно представить себе, какие страдания выпали на долю Италии и других римских провинций, где менялись не только государи или правительства, но законы, обычаи, самый образ жизни, религия, язык, одежда, имена»⁸⁶⁴. Автор отмечал, что сходные процессы имели место во многих регионах бывшей империи. Он подчеркивал, что острота политических перемен отягчалась культурными контрастами. Индивиду было сложно принять произошедшие изменения, которые подрывали как привычные представления о глобальном мироустройстве, так и понимание морали и права, действовавших внутри уже его собственного коллектива. Можно предположить, что самым страшным социальным бедствием Макиавелли считал взаимодействие внутренних и внешних факторов, когда на государство обрушивались враги, стимулируя развитие противоречий и распрей.

Вероятно, рассуждая о последствиях кончины Лоренцо Медичи в 1492 г. для современной ему Италии, Макиавелли находил много схожего с упадком Римской империи⁸⁶⁵. Развитие конфликтов между итальянскими государствами в конце XV в. повлекло цепь иностранных вторжений, которые потрясли внутреннее устройство герцогств и республик. Самые болезненные социально-политические процессы вновь будоражили полуостров.

---

⁸⁶⁴ Там же. С. 14–15.

⁸⁶⁵ Там же. С. 351.

Можно предположить, что формирование столь противоположных взглядов было связано с судьбами государств во время Итальянских войн. Если Флоренция теряла не раз свой суверенитет, то Венеция оставалась свободной, хотя и существенно ослабленной. Мыслитель из Тосканы, ощутив ужасы иностранных вторжений и государственных переворотов, приходил к пониманию, что спокойствие и мир может принести только наличие более широкого общественного объединения и взаимная ответственность людей, которые будут целенаправленно строить и оборонять свою родину.

Теряющая влияние венецианская элита обращалась к славному прошлому, поддерживая свой авторитет легендами о великих победах. Кроме того, естественные условия лагуны также являлись извечным доказательством неприступности и стабильности Серениссимы, сохраняющими ее государственность и традиции.

Санудо и Карольдо, черпая сведения, по предположению Д. Монтиколо, из хроники Андреа Дандоло⁸⁶⁶, повторяли сходным образом рассказ о строительстве оборонительных сооружений на острове Риальто во время правления дожа Пьетро Трибуно (887–911)⁸⁶⁷. Следуя за предшественником, оба автора XVI в. отмечали, что город стал неприступным для всех врагов, приходящих с моря. Коллективный труд и природные условия сделали Венецию оплотом независимости и свободы.

Еще одним примером того, как авторы демонстрировали силу венецианского оружия, поддерживаемого родной природой, было описание победы над Карлом Великим или его сыном Пипином, королем Италии.

Санудо, полностью доверяя своим источникам и не учитывая критических замечаний Сабеллико и Джустиниани, описывал два похода короля Пипина, совершенных по приказу Карла Великого, в 804 и 812 гг.⁸⁶⁸ Повествуя о второй экспедиции, автор приводил наиболее распространенные

---

⁸⁶⁶ Sanudo M. *Le vite dei dogi* // *Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 123.

⁸⁶⁷ Sanudo M. *Le vite dei dogi* // *Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 123; Caroldo G. *Istorie venetiane*. Vol. 1. P. 66.

⁸⁶⁸ Sanudo M. *Le vite dei dogi* // *Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 107–108.

мифы из средневековых хроник, что якобы полководец был обманут старой женщиной, посоветовавшей ему строить переправу на остров Риальто⁸⁶⁹. Войско Пипина, пересекая водную преграду, было окружено венецианцами, прибывшими на лодках, и сам правитель попал в плен⁸⁷⁰. Санудо подчеркивал миролюбие властей Серениссимы, которые направляли послов к королю, но он оставался непреклонным и глухим к просьбам республиканских послов⁸⁷¹. Итогом противостояния стало разрешение конфликта в пользу Венеции. Сам император Карл позволил Серениссиме остаться под покровительством Византии и сохранить хорошие отношения с его державой⁸⁷².

Сложности современной эпохи стимулировали Санудо акцентировать внимание аудитории на самых славных моментах прошлого, показывая, что в свое время даже императорам приходилось считаться с республикой, ревностно оберегавшей собственную свободу. Возможно, данный эпизод должен был побудить аудиторию верить в то, что и сегодня Венеция сможет противостоять монархам великих держав, заставив их признать влияние островного государства.

Если обратиться к последующим оценкам и взглядам Санудо о взаимодействии Венеции и государей Священной Римской империи германской нации, то можно увидеть, что автор демонстрировал более реалистичную картину отношений. Историк не раз отмечал, что императоры подтверждали права республики на материковые владения⁸⁷³ или помогали Синьории разрешать территориальные споры, например, с Падуей⁸⁷⁴; давали привилегии чеканить монеты от имени дожа и свободно торговать на территории Италии⁸⁷⁵. Данные факты демонстрировали, что Венеция не была столь самостоятельным и независимым актором международных отношений.

---

⁸⁶⁹ Ibid. P. 108.

⁸⁷⁰ Ibid. P. 108–109.

⁸⁷¹ Ibid. P. 108.

⁸⁷² Ibid. P. 109.

⁸⁷³ Sanudo M. *Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 122, 125, 142; Caroldo G. *Istorie venetiane*. Vol. 1. P. 123.

⁸⁷⁴ Sanudo M. *Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 171–173.

⁸⁷⁵ Ibid. P. 125, 127.

Карольдо также упоминал два похода войск Каролингов на Венецию. Карл Великий приказал своему сыну победить поселенцев лагуны и разрушить их город. Первая атака вынудила местных жителей переместиться на остров Риальто⁸⁷⁶. Повествуя о втором походе Пипина, Карольдо повторял легенду об обмане французов и полном поражении короля Италии⁸⁷⁷. Параллелизм рассказов Карольдо и Санудо дает основание предполагать, что они обращались к одной и той же хронике. Скорее всего, их источником был Андреа Дандоло⁸⁷⁸.

Тем не менее, кажется вероятным, что выбор фактов историками был связан не только со слепым следованием сформировавшейся литературной традиции. Ведь при анализе трактовок событий, связанных с заключением мирного договора в 1177 г. между папой Александром III и Фридрихом I Барбароссой, в предыдущем параграфе были показаны расхождения в выборе деталей и смысловом подтексте у двух авторов.

Если Санудо доверял трактовкам хроники Андреа Дандоло, то Карольдо обращался к более древним источникам. В данной селекции сведений прослеживалось развитие критических подходов к изучению прошлого, к пониманию того, что образы, поддерживаемые в Средние века, являлись мифами, не имевшими связи с исторической действительностью. Кроме того, данные концепции становились неактуальными из-за изменения политических реалий.

В случае же с легендой о войне с Каролингами можно наблюдать согласованность позиций авторов. Карольдо знал об идеях Сабеллико и Джустиниани, критиковавших и не принимавших нарочитых и неестественных деталей легенды, но не рассматривал их, стремясь следовать за традиционными трактовками хронистки. Можно предположить, что данный выбор был обусловлен именно политическими мотивами. Карольдо,

---

⁸⁷⁶ Caroldo G. *Istoria veneziene*. Vol. 1. P. 52.

⁸⁷⁷ *Ibid.* P. 53.

⁸⁷⁸ Dandolo A. *Chronicon Venetum*. P. 131–132.

как и Санудо, хотел подчеркнуть на убедительных для читателей примерах, что ранее Венеция могла побеждать опасных и сильных противников. Поэтому республика сможет противостоять им и в современных условиях. Данные рассуждения показывали, что средневековые легенды становились в Раннее Новое время инструментами моделирования политических идеалов, побуждавших людей верить действующей власти и быть готовыми защищать ее.

Иллюстрируя события уже XIV в., Карольдо демонстрировал более реалистичную картину отношений императоров Священной Римской империи германской нации и Венеции. Серениссима не раз обращалась к посредничеству Карла IV (1316–1378) для разрешения внешнеполитических проблем⁸⁷⁹. Именно Карл IV помог республике заключить перемирие с Миланом, участвовавшим на стороне Генуи в войне 1350–1355 гг.⁸⁸⁰ Карольдо, как и Санудо, отражал определенную зависимость Венеции от императорской власти. Республика обращалась к арбитражу носителя универсальных полномочий, признавая, таким образом, необходимость его покровительства и заступничества.

Венецианские авторы в целом стремились достоверно передавать исторические факты. Однако имели место и исключения, где историки могли поступиться правдой ради изображения событий в приукрашенном виде. Достаточно часто это были те моменты повествования, которые передавали важнейшие легенды и мифы из прошлого республики, к примеру, описание победы над войсками сына Карла Великого или заключения мира между Александром III и Фридрихом I Барбароссой.

События, являющиеся «мажорными точками», символизирующие величие республики, ее бессмертные достижения, не могли описываться отстраненно. Переполюющие Санудо и Карольдо чувства гордости и радости было невозможно утаить или скрыть. Историки старались вложить в описание

---

⁸⁷⁹ Caroldo G. *Istoria venețiene*. Vol. 3. P. 67, 77.

⁸⁸⁰ *Ibid.* P. 102–109.

своей настрой и взгляды, подчеркивающие любовь к родной республике. Можно предположить, что одним из приемов воздействия на читателей были всплески эмоциональности, прерывающие плавное и логичное повествование, заставляя из-за диссонанса более глубоко воспринимать акценты, прославляющие великие достижения Венеции.

Анализируя общие взгляды венецианских историков на построение отношений с императорами Священной Римской империи германской нации, необходимо отметить, что они, вероятно, старались продемонстрировать возможности, которые открывало правильное взаимодействие с государями. Не стремясь приукрашивать самостоятельность и влияние Венеции, которые якобы были сопоставимы с имперскими, Санудо и Карольдо предпочитали показывать утилитарную сторону отношений, как можно было более эффективно использовать влияние императора для защиты интересов республики, или что-то выгадать для нужд Серениссимы от связей с самым влиятельным монархом Запада. Фигура императора позволяла в нужные моменты как подчеркивать особый статус Венеции, так и признавать свою зависимость для достижения тактических преимуществ.

Данного практического подхода Санудо и Карольдо придерживались и при изображении отношений Венеции с другими государствами Италии. К примеру, Санудо, описывая войну Венеции и Милана за влияние в Ломбардии в конце 1420 гг., указывал, что, когда отряды Серениссимы входили в город Казальмаджоре, местные жители были счастливы вверить себя власти республики. Они были полностью лояльны Синьории⁸⁸¹.

Автор подчеркивал, что Венеция была не захватчиком и агрессором, а миротворцем и другом своих более слабых соседей, выступающим за поддержание мира и стабильности на Апеннинах. Подобная форма оправдания материковой экспансии стала распространенной у венецианских историков-гуманистов XV в., Сабеллико и Джустиниани. Санудо

---

⁸⁸¹ Sanudo M. *Le vite dei dogi*. Т. 1. P. 70.

придерживался концепции, аргументирующей территориальные приобретения республики. С. Тоффоло отмечает, что Санудо всегда подчеркивал стратегическую важность данных пространств для безопасности Серениссимы, особенно после поражения 1509 г. и временной потери Террафермы⁸⁸². Не случайно Санудо настаивал, что новоприсоединенные города во время длительных войн с Миланом в XV в. оказывали упорное сопротивление врагу и были готовы сохранять верность республике, не считаясь с жертвами⁸⁸³.

Карольдо также акцентировал внимание на борьбе Венеции с тиранами, пытавшимися неволить соседей. В 1330 гг. Альберто и Мастино делла Скала, синьоры Вероны, стремились расширить свои владения, захватывая домены других синьоров. Венецианцы, боясь чрезмерного усиления рода делла Скала, сформировали военную лигу против агрессоров. Одним из итогов боевых действий стало освобождение Падуи. Автор, комментируя данное событие, отмечал, что город был спасен от ига тирании⁸⁸⁴. Восстановление власти синьоров Каррара должно было вернуть справедливое и законное правление. Карольдо демонстрировал своей аудитории благонамеренность внешнеполитического курса республики, пусть даже и с применением силы. Республика использовала военную силу только для защиты поправленной правды и свободы. Не случайно, описывая события уже 1350 гг., Карольдо подчеркивал, что Венеция всегда была другом и союзником Падуи, охраняя независимость и безопасность соседа в XIII в. от тирании Эччелино III да Романо и в XIV в. от гнета синьоров делла Скала⁸⁸⁵.

Взгляды Санудо и Карольдо демонстрировали характерные для венецианского мифа доктрины о справедливости международной политики Венеции, которая якобы зиждилась на принципах учета интересов других

---

⁸⁸² Toffolo S. Constructing a Mainland State in Literature: Perceptions of Venice and Its "Terraferma" in Marin Sanudo's Geographical Descriptions // *Renaissance and Reformation*. 2014. Vol. 37. № 1. P. 28–29.

⁸⁸³ Sanudo M. *Le vite dei dogi*. T. 1. P. 222.

⁸⁸⁴ Caroldo G. *Istorii venečiene*. Vol. 2. P. 206.

⁸⁸⁵ Caroldo G. *Istorii venečiene*. Vol. 3. P. 150.

государств и стремления к поддержанию мира, когда за оружие брались лишь в безвыходном положении.

Выражение подобного внимания и заботы о других державах было характерно не только в отношении государств-соседей по Терраферме. К примеру, Санудо и Карольдо говорили с беспокойством о неустойчивом положении и потере суверенитета Генуэзской республикой, не раз попадавшей в сферу влияния Милана⁸⁸⁶. Принимая во внимание то, что Генуя и Милан долгие века были противниками Венеции, как на море, так и на материке, можно легко понять отсутствие искренности в словах, отражающих обеспокоенность из-за ослабления лигурийского конкурента. Вероятно, венецианские авторы с помощью подобной риторики хотели подчеркнуть благородство своей державы, ее добродетельное реноме, заставляющее республику беспокоиться даже о благополучии своих врагов.

Еще одной традиционной для венецианского историописания темой было изображение Серениссимы в качестве защитницы христиан от неверных. Данная идея развивалась в трудах Санудо и Карольдо.

Санудо приводил сведения о том, что венецианцы храбро сражались с турками и тратили значительные средства на войны с ними⁸⁸⁷. Кроме того, автор, следуя за предшественниками, повторял легендарные сведения о подвигах венецианцев во время крестовых походов против сарацин в XII в.⁸⁸⁸ Карольдо подчеркивал, что священная война стала одной из важнейших вех в истории человечества, так как ее целью была защита христианского вероучения⁸⁸⁹. Историк отмечал, что венецианцы вносили ощутимый вклад в борьбу католической церкви⁸⁹⁰. Также, описывая события уже XIV в., Карольдо указывал, что республика принимала активное участие в военных

⁸⁸⁶ Sanudo M. *Le vite dei dogi*. T. 1. P. 131; Caroldo G. *Istorie venetiane*. Vol. 3. P. 76.

⁸⁸⁷ Sanudo M. *Le vite dei dogi*. T. 1. P. 36, 499.

⁸⁸⁸ Sanudo M. *Le vite dei dogi* // *Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 161–188.

⁸⁸⁹ Caroldo G. *Istorie venetiane*. Vol. 1. P. 101.

⁸⁹⁰ *Ibid.* P. 121–122.

лигах против турок⁸⁹¹. Отдавая дань литературной традиции, Санудо и Карольдо поддерживали религиозный образ республики.

Однако Санудо изображал отношения с мусульманами в XV в. куда более многогранными и сложными. Вероятно, в отражении реалий, приближенных к времени своей эпохи, он не был ограничен рамками устоявшихся мнений и мог творить свободнее, ориентируясь на собственные предпочтения и видение истории. К примеру, автор подробно освещал торговые споры с султаном мамлюков в 1430 г. Историк отмечал, что государь запретил торговать с венецианцами и арестовал их купцов. Данные агрессивные действия были непонятны венецианской синьории⁸⁹². Власти республики отправили капитана, который должен был понять причины конфликта⁸⁹³. Санудо демонстрировал, что даже с иноверцами велась дипломатическая работа, направленная на сохранение прочных торговых связей. В итоге конфликт разрешился в пользу республики, и венецианцы выработали практики переговоров для решения подобных ситуаций в будущем⁸⁹⁴.

С одной стороны, автор отмечал умения и таланты дипломатов Серениссимы, с другой, он показывал достаточно реалистичные отношения двух держав, давая понять читателю, что международные отношения сложный и многоэтапный процесс, связанный не только с силовыми методами. Подобным образом Санудо изображал и отношения с турками, приводя условия мирного договора 1454 г. В соответствии с некоторыми из них султан и венецианская синьория обязались гарантировать безопасность судов обеих держав в своих морских владениях. Также стороны согласовали условия налогового паритета для купцов в портах двух государств⁸⁹⁵.

---

⁸⁹¹ Caroldo G. *Istorie venetiane*. Vol. 2. P. 216–217; Caroldo G. *Istorie venetiane*. Vol. 3. P. 7–8.

⁸⁹² Sanudo M. *Le vite dei dogi*. T. 1. P. 103.

⁸⁹³ *Ibid.* P. 104.

⁸⁹⁴ *Ibid.* P. 105.

⁸⁹⁵ *Ibid.* P. 507.

Можно сделать вывод, что Санудо отходил от мифов предыдущих эпох, давая более объемное и цельное представление о восточных соседях Венеции. Они представляли для аудитории не только опасными врагами, с которыми нужно было вести непримиримую борьбу, но и возможными партнерами, если договоры могли приносить взаимную выгоду обеим сторонам.

Вероятно, еще более важными отношениями на востоке для Венеции были взаимосвязи с Византией. Санудо и Карольдо, освещая данные сюжеты, в своих оценках следовали главным образом сложившемуся мнению предшественников.

Санудо, описывая события 970 гг., подчеркивал принятие Синьорией законов, ограничивающих торговлю с арабами. Одной из причин принятия данной инициативы было стремление венецианцев «удовлетворить императора Константинополя, который хотел вернуть обратно Святую землю из рук мавров»⁸⁹⁶.

Можно предположить, что автор признавал силу и влияние Византии, ее старшинство, с которым должна была считаться в то время Венеция. Кроме того, Санудо указывал, что именно православные, а не католические государи, хотели возглавить поход, чтобы защитить общие интересы всех христиан. Данные коннотации демонстрировали положительный образ Византийской империи и силу влияния ее духовного авторитета в венецианском социуме.

Также историк отмечал, что островной город помогал грекам в их военных предприятиях⁸⁹⁷. Он приводил сведения о совместных действиях венецианцев и ромеев против венгров в Далмации в начале XII в.⁸⁹⁸ Однако параллельно с позитивными аспектами отношений Санудо показывал и отрицательные. К примеру, приводилась легенда о греческой жене дожа Доменико Сельвио (период правления 1071–1084), Феодоре, которая из-за своей манерности и высокомерия по отношению к венецианцам понесла

---

⁸⁹⁶ Sanudo M. *Le vite dei dogi* // *Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. P. 132.

⁸⁹⁷ *Ibid.* P. 154, 168–169.

⁸⁹⁸ *Ibid.* P. 174.

Божью кару⁸⁹⁹. Также автор описывал боевые действия, развернувшиеся между Серениссимой и Византией за остров Корфу в 1123 г.⁹⁰⁰ Позднее венецианцы атаковали греческий остров Родос⁹⁰¹. Кульминацией конфликта стала война между императором Мануилом Комнином и Республикой из-за того, что государь арестовал и пленил неповинных купцов в 1171 г.⁹⁰²

Санудо подчеркивал бесчестье императора, который выражал свое желание к переговорам, а затем манкировал ими⁹⁰³, лишил зрения посла Энрико Дандоло, будущего дожа,⁹⁰⁴ и даже отравил источники пресной воды в тех местах, куда должен был заходить военный флот Венеции⁹⁰⁵. Санудо повторял основные штампы венецианской традиции историописания. Он показывал благородство и невинность граждан Серениссимы, всегда приходивших на помощь грекам, и вероломное коварство императоров, желавших притеснять честных людей.

Отступление от канонов изображения греков в негативном свете в ранний период истории, возможно, объяснялось либо стремлением автора показать постепенную порчу нравов византийской элиты, либо аргументировать развивающуюся зависть правителей, неспособных признавать успехи своих прежних младших союзников.

Карольдо в еще более мрачных тонах изображал коварство Византии. Описывая Первый крестовый поход (1096–1099), историк отмечал, что императоры ненавидели всех латинян и мечтали погубить их, строя им козни под видом помощи во время похода франков в Святую землю⁹⁰⁶.

Автор подчеркивал, что греки никогда не желали признавать равной себе римскую церковь. Высокомерие и вероломство василевсов стали

---

⁸⁹⁹ Ibid. P. 155.

⁹⁰⁰ Ibid. P. 181.

⁹⁰¹ Ibid. P. 189–190.

⁹⁰² Ibid. P. 263.

⁹⁰³ Ibid. P. 284–285.

⁹⁰⁴ Ibidem.

⁹⁰⁵ Ibid. P. 267.

⁹⁰⁶ Caroldo G. Istorii venețiene. Vol. 1. P. 120–122.

причиной распространения ислама. Кроме того, их непримиримость и в XVI в. приносила ядовитые всходы злобы и ненависти среди христиан⁹⁰⁷.

Взгляды Карольдо были сходными с позициями Бернардо Джустиниани, который также считал византийских императоров одними из главных виновников в бедствиях всего Западного мира. Однако несмотря на бесчестие ромейских государей, венецианцы продолжали верно и безропотно помогать своим старшим союзникам, не получая никаких преференций взамен⁹⁰⁸. Когда же Синьория решила в 1123 г. исполнить волю папы и направиться на помощь крестоносцам, греческий император Мануил I Комнин нанес республике удар в спину, отказавшись продлевать привилегии Серениссимы, желая бедствий не только островному городу, но и всему латинскому миру⁹⁰⁹.

Василевсы стремились помешать, возможно, самому важному и добродетельному предприятию, совершавшемуся во благо всего христианского мира. Греческая элита, желая лишь собственных выгод и распространения собственной власти, натравливала на Венецию ее врагов для достижения своих низменных целей⁹¹⁰. Карольдо в рамках традиции оценивает конфликт 1171 г. и последовавшие боевые действия⁹¹¹.

Временное улучшение отношений империи и Серениссимы после смерти Мануила I было недолгим, новые государи не спешили покрывать убытки, нанесенные республике в 1170 гг.⁹¹² И Венеция, решая помочь несправедливо лишенному трона малолетнему Алексею IV Ангелу, организовала поход на Константинополь в 1203–1204 гг.⁹¹³ Данный шаг должен был консолидировать все силы христианского мира, так как юный император обязался оказать всяческую поддержку для отвоевания Иерусалима у неверных⁹¹⁴. Также еще одним из положительных итогов взятия

---

⁹⁰⁷ Ibid. P. 122.

⁹⁰⁸ Ibid. P. 126.

⁹⁰⁹ Ibid. P. 129.

⁹¹⁰ Ibid. P. 143–144.

⁹¹¹ Ibid. P. 144–151.

⁹¹² Ibid. P. 164–165.

⁹¹³ Ibid. P. 168–169.

⁹¹⁴ Ibid. P. 169.

Константинополя стало установление латинской патриархии⁹¹⁵ и усиление латинской партии среди греков⁹¹⁶. Византийский мир интегрировался в единую культурно-политическую общность с латинским, становясь единым целым в противовес восточным угрозам.

Можно предположить, что Карольдо, конструируя подобную логику взаимоотношений с Византией, не только развивал аргументацию целесообразности Четвертого крестового похода, но и предлагал идею для восстановления влияния Венеции в борьбе с неверными, угрожавшими благополучию республики и в XVI в. Идея новой общеевропейской священной войны позволила бы республике снова встать в ряд великих держав.

Санудо и Карольдо больше подчеркивали слабость Византии в XIV и XV вв., ее неспособность противостоять внешним угрозам. К примеру, Карольдо указывал, что императоры обращались к республике в 1350 гг. для защиты от атак генуэзцев⁹¹⁷. Санудо также отмечал в контексте событий 1430-40 гг. обращение к Серениссиме за помощью уже против турок⁹¹⁸. В данных сообщениях нельзя было найти уничижительных оценок в адрес греческих правителей или обвинений их в коварстве и подлости. Такая полярная смена взглядов на субъект, который до этого изображался в качестве главного врага, вероятно, объяснялась его упадком и бессилием.

Теперь Византию не рассматривали в качестве прямой угрозы, и, следовательно, авторы не видели смысла конструировать образ противника, с которым нужно было вести непримиримую борьбу. Санудо даже подчеркивал личную храбрость и отвагу Константина XI Палеолога (1405–1453), последнего византийского императора, который отважно сражался с неверными во имя любви к родине и своим детям во время взятия

---

⁹¹⁵ Ibid. P. 175–176.

⁹¹⁶ Ibid. P. 178.

⁹¹⁷ Caroldo G. *Istoria venețiene*. Vol. 3. P. 46.

⁹¹⁸ Sanudo M. *Le vite dei dogi*. T. 1. P. 14, 22.

Константинополя. Автор отмечал: «<...> и там было нужно или держаться с отечеством, или погибнуть в конфликте»⁹¹⁹.

Можно заключить, что Санудо и Карольдо обращались к византийской тематике для решения двух вопросов. Во-первых, изображение элиты империи как врага давало возможность оправдать завоевательную политику времен Четвертого крестового похода, которая обеспечивала влияние и исторический успех республики. Оба автора с разной степенью экспрессии показывали необходимость венецианского господства, следуя за идеями своих предшественников. Во-вторых, Санудо и Карольдо, подобно средневековым хронистам, видели перспективы объединения христиан под знаменем Венеции для возвращения прежнего статуса и влияния республики.

Подводя общий итог взглядов Макиавелли, Санудо и Карольдо на внешнюю политику можно увидеть ряд существенных различий. Если флорентийский автор приближался к концепциям итальянского национального строительства, то его венецианские коллеги черпали идеи в средневековых доктринах христианского единства, где особый статус должен был принадлежать именно Серениссиме. Также существенно отличалась и стилистика трудов.

Макиавелли стремился подчинить все произведение раскрытию идеи коллективной безопасности государств Италии. Он показывал общую природу причинно-следственных связей в международных отношениях, где главным критерием была реальная сила государства, заключенная в готовности граждан всех сословий защищать ее.

Венецианцы считали важным давать конкретные наставления в различных направлениях политической географии, видя именно в практических примерах ключи для преодоления сложных ситуаций. Кроме того, они в завуалированной форме пытались донести постулаты,

---

⁹¹⁹ Ibid. P. 484.

оправдывавшие именно венецианский агрессивный внешнеполитический курс.

Читателю были представлены два типа размышлений о природе внешней политики. С одной стороны, Макиавелли создавал теорию, позволявшую его аудитории выделить акторов политики, демонстрируя их взаимное влияние. Политические исследования приобретали более строгие основы, приближаясь к механистической логике и анализу. С другой стороны, венецианские авторы уже чувствовали значимость опытного знания, но продолжали опираться на схоластические концепции. Данное смешение и узкие локальные взгляды не давали им сделать следующий шаг к открытию закономерностей общественных отношений.

Подведем итоги. Историки XVI в. из Флоренции и Венеции, хотя и обладали различными взглядами на историописание, считали необходимым пересмотреть старые идеалы и образы, служившие ориентирами для предыдущих поколений авторов о прошлом. Можно выделить ряд новых черт, с помощью которых они хотели повлиять на существующие представления о минувшем.

Во-первых, авторы для своих трудов предпочитали народный язык, а не латинский. Данный выбор как расширял их аудиторию, так и позволял усилить стилистическую выразительность и экспрессивность.

Во-вторых, авторы XVI в. рассматривали историю в качестве источника прикладного опыта. Поэтому они с большей скрупулезностью и достоверностью стремились передать как субъективные мотивы действующих лиц, так и объективные условия происходящих событий. Макиавелли в отличие от венецианских коллег проводил более строгий критический анализ фактов, добиваясь реалистического изображения общественно-политических событий.

В-третьих, Макиавелли и авторы из Венеции совершенно по-разному оценивали дидактическую роль исторического опыта. Если венецианцы видели в нем источник исключительно морального совершенствования, то

Макиавелли шел значительно дальше. Он предлагал институциональные реформы, способствовавшие максимальному раскрытию потенциала каждого члена социума вне зависимости от сословного происхождения.

В-четвертых, у авторов существенно различались представления о путях преодоления последствий Итальянских войн. Если венецианские историки считали главной задачей сохранение суверенитета республики, то Макиавелли вынашивал идеи уже общетальянского единства.

В-пятых, Макиавелли начинал уже по-новому воспринимать устоявшиеся представления о социуме. Традиционные понятия приобретали в коннотациях флорентийца новые смыслы, способствуя формированию абстрактного социального мышления Нового времени. Ретроспективный взгляд Карольдо и Санудо на понимание и репрезентацию исторических событий отражал концепцию духовно-мистического единства коммуны, малого и замкнутого микрокосма.

Заключение

Конструирование исторической памяти являлось важным фактором культурно-политической жизни Венеции XV–XVI вв. Механизм формирования представлений о прошлом строился на основе идей и образов, провозглашавших уникальность и превосходство Венецианской республики. Можно выделить следующие главные сюжеты для венецианского мифа: античное прошлое, христианская сакральность и социальная гармония. Эти темы стали главными в венецианской традиции историописания.

Сабелико и Джустиниани развили венецианскую традицию историописания, творчески переосмыслив наследие своих предшественников. Так, от интереса к легендарным сведениям о «тroyанских» и «римских» корнях венецианской государственности внимание авторов сосредотачивается на идеях греческих философов. Акцент в объяснениях исторических успехов и процветании Венеции смещается от Божественного покровительства к активной и самостоятельной деятельности индивида.

В исторических произведениях Сабелико и Джустиниани отдельные разрозненные традиционные образы и сюжеты сводятся в стройную систему. Форма изложения исторического материала в трудах авторов XV в. также эволюционировала в направлении античных литературных образцов. Историки-гуманисты стремились представить Венецию сильной и славной республикой, уходя от описания проблемных моментов.

Творчество Карольдо и Санудо испытало влияние уже наступивших и продолжающихся потрясений начала XVI в. Образы славного прошлого Венеции, представленные в исторических трудах XV в., воспринимались ими почти как легенда об утраченном «золотом веке». В качестве выхода из кризиса в настоящем они предлагали вернуться к республиканским идеалам прошлого. Эволюция историописания начала XVI в. проявлялась как

ретроспективность, конструирующая идеал и высшую точку развития государства в мифологизированном прошлом.

Можно констатировать, что итогом развития исторической мысли Венеции конца XV в. и первой трети XVI в. стало окончательное оформление венецианского мифа как консервативного идеологического инструмента конструирования исторической памяти.

Идеи гуманизма оказали заметное влияние на развитие венецианской традиции историописания. Творчество Сабеллико и Джустиниани, наиболее известных венецианских гуманистов-историков, является показательным примером практики формирования представлений о прошлом в контексте культуры Возрождения.

Леонардо Бруни, основываясь на идеях гуманизма, написал свой труд «История флорентийского народа», создав собственный стиль повествования и логику изложения событий. Язык работы должен был соответствовать образцам высокой латыни и стилю риторики древнеримских авторов. Бруни использовал наследие античных философов, интерпретируя их выводы в соответствии с актуальными политическими запросами. Историк создавал свой текст в дидактических целях, желая предостеречь читателей от ошибок прошлого. Однако эти уроки не должны были очернять образ Флорентийской республики и ее правителей.

Сабелико и Джустиниани восприняли творческую разработку флорентийского историка, используя его подход для формирования панегирического образа Венецианской республики. Авторы из Серениссимы также предпочитали возвышенный гуманистический стиль. Они опирались на постулаты Платона и Аристотеля для конструирования образа совершенных общественных институтов и социальных отношений.

Литературная манера Бруни и его принципы доказательств стали важным образцом для венецианских авторов, с помощью которых по-новому реинтерпретировались традиционные для венецианского политического контекста идеи и представления.

Творчество гуманистов-историков оказало заметное влияние на восприятие идей и образов, легитимирующих правление венецианской аристократии.

В XV в. в Венецианской республике шел процесс окончательного юридического оформления исключительных политических прав патрициата. Закрытое сословие нобилей закрепило за собой всю полноту власти, оттеснив прочие страты.

Подобные социальные перемены требовали морально-этического обоснования. Сабеллико и Джустиниани не раз подчеркивали, что Венеция была образцом, как в отношении законов, так и гармоничного сосуществования различных групп. В их трактовке помыслы правящих кругов были связаны с идеей общего блага. Историки апеллировали к авторитету Платона и Аристотеля, чтобы подчеркнуть соответствие венецианских общественных реалий идеальным государственным моделям, описанным великими философами древности. Концепция Платона из диалога «Государство» о роли аристократии, дополненная средневековыми идеями о наследственном достоинстве высших сословий, была важным аргументом для легитимации исключительной политической роли патрициата. Наиболее весомым доводом историков стало изображение постепенного формирования совершенных политических институтов Венеции, которые были созданы благодаря неустанному труду и мудрости аристократии. Следует подчеркнуть, что авторы, хотя и отмечали покровительство высших сил, акцентировали внимание, главным образом, на секулярных аспектах в отличие от хронистов прошлого.

Можно прийти к выводу, что Сабеллико и Джустиниани, обращаясь как к интеллектуальным традициям разных эпох – в первую очередь к гуманизму, так и конкретным фактам, подчеркивающим положительную активность политической элиты, стремились сконструировать образ идеального аристократического правления.

Ожесточенность Итальянских войн в первой трети XVI в. и глубокий внутривосточный кризис государств Апеннинского полуострова явились причинами переосмысления практик конструирования исторических идей и образов. Историки искали в прошлом ответы на вызовы времени. Карольдо и Санудо, веря в особую миссию Венеции, стремились лишь восстановить в гражданах древние добродетели. Макиавелли, проводя более глубокий социальный анализ, думал о справедливой организации общества для всех страт.

Данные идеи несли в себе основной смысл трудов историков. Ряд инструментов убеждения у венецианцев и флорентийца был схож. Авторы обращались к народному языку и широкому спектру конкретных примеров. Однако имелись и принципиальные различия. Если Карольдо и Санудо считали первостепенной задачей наибольшую точность изложения событий, то Макиавелли стремился доказать перспективность проекта общественного переустройства.

Противоречия во взглядах на дидактическую функцию историописания показывали различия в направлениях мышления авторов из Венеции и Флоренции. Интерпретации Карольдо и Санудо базовых общественно-политических понятий («народ», «государство», «церковь» и другие) демонстрировали ретроспективность их представлений. Макиавелли, в свою очередь, выделял секулярный абстрактно-социальный смысл этих понятий, предполагающий целенаправленное и прогрессивное социальное развитие. Анализ базовых общественно-политических понятий отчетливо демонстрирует, что историки-венецианцы в их использовании придерживались традиционных для предыдущих эпох коннотаций. Напротив, в текстах Макиавелли данные понятия отражали новые социально-политические смыслы. Если Макиавелли реконструировал события для обоснования своего плана реформ в настоящем, то Карольдо и Санудо скорее стремились создать образ былого величия, возвращающий сограждан к идее

стабильности. Взгляды флорентийского историка отражали постепенно формирующиеся в Новое время понимание социальных реалий.

Конструирование исторической памяти в Венеции XV–XVI вв. претерпело значительные изменения, как в форме, так и в содержании. В XV в. формы историописания развивались от стилистически близких к хроникам повествований до самобытных гуманистических историй. Назидательная элоквенция ренессансных текстов и обращение к античным философам считались наиболее весомыми аргументами для достоверного отображения прошлого. Последствия кризиса Итальянских войн заставили историков задуматься о важности конкретных примеров из прошлого и донесения своих идей в доступном литературном стиле. Однако нахождение в плену ретроспективных идеологических концепций не дало авторам возможности подойти к окончательному оформлению своих взглядов в рамках абстрактного социального мышления Нового времени. Последующие историки, конструируя образы прошлого, обращались не к консервативным венецианским практикам, а более релевантным и отвечающим на вопросы времени флорентийским нововведениям в историописании.

Источники

1. Августин А. О граде Божиим // Блаженный Августин. Творения. В 4 т. Т. 3 / под ред. С. И. Еремеева. СПб.: Алетейя, 1998. –594 с.
2. Аристотель. Политика / пер. Н. Скворцова М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1865. –369 с.
3. Аристотель. Метафизика // Сочинения в четырех томах. Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. –550 с.
4. Виллани Д. Новая хроника, или история Флоренции / пер. М. А. Юсим. СПб., 2019. С. 5–498.
5. Виллани М. Хроника Маттео Виллани // Новая хроника, или история Флоренции / пер. М. А. Юсим. СПб.: Наука, 2019. С. 499–516.
6. Гвиччардини Ф. История Италии в 2 т. Т. 1 / пер. с итал. М. А. Юсим. М.: Канон+, 2019. –744 с.
7. Геродот. История / пер. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. –599 с.
8. Квинтилиан Ф. Риторические наставления. Т. 1, часть 1 / пер. А. Никольский. СПб.: Императорская российская академия, 1834. –I–XI; 77 с.
9. Контарини Г. О магистратах и устройстве Венецианской республики / пер. с лат. М. А. Юсим. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. –234 с.
10. Ливий Т. История Рима от основания города. В 3 т. Т. 1 / отв. ред. Е. С. Голубцова. М.: Наука, 1989. –575 с.
11. Макьявелли Н. История Флоренции / пер. Н. Я. Рыковой, под общ. ред. В. И. Рутенбурга М.: Наука, 1987. –446 с.
12. Платон. Государство / пер. А. Н. Егунова. М., Академический проект, 2015. –398 с.
13. Салютати К. Письмо от 14 июня 1404 г. Галиено да Терни // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / под ред. Л. М. Брагиной. М., 1985. С. 42–49.
14. Blondus F. De origine et de gestis Venetorum // Blondi Flavii Forliviensis de Roma triumphante libridecem, priscorum scriptorium lectoribus utilissimi, ad totiusque Romanae antiquitatis cognitionem pernecessarii. Basiliae: Offina Frobeniana, 1531. P. 273–293.

15. Bruni L. *History of the Florentine People*. In 3 t. T. 1 / ed. and trad. J. Hankins. Cambridge: Harvard University Press, 2001. –520 p.
16. Bruni L. *History of the Florentine People*. In 3 t. T. 2 / ed. and trad. J. Hankins. Cambridge: Harvard University Press, 2004. –584 p.
17. Bruni L. *History of the Florentine People*. In 3 t. T. 3 / ed. and trad. J. Hankins. Cambridge: Harvard University Press, 2007. –477 p.
18. Caroldo G. G. *Istoriei venețiene*. Vol. 1 // Ediție îngrijită de Șerban V. Marin. București: Arhivele naționale ale României, 2008. –296 p.
19. Caroldo G. G. *Istoriei venețiene*. Vol. 2 // Ediție îngrijită de Șerban V. Marin. București: Arhivele naționale ale României, 2009. –288 p.
20. Caroldo G. G. *Istoriei venețiene*. Vol. 3 // Ediție îngrijită de Șerban V. Marin. București: Arhivele naționale ale României, 2010. –287 p.
21. Caroldo G. G. *Istoriei venețiene*. Vol. 4 // Ediție îngrijită de Șerban V. Marin. București: Arhivele naționale ale României, 2011. –256 p.
22. Caroldo G. G. *Istoriei venețiene*. Vol. 5 // Ediție îngrijită de Șerban V. Marin. București: Arhivele naționale ale României, 2012. –248 p.
23. *Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo (origini – 1362) / A cura di R. Pesce*. Venezia: Centro di Studi Medievali e Rinascimentali «E. A. Cicogna», 2010. –LIII, 185 p.
24. Da Canale M. *La cronaca dei Veneziani // Archivio storico italiano*. 1845. T. 8 / ed. F. Polidori; trad. G. Galvani. Firenze: P. Vieusseux, 1845. –798 p.
25. Dandolo A. *Chronicon Venetum // Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. T. XII. Part. I / ed. E. Pastorello. Bologna: Nicola Zanichelli, 1900. –405 p.
26. Giustiniano B. *Storia delle origini di Venezia e delle cose fatte da Veneziani / trad. in volgare L. Domenichi*. Venezia: B. Bindoni, 1545. –CCXXI p.
27. *Historia ducum Venetorum // Testi storici veneziani (XI – XIII secolo) / ed. e traduz. L. Berto*. Padova: Cleup, 1999. P. 2–83.
28. *La cronaca di Raffaino Caresini tradotta in volgare veneziano nel secolo XIV / ed. R. Fulin*. Venezia: Tip. del commercio di M. Visentini, 1877. –102 p.
29. Machiavelli N. *Le istorie Fiorentine / ed. G. Niccolini*. Firenze: Felice le Monnier, 1851. –452 p.
30. Marco. *Frammenti della cronaca di Marco // Archivio Veneto*. 1881. T. 22. Parte 2. P. 198–202.

31. Monacis L. *Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis* / ed. F. Cornelius. Venetiis: Typographia Remondiniana, 1758. –368 p.
32. Morosini A. *Il codice Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094-1433)*. T. 3 / ed. A. Nanetti. Spoleto: Centro italiano di studi sull'Alto Medioevo, 2010. P. 1129–1720.
33. Sabellici M. *Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita*. Basileae: J. Konig e J. Werenfels, 1669. –661 p.
34. Sabellico M. *Le historie vinitiane di Marco Antonio Sabellico* / trad. in volgare L. Dolce. Venezia: Curtio di Naso, 1544. –293 p.
35. Sanudo M. *Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. T. XXII. Part. IV / ed. G. Monticolo. Città di Castello: S. Lapi, 1911. –572 p.
36. Sanudo M. *Le vite dei dogi*. T. 1 / ed. A. C. Arico. Venezia: La Malcontenta, 1999. –718 p.
37. Sanudo M. *Le vite dei dogi*. T. 2 / ed. A. C. Arico. Venezia: La Malcontenta, 2004. –372 p.

Литература

1. Абасов К. К. Здравый смысл в античной науке: исторический контекст // Kant. 2016. № 4(21). С. 4–7.
2. Аверинцев С. С. Агарь // Большой толковый словарь по культурологии / под ред. Б.И. Кононенко. 2003. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1185/Агарь (дата обращения: 10.12.2023).
3. Аверинцев С. С. Другой Рим. СПб.: Амфора, 2005. –364 с.
4. Агарь // Православная энциклопедия. 2008. URL: <https://www.pravenc.ru/text/63176.html> (дата обращения: 10.12.2023).
5. Алисова Т. Б., Челышева И. И. История итальянского языка: от первых памятников до XVI века. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2009. –440 с.
6. Андреев М. Л. Никколо Макьявелли // История литературы Италии в 4 т. Т. 2, кн. 2. / отв. ред. М. Л. Андреев. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 110–137.
7. Аникьев И. И. Ферраро-Флорентийский собор // Большая российская энциклопедия. 2022. URL: <https://bigenc.ru/c/ferraro-florentiiskii-sobor-45ae9e> (дата обращения: 17.03.2024).
8. Анташев Т., Велижев М. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 21–44.
9. Антига Р. Венеция. Гавань Святых / пер. с итал. О. Э. Цырлина. СПб.: Алетейя, 2021. –156 с.
10. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима / пер. с нем. Б. Хлебников Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2013. –267 с.
11. Ассман А. Длинная тень прошлого / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. –328 с.
12. Ассман Я. Культурная память / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. –368 с.
13. Баткин Л. М. Итальянское возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989. –272 с.
14. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. М.: Издательский центр РГГУ, 1995. –448 с.

15. Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. –348 с.
16. Бахматова М.Н. Рукопись Дж. Джакомо Карольдо в Вероне // Море и берега: к 60-летию С.П. Карпова от коллег и учеников / Отв. ред. Р.М. Шукуров. М., 2009. С. 85–105.
17. Бедекер Х. Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сборник статей под редакцией Ханса Эриха Бедекера. Перевод с немецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 5–21.
18. Бедекер Х. Размышления о методе исторических понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сборник статей под редакцией Ханса Эриха Бедекера. Перевод с немецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 34–66.
19. Бикбов А. Т. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. –432 с.
20. Блок М. К сравнительной истории европейских обществ / пер. с фр. И.К. Стаф // Одиссей. Человек в истории. 2001. № 13. С. 66–93.
21. Бойцов М. А. Папский зонтик, Бог Гелиос и судьбы России // Казус. Вып. 6. М., 2005. С. 99–155.
22. Бойцов М. А. Величие и смирение. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. –550 с.
23. Брагина Л. М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Идеалы и практика культуры. М., 2002. –384 с.
24. Брагина Л.М. Италия в Средние века и раннее Новое время: V–XVII вв. М.: РГГУ, 2019. –450 с.
25. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3 т. Т. 2. / пер. с фр. М. А. Юсим. М.: Языки славянской культуры, 2003. –808 с.
26. Бузескул В. П. Тирания и тираны в Древней Греции // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1901. Т. XXXIII. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/121794-Тирания> %20%20тираны%20в%20древней%20Греции (дата обращения: 05. 03. 2024).
27. Возчиков Д. В. Византийские образы в венецианском политическом мифе первой половины XV в.: Хроника Лоренцо де Моначи // CURSOR MUNDI: человек Античности, Средневековья и Возрождения: научный альманах,

посвящённый проблемам исторической антропологии. Иваново, 2016. Вып. 8. С. 206–217.

28. Возчиков Д. В. Образы Византии и Востока в Венецианском нарративе XIV–XV веков.: дис. ...канд. ист. наук: 07. 00. 03. Екатеринбург, 2016. –300 с.

29. Гергей Ё. История папства / пер. с венгер. О. В. Громова. М., 1996. –463 с.

30. Даскас Б. «Venetia hebbe principio per la destrution della grande Trogia». Миф о Венеции как *Alterum Byzantium* // Византий и Византия: провинциализм столицы и столичность провинции / под ред. А. Виноградова, С. Иванова. СПб.: Алетейя, 2020. С. 203–236.

31. Жечевич Н. *Serenissima* между властью и коррупцией: стратегии поведения венецианских чиновников в начале XV века // Одиссей. 2014. № 25. С. 387–401.

32. Иванова Ю. В. Историческая и политическая мысль // История литературы Италии в 4 т. Т. 2, кн. 2 / отв. ред. М. Л. Андреев. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 245–270.

33. Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса / пер. с англ. А. А. Олейникова М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. –464 с.

34. Казбекова Е. В. БАЗЕЛЬСКИЙ СОБОР // Большая российская энциклопедия. 2016. URL: https://old.bigenc.ru /religious_studies/text/1845544# (дата обращения: 17. 03. 2024)

35. Калделлис Э. Византийская кунсткамера / пер. с англ. А. Ю. Виноградов. М.: АСТ, 2022. –256 с.

36. Карпов С. П. Путиями средневековых мореходов. М.: Наука, 1995. –155 с.

37. Карпов С. П. Латинская Романия. СПб.: Алетейя, 2000. –253 с.

38. Карпов С.П. Тимур-султан и Керим-бирди: два нападения на венецианскую Тану в 1410 и в 1418 гг. // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 4. С. 758-769.

39. Катушкина Л. Г. Итальянские войны // История Италии в 3 т. Т. 1 / под ред. С. Д. Сказкина, Л. А. Котельниковой, В. И. Рутенбурга. М., 1970. С. 426–466.

40. Климанов Л. Г. Обретение Венецией моря: право, политика, символы // Причерноморье в Средние века. 1997. Вып. 3. С. 145–163.

41. Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // Отечественные записки. 2004. № 5. URL: <https://magazines. gorky.>

media/oz/2004/5/mozhem-li-my-rasporiyazhatsya-istoriej-iz-knigi-proshedshee-budushhee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni.html (дата обращения: 04.05.2024).

42. Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России. XVI – XX века: Сборник научных работ / отв. ред. Н. Е. Копосов. СПб.: Алетейя, 2006. С. 33–53.

43. Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сборник статей под редакцией Ханса Эриха Бедкера. Перевод с немецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–34.

44. Копосов Н. Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России, XVI–XX века: Сборник научных работ / отв. ред. Н. Е. Копосов. СПб.: Алетейя, 2006. С. 9–32.

45. Косминский Е.А. Историография Средних веков. М., Изд-во Московского университета, 1963. –430 с.

46. Кром М. М. Введение в историческую компаративистику: учеб. Пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 248 с.

47. Кудрявцев О. Ф. Итальянские войны // Большая российская энциклопедия. 2008. Т. 12. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2027_524# (дата обращения: 18.02.2024).

48. Кудрявцев О. Ф., Ревякина Н. В. и др. ВОЗРОЖДЕНИЕ // Большая российская энциклопедия. 2016. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/1924973 (Дата обращения: 12.12.2023).

49. Кудрявцев О. Ф. ГОНФАЛОНЬЕР // Большая российская энциклопедия. 2016. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2369792 (дата обращения: 25.02.2024).

50. Куклина И. В. Этнография Скифии по античным источникам. Л.: Наука, 1985. –206 с.

51. Куш Т. В. Византийский ученый Мануил Хрисолора в письмах своих современников // Античная древность и средние века. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т: Волот, 1999. С. 308–318.

52. Лейн Ф. Золотой век Венецианской республики / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2017. С. –607 с.

53. Лозинский С. Г. История папства. М.: Политиздат, 1986. –380 с.

54. Лонин А. В., Григоренко Д. Е. Власть «лучших людей» в социально-философских концепциях Платона и Аристотеля // Омский научный вестник. 2011. № 2 (96). С. 74–77.
55. Лукин П. В. Старейшина Гостомысл и первый дож Паолуччо Анафесто: республиканские мифы и их судьбы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 67–71.
56. Манандян Я. А. Маршруты персидских походов императора Ираклия // Византийский Временник. 1950. Т. 3. С. 133–153.
57. Марей А. В. Понятие *res publica* в европейской политико-правовой мысли: от Древнего Рима до XVII в. // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. Коллективная монография / Под ред. К. А. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 19–76.
58. Мюир Э. Венецианский миф // Контарини Г. О магистратах и устройстве Венецианской республики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 161–213.
59. Нерсесянц В. С. Философия права. М.: Норма, 2005. –656 с.
60. Оке Ж. К. Средневековая Венеция / пер. с фр. М. А. Черепахина. М.: Вече, 2014. –402 с.
61. Пашкин Н. Г. Византийская делегация на западе в преддверии Ферраро-Флорентийского собора // *Античная древность и средние века*. 2006. Вып. 37. С. 355–362.
62. Покок Д. Момент Макиавелли / пер. с англ. Т. А. Пирусская. М.: Новое литературное обозрение, 2020. –888 с.
63. Репина Л. П. История исторического знания / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. М.: Дрофа, 2004. –288 с.
64. Репина Л. П. Историческая память и нарративы национальной идентичности: «практика истории на службе памяти» // *Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография* / под ред. Л. П. Репиной. М., 2020. С. 9–37.
65. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И. С. Вдовина. М.: Академический проект, 2008. –695 с.
66. Рутенбург В. И. Жизнь и творчество Макьявелли // *Макьявелли Н. История Флоренции*. М.: Наука, 1987. С. 352–391.

67. Рябова М.А. Рецензия: Giovanni Giacomo Caroldo. *Istorii venețiene*. Vol. 1–4 / Ed. îngrijită de Ș.V. Marin. București, 2008–2011 // Средние века. 2013. Т. 74. № 1–2. С. 357–360.
68. Рязанов П. А. Изучение греческой словесности во Флоренции от Боккаччо до Мануила Хрисолора // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 2. С. 207–212.
69. Степанова Л. Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000. –498 с.
70. Согомонов А. Ю., Уваров П. Ю. Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей. Человек в истории. 2001. № 13. С. 199–215.
71. Соколов Н.П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1963. –542 с.
72. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М.: Акад. учеб.-науч. центр РАН-МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. –606 с.
73. Тельменко Е. П. Джироламо Савонарола и флорентийское общество конца XV века.: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.03. Ставрополь, 2020. –533 с.
74. Трубецкой Е. Н. Политические идеалы Платона и Аристотеля в их всемирно-историческом значении / Платон. Государство. М., Академический проект, 2015. С. 5–31.
75. Фионова Н. А. Ремесла и ремесленные цехи в Венеции XIII–XV вв.: дис. канд. ист. наук: 07.00.00. – Горьковский гос. университет им. Н. И. Лобачевского, Горький, 1971. –259 с.
76. Фоменко И. К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XV. М.: Индрик, 2011. –400 с.
77. Хархордин О. В. Республика. Полная версия. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2021. –206 с.
78. Хаттон П. История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2003. –423 с.
79. Чельшева И. И. ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК // Большая российская энциклопедия. 2016. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2027590> (дата обращения: 25.02.2024).
80. Чудинов А. Н. Протоспафарий // Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910. URL:

https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/29579/ПРОТОСПАФАРИЙ (дата обращения: 06.12. 2023).

81. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В.П. Большакова. М.: Академический Проект, 2010. –251 с.

82. Эльфонд И. Я. Леонардо Бруни, этика гражданского гуманизма и греческое наследие // Изв. Саратов. Ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4. С. 425–432.

83. Юсим М. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. М.: «Канон+», 2011. – 668 с.

84. Юсим М.А. Великие флорентинцы и эволюция исторического знания в Европе // Гвиччардини и Макиавелли у истоков исторической науки Нового времени / отв. ред. М.А. Юсим. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2020. С. 43–53.

85. Aricò A. Marin Sanudo il Giovane precursore di Francesco Sansovino // Lettere Italiane. 1979. Vol. 31. № 3. P. 419–437.

86. Aricò A. Marin Sanudo il giovane le opere e lo stile // Studi veneziani. 2008. Vol. 55. P. 351–390.

87. Arnaldi G. La cancelleria ducale fra culto della «legalitas» e nuova cultura umanistica // Storia di Venezia. 1997. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/la-cancelleria-ducale-fra-culto-della-legalitas-e-nuova-cultura-umanistica_%28Storia-di-Venezia%29/ (дата обращения: 29. 11. 2023).

88. Assmann A. Cultural Memory and Western Civilization. New York: Cambridge University Press, 2011. –424 p.

89. Assmann A. Dialogic Memory // Dialogue as a Trans-disciplinary Concept: Martin Buber’s Philosophy of Dialogue and its Contemporary Reception / ed. P. Mendes-Flohr. Berlin: Paul Mendes-Flohr, 2015. P. 199–215.

90. Baker P. Illustrious men: Italian Renaissance Humanists on Humanism. PhD thesis. Cambridge, Massachusetts, USA, 2009. –376 p.

91. Baldassarri S. Mythography and Rhetoric in Quattrocento Florence. PhD thesis. Yale, USA, 1999. –350 p.

92. Baron H. Humanistic and political literature in Florence and Venice. At the Beginning of the Quattrocento. Cambridge: Harvard University Press, 1955. –223 p.

93. Blythe J. “Civic humanism” and medieval political thought // Renaissance civic humanism / ed. J. Hankins. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 30–75.

94. Bos J. Framing a new mode of historical experience. *The Renaissance historiography of Machiavelli and Guicciardini // The making of the humanities / ed. R. Bod. Amsterdam, 2010. P. 351–366.*
95. Bouwsma W. *Venice and the Defense of Republican Liberty. Berkely and Los Angeles: University of California Press, 1968. –670 p.*
96. Bouwsma W. *The culture of Renaissance Humanism // American Historical Association. Pamphlets (401). Richmond, 1973. –40 p.*
97. Bowd S. *The Republics of Ideas: Venice, Florence and the Defence of Liberty, 1525–1530 // History. 2000. Vol. 85. № 279. P. 404–427.*
98. Bowd S. *Venice's Most Loyal City. Civic Identity in Renaissance Brescia. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 2010. –374 p.*
99. Braccesi L. *La leggenda di Antenore: dalla Troade al Veneto. Padova: Marsilio, 1997. –184 p.*
100. Braccesi L. *Il mito troiano realtà e leggenda // Lezioni Marciane 2013-2014: Venezia prima di Venezia: archeologia e mito, alle origini di un'identità. 2015. № 1. P. 35–50.*
101. Braccesi L. *Venezia e il mito troiano, realtà e leggenda // Hesperia. 2021. № 38. P. 29–40.*
102. Branca V. *Ermolao Barbaro and late Quattrocento Venetian humanism // Renaissance Venice / ed. J. Hale. London: Faber, 1973. P. 218–243.*
103. Branca V. *L'umanesimo // Storia di Venezia. 1996. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/ 1_umanesimo_%28Storia-di-Venezia%29/](https://www.treccani.it/enciclopedia/1_umanesimo_%28Storia-di-Venezia%29/) (дата обращения: 14. 09. 2023).*
104. Brown P. F. *Venice and Antiquity. New Haven & London: Yale University Press, 1996. –361 p.*
105. Brown P. F. *Born free and christian: the origins of Venice according to the chronicle tradition. 2007. URL: https://www.academia.edu/3278550/Born_Free_and_Christian_the_Origins_of_Venice_According_to_the_Chronicle_Tradition (дата обращения: 30. 01. 2023).*
106. Cacciavillani I. *Venezia e la Terraferma. Padova: Panda, 2008. –320 p.*
107. Cappelletti G. *Storia di Padova dalla sua origine sino al presente. Padova: Sacchetto, 1875. Vol. 1. –526 p.*
108. Carile A. *La cronachistica veneziana (secoli XIII–XVI) di fronte alla spartizione della Romania nel 1204. Firenze: Leo S. Olschki editore, 1968. –586 p.*

109. Carile A. Caroldo, Gian Giacomo // *Dizionario Biografico degli Italiani*. 1977. Volume 20. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/gian-giacomo-caroldo-\(Dizionario-Biografico\)/?search=CAROLDO%2C%20Gian%20Giacomo](https://www.treccani.it/enciclopedia/gian-giacomo-caroldo-(Dizionario-Biografico)/?search=CAROLDO%2C%20Gian%20Giacomo) (дата обращения: 19. 04. 2024).
110. Casini M. *Note sul linguaggio politico veneziano del Rinascimento / Politica e cultura nelle repubbliche italiane dal medioevo all'età moderna* // ed. S. Braccesi, M. Ascheri. Roma, 2001. P. 309–333.
111. Cecchini I., L. Pezzolo *Merchants and institutions in early-modern Venice* // *The journal of European economic history*. 2012. Vol. 41. № 2. P. 87–114.
112. Celenza C. *The Intellectual World of the Italian Renaissance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. –438 p.
113. Chojnacki S. *Social Identity in Renaissance Venice: the Second Serrata* // *Renaissance Studies*. 1994. Vol. 8. № 4. P. 341–358.
114. Chojnacki S. *Women and men in Renaissance Venice*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 2000. –384 p.
115. Cochrane E. *History and Historiography in the Italian Renaissance*. Chicago, London: University of Chicago Press, 1981. –649 p.
116. Connell W. *The Eternity of the World and Renaissance Historical Thought* // *California Italian Studies*. 2011. Vol. 2. № 1. URL: <https://gwern.net/docs/history/2011-connell.pdf> (дата обращения: 30. 01. 2023).
117. Cortelazzo M. *Dizionario Veneziano della lingua e della cultura popolare nel XVI secolo*. Padova: La Linea Editrice, 2007. –1550 p.
118. Cox V. *Rhetoric and Humanism in Quattrocento Venice* // *Renaissance Quarterly*. 2003. Vol. 56. № 3. P. 652–694.
119. Cozzi G. *Cultura politica e religion nella «pubblica storiografia» veneziana del'500*. Venezia: Fondazione Giorgio Cini centro di cultura e civiltà Venezia, 1963. P. 1–80.
120. Cozzi G. *Marino Sanudo il Giovane: dalla cronaca alla storia* // *La storiografia veneziana fino al secolo XVI* / ed. A. Pertusi. Firenze: Leo S. Olschki editore, 1970. P. 333–359.
121. Cozzi G. *Politica, società, istituzioni* // *La Repubblica di Venezia nell'età moderna* / ed. G. Cozzi, M. Knapton. Vol. 12. T. 1. Torino: UTET, 1986. P. 3–253.
122. Cracco G. *Società e Stato nel medioevo veneziano (secoli XII-XIV)*. Firenze: Leo S. Olschki, 1967. –491 p.

123. Crouzet-Pavan E. Immagini di un mito // *Storia di Venezia*. 1996. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/immagini-di-un-mito_%28Storia-di-Venezia%29/ (дата обращения: 14. 09. 2023).
124. Crouzet-Pavan E. *Venice triumphant: the horizons of a myth*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 2002. –386 p.
125. Crouzet-Pavan E. A propos des elites politiques venitiennes // *Les elites lettrees au Moyen Age. Modeles et circulation des saviors en Mediterranee occidentales (XII – XV siecles)* / ed. P. Gilli. Montpellier: Presses universitaires de la Méditerranée, 2008. P. 111–135.
126. Chrysostomides J. *Studies on the Chronicle of Caroldo, with special reference to the history of Byzantium from 1370 to 1377* // *Orientalia Christiana Periodica*. T. 35. Roma, 1969. P. 123–182.
127. Das S. *The Disappearance of the Trojan Legend in the Historiography of Venice // Fantasies of Troy: Classical Tales and the Social Imaginary in Medieval and Early Modern Europe* / eds. A. Shepard, S. Powell. Toronto: Centre for Reformation and Renaissance Studies, Victoria University in the University of Toronto, 2004. P. 97–117.
128. Davies S. *Renaissance Ethnography and the Invention of the Human*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. –380 p.
129. De Vivo F. *Information and Communication in Venice: Rethinking Early Modern Politics*. Oxford: Oxford University Press, 2007. –312 p.
130. Deslauriers M., Destree P. Introduction // *The Cambridge Companion to Aristotle's Politics* / ed. M. Deslauriers, P. Destree. New York: Cambridge University Press, 2013. P. 1–14.
131. Dibello D. Dinamiche istituzionali e prassi normative nella Venezia del tardo medioevo. Nota al caso Foscari // *Archivio Veneto*. 2016. Vol. 6. № 12. P. 5–21.
132. Di Maria S. Machiavelli's ironic view of history: The *Istorie Fiorentine* // *Renaissance Quarterly*. 1992. Vol. 45. № 2. P. 248–270.
133. Dotson J. Foundations of Venetian Naval Strategy from Pietro II Orseolo to the Battle of Zonchio, 1000-1500 // *Medieval and Renaissance Studies*. 2001. Vol. 32. URL: <https://web.archive.org/web/20070312093110/http://www.deremilitari.org/resources/articles/dotson1.htm> (Дата обращения: 23. 11. 2023).
134. Faggion L. Les élites de la Terre Ferme et l'État vénitien aux XVIe et XVIIe siècles // *Rives Mediterraneennes*. 2009. № 32 – 33. P. 83–96.
135. Fasoli G. *Nascita di un mito* // *Studi storici in onore di Gioacchino Volpe*. Firenze: G.C. Sansoni, 1958. Vol. I. P. 445–449.

136. Fasoli G. I fondamenti della storiografia veneziana // *La storiografia veneziana fino al secolo XVI* / ed. A. Pertusi. Firenze: Leo S. Olschki editore, 1970. P. 11–45.
137. Fedi A. *Stile e struttura nei diarii di Marin Sanudo*. PhD thesis. Toronto, Canada, 1994. –253 p.
138. Finlay R. *La vita politica nella Venezia del Rinascimento*. Milano: Jaca Book, 1982. –381 p.
139. Fryde E. *Humanism and Renaissance Historiography*. Bodmin and Cornwall: A&C Black, 1983. –258 p.
140. Fubini R. Machiavelli, i Medici, e la storia di Firenze nel Quattrocento // *Archivio Storico Italiano*. 1997. Vol. 155. № 1 (571). P. 127–142.
141. Fubini R. *Umanesimo e Rinascimento*. 2013. URL: https://www.academia.edu/21623671/A02_umanesimo_e_rinascimento_2 (дата обращения: 04.11.2023).
142. Fusaro M. *Political Economies of Empire in the Early Modern Mediterranean. The Decline of Venice and the Rise of England*. Cambridge: Cambridge university press, 2015. –408 p.
143. Gaeta F. Alcune considerazioni sul mito di Venezia // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1961. T. 23. № 1. P. 58–75.
144. Gaeta F. *Storiografia, coscienza nazionale e politica culturale nella Venezia del Rinascimento*. Vicenza: Neri Pozza Editore, 1980. –91 p.
145. Gilbert F. *Machiavelli and Guicciardini: politics and history in sixteenth-century Florence*. Princeton: Princeton University Press, 1965. –349 p.
146. Gilbert F. *The Venetian constitution in Florentine political thought* // *Florentine Studies: Politics and Society in Renaissance Florence* / ed. N. Rubinstein. London: Faber, 1968. P. 463–500.
147. Gilbert F. Biondo, Sabellico, and the Beginnings of Venetian Official Historiography // *Florilegium Historiale. Essays presented to Wallace K. Ferguson* / ed. by J. G. Rowe, W. H. Stockdale. Toronto: University of Toronto Press, 1971. P. 276–293.
148. Gravelle S. *The Latin-Vernacular Question and Humanist Theory of Language and Culture* // *Journal of the History of Ideas*. 1988. Vol. 49. № 3. P. 367–386.
149. Grubb J. *When Myths Lose Power: Four Decades of Venetian Historiography* // *The Journal of Modern History*. 1986. Vol. 58. № 1. P. 43–94.
150. Grubb J. *Firstborn of Venice*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1988. –238 p.

151. Grubb J. Memory and identity: why Venetians didn't keep *ricordanze* // *Renaissance Studies*. 1994. Vol. 8. № 4. P. 375–387.
152. Hankins J. Renaissance Crusaders: Humanist Crusade Literature in the Age of Mehmed II // *Dumbarton Oaks Papers*. 1995. № 49. P. 111–207.
153. Hankins J. A Mirror for Statesmen: Leonardo Bruni's History of the Florentine People. 2007. URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:2958221> (дата обращения: 06. 10. 2023).
154. Hankins J. Coluccio Salutati e Leonardo Bruni // *Il contributo italiano alla storia del pensiero* / ed. Michele Ciliberto. Rome: Treccani, 2012. P. 85–94.
155. Hankins J. Leonardo Bruni and Machiavelli on the Lessons of Florentine History // *Le cronache volgari in Italia* / ed. G. Francesconi, M. Miglio. Perugia: Pliniana, 2017. P. 373–395.
156. Hocquet J. *Il sale e la fortuna di Venezia*. Roma: Jouvence, 1990. –618 p.
157. Hocquet J. *Venice et la mer*. Paris: Fayard, 2006. –508 p.
158. Ianziti G. Leonardo Bruni, the Medici, and the Florentine Histories // *Journal of the History of Ideas*. 2008. Vol. 69. № 1. P. 1–22.
159. Ianziti G. *Writing History in Renaissance Italy*. Cambridge: Harvard University Press, 2012. –432 p.
160. Iordanou I. *Venice's secret service*. Oxford: Oxford University Press, 2019. – 255 p.
161. Judde de Larivière C., Salzberg R. The People are the city. The idea of the Popolo and the Condition of the Popolani in Renaissance Venice // *Annales HSS*. 2013. Vol. 68. № 4. P. 769–796.
162. Knapton M. *Venezia e la Terraferma* // *Lo Stato del Rinascimento in Italia 1350–1520* / ed. A. Gamberini, I. Lazzarini. Roma: Viella, 2014. P. 125–149.
163. King M. L. *Umanesimo e patriziato a Venezia nel quattrocento*. Roma: Il Veltro, 1989. Vol. 1. –768 p.
164. Kocka J. Comparison and Beyond // *History and Theory*. 2003. Vol. 42. № 1. P. 39–44.
165. Kocka J., Haupt H.-G. Comparison and Beyond: Traditions, Scope, and Perspectives of Comparative History // *Comparative and Transnational History: Central European Approaches and New Perspectives* / ed. by Heinz-Gerhard Haupt and Jurgen Kocka. New York; Oxford: Berghahn Books, 2009. P. 1–33.

166. Koselleck R. Futures past on the semantics of historical time. New York: Columbia university press, 2004. –XX, 317 p.
167. Kriseller P. Humanism // *Minerva*. 1978. Vol. 16. № 4. P. 586–595.
168. Kuha M. Transmission of Knowledge in Venetian Fourteenth-Century Chronicles. Jyväskylä, 2017. –144 p.
169. Labalme P. Bernardo Giustiniani a venetian of the Quattrocento. Roma: Edizioni di Storia e letteratura, 1969. –354 p.
170. Laneri M. T. Su tre corrispondenti di Marcantonio Sabellico. Proposte di identificazione // *Humanistica Lovaniensia*. 2018. Vol. 67. № 2. P. 237–256.
171. Lazzarini I. A ‘New’ Narrative: Historical Writing, Chancellors, and Public Records in Renaissance Italy (Milan, Ferrara, Mantua ca. 1450-1520) // *After Civic Humanism. Learning and Politics in Renaissance Italy* / ed. N. Baker, B. Maxson. Toronto: Centre for Reformation and Renaissance Studies, 2015. P. 195–216.
172. Libby L. Venetian history and political thought after 1509 // *Studies in the Renaissance*. 1973. Vol. 20. P. 7–45.
173. Logan O. Venezia cultura e società 1470–1790. Roma: Il Velcro, 1980. –482 p.
174. Lynch C. War and Foreign Affairs in Machiavelli’s Florentine Histories // *The Review of Politics*. 2012. Vol. 74. № 1. P. 1–26.
175. Madden T. Venice: A New History. London: Viking, 2012. –464 p.
176. Mallett M. Venezia e la politica italiana: 1454–1530 // *Storia di Venezia*. 1996. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/venezia-e-lapolitica-italiana-1454-1530_%28Storia-di-Venezia%29/ (дата обращения: 18. 02. 2024).
177. Marin Ş. The Venetian Community – Between Civitas and Imperium: A project of the Capital’s Transfer from Venice to Constantinople, according to the Chronicle of Daniele Barbaro // *European review of history*. 2003. Vol. 10. № 1. P. 82–102.
178. Marin Ş. A Venetian Chronicler in Crete: the Case of Lorenzo de’ Monaci and His Possible Byzantine Sources // *Italy and Europe’s Eastern Border. 1204–1669* / ed. C. Gastgeber, A. Simon. Frankfurt, 2012. P. 237–259.
179. Marin Ş. Marcantonio Sabellico’s *Rerum Venetarum* and “the Definitive History of Venice”. The Beginnings of the Official Historiography in Venice? // *Revista arhivelor*. Bucarest, 2013. Vol. 1–2. P. 134–177.
180. Marin Ş. Flavio Biondo’s Venetian History and the Debatable Beginnings of “Public Historiography” in Venice // *Revista istorică*. 2014. T. XXV. № 1–2. P. 101–121.

181. Marin Ş. The Venetian historical writing and its immobilisms // *The Byzantine-Ottoman Transition in Venetian Chronicles. La transizione bizantino-ottomana nelle cronache veneziane* / ed. S. Kolditz, M. Koller. Rome: Viella, 2018. P. 57–107.
182. Marin Ş. Some Notes about Bernardo Giustiniani's *De origine urbis Venetiarum* // *Revista Arhivelor*. 2019. Vol. XCVI. № 1-2. P. 73–100.
183. Martines L. *Power and imagination*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1988. –370 p.
184. Marvin B. The Florentine Territorial State and Civic Humanism in the Early Renaissance // *Florentine Studies. Politics and Society in Renaissance Florence* / ed. N. Rubinstein. London: Faber, 1968. P. 109–140.
185. Melchiorre M. Sanudo (Sanuto), Marino (Marin) il Giovane // *Dizionario Biografico degli Italiani*. 2017. Vol. 90. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/marino-marin-il-giovane-sanudo_\(Dizionario-Biografico\)/?search=SAN UDO%2C%20Marino%20il%20Giovane](https://www.treccani.it/enciclopedia/marino-marin-il-giovane-sanudo_(Dizionario-Biografico)/?search=SAN%20UDO%2C%20Marino%20il%20Giovane) (дата обращения: 18. 02. 2024).
186. Morosini and the censors // *The Morosini codex. Vol. I* / ed. M. Ghezzi, J. Melville-Jones, A. Rizzi. Padova, 1999. P. XIX–XXI.
187. Moyer A. *The intellectual world of sixteenth-century Florence. Humanists and culture in the age of Cosimo I*. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2020. –350 p.
188. Muir E. *Civic ritual in Renaissance Venice*. Princeton: Princeton University Press, 1981. –356 p.
189. Najemy J. The 2013 Josephine Waters Bennett Lecture: Machiavelli and History // *Renaissance Quarterly*. 2014. Vol. 67. № 4. P. 1131–1164.
190. Najemy J. Machiavelli and the Medici: The Lessons of Florentine History // *Renaissance Quarterly*. 1982. Vol. 35. № 4. P. 551–576.
191. Neerfeld C. «Historia per forma di diaria». *La cronachistica Veneziana contemporanea a cavallo tra il quattro e il cinquecento*. Venezia: Istituto Veneto di Scienze Lettere ed Arti, 2006. –268 p.
192. Nicol D. *Venezia e Bisanzio*. Milano: Rusconi, 1990. –640 p.
193. O'Connell M. Legitimizing Venetian Expansion: Patricians and Secretaries in the Fifteenth Century // *Venice and the Veneto during the Renaissance* / ed. M. Knapton. Firenze: Firenze University Press, 2014. P. 71–87.
194. O'Connell M. Voluntary Submission and the Ideology of Venetian Empire // *I Tatti Studies in the Italian Renaissance*. 2017. Vol. 20. № 1. P. 9–39.

195. Oppenheimer P. Machiavelli. A life beyond ideology. London and New York: Continuum, 2011. –338 p.
196. Panciera W. La Repubblica di Venezia nel Settecento. Roma: Viella, 2014. – 177 p.
197. Panciera W. La Repubblica di Venezia nelle guerre d'Italia // «Impaziente della quiete». Bartolomeo d'Alviano, un condottiero nell'Italia del Rinascimento (1455 – 1515) / ed. E. Irace. Bologna: Il Mulino, 2018. P. 115–128.
198. Pecchioli R. Il "Mito" di Venezia e la crisi fiorentina intorno al 1500 // Studi Storici. 1962. № 3. P. 451-492.
199. Perry M. Sacred plunder. Venice and the aftermath of the Fourth Crusade. Pennsylvania: Penn State University Press, 2015. –234 p.
200. Pertusi A. Gli inizi della storiografia umanistica nel Quattrocento // La storiografia veneziana fino al secolo XVI. / ed. A. Pertusi. Firenze: Leo S. Olschki editore, 1970. P. 269–333.
201. Phillips M. Machiavelli, Guicciardini and the Tradition of Vernacular Historiography in Florence // The American Historical Review. 1979. Vol. 84. № 1. P. 86–105.
202. Pieraccioni G. Note su Machiavelli storico. I - Machiavelli e Giovanni di Carlo // Archivio Storico Italiano. 1988. Vol. 146. № 4 (538). P. 635–664.
203. Pincus D. Venice and the Two Romes: Byzantium and Rome as a Double Heritage in Venetian Cultural Politics // Artibus et Historiae. 1992. Vol. 13. № 26. P. 101–114.
204. Pistilli G. GIUSTINIAN (Giustiniani, Iustiniani, Justinianus, Zustinian, Zustinian), Bernardo // Dizionario Biografico degli Italiani. 2001. Vol. 57. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/bernardo-giustinian_\(Dizionario-Biografico\)/?search=GIUSTINIAN%2C%20Bernardo](https://www.treccani.it/enciclopedia/bernardo-giustinian_(Dizionario-Biografico)/?search=GIUSTINIAN%2C%20Bernardo) (дата обращения: 15. 04. 2024).
205. Poucet J. Le mythe de l'origine troyenne au Moyen âge et à la Renaissance: un exemple d'idéologie politique. Folia Electronica Classica. 2003. № 5. URL: <http://bcs.fltr.ucl.ac.be/fe/05/athenor2.html> (дата обращения: 30. 01. 2023).
206. Pozza M. Pietro Orseolo, santo // Dizionario Biografico degli Italiani. 2015. Vol. 83. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/santo-pietro-orseolo_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/santo-pietro-orseolo_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 02. 03. 2024).
207. Queller D. Il patriziato veneziano, la realtà contro il mito. Roma: Il Veltro, 1987. –496 p.

208. Raines D. *L'invention du mythe aristocratique*. Venezia: Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti, 2006. –1085 p.
209. Ravegnani G. De monacis, Lorenzo // *Dizionario Biografico degli Italiani*. 1990. Vol. 38. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/lorenzo-de-monacis_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/lorenzo-de-monacis_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 01. 07. 2024).
210. Rösch G. *The Serrata of the Great Council and Venetian Society, 1286–1323 // Venice Reconsidered. The History and Civilization of an Italian City-State, 1297–1797* / eds. J. Martin, D. Romano. Baltimore and London: JHU Press, 2003. P. 67–89.
211. Rubinstein N. *Il Medio Evo nella storiografia Italiana del Rinascimento (Firenze, Milano, Venezia) // Lettere Italiane*. 1972. Vol. 24. № 4. P. 431–447.
212. Rubinstein N. *Machiavelli storico // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere e Filosofia. Serie III*. 1987. Vol. 17. № 3. P. 695–733.
213. Rubinstein N. *Italian political thought // The Cambridge history of political thought, 1450–1700* / ed. J. H. Burns. Cambridge, 2006. P. 30–66.
214. Salzberg R. *Ephemeral city: Cheap print and urban culture in Renaissance Venice*. Manchester and New York: Manchester University Press, 2014. –240 p.
215. Schofield M. *The Noble Lie // The Cambridge Companion to Plato's Republic* / ed. G. Ferrari. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 138–165.
216. Skinner Q. *Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory*. 1969. Vol. 8. № 1. P. 3–53.
217. Struever N. *The Language of History in the Renaissance*. Princeton and New Jersey: Princeton University Press, 1970. –224 p.
218. Tenenti A., Tucci U. *Nota preliminare // Storia di Venezia*. 1996. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/il-rinascimento-politica-e-cultura-nota-preliminare_%28Storia-di-Venezia%29/ (дата обращения: 08.11.2023).
219. Tenenti A. *The sense of space and time in the Venetian world of the fifteenth and sixteenth centuries // Renaissance Venice* / ed. J. Hale. London: Faber, 1973. P. 18–37.
220. *The Cambridge companion to Machiavelli* / ed. J. Najemy. New York: Cambridge University Press, 2010. –306 p.
221. Toffolo S. *Constructing a Mainland State in Literature: Perceptions of Venice and Its "Terraferma" in Marin Sanudo's Geographical Descriptions // Renaissance and Reformation*. 2014. Vol. 37. № 1. P. 5–30.

222. Toffolo S. Cities dominated by lions: the fifteenth-century Venetian mainland state depicted by inhabitants of the subject cities // *Viator*. 2015. T. 46. № 1. P. 305–325.
223. Trebbi G. La cancelleria veneta nei secoli XVI e XVII // *Annali della fondazione Luigi Einaudi*. Vol. 14. Torino, 1980. P. 65–125.
224. Varanini G. M. DELLA SCALA, Mastino // *Dizionario Biografico degli Italiani*. 1989. Vol. 37. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/mastino-della-scala_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/mastino-della-scala_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 29. 11. 2023).
225. Varanini G. La Terraferma veneta nel Quattrocento e le tendenze recenti della storiografia // *Ateneo Veneto*. 2010. Vol. 197. № 9. P. 13–63.
226. Ventura A. *Scritti di storia veneziana*. Venezia: Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti, 2018. –408 p.
227. Viallon M. Infortune et fortune d'un historiographe vénitien: Marin Sanudo (1466-1536) // *Publications de l'universite de Saint-Etienne*. 2001. P. 27–42.
228. Viggiano A. Politics and constitutions // *A companion to Venetian history, 1400–1797* / ed. E. Dursteler. Leiden and Boston: Brill, 2013. P. 47–85.
229. Villani Matteo // *Dizionario di Storia*. 2011. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/matteo-villani_%28Dizionario-di-Storia%29/ (дата обращения: 14. 09. 2023).
230. Weinstein D. The Myth of Florence // *Florentine Studies. Politics and Society in Renaissance Florence* / ed. N. Rubinstein. London: Faber, 1968. P. 15–44.
231. Yoran H. Florentine Civic Humanism and the Emergence of Modern Ideology // *History and Theory*. 2007. Vol. 46. № 3. P. 326–344.
232. Yunis H. The Protreptic Rhetoric of the Republic // *The Cambridge Companion to Plato's Republic* / ed. G. Ferrari. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 1–27.
233. Zuckert C. Machiavelli's Florentine Histories: The Rise of a New Deceptive Form of Modern Tyranny. URL: https://www.academia.edu/27792844/Machiavelli_s_Florentine_Histories_The_Rise_of_a_New_Deceptive_Form_of_Modern_Tyranny (дата обращения: 18. 02. 2024).
234. Zuckert C. *Machiavelli's Politics*. Chicago and London: University of Chicago Press, 2017. –500 p.

Приложения

Приложение №1. Понятие *nimicizia* у историков начала XVI в.

Понятие	«История Флоренции» Н. Макиавелли	История Джан Джакомо Карольдо	«Жизнь дожей» Марино Санудо	Комментарий
<p><i>Nimicizia</i>- враждебность, неприязнь (Большой итальянско-русский словарь / ред. Г. Ф. Зорько и др. М., 2002. С. 581, 461).</p>	<p><...> ho trovato come nella descrizione delle guerre fatte dai Fiorentini con i principi e popoli forestieri sono stati diligentissimi; ma delle civili discordie e delle intrinseche inimicizie, e degli effetti che da quelle sono nati, averne una parte al tutto taciuta, e quell'altra in modo brevemente discripta <...> (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine / ed. G. Niccolini. Firenze, 1851. P. 11).</p> <p><...> я обнаружил, что в описании войн, которые флорентийцы вели с иностранными князьями и народами, они были наиболее прилежны; но о гражданских распрях и внутренней вражде, и о последствиях, которые из них проистекали, полностью опустили одну</p>	<p><...> lungamente hebbero patito l'assedio, non potendo resister alle forze de gl'inimici, fortificare le mura della Città <...> (Caroldo G. G. Istorii venetiene. Vol. 1 // Ediție îngrijită de Șerban V. Marin. București, 2008. P. 41).</p> <p><...> они долго переносили осаду, не в силах противостоять силам врагов, они укрепили городские стены <...>.</p> <p>A questi tempi, <...> Rè di Longobardi, huomo valoroso et giusto, ma Ariano (erano all'hora quasi in ciascuna Città due Vescovi, un Catholico, l'altro Ariano), espugnò et distrusse Uderzo, terra a lui nimica, per esser adherente a Romani. (Caroldo</p>	<p><...> fo da uno Galla, homo scelerado et inimico di la caxa soa, fu preso, et cavatoli li ochii fo mandado fuera dil paexe (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. Nuova edizione. T. XXII. Part. IV / ed. G. Monticolo. Città di Castello, 1911. P. 105).</p> <p><...> [дож] был захвачен Галло, мужем негодным и врагом своего дома, и он выколол ему глаза и выгнал из страны <...>.</p> <p><...> nel zorno di san Piero e san Paulo il doxe li and contra con exercito naval et messe in fuga inimici e ritornò con victoria (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 124).</p> <p><...> в день святых Петра и Павла дож пошел против</p>	<p>Понятие «вражда» в творчестве Макиавелли было связано не только с описанием противопоставления внешних и внутренних врагов государств. Также оно подчеркивало важность социальной борьбы различных групп, о чем Макиавелли непосредственно заявляет. Флорентийский историк демонстрирует различные виды вражды, которая могла выражаться не только в жестокой борьбе, но и в конкуренции, которая способствовала развитию общества. Стоит отметить, что Макиавелли одним из первых понял важность данного процесса для формирования политической системы. Еще он начинает осознавать разрушительную опасность, внутренних раздоров, которые могли привести социум к</p>

	<p><i>часть и кратко описали другую <...>.</i></p> <p><i><...> avendo abbandonata Roma, sedia antica dell'imperio, e riduttisi ad abitare in Costantinopoli, avevano fatta la parte dell'imperio occidentale più debole, per essere meno osservata da loro, e più esposta alle rapine dei ministri, e dei nimici di quelli (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 16).</i></p> <p><i>Оставив Рим, древнюю столицу империи, и поселившись в Константинополе, они сделали западную часть империи слабее, так как они мало следили за ней, и она больше подвергалась грабежам их чиновников и врагов.</i></p> <p><i>E per fare loro nimici i Visigoti, <...> consigliò non dessero più loro la consueta provvisione <...> (Machiavelli</i></p>	<p><i>G. G. Istorie veneziene. Vol. 1. P. 45)</i></p> <p><i>В эти времена <...> король лангобардов, человек храбрый и справедливый, но арианин (в то время в каждом городе было почти по два епископа, один католический, другой арианский), завоевал и разрушил Одерцо, землю, которая была враждебна ему, так как была привержена римлянам.</i></p> <p><i>Fortunato adunque Patriarcha, ritornato di Francia con Christoforo Vescovo Olivolense, non havendo ardire d'entrar in Malamocho, andò a San Ciprian Chiesa in Murano della Diocese Torcellana, per la quale passando Ioanni Diacono inimico et persecutor di quella Chiesa, fu fatto prigione <...> (Caroldo G. G. Istorie veneziene. Vol. 1. P. 52).</i></p> <p><i>Патриарх Фортунато, вернувшись из Франции с Христофором, епископом Оливоло, не решившись</i></p>	<p><i>них с морским войском, обратил врага в бегство и вернулись с победой.</i></p> <p><i>Et ritornato il doxe a Veniexia con grande alegrezza, fu benigne ricevuto dal popolo tamen havendo dogado anni 17, hessendo pur odiato, li fo raso la barba, capo uno Domenego Flabanigo suo inimicissimo et con habito monachal fu mandato ad habitar ai contini di Grecia dove fini la sua vita (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 147).</i></p> <p><i>И дож вернулся в Венецию с великой радостью. Он был благосклонно принят населением. Однако он правил 17 лет, хотя был ненавидим. Ему отрезал бороду и [отнял] шляпу некто Доменико Флабьянико, ему враждебнейший <...>.</i></p> <p><i>Dominicho Flabanigo doxe da po cazato Domenico Ursiol fo electo, et questo è quello inimicissimo di la саха</i></p>	<p><i>«всеобщей ненависти». Кроме того, понятие вражда используется и для описания отношений с церковью, что индивиды «почитали свою страну больше, чем свою душу». То есть можно понять, что политика и общественные интересы не связаны с духовными, и даже противопоставляются им с помощью понятия «вражда».</i></p> <p><i>Карольдо и Санудо рассматривают в первую очередь вражду, как противостояние одного народа или державы с другой. Также данное понятие подчеркивает борьбу христиан с неверными. Венецианские историки отмечают и внутривластную вражду, однако они описывают лишь отдельные случаи, не делая обобщений о природе данного фактора и его влияния на исторические изменения.</i></p>
--	--	--	--	---

	<p>N. Le istorie Fiorentine. P. 17).</p> <p><i>И чтобы сделать их врагами, <...> он посоветовал не давать им более обычную провизию.</i></p> <p>Fermossi Federigo a Pisa desideroso d'insignorirsi di Toscana, e nel ricognoscere gli amici e nimici di quella provincia seminò tanta discordia, che fu cagione della rovina di tutta Italia, perchè le parti guelfe e ghibelline moltiplicarono <...>. (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 42)</p> <p><i>Федерико остановился в Пизе, желая завладеть Тосканой, и, узнав друзей и врагов этой провинции, посеял столько раздоров, что это послужило причиной развала всей Италии, потому что партии гвельфов и гибеллинов размножились <...>.</i></p>	<p><i>войти в Маламокко, отправился в церковь Сан-Киприано в Мурано, в диоцезе Торчелло, через который проезжая, Фортунат арестовал Иоанна Диакона, врага и гонителя этой церкви <...>.</i></p> <p>Ditta armata, non potendo ritrovar gl'inimici, ritorno à dietro (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 56).</p> <p><i>Упомянутый флот, не найдя врагов, возвращался назад.</i></p> <p><...> il Duce, non facendo di loro alcuna stima, gli licentiò, consultando con i principali capi dell'una et l'altra Nazione, Veneta et Dalmatina, come si potesse soggiogare i luoghi de gl'inimici (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 81)</p> <p><...> дож, не питая к ним никакого уважения, отпустил их, посоветовавшись с главными вождями обоих</p>	<p>Orsiola et era sta bandito (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 149).</p> <p><i>Дожд Доменико Флабьянико, был изгнан, после избран Доменико Орсеоло, и тот, кто был наиболее враждебным к роду Орсеоло, был изгнан.</i></p> <p><...> e tolto quel re inimico di Venitiani <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 155).</p> <p><i><...> и сметил этого короля, который был врагом венецианцев <...>.</i></p> <p><...> qual abandonò il combater con li inimici, e fo preso il suo galion perché erra incarserado (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1 / ed. A. C. Arico. Venezia, 1999. P. 95).</p> <p><i><...> он отказался от борьбы с врагами, и его корабль был взят, поэтому он был арестован.</i></p>	
--	--	--	--	--

	<p>E perchè queste famiglie erano forti di case e di torri e di uomini, combatterono molti anni insieme senza cacciare l'una l'altra; e le inimicizie loro, ancora che le non si finissero per pace, si componevano per triegue; e per questa via, secondo i nuovi accidenti, ora si quietavano ed ora si accendevano (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 69)</p> <p><i>И поскольку эти семьи были сильны домами, башнями и людьми, они много лет воевали вместе, не изгоняя друг друга; и их вражда, если и не прекращалась миром, то улаживалась договорами; и таким образом, в соответствии с новыми событиями, они то затихали, то разгорались</i></p> <p>La quale ingiuria, con poca prudenza fatta, fu dall'universale con grande odio ricevuta, e di amico ai Ghibellini diventò loro inimicissimo; donde al tutto</p>	<p><i>народов, венецианцев и далматинцев, как можно покорить территории врагов.</i></p> <p>Combatterono una torre della Città verso Levante et, benchè fusse difesa da Francesi, pur, non potendo sostenere l'impeto d'inimici, fù espugnata con morte di CC Christiani. (Caroldo G. G. Istorie veneziene. Vol. 1. P. 114).</p> <p><i>Они сражались за городскую башню к востоку, и, хотя ее защищали французы, не имея возможности противостоять напору своих врагов, и она была завоевана с гибелью 200 христиан.</i></p> <p><...> il principal studio fù di ruinar gl'inimici della Republica et successivamente d'haver pace con ciascuno (Caroldo G. G. Istorie veneziene. Vol. 1. P. 128).</p>		
--	---	--	--	--

	<p>nacque con il tempo la rovina loro (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 73).</p> <p><i>Это оскорбление, нанесенное необдуманно, было повсеместно встречено всеми с большой ненавистью, и из друга гибеллинов он превратился в их врага; откуда со временем родилась их гибель.</i></p> <p><...> le inimicizie, che furono nel principio in Roma intra il popolo e i nobili, disputando, quelle di Firenze combattendo si diffinivano. Quelle di Roma con una legge, quelle di Firenze con l'esilio e con la morte di molti cittadini si terminavano. Quelle di Roma sempre la virtù militare accrebbero, quelle di Firenze al tutto la spensero. (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 126).</p> <p><...> вражда [конфликты], которая вначале была в Риме между народом и знатью, ограничивалась в</p>	<p><...> <i>главным стремлением было уничтожить врагов республики, а затем заключить мир с каждым из них.</i></p> <p>Questo fù empio tyranno, d'aspetto terribile, superbo, perfido, inimicissimo della Chiesa et religion nostra; essercitava efferata crudelta contra le famiglie nobili et altri di parte Guelfa (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 2. P. 29).</p> <p><i>Этот нечестивый тиран, ужасный на вид, высокомерный, вероломный, самый враждебный Церкви и нашей религии; он проявлял свирепую жестокость по отношению к знатным семьям и другим членам партии гвельфов <...>.</i></p> <p>L'inimicitia fra l'una et l'altra natione era tanto accresciuta che non si poteva trovar modo d'acquietar gl'animj loro</p>		
--	--	---	--	--

	<p><i>дискуссиях, у флорентийцев заканчивалась драками. Римские вражда прекращалась с законом, флорентийская - изгнанием и смертью многих граждан. Римляне всегда возвеличивали военную добродетель, флорентийцы же истребляли ее полностью.</i></p> <p><i>Di qui nasce quella avarizia che si vede nei cittadini, e quello appetito non di vera gloria, ma di vituperosi onori, dal quale dipendono gli odj, le inimicizie, i dispiaceri, le sette, dalle quali nascono morti, esilj, afflizioni dei buoni, esaltazioni de'tristi (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 132).</i></p> <p><i>Отсюда та жадность, которая видна в гражданах, и то стремление не к истинной славе, а к презренным почестям, из которых происходят ненависть, вражда, печали, секты, из которых</i></p>	<p><i><...> (Caroldo G. G. Istorie veneziene. Vol. 2. P. 39).</i></p> <p><i>Вражда между одним и другим народом стала настолько сильной, что невозможно было найти способ успокоить их души <...>.</i></p> <p><i><...> dimostrando con evidenti ragioni le calamità et ruine della Christianità, in caso che prevalessero Greci, nimici del nome Latino et della Santa Romana Chiesa (Caroldo G. G. Istorie veneziene. Vol. 2. P. 42).</i></p> <p><i><...> с ясными доводами доказывая бедствие и гибель христианства, в случае если греки, враги латинского имени и Святой Римской Церкви, одержат верх.</i></p>		
--	--	---	--	--

	<p><i>проистекают смерти, изгнания, печали добрых, возвышение коварных.</i></p> <p>E quello che è più pernizioso, è vedere, come <...> l'intenzione e fine loro con un pietoso vocabolo adonestano, perchè sempre, ancorchè tutti sieno alla libertà nimici, quella o sotto colore di stato di ottimati o di popolari difendendo, opprimono. (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 132).</p> <p><i>И что является самым пагубным, так это видеть, как их намерения и цели оправдываются милосердным словом, потому что они всегда угнетают свободу. Все они являются врагами свободы, хотя защищают ее под прикрытием оптиматского или пополанского правления.</i></p> <p><...> tanto quelli cittadini stimavano allora più la patria che l'anima; e dimostrarono alla Chiesa, che come prima suoi amici l'avevano difesa,</p>			
--	--	--	--	--

	<p>così suoi nimici la potevano affliggere (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 137).</p> <p><i><...> так сильно эти граждане тогда почитали свою страну больше, чем свою душу; и они показали Церкви, что как прежде друзья защищали Церковь, так и враги Церкви могли ее опустошить.</i></p> <p><i><...> (perchè i mali con difficoltà si cominciano, e con facilità si accrescono), molte altre case furono, o per odio universale o per private inimicizie, saccheggiate ed arse. (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 141).</i></p> <p><i><...> (ведь зло начинается с трудом и легко разрастается), многие другие дома были, либо из-за всеобщей ненависти, либо из-за личной вражды, разграблены и сожжены.</i></p>			
--	--	--	--	--

Приложение №2. Понятие stato у историков начала XVI в.

Понятие	«История Флоренции» Н. Макиавелли	История Джан Джакомо Карольдо	«Жизнь дожей» Марино Санудо	Комментарий
<p>Stato – государство, положение, статус, состояние, сословие (Большой итальянско-русский словарь / ред. Г. Ф. Зорько и др. М., 2002. С. 874).</p> <p>Кв. Скиннер указывает, что Макиавелли придавал ряд новых смыслов, употребляя данное понятие. Во-первых, он употребляет его для обозначения формы правления. Во-вторых, Макиавелли понимает под ним и господствующий политический режим. В-третьих, с помощью него историк рассуждает и о территориальных функциях государства. В-четвертых, Макиавелли рассматривает понятие stato в качестве самостоятельного актора политики, но еще не доходит до абстрактного смысла, выделяющего отдельно аппарат правления и подвластное население. Скиннер указывает, что у Макиавелли не встречается</p>	<p>A Roberto successe Ruggieri e Guglielmo suoi figliuoli, allo stato de'quali si aggiunse Napoli, e tutte le terre che sono da Napoli a Roma, e di più la Sicilia, della quale si fece signore Ruggieri (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine / ed. G. Niccolini. Firenze, 1851. P. 37).</p> <p><i>После Роберто наследовали Роджер и Вильгельм, его сыновья, к государству которых был присоединен Неаполь и все земли от Неаполя до Рима, а также Сицилия, владыкой которой стал Роджер.</i></p> <p>Morì in questi tempi la contessa Matelda, e lasciò erede di tutto il suo stato la Chiesa (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 38).</p> <p><i>В это время умерла графиня Матильда, и оставила церкви в наследство все свое владение.</i></p>	<p>In fatto, l'ignoranza delle cose passate è causa ch'un Senator non puo consigliar la Republica con quel buon fondamento che dovrebbe; et però ne seguono perversi giudicij, quali seco portano la rovina dello Stato (Caroldo G. G. Istorie venetiene. Vol. 1 // Ediție îngrijită de Șerban V. Marin. București, 2008. P. 40).</p> <p><i>На самом деле, незнание прошлого является причиной того, что сенатор не может давать обоснованных советов, которые должен бы был; и из-за чего это приводит к ошибочным суждениям, которые влекут за собой гибель государства.</i></p> <p><...> con il zelo della Santa Fede nostra, possiamo, per gratia del Signore, perseverar intrepidamente per lo stato della Republica et Imperial servitio (Caroldo G. G. Istorie venetiene. Vol. 1. P. 48).</p>	<p><...> avemo liga con l'Imperador e con Fiorentini et Zenovesi, sì che questo ne saria molto contrario al nostro Stato perché non podemo far pase o triegua senza saputta d'i altri (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 141).</p> <p><i><...> мы заключили союз с императором, флорентийцами и генуэзцами, так что это противоречило бы договоренностям с нашими союзниками, потому что мы не можем заключать мир или перемирие без ведома других.</i></p> <p><...> si provedesse in le terre del Conte Francesco in la Marcha acc<i>ò che quel Stato si podesse conservar (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 143).</p> <p><i><...> в землях графа Франческо в Марке было подготовлено [все необходимое], чтобы</i></p>	<p>Наблюдения Кв. Скиннера подтверждаются, можно увидеть, что понятие «stato» в первой трети XVI в. обозначало широкий спектр смыслов, в частности, как состояние общественных учреждений, так и идеи независимого политического образования. Хотя нельзя отметить строго и последовательность употребления. К примеру, под государством может пониматься у авторов и самостоятельный город-государство, и целый регион, в котором находится множество подобных образований. Если анализировать другие значения этого термина в контексте современных представлений о функциях государства, то прослеживаются начальные идеи о способах изменения властных отношений и акторов, участвующих в государственном управлении. Также можно констатировать, что у</p>

<p>безличное употребление данного понятия, и оно может трактоваться неоднозначно, не отражая в полной мере его современную коннотацию. Хотя английский исследователь предполагает, что, вероятно, именно Макиавелли использовал <i>stato</i> для описания монополии законной силы (<i>Скиннер Кв. The State // Понятие государства в четырех языках / под ред. О. Хархордина. СПб., 2002. С. 25 – 37</i>).</p>	<p>Ma Corradino, a cui per <i>testamento del padre s'apparteneva quello stato</i> <...> (Machiavelli N. <i>Le istorie Fiorentine</i>. P. 44).</p> <p><i>Но Коррадино, которому по завещанию отца это государство принадлежало</i> <...>.</p> <p>Onde congiurati quelli contro di loro, in un giorno fu tolto loro quello stato, che si aveano in molti anni con infinito spendio guadagnato (Machiavelli N. <i>Le istorie Fiorentine</i>. P. 52–53).</p> <p><i>И вот, сговорившись против них, в один день у них было отнято это государство, которое они создавали в течение многих лет с бесконечными расходами.</i></p> <p><...> i Romani per questo beneficio furono contenti che mandasse a Roma quattro cardinali a riformare lo stato della città, e fare secondo la sua volontà i senatori (Machiavelli N. <i>Le istorie Fiorentine</i>. P. 55).</p>	<p><...> <i>с ревностью нашей святой веры мы можем, по милости Господней, неустрашимо упорствовать за состояние Республики и императорской службы.</i></p> <p><...> <i>il qual comi[n]ciò [sic!] haver il regimento della Città et stato Veneto solo</i> <...> (Caroldo G. G. <i>Istorii veneziene</i>. Vol. 1. P. 64)</p> <p><...> <i>который начал править городом и государством Венецианским единолично</i> <...>.</p> <p><...> <i>da ogni canto vesati, desiderando conservare la loro libertà, si ritrovavano in grand'angustie et miserrimo stato</i> (Caroldo G. G. <i>Istorii veneziene</i>. Vol. 1. P. 77).</p> <p><...> <i>угнетенные со всех сторон, желая сохранить свою свободу, они оказались в великой нужде и жалком состоянии.</i></p> <p><...> <i>non solamente ridusse lo stato della patria sua in pace et tranquillità, mà diede augumento con beneficio tale alla Republica</i> <...> (Caroldo</p>	<p><i>можно было сохранить это государство.</i></p> <p><...> <i>di qual si voglia grado, statto, over condicion, per le quali pretendessero a sí rason nelle terre et lochi prescritti</i> <...> (Sanudo M. <i>Le vite dei dogi</i>. T. 1. P. 156).</p> <p><...> <i>какое положение, статус или условие является желаемым, в отношении которого они претендуют на такое право в предписанных землях и местах</i> <...>.</p> <p><...> <i>fece una oracion al Doxe digando della loro fideltà e quello havevano patid<o> per <ma>ntenirsi alla devocion di questo Statto</i> (Sanudo M. <i>Le vite dei dogi</i>. T. 1. P. 312).</p> <p><...> <i>он обратился с речью к дожу, рассказывая об их верности и о том, что они претерпели, чтобы сохранить преданность этому государству.</i></p> <p><...> <i>la partita del signor Borsso erra indebelitto il Statto d'i Fiorentini</i> (Sanudo</p>	<p>Макиавелли и в некоторой степени у Карольдо прослеживается отход от идеи покровительства высших сил государству. Политические структуры, опираясь на собственный авторитет, были готовы вступать в противостояние и с церковью ради собственных целей. Интересно отметить обобщенные формулировки Карольдо и Санудо о государственных нуждах и интересах. Однако, делая подобные обобщения, венецианские авторы не редко рассуждают о покровительстве высших сил Венеции. Макиавелли полностью отказывался от такого взгляда, представляя сферу государственных отношений в качестве особой социальной сферы, которая в первую очередь находилась в области непосредственных интересов узкой группы социума.</p>
--	--	---	--	---

	<p><i><...> римляне были рады этому улучшению, что он послал в Рим четырех кардиналов, чтобы они реформировали состояние города, и выбрали сенаторов в соответствии с его волей.</i></p> <p><i><...> per mezzo del quale riprese lo stato di Verona; dove stette poco tempo, perchè per ordine di Francesco fu avvelenato, e toltogli la città (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 57).</i></p> <p><i><...> с помощью которого он взял в управление Веронское государство; там он пробыл совсем недолго, так как по приказу Франческо был отравлен, а город отнят у него.</i></p> <p><i>Per il qual matrimonio diventato Filippo potente, racquistò Milano e tutto lo stato di Lombardia (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 58).</i></p> <p><i>Благодаря этому браку Филиппо стал могущественным, снова приобрел Милан и все</i></p>	<p>G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 78).</p> <p><i><...> он не только восстановил состояние мира и спокойствия на своей родине, но и принес такой прирост блага республике <...>.</i></p> <p>Venetiani (come chiaramente si vede) ebbero buona occasione di far novo acquisto et accrescere lo Stato <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 92).</p> <p><i>Венецианцы (как очевидно) имели хорошую возможность сделать новые приобретения и увеличить государство.</i></p> <p><i><...> per difesa dello Stato Veneto contro Calogianni Imperatore di Greci <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 133).</i></p> <p><i><...> для защиты Венецианского государства против императора греков Калояна <...>.</i></p> <p>Fù all' hora convocata la concione, per consigliar le</p>	<p>M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 322).</p> <p><i><...> отъезд синьора Борссо ослабил флорентийское государство.</i></p> <p>Che Dio facci quello sia per il meglio per il Statto nostro (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 393).</p> <p><i>Пусть Бог сделает то, что будет лучше для нашего государства.</i></p> <p>Dio nostro si degni conservar il Statto nostro in perpetua tranquillità et pace (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 659).</p> <p><i>Наш Бог соизволил сохранить наше государство в вечном спокойствии и мире.</i></p>	
--	---	--	---	--

	<p><i>государство [область] Ломбардию.</i></p> <p>Erano adunque le armi d'Italia in mano o dei minori principi o di uomini senza stato <...>(Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 62).</p> <p><i>Таким образом, оружие Италии находилось в руках либо мелких князей, либо безродных людей <...>.</i></p> <p><...> quale era lo stato di quella città in questi tempi, e per quali mezzi tra tanti travagli, che per mille anni erano in Italia accaduti, vi era pervenuta (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 62).</p> <p><i><...> каково было состояние этого города в те времена, и каким путем среди столь многих страданий, происходивших в Италии за тысячу лет, достиг он его.</i></p> <p>I Ghibellini pertanto veggendosi mancare della loro autorità non potevano quietarsi, e solo aspettavano l'occasione di ripigliare lo stato; la quale parve loro fusse venuta, quando videro che</p>	<p>cose concernenti allo Stato, dando ciascuno delli occorsi danni precipua imputatione al Duce <...> (Caroldo G. G. Istorii veneziene. Vol. 1. P. 147).</p> <p><i>Тогда был созван совет для обсуждения вопросов, касающихся государства, и возложена ответственность за все понесенные убытки в первую очередь на дожа <...>.</i></p> <p>Onde, fù deliberato d'universal parere poner il detto giovane in stato (Caroldo G. G. Istorii veneziene. Vol. 1. P. 169).</p> <p><i>Поэтому, по всеобщему мнению, было решено посадить упомянутого юношу на царство.</i></p> <p>Onde, se noi siamo intelligenti del governo di Stato, non differiremo punto, per beneficio nostro, a soccorrere il Pontefice et la Sede Apostolica et favorir et abbracciar la giusta causa, per liberar Ferrara dal tiranno</p>		
--	---	---	--	--

	<p>Manfredi figliuolo di Federigo si era del regno di Napoli in-signorito ed aveva assai sbattuta la potenza della Chiesa [1257] (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 72).</p> <p><i>Поэтому гibelлины, видя нехватку своего влияния, не могли успокоиться и хотели вернуть себе государство только ждали случая, который, казалось, пришел к ним, когда они увидели, что Манфреду, сын Федерико, взял под свой контроль Неаполитанское королевство и сильно подорвал власть Церкви [1257].</i></p> <p>Partiti i Ghibellini, riordinarono i Fiorentini lo stato della città, ed elessero dodici capi, i quali sedessero in magistrato due mesi <...> (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 76).</p> <p><i>После ухода гibelлинов флорентийцы реорганизовали статус [властную структуру] города и избрали двенадцать глав, которые занимали должности</i></p>	<p>(Caroldo G. G. Istorie venetiene. Vol. 1. P. 227)</p> <p><i>Поэтому, если мы разумно относимся к управлению государством, мы нисколько не будем отличать наше собственное благо, от помощи Понтифику и Апостольскому Престолу, и также благоволить и поддерживать справедливое дело по освобождению Феррары от тирана.</i></p> <p><...> lega et unione fra ambi li Stati per anni X (Caroldo G. G. Istorie venetiene. Vol. 2. P. 34).</p> <p><...> лига и союз между обоими государствами на X лет.</p> <p><...> altrimenti essi nuncij Pontificij sarebbero sforzati a proceder contra il Duce et Dominio Veneto come contra perturbatori del pacifico stato della Chiesa Romana (Caroldo G. G. Istorie venetiene. Vol. 2. P. 99).</p> <p><...> в противном случае папские нунции были бы</p>		
--	---	---	--	--

	<p><i>магистратов в течение двух месяцев.</i></p> <p><...> i Neri che tenevano lo stato non vi consentirono: in modo che il legato non si parti con più sua soddisfazione nè meno irato che l'altra volta, e lasciò la città, come disubbidiente, interdetta (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 87).</p> <p><...> <i>черные [гвельфы], владевшие государством, не согласились с этим: так что легат уехал сильно неудовлетворённым и не менее разгневанным, чем в прошлый раз, и покинул город, непокорный, находящийся под интердиктом.</i></p> <p>Costui, sendo uomo per grado, dottrina e costumi in gran riputazione, acquistò subito tanta fede, che si fece dare autorità di potere uno stato a suo modo fermare (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 87).</p> <p><i>Он, будучи человеком, обладающим значительным уважением из-за</i></p>	<p><i>вынуждены действовать против дожа и венецианского владычества как против нарушителей мирного состояния римской церкви.</i></p> <p><...> la qual Città è soggetta alla Chiesa et noi lo potemo attestar più arditamente de gl'altri, havendo poste le forze di questo Stato per l'acquisto di quella Città, che hora facciamo altrimente et vogliamola per forza d'arme, essendo la Chiesa con gl'adherenti suoi più potente di noi (Caroldo G. G. Istorie venetiene. Vol. 2. P. 103).</p> <p><...> <i>этот город подчиняется Церкви, и мы можем подтвердить это смелее, чем другие, направив силы этого государства на приобретение этого города, что мы сейчас делаем иначе и хотим добиться с помощью силы оружия, хотя церковь вместе со своими союзниками более сильна, чем мы.</i></p> <p><...> Fresco legitimo Signore di quella Città hà voluto ceder le ragion sue alla Signoria</p>		
--	--	--	--	--

	<p><i>положения, учености и нравственности, что сразу приобрел такое доверие, которые ему вверили полномочия управлять государством, позволив действовать по своему усмотрению.</i></p>	<p><i>nostra, et la guerra, che facciamo è giustissima et conveniamo continuarla, per dignità dello Stato nostro (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 2. P. 107).</i></p> <p><i><...> Фреско, законный владыка этого города, пожелал уступить свои полномочия нашей Синьории, и война, которую мы ведем, является справедливейшей, и мы согласны продолжать ее, ради достоинства нашего государства.</i></p> <p><i><...> essendo poi conosciuto che la produceva effetto contrario al bisogno dello Stato et cose publiche <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 2. P. 170).</i></p> <p><i><...> позже стало известно, что это произвело обратный эффект на потребности государства и общественные дела <...>.</i></p>		
--	---	---	--	--

Приложение №3. Понятие virtù у историков начала XVI в.

Понятие	«История Флоренции» Н. Макиавелли	История Джан Джакомо Карольдо	«Жизнь дождей» Марино Санудо	Комментарий
<p>Virtù- добродетель или доблесть (Большой итальянско-русский словарь / ред. Г. Ф. Зорько и др. М., 2002. С. 972).</p> <p>К. Скиннер отмечает, что Макиавелли отходил от традиционной трактовки добродетели, связанной с античными или христианскими постулатами, подчеркивая интерес к политической эффективности (Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса / К. Скиннер. М., 2018. С. 223–227).</p>	<p><...> io non so quale repubblica o moderna o antica le fosse stata superiore; di tanta virtù d'arme e d'industria sarebbe stata ripiena (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine / ed. G. Niccolini. Firenze, 1851. P. 13).</p> <p><i>Я не знаю, какая республика, современная или древняя, могла бы превзойти ее; при такой доблести оружия и умения, каким она была бы наполнена.</i></p> <p>E veramente a rovinare tanto imperio, fondato sopra il sangue di tanti uomini virtuosi <...> (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 16–17).</p> <p><i>И действительно, разрушить такую великую империю, основанную на крови столько добродетельных людей <...>.</i></p> <p>Ma venuto a morte Teodosio, e rimasi Arcadio ed Onorio suoi figliuoli eredi dell'imperio, ma non della virtù e fortuna sua, si mutarono con il principe i tempi (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 17).</p>	<p><...> vi è un'altro principal' et ultimo fine, cio è la speranza che ci dà il Creator et benefattor nostro, di pervenire per la via della virtù alla felice et eterna Patria (Caroldo G. G. Istorie venețiene. Vol. 1 // Ediție îngrijită de Șerban V. Marin. București, 2008. P. 37).</p> <p><i><...> есть еще другая главная и конечная цель, являющаяся надеждой, которую дает нам Творец и наш благодетель, прийти путем добродетели к счастливой и вечной Родине.</i></p> <p><...> che si trovano molti virtuosi gentil'huomini senza dottrina (Caroldo G. G. Istorie venețiene. Vol. 1. P. 40).</p> <p><i><...> что можно найти много добродетельных мужей без учения.</i></p> <p>Le qual virtuose operationi del detto Duce Veneto, ad honore della Cattolica fede, sono state celebrate con il testimonio di Paulo historico Longobardo</p>	<p><...> fo electo per la zoa munificentia imperial consule; era nobile et perspicuo in virtù <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. Nuova edizione. T. XXII. Part. IV / ed. G. Monticolo. Città di Castello, 1911. P. 103).</p> <p><i><...> он был избран за свои благодеяния имперским консулом; он был благороден и чист в добродетели <...>.</i></p> <p><...> el qual per li meriti paterni et di suo avo e per le sue virtù fo fato doxe<...> (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 127).</p> <p><i><...> который за заслуги своего отца и деда и свои добродетели был избран дожем <...>.</i></p>	<p>Приведенные примеры употребления понятия «добродетель» демонстрируют, что Макиавелли отчетливее других историков придавал ему особый смысл. В его интерпретации данное понятие теряло связь с религиозным содержанием, так как добродетельным мог быть и правитель сарацин. Именно политический успехи и достижения становились фактором признания добродетельности правителя в общественных делах. То есть не внутренние моральные качества становились определяющим аспектом добродетельности, а конкретные результаты. В этом разделении, вероятно, можно увидеть отделение нравственности и морали</p>

	<p><i>Но когда Феодосий умер, и остались Аркадий и Гонорий, его сыновья, наследниками империи, но не его добродетели и судьбы, с государями меняются и времена.</i></p> <p><...> e i popoli Pisani, Viniziani e Genovesi v'acquistarono riputazione grandissima, e con varia fortuna insino ai tempi del Saladino saraceno combatterono; la virtù del quale e la discordia dei Cristiani tolse alla fine loro tutta quella gloria che si avevano nel principio acquistata, e furono dopo novanta anni cacciati di quel luogo (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 37).</p> <p><...> и народы Пизы, Венеции и Генуи приобрели там большую славу и сражались с разной степенью удачи до времен Саладина сарацина, чья добродетель и раздор христиан окончательно отняли у них всю славу, приобретенную вначале, и они были изгнаны оттуда через девяносто лет.</p> <p><...> sebbene offese alquanto loro, offese più la Chiesa; perchè quell'arme la quale per carità della Fede aveva virtuosamente adoperato, come si volse per propria ambizione ai Cristiani <...> (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 46)</p>	<p>(Caroldo G. G. Istorie venețiene. Vol. 1. P. 48)</p> <p><i>Добродетельные деяния, упомянутого венецианского дожа, во славу католической веры были отмечены свидетельством Павла, лонгобардского историка.</i></p> <p>Fù di singular ingegno et religione, amator di giustitia, elemosinario et pieno di virtuosi costume (Caroldo G. G. Istorie venețiene. Vol. 1. P. 68).</p> <p><i>Он был исключительного ума и религиозности, был приверженцем справедливости, подателем милостыни и исполнен добродетельных обычаев.</i></p> <p>Questo Duce udiva et spediva le cause con giustitia et equità, essendo studiosissimo d'osservar le leggi et dimostrar in ogni attion sua virtuosi modi (Caroldo G. G. Istorie venețiene. Vol. 1. P. 73).</p> <p><i>Этот дож рассматривал дела и разбирал их справедливо и беспристрастно, самым тщательным образом соблюдая законы и демонстрируя добродетельные</i></p>	<p><...>era molto catholico, virtuoso, iusto et richo et pien di ogni bonta<...> (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 145).</p> <p><...> он был очень набожен, добродетелен, справедлив, богат и полон всяческих благ <...>.</p> <p><...> Pangrati Zorzi, statto loro Conte, se haveva portado virtuosamente<...> (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1 / ed. A. C. Arico. Venezia, 1999. P. 75).</p> <p><...> Пангратио Джорджи, который был их графом, проявил себя добродетельно <...>.</p> <p><...> il qual diceva a chi con lui se alegrava: «Virtus mea inocencia mea» (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 2 / ed. A. C.</p>	<p>от реалий практической политики.</p> <p>Если говорить о восприятии данного понятия Карольдо и Санудо, то можно увидеть, что их взгляды являлись более консервативными.</p> <p>Карольдо показывает, в качестве одной из черт добродетели успехи в конкретных делах. Однако он не противопоставляет смысл термина с религиозными идеалами и важными для государства императивами. Карольдо рассматривает данное понятие скорее в смысле предшествующих традиций. Санудо еще в большей степени следует именно за сложившимися ранее коннотациями.</p>
--	---	---	--	---

	<p><i>Хотя он немного оскорбил их, но еще больше обидел Церковь; ведь эти оружия, которые он добродетельно использовал во имя Веры, когда обратил их из-за своего честолюбия против христиан.</i></p> <p><...> egli non meritava, o altri credeva che ei non meritasse; e per questo se ne voleva ire a casa, acciocché quel popolo potesse porre in suo luogo un altro, che avesse o maggiore virtù o miglior fortuna di lui (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 139)</p> <p><...> он не заслуживал, или другие считали, что он не заслуживает; и поэтому он хотел вернуться домой, чтобы этот народ мог бы поставить на его место кого-то другого, который обладал бы либо большей добродетелью, либо большей удачливостью, чем он.</p>	<p><i>манеры во всех своих действиях.</i></p> <p><...>Cruciata, che fù cosa Divina et mirabile et la più difficile et virtuosa impresa, che mai nel mondo sia stata fatta da alcun Capitano o Popolo <...> (Caroldo G. G. Istorie veneziene. Vol. 1. P. 101).</p> <p><...> <i>Крестовый поход, который был Богоугодным и достойным делом, самым трудным и добродетельным предприятием, которое когда-либо предпринимал какой-либо командир или народ в мире.</i></p> <p><...> tenendo memoria delle virtuose operationi di messer Steffano Badoaro <...> (Caroldo G. G. Istorie veneziene. Vol. 2. P. 24).</p> <p><...> <i>помня о доблестных операциях мессера Стефано Бадозро <...>.</i></p> <p><...> il quale nel combatter dimostrò l'animo et virtù sua <...> (Caroldo G. G. Istorie veneziene. Vol. 2. P. 158).</p> <p><...> <i>который в бою проявил свой дух и добродетель <...>.</i></p>	<p>Arico. Venezia, 1999. P. 171).</p> <p><i>Он говорил тому, с кем он шутил: «Моя добродетель — моя невинность».</i></p>	
--	---	---	--	--

		<p><...> il quale non pone tanto fondamento sopra la speranza della virtù che nella necessità si dimostra, et difficoltà, quanto sopra le buone et gagliarde provisioni delle cose che gli pare di fare <...> (Caroldo G. G. Istorii venetiene. Vol. 5. P. 88).</p> <p><i><...> он не столько надеется на добродетель, которая проявляется в необходимости и трудностях, сколько на хорошие и смелые прогнозы того, что ему кажется необходимо делать <...>.</i></p>		
--	--	--	--	--

Приложение №4. Понятие popolo у историков начала XVI в.

Понятие	«История Флоренции» Н. Макиавелли	История Джан Джакомо Карольдо	«Жизнь дожей» Марино Санудо	Комментарий
<p>Popolo – народ, население города, толпа, приход, республика (Большой итальянско-русский словарь / ред. Г. Ф. Зорько и др. М., 2002. С. 665).</p>	<p><...> mi fu commesso che io scrivessi le cose fatte dal Popolo Fiorentino <...> (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine / ed. G. Niccolini. Firenze, 1851. P. 7).</p> <p><...> <i>Мне было поручено, чтобы я описал дела, совершенные флорентийским народом <...>.</i></p> <p><...> delle guerre fatte dai Fiorentini con i principi e popoli forestieri <...> (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 12).</p> <p><...> <i>о войнах, которые вели флорентийцы с иностранными князьями и народами <...>.</i></p> <p>Così fece Atene, e così tutte le altre repubbliche che in quelli tempi fiorivano. Ma di Firenze in prima si divisono intra loro i nobili, dipoi i nobili e il popolo, e in ultimo il popolo e la plebe; e molte volte occorse che una di queste parti rimasa superiore si divise in due. (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 12).</p>	<p><...> molti delli primarij et moltitudine de popoli Veneti <...> (Caroldo G. G. Istorie venețiene. Vol. 1 // Ediție îngrijită de Șerban V. Marin. București, 2008. P. 44).</p> <p><...> <i>многие из первых и многочисленных народов Венето[области] <...>.</i></p> <p>Molti ancora delli cittadini et popolo di Padova <...> (Caroldo G. G. Istorie venețiene. Vol. 1. P. 45).</p> <p><i>Многие другие горожане и народ Падуи <...>.</i></p> <p><...> il quale con il suo popolo venne alli maritimi luoghi et construsse una Città <...> (Caroldo G. G. Istorie venețiene. Vol. 1. P. 45).</p> <p><...> <i>который пришел со своим народом к приморским местам и построил город <...>.</i></p>	<p><...> cussi fo dato il nome a la città Venetia, overo per il nome di la provintia, overo trato da Heneti, populi che veneno di Paphlagonia con Anthenor troiano dapoì la ruina di Troia <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. Nuova edizione. T. XXII. Part. IV / ed. G. Monticolo. Città di Castello, 1911. P. 2).</p> <p><...> <i>так назвали город Венеция, или по названию провинции, или по имени энетов, народа, который пришел из Пафлагонии с троянцем Антенором после разорения Трои <...>.</i></p> <p><...> dogoe mexi <...> e poi piu repentinamente dal populo fu exoscolato (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 86).</p> <p><...> <i>дож правил [несколько] месяцев и позже более внезапно был изгнан народом.</i></p>	<p>Использование Макиавелли понятия «народ» демонстрирует, что историк с помощью этого термина обозначал этносы, жителей поселений и социальные группы. Последний пример употребления представляет особый интерес. Макиавелли обозначал таким образом не только все население Флоренции, но и в первую очередь ее средние слои, пополан. Анализируя логику использования данного термина флорентийским историком, становится понятно как общее развитие социально-политических конфликтов в городе, так и формирование разных градаций внутри сословий, что в пополанских кругах, к примеру, появляется своя элита. То есть через понятие «народ» раскрывается материальная логика причинно-следственных связей борьбы за власть во флорентийском социуме.</p>

	<p><i>Так было и в Афинах, и во всех других республиках, которые в те времена процветали. Но во Флоренции сначала разделились между собой знатные, потом знать и народ, наконец, народ и плебс; и много раз случалось, что одна из этих частей оставалась превосходящей и делилась на две.</i></p> <p><...> i Burgundj, Franchi, Vandali ed Alani, popoli medesimamente settentrionali <...> (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 17).</p> <p><...> бургунды, франки, вандалы и аланы, а также северные народы <...>.</p> <p>Intra queste rovine e questi nuovi popoli sursono nuove lingue <...> (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 22).</p> <p><i>Среди этих руин и новых народов появляются новые языки <...>.</i></p> <p><...> i quali secondo l'antico costume la governavano; aggiugnevasi a questi un prefetto che rendeva ragione al</p>	<p><...> al Popolo Veneto furono concesse molte esentioni et immunità <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 47).</p> <p><...> народу Венеции были предоставлены многие освобождения и иммунитеты <...>.</p> <p>Dopò, fù fatto Sinodo per il Clero et popolo di Venetia <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 49).</p> <p><i>После был проведен синод для духовенства и народа Венеции <...>.</i></p> <p>Questo Duce fece capitulatione et patto con li vicini popoli soggetti all'Imperio <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 60).</p> <p><i>Этот дож заключил соглашение и договор с соседними народами, подвластными империи <...>.</i></p> <p><...> nondimeno, per sodisfare alle preghiere del Popolo, fù contento di ritornare al Palazzo Ducale, nè ricusò esser cerimonialmente posto in sede, acciò, sedate le popolari</p>	<p><...> con uno suo fiol in brazo, dal 20 populo fo morti (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 86).</p> <p><...> со своим сыном на руках, толпой [народом] из 20 был убит.</p> <p>Vidal Michiel, doxe 44; dogoe anni 16; poi, venuto in odio al populo, fu nel conseio per privarlo <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 86).</p> <p><i>Витале Микеле, 44 дож; правивший 16 лет; затем, став ненавистным народу, был лишен по решению совета <...>.</i></p> <p><...> una parte di ditte ixole con laudatiom dil clero et populo volseno esser sotto uno altro episcopo <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 106).</p> <p><...> часть этих островов с одобрения духовенства и народа хотят находиться под другим епископом <...>.</p>	<p>Также данное изучение помогает проследить развитие концепций, становившихся превалирующими в общественной идеологии. Карольдо очень внимательно относится к данному понятию, активно используя его. Он, как и Макиавелли, опираясь на «народ», обозначает все население и отдельное сословие. Карольдо в первую очередь выделяет группу знати и остальной народ. Описывая политическое формирование Венеции, автор показывал сложности и неурядицы, сопровождавшие период активного участия широких народных масс в управлении. Однако Карольдо описывал в положительном свете выделение наиболее достойных представителей народа, популяров, которые вместе со знатью стали управлять городом. Отстранение остальных членов социума объяснялось потребностями общественной безопасности и спокойствия. То есть коннотации использования понятия «народ», который с</p>
--	--	--	---	--

	<p>popolo <...> (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 33).</p> <p><...> <i>которые по древнему обычаю управляли им; к ним добавлялся префект, который отчитывался перед народом <...>.</i></p> <p>Era governata allora Italia parte dai popoli, parte dai principi, parte dai mandati dall'imperadore, dei quali il maggiore, ed a cui gli altri riferivano, si chiamava Cancellario (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 34).</p> <p><i>Италия тогда управлялась частично народами, частично князьями, частично уполномоченными от императора, из которых главный, которому подчинялись остальные, назывался канцлером.</i></p> <p><...> fece per alcun suo fidato nascere un tumulto, sopra il quale tutto il popolo prese l'armi contro il nome tedesco (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 49).</p> <p><...> <i>некоторыми из его доверенных лиц были</i></p>	<p>controversie, s'havesse a provvedere d'idoneo Duce (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 65).</p> <p><...> <i>тем не менее, чтобы удовлетворить народные мольбы, он с радостью вернулся во дворец дождей и не отказался от торжественного восседания на троне, чтобы после разрешения народных разногласий можно было выбрать подходящего дожа.</i></p> <p>Hebbe il detto Duce due figliuoli, Dominico Episcopo Torcellano et Pietro, il quale, sollicitando in ciò il popolo, fù fatto consorte del Ducato <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 69).</p> <p><i>У упомянутого дожа было два сына, Доминико епископ Торчелло и Пьетро, который, упрашивая народ, был выбран в качестве будущего правителя [супруга] венецианского дуката <...>.</i></p> <p><...> convene[n]do sodisfar in parte alla furia popolare, il mandò in bando (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 70).</p>	<p><...> da poi la morte dil padre stete doxe et fo confirmato dal populo (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 113).</p> <p><...> <i>после смерти отца он стал дожем и утвержден народом.</i></p> <p><...> resse la città di Veniexia con gram tyrannia; et molti zenthilomini et popolari se reduseno <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 115).</p> <p><...> <i>он правил городом Венецией с жестокой тиранией; и многие знатные и популяры удалились <...>.</i></p> <p><...> el doxe li mando con volunta dil populo tre ambadori <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 136).</p> <p><...> <i>дож посылал им по воле народа трех послов <...>.</i></p> <p>El Dose voleva fosseno fatti popullari; si farà il primo Prega<di> (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1 / ed. A. C. Arico. Venezia, 1999. P. 150).</p>	<p>определенного момента представляли в сфере политики только лучшие люди, стали инструментом легитимации правления аристократии и якобы наиболее достойных выходцев из широких социальных масс. Кроме того, Карольдо подчеркивал важность отсутствия изменений и божественного покровительства, которое являлось главной опорой гармонии в социуме, нежели воля народа. Именно укрепление стабильности, благословлённой высшими силами, должно было помочь Венеции в ее формировании. Схожие мысли можно увидеть и в труде Санудо, где идея народного правления подменяется концепцией участия популяров, то есть якобы достойнейших. Можно заключить, что если модель общественного развития Макиавелли усложняется, то к определенному моменту у венецианцев она приобретает совершенную форму, которая является воплощением народного гения,</p>
--	--	---	---	--

	<p><i>подняты волнения, из-за которых весь народ взял оружие против немецкого имени.</i></p> <p><..> i quali molto più che i Ghibellini potevano, si per essere questi odiati dal popolo per i loro superbi portamenti quando al tempo di Federigo governarono, sì per essere la parte della Chiesa più che quella dell'imperadore amata <...> (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 72).</p> <p><...> <i>которые могли сделать гораздо больше, чем гибеллины, потому что их ненавидел народ за их горделивое поведение, когда они правили во времена Фридриха, так и потому что сторона церкви была более любима, чем сторона императора <...>.</i></p> <p><...> che a voler mantenere potente la parte ghibellina in Toscana era necessario disfare Firenze, sola atta, per avere il popolo Guelfo, a far ripigliare le forze alle parti della Chiesa (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 73).</p>	<p><...> <i>согласившись отчасти удовлетворить ярость народа, его отправили в изгнание.</i></p> <p><...> <i>tolerar gl'arroganti et insolenti modi di Pietro Candiano Duce, il quale trattava li popoli tirannicamente <...> (Caroldo G. G. Istorie veneçiene. Vol. 1. P. 72).</i></p> <p><...> <i>переносить высокомерные и наглые манеры дожа Пьетро Кандиано, который тиранически обращался с народом <...>.</i></p> <p><...> <i>et dal popolo gli fù prestato il solito giuramento di fedeltà et da tutti confermato Duce (Caroldo G. G. Istorie veneçiene. Vol. 1. P. 73).</i></p> <p><...> <i>и народ принес ему обычную присягу на верность, и все утвердили его в должности дожа.</i></p> <p><...> [duce] fece convocare il Popolo et narrò tutto questo successo e trattamento fatto all'Imperatore (Caroldo G. G. Istorie veneçiene. Vol. 1. P. 86).</p>	<p><i>Дожд хотел избрать популяров, сначала были избраны испрошенные.</i></p> <p><...> <i>il qual se parti poi la notte con altro Soracomitto popular <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 189).</i></p> <p><...> <i>который удалился позже ночью с другим популярским капитаном [сопракомитом] <...>.</i></p> <p><...> <i>questi nostri magnifici Retorri Francesco Barbaro e Christoffollo Donado non voleva che 'l populo ussise fuera alla scaramuza con i nemisi <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 216).</i></p> <p><...> <i>эти наши славные ректоры Франческо Барбаро и Кристофолло Донадо не хотели, чтобы народ выходил наружу на битву с врагом <...>.</i></p> <p><...> <i>grande moltitudine di questo popullo scomenzò a usir fuera e asaltar il campo con tanta virillità che feseno grande danno contra i nimisi <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 216).</i></p>	<p>поддержанного высшими силами.</p>
--	--	--	---	--------------------------------------

	<p><...> что для сохранения силы гибеллинской стороны в Тоскане было необходимо разбраться с Флоренцией, которая единственная имела возможность поддерживать сторонников [народ] гвельфов, способную вновь восстановить силы церковных групп.</p> <p>E parendogli aver perduto lo stato, si ristinse con i capi dei Ghibellini, e deliberarono torre per forza al popolo quello che per poca prudenza gli avevano conceduto (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 75).</p> <p>И так как он подумал, что потеряв свое влияние, то он сблизился с лидерами гибеллинов, и они решили насильно отобрать у народа то, что они им даровали из-за малого благоразумия.</p> <p>Ordinarono ancora un altro consiglio di cento venti uomini cittadini popolani e nobili, per il quale si dava perfezione a tutte le cose negli altri consigli diliberate, e con quello distribuivano gli ufficj della repubblica (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 76)</p>	<p><...> [дож] созвал народ и поведдал обо всем случившемся и приеме, подготовленном для императора.</p> <p>Costui era della famiglia d'Otho Orsiolo et in favor suo havea quasi la metà del popolo, che l'eccitava ad usurpare il Ducato, mà tutti gli altri, che desideravano viver in libertà, havendo in odio la tirannide, gli furono contrarij et lo fecero fuggire a Ravenna <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiene. Vol. 1. P. 91).</p> <p>Этот человек принадлежал к роду Отто Орсеоло, и его поддерживала почти половина народа, призывавшая его узурпировать герцогство, но все остальные, желавшие жить в свободе и ненавидевшие тиранию, были против него и заставили его бежать в Равенну <...>.</p> <p><...> et contermini popoli, per tal causa, non gl'era molesto che Venetiani facessero acquisto nel Colfo Adriatico <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiene. Vol. 1. P. 92).</p>	<p><...> великое множество этого народа стало выходить наружу и итурмовать лагерь с таким мужеством, что нанесло большой урон врагу <...>.</p> <p><...> la nostra Serenissima Signoria averà piettà di questo suo fidelissimo popullo et defenderala <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 220).</p> <p><...> наша Светлейшая Синьория сострадает этому вернейшему из своих народов и защитит его <...>.</p> <p><...> et haveva posudo assunar assai populli senza numero <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 280).</p> <p><...> и смог нанять множество народа без числа <...>.</p> <p><...> la Signoria nostra avé la città di Ravena di volontà d'i cittadini et popullo <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 343).</p>	
--	--	--	---	--

	<p>Они также приказали провести еще один совет из ста двадцати человек, из пополанов и знатных, на котором довели до совершенства все то, что было сделано на других советах, и распределили должности в республике.</p> <p>Talché in breve tempo si ritornò Firenze nei medesimi disordini, ed il popolo riceveva dai grandi le medesime ingiurie; perchè i giudicj erano lenti, e le sentenze mancavano delle esecuzioni loro (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 79).</p> <p>Так что через короткое время во Флоренции снова начались те же волнения, и народ получал те же оскорбления от грандов; потому что судьи были медлительны, и приговоры не исполнялись.</p> <p>Per queste leggi, le quali chiamarono gli ordinamenti della giustizia, acquistò il popolo assai riputazione, e Giano della Bella assai odio, perchè era in malissimo concetto dei potenti, come di loro potenza distruttore; e i</p>	<p><...> и для приграничных народов данное обстоятельство не являлось неудобством, что венецианцы сделали приобретение в Адриатическом заливе <...>.</p> <p>Venetiani, mossi dal popolar rumore, che sempre suole dare imputatione al capo di qualunque disordine et adversa fortuna <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiene. Vol. 1. P. 97).</p> <p>Венецианцы, движимые слухами в народе, что всегда дает основание обвинить лидера в любом беспорядке и неблагоприятной судьбе <...>.</p> <p><...> impresa, che mai nel mondo sia stata fatta da alcun Capitano o Popolo, perche questi si mossero principalmente per il zelo della Christiana Fede <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiene. Vol. 1. P. 101).</p> <p><...> подвиг, который никогда не совершал ни один лидер или народ в мире, ибо они были движимы главным</p>	<p><...> Наша синьория владеет городом Равенной по воле горожан и народа <...>.</p> <p><...> lui scorse la terra gridando: «Viva el popullo et la libertade» (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 378).</p> <p><...> он бежал по земле с криками: «Да здравствует народ и свобода».</p> <p><...> si messeno in ordine il popullo di Bologna et le giente d'arme <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 382).</p> <p><...> народ Болоньи и солдаты были приведены в порядок <...>.</p> <p><...> la qual cossa tanto spaventò l'anemo d'i populli <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 481).</p> <p><...> данная вещь так напугала души людей [народа] <...>.</p>	
--	---	--	--	--

	<p>popolani ricchi gli avevano invidia, perchè pareva loro che la sua autorità fusse troppa <...> (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 80).</p> <p><i>Из-за этих законов, которые они называли законами справедливости, народ приобрел значительную репутацию, и Джано дела Белла - большую ненависть, потому что он был очень плохого мнения о сильных мира сего, как ниспровергатель их влияния; и богатые попланы его ненавидели, потому что им казалось, что его полномочия были слишком велики <...>.</i></p> <p>La quale assoluzione tanto al popolo dispiacque, che prese le armi, e corse a casa di Giano della Bella a pregarlo che dovesse essere operatore che si osservassero quelle leggi, delle quali egli era stato inventore (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 80).</p> <p><i>Народу так не понравилось это оправдание, что [народ] взял в руки оружие и побежали к дому Джано дела Белла, чтобы просить</i></p>	<p><i>образом рвением христианской веры <...>.</i></p> <p><...> includendo sotto questo nome tutti gl'Occidentali Popoli, per le gravi ingiurie che hanno ricevute da Greci <...> (Caroldo G. G. Istorie veneziene. Vol. 1. P. 130)</p> <p><...> включая под этим именем все западные народы, из-за тяжких оскорблений, которые они получали от греков <...>.</p> <p><...> intervendovi li popolari che dimoravano nella Città di Rialto et però, spesse fiате risorgevano molte contentioni <...> (Caroldo G. G. Istorie veneziene. Vol. 1. P. 148).</p> <p><...> вмешивались популяры, жившие в городе Риальто, и, однако, неоднократно возникало множество споров <...>.</p> <p><...> furono eletti li XL Elettori delli nobili et più antichi popolani [sic! = popolari?] di Venetia (Caroldo G. G. Istorie veneziene. Vol. 1. P. 208).</p>		
--	---	---	--	--

	<p><i>его об исполнении законов, которые им были созданы.</i></p> <p>Ma volle prima guadagnarsi il popolo, e per questo rinnovò le antiche compagnie del popolo; il quale ordine accrebbe assai la potenza di quello, e quella de' grandi abbassò (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 89).</p> <p><i>Но прежде всего он хотел получить расположение народа и по этой причине возобновил древние народные собрания; такое постановление значительно увеличило власть народа и уменьшило влияние грандов.</i></p> <p>Erano gli amici del re, contrarj a Landò e suoi seguaci, famiglie nobili e popolani grandi <...> (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 95)</p> <p><i>Это были друзья короля, противники Ландо и его сторонников, представители знатных семей и влиятельных пополанов <...>.</i></p>	<p><...> Были избраны XL выборщиков знатных и старейших пополанов [популяр] Венеции [для выборов дожа].</p> <p>Nel principio, i Duci venivano eletti per acclamatione del popolo; questo modo d'elettione parve pericoloso, per il tumulto et contentione che conveniva seguire; però, fu statuito che XI elegessero il Duce; et poi, XL (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 2. P. 9).</p> <p><i>Вначале дожи должны были избираться с помощью народной аккламации; такой способ избрания казался опасным из-за беспорядков и споров, которые непременно за ними следовали; поэтому было установлено, что XI избирают дожа; а затем, XL.</i></p> <p><...> furono mandati in Candia alcuni nobili, popolari di Venetia, per prevaler et sottometer li Greci di quell'Isola <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 2. P. 11).</p> <p><...> были направлены в Кандию некоторые знатные и популяры из Венеции, чтобы</p>		
--	--	---	--	--

		<p><i>одолеть и подчинить себе греков этого острова <...>.</i></p> <p>Dal popolo Romano furono creati gl'Imperatori, li quali hora non si vede per qual ragione si fanno chiamar Signori dell'universo, salvo per legge di loro Romani, che conquistorono le provincie et possederono tyrannicamente; et il popolo Romano non puote dar maggior ragione all Imperatore di quello ch'egli haveva. Romulo et Remo fratelli et Re, li quali edificorono Roma, furono espulsi dal popolo Romano; dopò, furono gl' altri Re costituiti, pur dal Popolo Romano; il che facendo, provocò l'ira d'Iddio contro se; et, per molte ragioni, il Dominio suo non è stato giusto, ne lecito, ne haveva ancora il dominio dell'universo; e tutti gl'Imperatori, li quali hanno havuta successione dal Popolo Romano, sono stati parimenti heredi de vicij et errori suoi, sino a Carlo Magno <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiene. Vol. 2. P. 101–102).</p> <p><i>Из римского народа произошли императоры, которых ныне неизвестно по</i></p>		
--	--	---	--	--

		<p>какой причине принято называть владыками вселенной, кроме как по закону римлян, которые завоевали провинции и владели ими тиранически; и римский народ не мог дать императору большую компетенцию, чем он имел. Ромул и Рем, братья и цари, построившие Рим, были изгнаны римским народом; после этого были поставлены другие цари, также римским народом. Совершенное, вызвало гнев Божий против него самого [императора]; и по многим причинам его владычество не было ни справедливым, ни законным, ни по-прежнему владычествовало над вселенной; и все императоры, которые имели преемство от римского народа, также были наследниками их грехов и ошибок, вплоть до Карла Великого <...>.</p> <p><...> piaccia a Dio che sin'a qualche tempo, mancando i buoni popolari di questa Città, non manchino parimente quelle forze che sono state cagione dell'augumento et grandezza della patria nostra <...></p>		
--	--	---	--	--

		<p>(Caroldo G. G. Istorii venețiene. Vol. 2. P. 114).</p> <p><i><...> да будет угодно Богу, чтобы еще некоторое время, пока не хватает хороших популяров в этом городе, не оскудевали подобно те силы, которые были причиной роста и величия нашей родины <...>.</i></p> <p><i><...> non essendo cosa che offenda tanto gl'huomini quanto il variar di quelli; et alla Republica, sopra ogn'altra cosa, le novità sono perniciose; che s'elegga uno che ami il suo popolo et non li dia cagione di portar odio alla Nobiltà, essendo cosa naturale a gl'huomini di veder con mal occhio quelli che sono loro rettori et principi, tanto piu' se da loro gli viene fatta ingiuria, la quale non si ponno mai scordare (Caroldo G. G. Istorii venețiene. Vol. 2. P. 115).</i></p> <p><i><...> поскольку не являются новшества тем, что сильно оскорбляет людей, но изменение порядков; и для Республики, прежде всего, новшества являются пагубными, что если будет</i></p>		
--	--	---	--	--

		<p><i>избран тот, кто любит свой народ и не дает ему повода ненавидеть знать, поскольку людям свойственно смотреть на тех, кто является их правителями и князьями, недобрым взглядом, тем более, если они подвергаются оскорблениям с их стороны, которые они никогда не могут забыть.</i></p> <p>Da queste popolaresche sollevationi et homicidij, ogni giorno piu' gl'animi delli Cittadini s'incrudelivano et divenivano sitibondi di sanguinose vendetta (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 2. P. 144).</p> <p><i>От этих народных восстаний и убийств с каждым днем души горожан все больше и больше ожесточались и все больше томилась жаждой кровавой мести.</i></p>		
--	--	---	--	--

Приложение № 5. Понятие plebe у историков начала XVI в.

Понятие	«История Флоренции» Н. Макиавелли	История Джан Джакомо Карольдо	«Жизнь дожей» Марино Санудо	Комментарий
<p>Plebe (popolo minuto)- плебс, чернь, народ (Большой итальянско-русский словарь / ред. Г. Ф. Зорько и др. М., 2002. С. 658).</p>	<p><...> solo ai grandi ed alla plebe sodisfacevano; questa perchè sua natura è rallegrarsi del male, quelli altri per vedersi vendicare di tante ingiurie dai popolani ricevute (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine / ed. G. Niccolini. Firenze, 1851. P. 108).</p> <p><i><...> только гранды и плебеи были довольны; первые, потому что их природа - радоваться злу, вторые - чтобы увидеть себя отомщенными за столько оскорблений, нанесенных от пополанов.</i></p> <p>La plebe, in la quale voi confidate, per ogni accidente benchè minimo si rivolge, in modo che in poco tempo voi potete temere di avere tutta questa città nimica ; il che fia cagione della rovina sua e vostra (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 109).</p>	<p><...> et per questa cagione li Tribuni, cittadini et plebei, con il Patriarcha, Vescovi e tutto il Clero, convennero insieme in Heraclea <...> (Caroldo G. G. Istorie venețiene. Vol. 1 // Ediție îngrijită de Șerban V. Marin. București, 2008. P. 46).</p> <p><i><...> и по этой причине трибуны, граждане и плебеи, с патриархом, епископами и всем духовенством, собрались в Гераклее <...>.</i></p> <p>Li Cittadini, vedendo non esser chiamati nelli consigli et che di loro non veniva fatta quella stima che havrebbero voluto, fecero congiura d'amazzarlo; mà, scopertagli per uno della plebe il trattato, fece subito prender gl'auttori et quelli appender nelli luoghi publici, per terror de gl'altri, acciò s'astenessero di machinar contra Christiani</p>	<p><...> dove si trovo Christoforo patriarcha di Grado con il clero, tribuni e proceri et plebei, et tra Ihoro deliberarono non far piu tribuni <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. Nuova edizione. T. XXII. Part. IV / ed. G. Monticolo. Città di Castello, 1911. P. 4).</p> <p><i><...> где Христофор, патриарх Градо, находился с духовенством, трибунами, прокураторами и плебеями, и между ними было решено больше не выбирать трибунов <...>.</i></p> <p><...> et redutosi in uno li tribuni, proceri et plebei cum il patriarcha qual era a Grado et altri clerici in dita cita di Heraclia <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 99).</p>	<p>Макиавелли, обращаясь к понятию «плебс», стремился с помощью него определить и охарактеризовать низшие социальные слои Флоренции. Заслуживает особого внимания отношение флорентийского историка к ним, что он не рассматривал данное сословие в качестве главного источника бедствий и неприятностей для остальных категорий населения. Наоборот, Макиавелли хотел подчеркнуть проблемы и трудности, с которыми сталкивались представители плебса, вступая в отношения с другими общественными группами. Данное понятие позволяет лучше проанализировать социально-политическую стратегию Макиавелли, который хотел создать</p>

	<p><i>Плебс, на который вы уповаете, при любом происшествии хотя бы и незначительном восстает, так что в скором времени вы можете опасаться, что против вас будет весь город, что станет причиной его и вашей гибели.</i></p> <p>Perciò si volse a beneficiare la plebe, pensando con i favori di quella e con l' armi forestiere poter la tirannide conservare. Venuto pertanto il mese di maggio, nel qual tempo i popoli sogliono festeggiare, fece fare alla plebe e popolo minuto più compagnie, alle quali onorate di splendidi titoli dette insegne e denari (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 112).</p> <p><i>Поэтому он желал облагодетельствовать плебеев, думая с помощью их расположения и чужеземного оружия суметь сохранить тиранию. Поэтому, когда наступил месяц май, в который народ привык отмечать праздник, он</i></p>	<p>(Caroldo G. G. Istorie veneçiene. Vol. 1. P. 117).</p> <p><i>Горожане, видя, что их не созывают в советы, и что к ним не обращаются с тем уважением, которого они бы желали, составили заговор, чтобы убить его. Но один из плебеев открыл ему этот заговор, он немедленно приказал схватить его зачинателей и повесить их в общественных местах, для устрашения остальных, чтобы они воздержались от затей против христиан.</i></p> <p><...> Veneti plebei tolsero della capella di Santa Maria adherente a Santa Sophia il corpo di San Simeon prophetta et lo condussero a Venetia <...> (Caroldo G. G. Istorie veneçiene. Vol. 1. P. 176).</p> <p><i><...> Венецианские плебеи вынесли тело святого Симеона Пророка из часовни Санта-Мария, примыкающей к Святой Софии, и увезли его в Венецию <...>.</i></p>	<p><...> и приведены к одному трибуны, прокураторы и плебеи с патриархом, который был в Градо, и другими клириками в городе Гераклее <...>.</p>	<p>модель идеальной системы. В рамках данной модели отношений будут раскрываться лучшие черты представителей всех слоев населения. Автор, переосмысливая стереотипы ничтожества черни, продемонстрировал потенциал влияния данного слоя на общество.</p> <p>Карольдо и Санудо куда реже используют понятие «плебс». Можно предположить, что венецианцы рассматривали в качестве синонимов понятия «народ» и «плебс». Невнимание авторов к социальному разделению, вероятно, подчеркивает локальные особенности восприятия социального устройства Венеции, где существовало в представлениях жителей три главных сословия: нобилитет, потомственные граждане и остальной народ. Если два первых слоя должны были править, то остальные должны были подчиняться их политическим решениям. Политическая элита</p>
--	---	--	---	--

	<p><i>собрал несколько компаний из плебеев и черни, которых одарил великолепными титулами, знаками отличия и деньгами.</i></p> <p>La maggior parte delle arsioni e ruberie seguite ne'prossimi giorni erano state dall'infima plebe della città fatte; e quelli che intra loro si erano mostri più audaci temevano, quietate e composte le maggiori differenze , di esser puniti de' falli commessi da loro ; e, come egli accadde sempre, di essere abbandonati da coloro, che al far male gli avevano istigati: a che si aggiugneva un odio che il popolo minuto aveva con i cittadini ricchi e principi dell'arti, non parendo loro essere sodisfatti delle loro fatiche, secondochè giustamente credevano meritare (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 145).</p> <p><i>Большая часть краж и грабежей, происходивших в течение следующих нескольких дней, была совершена ничтожнейшим городским плебсом; и те, кто среди них старался выставить себя наиболее</i></p>	<p>All'hora, fù sparsa fama nel popolo ch'era stato proposto et consigliato di radoppiar la macina, per il che la plebe, concitada da se stessa, venne a Palazzo; il Duce volendo sedar il tumulto, gli furono tirate delle pietre et poi, con quel furore, s'andò alle case d'alcuni nobili <...> (Caroldo G. G. Istorie veneziene. Vol. 2. P. 50).</p> <p><i>После этого в народе распространился слух, что было предложено и решено удвоить налог на жернова, и поэтому плебс, возбужденный сам собой, пришел во дворец; дож хотел усмирить волнения, [плебеи] бросали в него камни, и затем с этой же яростью отправились в дома некоторых знатных <...>.</i></p>		<p>должна была направлять необузданную стихию масс, оберегая совершенное общественное устройство.</p>
--	--	---	--	---

	<p><i>отважным, опасались, что, когда утихнут и уладятся острейшие разногласия, они понесут наказание за свои преступления. И, как с ними происходило всегда, они будут оставлены теми, кто подстрекал их к злодеяниям. К этому добавлялась ненависть, которую чернь питала к богатым горожанам и начальникам цехов, не считая, что те [элита] удовлетворены их [черни] трудами, как они, по их мнению, справедливо заслуживали.</i></p> <p>Ma perchè nell'ordinare i corpi dell'arti molti di quelli esercizj, tra i quali il popolo minuto e la plebe infima si affatica, senza aver corpi di arti proprie restavano, ma a varie arti conformi alle qualità delli loro esercizj si sottomessero, ne nasceva che quando erano o non sodisfatti delle fatiche loro, o in alcun modo dai loro maestri oppressati, non avevano altrove dove rifuggire che al magistrato di quell'arte che gli governava, dal quale non</p>			
--	--	--	--	--

	<p>pareva loro fusse fatta quella giustizia, che giudicavano si convenisse <...> (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 145-146).</p> <p><i>Но так как при организации цехов многие из этого ремесла [чесальщиков шерсти], среди которых чернь и ничтожный плебс, были замучены, оставаясь без своих собственных цехов, но были подчинены различным цехам в зависимости от их занятия. Было так, что, когда они [чесальщики] не были удовлетворены условиями труда, или каким-либо образом притеснялись своими руководителями, им [чесальщикам] некуда было более бежать, кроме начальника цеха, который управлял ими, от которого им [чесальщикам] казалось, что не будет совершаться правосудие, которое они [чесальщики] считали соответствующим <...>.</i></p>			
--	---	--	--	--

Приложение № 6. Понятие chiesa у историков начала XVI в.

Понятие	«История Флоренции» Н. Макиавелли	История Джан Джакомо Карольдо	«Жизнь дожей» Марино Санудо	Комментарий
<p>Chiesa – церковь (Большой итальянско-русский словарь / ред. Г. Ф. Зорько и др. М., 2002. С. 166).</p>	<p>E se pure la Cristiana Religione fusse stata unita, ne sarebbero seguiti minori disordini; ma combattendo la Chiesa Greca, la Romana e la Ravennate insieme, e di più le sette eretiche con le cattoliche, in molti modi contristavano il mondo (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine / ed. G. Niccolini. Firenze, 1851. P. 23).</p> <p><i>И даже если бы христианская религия была едина, не было бы меньше беспорядков. Но борьба между греческой, римской и равеннской церквями, и тем более еретических сект с католическими, во многом сокрушала мир.</i></p> <p><...> perchè rimasa Roma senza principe, i Romani avevano cagione per loro rifugio di prestare più obbedienza al papa: nondimeno la loro autorità per questo non crebbe molto; solo ottenne di essere la Chiesa di Roma preposta a quella di</p>	<p><...> fece voto al Signor Iddio d'edificar una Chiesa <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1 // Ediție îngrijită de Șerban V. Marin. București, 2008. P. 43)</p> <p><i><...> дал обет Богу построить церковь <...>.</i></p> <p><...> nella detta Chiesa fù celebrato il Concilio di XX Vescovi, nel quale fù statuito ch'essendo transferita, per decreto Pontificio, la sede Aquilegiense a Grado, la Chiesa di Grado fosse metropoli di tutta Venetia et Istria, come per vecchissime et auttentiche scritte appar (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 44).</p> <p><i><...> в вышеупомянутой церкви состоялся собор XX епископов, на котором было постановлено, что, поскольку престол Аквилеи был перенесен в Градо папским указом, Градская церковь должна быть митрополией всей Венеции и</i></p>	<p>A Grado fu hedifichà la chiesa di Santa Fumia <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. Nuova edizione. T. XXII. Part. IV / ed. G. Monticolo. Città di Castello, 1911. P. 6–7).</p> <p><i>В Градо была построена церковь святого Фумия <...>.</i></p> <p><...> il papa termino che la chiesa patriarchal di Grado fusse metropoli e capo di altre cita di la provintia di Venetia <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 132).</p> <p><i><...> папа постановил, что патриаршая церковь Градо должна быть митрополией и главой других городов в провинции Венеция <...>.</i></p> <p><...> ditto corpo fo translatao a Torzello e in ditta chiesa posto dove al presente si trova (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 140).</p>	<p>Можно отметить, что Макиавелли, употребляя понятие «церковь», абстрагировался от коннотаций, которые отражали его сакральное содержание. Флорентийский историк стремился рассматривать данный термин как одну из частей общественных реалий, отделяя религиозные идеи от политического контекста. Сами папы и церковь представляются как социальные акторы, действующие в тех же самых условиях, что и мирские правители. То есть представления о синкретизме сфер общественной жизни трансформируются и развиваются. Макиавелли демонстрировал, что одновременно существуют и политический и моральный (религиозный) аспекты социальных изменений, которые являются самостоятельными областями общежития.</p>

	<p>Ravenna (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 28).</p> <p><...> поскольку Рим остался без государя, у римлян появилась причина для своей защиты выказывать большее послушание папе: однако их [пап] власть от этого не сильно возросла; только [папа] добился того, что римская церковь поставлена во главе над равеннской.</p> <p><...> cominciò l'imperadore nella elezione ad aver bisogno del papa, e veniva l'imperio a perdere i gradi suoi, e la Chiesa ad acquistarli, e per questi mezzi sempre sopra i principi temporali cresceva la sua autorità (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 31).</p> <p><...> император при избрании стал нуждаться в папе, и империя стала терять свои возможности, а церковь - приобретать их, и благодаря этому его [папская] власть всегда возрастала над мирскими князьями.</p>	<p><i>Истрии, согласно очень старым и достоверным писаниям.</i></p> <p><...> transferi gli corpi di Santi Illario, Tatiano et Quirino martiri nella Chiesa di Santa Eufemia et nella Chiesa di San Giovanni Evangelista <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 44).</p> <p><...> перенес тела святых Иллария, Татиана и Квирина мучеников в церковь святой Евфимии и церковь святого Иоанна Богослова <...>.</p> <p><...> il quale conservò la Chiesa sua nel culto Divino, immacolata da gli errori et heresie, adherendosi alla Romana Chiesa (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 47).</p> <p><...> он сохранил свою церковь в Божественном поклонении, непорочную от заблуждений и ересей, придерживаясь Римской церкви.</p> <p><...> mitigato l'odio de Venetiani, ritornò alla Chiesa sua Gradense, per la cui opera fù parimente restituito Christoforo alla Chiesa sua</p>	<p><...> упомянутое тело было доставлено в Торчелло и помещено в церковь, где оно и находится в настоящее время.</p> <p><...> et intrato el ditto sacerdote dentro la chiesa udi una voce: "tolle hoc corpus sanctum et deffer tecum" <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 145).</p> <p><...> и когда упомянутый священник вошел в церковь, он услышал голос: «Возьми это святое тело и принеси его с собой».</p> <p><...> il qual fino al presente si chiama il borgo di san Marco, dove una chiesa di san Marco, protector nostro (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 267).</p> <p><...> который и по сей день называется поселением Сан-Марко, где церковь Сан-Марко, защитника нашего.</p> <p><...> el papa lo ringratiò molto di quello fato per ben di la sancta Chiesa <...></p>	<p>У Венецианских историков данное разделение так очевидно, как у Макиавелли, не артикулировалось. Хотя историки пишут о конфликтах Синьории с церковью, тем не менее, они постоянно возвращаются к религиозной тематике, стремясь подчеркнуть, что Венеция была наихристианнейшей республикой. Если Макиавелли открывал новые направления в восприятии социальных отношений, то Карольдо и Санудо оставались в значительно большей степени верны, устоявшимся представлениям о неразрывной связи политики и общества.</p>
--	--	--	--	--

	<p><...> i parrocchiani delle chiese di Roma, per essere più propinqui al papa, e trovarsi alla elezione di quello, per ornare la loro potestà con uno splendido titolo, si cominciarono a chiamare cardinali; e si arrogarono tanta riputazione, massime poi ch'egli esclusero il popolo romano dall'eleggere il pontefice <...> (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 31).</p> <p><...> прихожане римских церквей, чтобы быть приближенными к папе, присутствовать при его избрании и украсить свою власть великолепным титулом, стали называть себя кардиналами; и они присвоили себе такую репутацию, особенно после того, когда отстранили римский народ от избрания папы <...>.</p> <p>Costui venne a Roma; e perché egli era scisma nella Chiesa di tre papi, gli disfece tutti, e fece eleggere Clemente II, dal quale fu incoronato imperadore (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 34).</p>	<p>Olivolense (Caroldo G. G. Istorie veneziene. Vol. 1. P. 52).</p> <p><...> ненависть венецианцев смягчилась, и он вернулся в свою церковь в Градо, с помощью его трудов Христофор был также возвращен в свою церковь в Оливоло.</p> <p>Nel secondo anno del suo Ducato, d'Alessandria fu condotto a Venetia dalli mercanti Venetiani, con molta sagacità et industria, il Corpo del beatissimo Marco Evangelista. Diede ordine alla fabrica della Chiesa di San Marco per honorevolmente riponer il glorioso corpo del Santo, il quale nel tempo suo era stato condotto a Venetia (Caroldo G. G. Istorie veneziene. Vol. 1. P. 56).</p> <p>На второй год его правления из Александрии было доставлено в Венецию купцами с большой прозорливостью и ловкостью тело блаженнейшего Марка Евангелиста. Он приказал построить церковь Святого Марка, чтобы с честью</p>	<p>(Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 290).</p> <p><...> папа очень благодарил его за то, что было сделано на благо святой церкви <...>.</p> <p><...> et in tre chiese el papa canto messa pontifical: a San Marco, a San Pietro di Castelo e a San Daniel <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi // Rerum Italicarum scriptores. P. 294).</p> <p><...> и в трех церквях понтифик отслужил папскую мессу: в соборе святого Марка, Сан Пьетро ди Кастелло и святого Даниила <...>.</p> <p><...> Nicolò Picenin haver hautto Bologna per trattato e Forlli, sì che si giudicha le cosse del Papa andarano mal, perdendo così le terre della Chiesa <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1 / ed. A. C. Arico. Venezia, 1999. P. 174).</p> <p>Николо Пиченин обладал Болоньей и Форли по договору, поэтому можно судить, что дела папы шли плохо, так как он, таким</p>	
--	--	--	---	--

	<p><i>Он приехал в Рим; и поскольку в церкви был раскол трех пап, он низложил их, и повлиял на избрание Климента II, которым он был коронован императором.</i></p> <p>Costui venne a Roma fingendo di tenere amicizia col papa: di poi il papa e tutto il clero messe in prigione, nè mai lo liberò, se prima non gli fu concesso di poter disporre delle chiese <...> (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 38).</p> <p><i>Он приехал в Рим, притворяясь, что дружит с папой: затем отправил папу и все духовенство в тюрьму и не выпускал его, пока ему не было позволено распоряжаться церквями <...>.</i></p> <p><...> come erano stati Federigo Barbarossa e gli altri suoi maggiori, soldò assai Saracini, e per obbligarsegli e per fare un ostacolo in Italia fermo contro la Chiesa, che non temesse le papali maledizioni, donò loro Nocera nel regno, acciocché avendo un proprio rifugio, potessero</p>	<p><i>разместить в ней прославленное тело святого, привезенное в Венецию в его время.</i></p> <p><...> Ottone Imperatore concesse Privilegio d'amministrare giustizia et altre immunità, com'ha la Santa Madre Chiesa; che gli fusse lecito d'haver superiorità et potestà di giudicare et astringere li vassali, coloni, forastieri, servi et altri abitanti nelle terre sue, et anco concesse immunità alle Chiese Venete nell'Italico Regno (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 70).</p> <p><...> Император Оттон даровал привилегию вершить правосудие и другие иммунитеты, какими обладает Святая Мать Церковь, что ему было позволено иметь первенство и власть судить и подавлять вассалов, колонов, иноземцев, рабов и других, живущих в его землях, а также представлен иммунитет венецианским церквям в Итальянском королевстве.</p>	<p><i>образом, потерял земли церкви <...>.</i></p> <p><...> fratello de l'Imperator di Costantinopoli, che vien di Ferrara, statto al Conzilio per la union della Chiesa, qual non è compido (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 195).</p> <p><...> брат константинопольского императора, прибывший из Феррары, присутствовал на соборе по объединению церквей, который не был окончен.</p> <p><...> a Fiorenza si doveva far una bella procesion il Papa, per la union fatta della Chiesa (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 248).</p> <p><...> во Флоренции папа должен был совершить крестный ход по случаю заключения церковной унии.</p> <p><...> in Basilea, <...>, per quelli del Concilio fo eletto un altro Papa, che fo il Ducha Amadio di Savogia, chiamatto Felice, non obstante Eugenio 4 fosse Papa, e suso fo sisma in la Chiesa di Dio <...></p>	
--	---	---	---	--

	<p>con maggior securtà servirlo (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 42-43).</p> <p><...> как Фридрих Барбаросса и его другие предки, он нанял многих сарацин, а чтобы обязать их и создать в Италии прочную преграду против церкви, которая не боялась папских проклятий. Он дал им Ночеру в королевстве, чтобы, имея собственное убежище, они могли служить ему с большей безопасностью.</p> <p><...> ma per tutta Italia aveva renduta la riputazione alla Chiesa: ricuperò Bologna che dall'arcivescovo di Milano era stata occupata; costrinse i Romani ad accettare un senatore forestiero <...> (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 55).</p> <p><...> но во всей Италии он восстановил репутацию Церкви: он вернул Болонью, которую занял архиепископ Милана; он заставил римлян принять иностранного сенатора <...>.</p>	<p><...> Io conosco certamente che tu sarai eletto Duce, et prospererai, sforzati di conservare le ragioni della Chiesa, et amministrar giustitia ugualmente (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 75).</p> <p>Я знаю, что тебя, безусловно, изберут дожем, и будешь процветать, стремиться к сохранению церковных устоев и справедливому отправлению правосудия.</p> <p><...> Noi volemo che la detta Chiesa, pertinente al Dominio della Chiesa di San Marco, la qual'è nostra Capella et libera dalla servitù della Santa Madre Chiesa, perseveri nell'istessa libertà <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 78).</p> <p><...> Мы желаем, чтобы упомянутая церковь, относящаяся к владениям церкви Сан-Марко, которая является нашей часовней и свободна от службы Святой Матери-Церкви, пребывала в той же свободе <...>.</p>	<p>(Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 277).</p> <p><...> в Базеле <...> [участниками] собора был избран другой папа, которым стал герцог Амадей Савойский, именуемый Феликсом, несмотря на то, что Евгений IV был папой, и после был раскол в церкви Божьей <...>.</p> <p>Si apresentò alla Signoria un Christoffollo Bonifacio, venutto per nome di Papa Eugenio, digando che tutto il mondo e Principi dano obediencia perché si reformeria la Chiesa di Dio contra la sisma (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 288).</p> <p>Некий Кристофолло Бонифаций, пришедший от имени папы Евгения, представился Синьории, объявив, что весь мир и князья изъявили покорность, чтобы спасти церковь Божию от раскола.</p> <p>Semo ben contenti come boni fioll<i> <di>Santa Chiesa di dargelle a ciò che tanta bona et</p>	
--	---	---	---	--

	<p>E con queste condizioni ritornato, per far più ricca la Chiesa, ordinò che ciascuno nelle vacanze de'beneficj pagasse un'annata alla Camera (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 57).</p> <p><i>И на этих условиях он вернулся, чтобы сделать церковь богаче, он распорядился, чтобы с каждого свободного бенефиция уплачивалась годовая пошлина в палату [казну].</i></p> <p>E per conforto dei cardinali, per far prova se la Chiesa si poteva riunire, Benedetto antipapa venne a Porto Venere, e Gregorio a Lucca, dove praticarono cose assai e non ne conclusero alcuna: dimodoché i cardinali dell' uno e dell' altro papa gli abbandonarono, e de'papi, Benedetto se n'andò in Spagna, e Gregorio a Rimini (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 58).</p> <p><i>И для успокоения кардиналов, чтобы проверить, может ли Церковь воссоединиться,</i></p>	<p><...> et nella Chiesa maggiore cantata solenne Messa, fù prestato il giuramento di fedeltà a lui et successori Duci di Venetia (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 82).</p> <p><i><...> и в главной церкви была отслужена торжественная месса, принесена присяга на верность ему и его преемникам, дожам Венеции.</i></p> <p><...> fù congregato nella Chiesa di San Marco un Concilio delli prelati et di tutto il Clero Veneto, <...>, secondo li sacri Canonì, furono fatte molte notabili constitutioni per la regulatione del Clero et Veneti Monasterij (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 92).</p> <p><i><...> в церкви Святого Марка был созван собор прелатов и всего венецианского духовенства, <...> согласно священным канонам, было принято множество примечательных постановлений по управлению клиром и</i></p>	<p>perfetta opera avesse essecucion per ben della Cristianità (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 369).</p> <p><i>Мы очень рады, как добрые сыны святой Церкви, даровать ей для того, чтобы столь доброе и великое дело было совершено на благо христианства.</i></p> <p><...> per dover determinar el luogo per far il concillio per reformar la Chiesa de Idio, per rimuover la sisma ch'è tra Papa Eugenio quarto et Papa Felice, onde per il Conseio d'i Pregadi li fo risposto che al tempo debito e ordenado se li manderia li nostri oratori per la ditta cason per far cossa gratta a sua Maestà (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 381).</p> <p><i><...> для того, чтобы определить место проведения собора для реформы церкви Божией, чтобы устранить раскол между папой Евгением IV и папой Феликсом, на что Совет испрошенных [Венецианский сенат] дал им ответ, что в положенное и надлежащее</i></p>	
--	--	--	---	--

	<p><i>Бенедикт, антипапа, прибыл в Порто-Венере, и Григорий - в Лукку, где они многое обсуждали и ни к чему не пришли: так что кардиналы обоих пап оставили их, Бенедикт отправился в Испанию, а Григорий в Римини.</i></p> <p><i><...> e perchè i pontefici temevano sempre colui, la cui potenza era diventata grande in Italia, ancora che la fusse con i favori della Chiesa cresciuta; e perchè ei cercavano di abbassarla, ne nascevano gli spessi tumulti <...> (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 77).</i></p> <p><i><...> и потому что понтифики всегда боялись того, чья власть стала великой в Италии, хотя бы и при благосклонности выросшей Церкви; и поэтому они пытались уменьшить данное влияние, из-за чего возникли частые смуты <...>.</i></p> <p><i><...> tanto quelli cittadini stimavano allora più la patria che l'anima; e dimostrarono alla Chiesa, che come prima</i></p>	<p><i>венецианскими монастырями.</i></p> <p><i><...> essendo pur rimasta qualche parte dell'antico odio frà l'Occidental et Constantinopolitano Imperio. Et, oltre l'altre cause, vi era la dissidentia frà la Romana et Greca Chiesa, che, benche Venetiani adherir convenissero all'Imperio Orientale, per il necessario commercio alla loro Città, nondimeno non volsero mai consentire all'heresie della Greca Chiesa, anzi furono sempre constantissimi di seguire la Romana, nè da quella punto deviare <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 92).</i></p> <p><i><...> хотя некоторая часть древней ненависти между Западной и Константинопольской империей осталась. Кроме того, помимо других причин, существовало противоречие между Римской и Греческой церквями. Хотя венецианцы и согласились присоединиться к Восточной империи ради необходимой торговли своего города, тем не менее,</i></p>	<p><i>время к ним должны быть посланы наши ораторы для указанного дела, чтобы сделать то, что угодно его святейшеству.</i></p> <p><i><...> in chiesa di San Piero escomunichò <...> il Conte Francesco Sforza e Bolognesi e tutti quelli che li dà et darà favor e susidio e tutti li altri qualli tieneno le terre et beni della Chiesa, la qual cossa molto dispiaque alla Signoria et a tutta questa Terra (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 414).</i></p> <p><i><...> в церкви Сан-Пьетро [папа] отлучил <...> графа Франческо Сфорца, болонцев и всех тех, кто оказывает и будет оказывать им благосклонность и поддержку, и всех остальных, кто владеет землями и имуществом церкви, что вызвало сильное недовольство Синьории и всей этой области.</i></p> <p><i><...> et così fo fatto per tutte le nostre terre pregando Idio che 'l sia eletto in la bona hora per ben della Christianità et nostro,</i></p>	
--	--	--	--	--

	<p>suoi amici l'avevano difesa, così suoi nimici la potevano affliggere (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 137).</p> <p><...> <i>так сильно эти граждане тогда почитали свою страну больше, чем свою душу; и они показали Церкви, что как прежде друзья защищали Церковь, так и враги Церкви могли ее опустошить.</i></p> <p>Fatta pertanto la pace intra il duca di Milano e la Lega l'anno 1433, i soldati, volendo stare in su la guerra, si volsero contro alla Chiesa (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 224).</p> <p><i>Поэтому, заключив в 1433 году мир между герцогом Миланским и Лигой, солдаты, желая не прекращать войну, обратились против церкви.</i></p> <p>Questo pontefice pensando solamente a beneficiare i Cristiani e a onorar la Chiesa, lasciando indietro ogni sua privata passione, per i prieghi del duca di Milano coronò del regno Ferrando, giudicando</p>	<p><i>никогда не хотели соглашаться с ересями Греческой церкви, напротив, они всегда были очень постоянны в следовании Римской церкви, ни на йоту не отклоняясь от нее <...>.</i></p> <p><...> <i>Henrico Imperatore, mosso da divotione, venne a Venetia et visitò la Chiesa di San Marco, con grande riverenza (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 99).</i></p> <p><...> <i>Генрих император, движимый благочестием, приехал в Венецию и с величайшим почтением посетил церковь Сан-Марко.</i></p> <p><...> <i>togliendoli l'Imperio d'Oriente, et a Greci il Dominio; castigo conveniente alla superbia et perfidia loro, dopo tante controversie che hebbero con la Romana Chiesa, con la quale non volsero mai haver parità, mà esser sempre superiori; la qual cosa, apresso l'altre, ha portato quell'augumento alla Setta Mahumetana che hora si vede <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 122).</i></p>	<p>anchora di santa madre Chiesa (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 573).</p> <p><...> <i>и так я делаю для всех наших земель, молясь Богу, чтобы он был избран в хорошее время на благо христианства и нашего, а также Святой Матери Церкви.</i></p> <p><...> <i>magnificando Veniciani come obedienti fioli di Santa Madre Chiesa e caluniando il Ducha di Milan di quello che ha fatto contra ditto Pontefice <...> (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 606).</i></p> <p><...> <i>прославляя венецианцев как послушных сыновей Святой Матери Церкви, и порицал Миланского герцога за то, что он сделал против понтифика <...>.</i></p> <p><...> <i>che li ditti Greci doveseno observar le sue cerimonie come i feva, et li Latini facesseno le sue, ma che de qui avanti ditti Greci foseno sotoposti alla Chiessa romana (Sanudo M. Le vite dei dogi. T. 1. P. 646).</i></p>	
--	---	---	--	--

	<p>poter più tosto mantenendo chi possedeva posare l'arme italiane, che se avesse o favorito i Franzesi perchè eglino occupassero quel regno, o disegnato, come Callisto, di prenderlo per sè (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 325).</p> <p><i>Этот понтифик, думая только о пользе христиан и чести Церкви и оставив все свои личные пристрастия, по просьбам миланского герцога короновал Ферранте, решив, что ему легче поддерживать того, кто владеет итальянским оружием, чем если бы он либо благоволил французам занять королевство [Неаполитанское], либо, подобно Каллисту, задумал захватить его сам.</i></p> <p>Dove si vide cosa in quel tempo nella nostra città ancora non veduta, che sendo il tempo quadragesimale, nel quale la Chiesa comanda che senza mangiar carne si digiuni, quella sua corte, senza rispetto della Chiesa o di Dio, tutta di carne si cibava (Machiavelli</p>	<p><i><...> лишив их Восточной империи, и греков - господства; наказание, соответствующее их гордости и вероломству, после стольких споров с Римской церковью, с которой они никогда не хотели быть на равных, но всегда хотели быть выше; которое, помимо прочего, привело к тому увеличению Магометанской секты, которое мы видим сейчас <...>.</i></p> <p>All' hora, s'abbruscìo la Chiesa di San Hermacora con le case propinque et, per miracolo Divino, la mano di San Giovanni Battista fu preservata (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 128).</p> <p><i>В это время сгорела церковь святого Гермагора с ближайшими домами, и Божественным чудом сохранилась десница святого Иоанна Крестителя.</i></p> <p>La consecratione di questa Chiesa fù fatta da Papa Alessandro III (Caroldo G. G.</p>	<p><i><...> что упомянутые греки должны соблюдать свои обряды, как делали, и латиняне — свои, но что с этого момента указанные греки подчинялись Римской церкви.</i></p>	
--	--	--	--	--

	<p>N. Le istorie Fiorentine. P. 367).</p> <p><i>В то время в нашем городе происходило то, чего еще не видели, поскольку это было время Великого поста, в который церковь повелевает поститься, не вкушая мяса, его двор, не уважая ни церкви, ни Бога, съел всю мясную пищу.</i></p> <p>Ed esaminato tutto, approvarono l'amicizia del re, come più stabile e più sicura; perchè la brevità della vita de'papi, la variazione della successione, il poco timore che la Chiesa ha de' principi, i pochi rispetti ch'ella ha nel prendere i partiti, fa che un principe secolare non può in un pontefice interamente confidare, nè può sicuramente accomunare la fortuna sua con quello. (Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. P. 403).</p> <p><i>И, изучив все, они одобрили дружбу короля как более стабильную и надежную; ведь краткость жизни пап, изменчивость престолонаследия, пренебрежение, которое</i></p>	<p>Istorii veneziene. Vol. 1. P. 128).</p> <p><i>Освящение этой церкви совершил Папа Александр III.</i></p> <p>All' hora il Duce, convocata nella Chiesa di San Marco la concione, fece una Christiana essortatione, a voler esser tutti pronti ad espor le facultà et persone loro per questa Santa impresa, che ne riceverebbono dal Signor Iddio con [sic! = così?]/degno premio et apresso tutto il mondo eterna gloria, con notabilissimo beneficio che di ciò seguirebbe alla Republica Veneta (Caroldo G. G. Istorii veneziene. Vol. 1. P. 129).</p> <p><i>Затем дож, созвав совещание в церкви Святого Марка, обратился с христианским увещанием, желая, чтобы все они были готовы проявить способности и личные дарования для этого святого дела, за которое они получили бы от Господа Бога достойную награду и вечную славу перед всем миром, с самой заметной</i></p>		
--	---	---	--	--

	<p><i>церковь испытывает к принцам, малое уважение, которое она питает к партиям, означает, что светский государь не может полностью довериться понтифику, не может с уверенностью соединить с ним свою судьбу.</i></p>	<p><i>пользой, которая последовала бы для Венецианской республики.</i></p> <p><i><...> il Duce fece metter ad ordine l'armata sua et, ricevuto lo stendardo nella Chiesa di San Marco dal Patriarcha di Grado <...> (Caroldo G. G. Istorie venețiene. Vol. 1. P. 134).</i></p> <p><i><...> дож привел свой флот в порядок, получив знамя в церкви Сан-Марко от патриарха Градо <...>.</i></p> <p><i>Dopò, detta Maesta' fece molti segni d'amore verso il Duce Ziani, offerendosi di rimettere all'arbitrio suo tutte le differenze ch'egli haveva con papa Alessandro et sopra l'unione della Chiesa (Caroldo G. G. Istorie venețiene. Vol. 1. P. 152).</i></p> <p><i>После этого Фридрих Барбаросса оказал много знаков признания дожу Дзиани, предложив по его суждению разрешить все разногласия, которые у него были с папой Александром и по поводу унии с церковью.</i></p>		
--	---	--	--	--

		<p><...> promise d'operare che la Chiesa Constantinopolitana si sottometterebbe et unirebbe con la Romana (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 152).</p> <p><i><...> он обещал, что Константинопольская церковь подчинится и объединится с Римской церковью.</i></p> <p>Che eiegger si dovesse sei per li prencipi Francesi et sei per il Duce; li quali XII dovessero per sacramento eiegger uno dell'essercito, che fusse piu' atto a regger la Città et Imperio, a honore del Signor Iddio, della Santa Romana Chiesa et beneficio della Christiana Republica <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 171).</p> <p><i>Чтобы шесть были избраны от французских князей и шесть от дожа; эти двенадцать [выборщиков] должны тайно избрать одного из войска, который был бы наиболее подходящим для управления городом и империей, к чести Господа Бога, Святой</i></p>		
--	--	---	--	--

		<p><i>Римской Церкви и пользе Христианской Республики.</i></p> <p><...> li beneficij fatti da Venetiani alla Romana Chiesa et li danni patiti per la fede et la loro divotione verso Sua Santità, massimamente a tempo d Alessandro suo precessore et dell'Imperator Federico (Caroldo G. G. Istorie venetiene. Vol. 1. P. 182).</p> <p><i><...> о благах, сделанных венецианцами Римской Церкви, и о вреде, вынесенном за веру и преданность Его Святейшеству, особенно во времена Александра, его предшественника, и императора Фридриха.</i></p> <p><...> la qual Città era uno delli principali fondamenti che havesse all'hora la Beatitudine Sua a favor di Santa Chiesa (Caroldo G. G. Istorie venetiene. Vol. 1. P. 201).</p> <p><i><...> город [Венеция], который был одной из главных опор для его святейшества тогда во имя святой церкви.</i></p>		
--	--	---	--	--

		<p><...> essendo accresciuti gl'odij tra la parte della Chiesa et Imperiale, si faceva per tutta la Marcha travagliosa Guerra <...> (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 1. P. 224).</p> <p><i><...> ненависть между церковью и императорской стороной усилилась, вся Марка была терзаема войной <...>.</i></p> <p><...> altrimenti essi nuncij Pontificij sarebbero sforzati a proceder contra il Duce et Dominio Veneto come contra perturbatori del pacifico stato della Chiesa Romana (Caroldo G. G. Istorie venetiane. Vol. 2. P. 99).</p> <p><i><...> в противном случае папские нунции были бы вынуждены действовать против дожа и венецианского владычества как против нарушителей мирного состояния римской церкви.</i></p> <p><...> la qual Città è soggetta alla Chiesa et noi lo potemo attestar più arditamente de gl'altri, havendo poste le forze di questo Stato per l'acquisto</p>		
--	--	---	--	--

		<p>di quella Città, che hora facciamo altrimente et vogliamola per forza d'arme, essendo la Chiesa con gl'adherenti suoi più potente di noi (Caroldo G. G. Istorie veneziene. Vol. 2. P. 103).</p> <p><i><...> этот город подчиняется церкви, и мы можем подтвердить это смелее, чем другие, направив силы данного государства на приобретение этого города, что мы сейчас делаем иначе и хотим добиться с помощью силы оружия, хотя церковь более сильна со своими приверженцами, чем мы.</i></p>		
--	--	--	--	--